

Дмитрий Ермолович

СЛОВЕСНАЯ МЕХАНИКА

*Избранное
о переводе, языке
и культуре речи*

ВАЛЕНТ

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ

СЛОВЕСНАЯ МЕХАНИКА

*Избранное о переводе,
языке и культуре речи*

Москва
Р. Валент
2013

Редактор-составитель Н. Л. Мельникова

Ермолович Д. И.

Словесная механика. Избранное о языке, переводе и культуре речи. / Вступ. статья П.Р. Палажченко. – М.: Р.Валент, 2013. – 400 с. – (Серия: Библиотека лингвиста).

ISBN 978-5-93439-430-2

В книге представлены статьи и другие работы доктора филологических наук Дмитрия Ивановича Ермоловича на темы теории и практики перевода, ономастики, лексикографии, культуры русской речи. Они охватывают широкий диапазон жанров – от научных исследований до практических рекомендаций, от острых рецензий до шутливых заметок.

В состав сборника включены как новые труды, так и (в обновлённой редакции) публикации, впервые появившиеся в журналах или на персональном сайте автора, в том числе под псевдонимом.

Книга предназначена для лингвистов, переводчиков, а также студентов, аспирантов, преподавателей филологических вузов и всех интересующихся иностранными языками, переводом, словарным делом, языковой культурой.

© Ермолович Д.И., 2013

© Палажченко П.Р., 2013 (вступ. статья)

© Изд. «Р. Валент», 2013

В оформлении обложки использована фоторабота Вэна Садерланда
(Cover background photo © by Van Sutherland, 2010; used under CCPL terms)

Воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения данного произведения (полностью или частично) любым способом, в том числе путем перевода в электронные файлы и открытия доступа к таким файлам через телекоммуникационные сети и каналы связи, без договора с правообладателем запрещается и преследуется в соответствии с законодательством РФ.

К читателю этой книги

В своём интервью Дмитрий Ермолович рассказывает, что в юные годы перебирал разные варианты учёбы и мог бы угодить в химики или математики. Думаю, что нашей переводческой профессии очень повезло, что этого не произошло. Сегодня Д.И. Ермолович – один из тех, кто определяет лицо профессии. Но, будучи переводчиком-практиком, он одновременно – выдающийся теоретик перевода, лингвист, преподаватель, лексикограф. Это сочетание – при высочайшем уровне достижений в каждой из этих областей – представляется мне уникальным.

В книгу «Словесная механика» вошла часть работ автора за последние годы: статьи по теории и практике передачи имён собственных, лексикографии, теории перевода и методике его преподавания, критика. Необычны для сборников такого рода разделы «Из жизни переводчиков», «Перевод в кинозеркале». Ни одна из статей не является «проходной», каждая – результат напряжённых размышлений, основанных на фундаментальном знании.

Как теоретик перевода Д.И. Ермолович продолжает традиции своих учителей Я.И. Рецкера и В.Н. Комиссарова. Позволю себе утверждать, что именно благодаря ему научная школа, основанная ими, сохранилась и получила развитие в годы, когда вместо серьезных исследований в самых разных сферах знания на нас обрушился поток скороспелых, а то и просто шарлатанских «работ» (кстати, в этом сборнике есть статьи, в которых автор полемизирует с подобными построениями, равно как и с многочисленными мифами, неверными и искажёнными представлениями, которые окружают переводческое дело). Собственный вклад Дмитрия Ермоловича в разработку таких аспектов переводоведения, как эквивалентность, переводимость, проблема «лакун» (посвящённая ей статья, на мой взгляд, представляет собой прорыв в трактовке этой проблемы) и другие, позволяет поставить его имя в ряд выдающихся теоретиков перевода. Теоретическому осмыслению подвергает автор не всегда попадающий в сферу внимания серьёзных переводоведов устный перевод, дополняя теоретические положения анализом практики и конкретными советами. Коллеги оценят результат такого подхода, прочитав, например, статью «Детская болезнь „размазни“ в последовательном переводе».

Старый спор идёт о том, должна ли теория перевода быть прескриптивной. Я бы сформулировал вопрос иначе: должна ли теория быть интересной и нужной переводчику? Именно стремление принести максимальную пользу переводчику-практику объединяет все статьи, включённые в этот сборник. В этом Дмитрий Ермолович также продолжает традицию нашего общего учителя Якова Иосифовича Рецкера, который любил говорить, что отдаёт предпочтение теории, полезной в практической работе.

Не секрет, что многие наши коллеги относятся к теории перевода с немалым пренебрежением. Думаю, что знакомство с работами Д. Ермоловича помогло бы многим из них изменить своё мнение. Вообще профессионал высокого класса отличается тем, что он может «защитить» свой перевод (перед редактором, коллегой или собственным «внутренним голосом»), объяснить, почему он принял то или иное решение. А это часто невозможно без предложенных теорией рекомендаций, без обобщённого представления о переводческом процессе, о неизбежных компромиссах, с которыми он связан, и о «системе приоритетов», которыми руководствуется переводчик при их разрешении.

Ещё одна особенность этого сборника: в нём множество интересных, свежих и поучительных примеров. Читатель не встретит здесь надоевших цитат, кочующих из одной работы в другую. Круг примеров очень широк, их источники – не только художественная литература и публицистика, но и кино, в том числе новейшее, телесериалы, Интернет, тексты специального и технического характера. Анализируя и критикуя переводы студентов и профессионалов, Ермолович не придирается к очевидно случайным ошибкам (да и что можно сказать по их поводу, кроме банального «Надо быть внимательней!»), а выделяет те изъяны перевода, которые связаны с неверным пониманием текста, неумением выбрать уровень высказывания, на котором может быть достигнута эквивалентность, пренебрежением к стилистической, экспрессивной или функциональной стороне оригинала, плохим знанием реалий, недостатком общей культуры. Таких поучительных примеров много, например, в статье «Хоть довинчивай», которую я советовал бы не просто прочитать (уверен – с удовольствием!), но и проштудировать всем, кто хочет научиться переводу и выработать у себя профессиональное, ответственное отношение к делу.

Во внушительном списке словарей, составленных Д.И. Ермоловичем или под его руководством, особое место занимает «Новый большой русско-английский словарь», значение которого для практической работы переводчиков переоценить невозможно. Вместе с Т.М. Красавиной Дмитрий Иванович взял на себя гигантский труд по созданию современного, достаточно полного русско-английского словаря взамен безнадёжно устаревшего словаря А.И. Смирницкого. Серьёзному переводчику не обойтись и без составленных им словарей персоналий и «Англо-русского и русско-английского словаря религиозной и возвышенной лексики». Нельзя не восхищаться его кропотливой, буквально детективной работой по выяснению малоизвестных фактов биографии выдающегося лексикографа В.К. Мюллера и защите его доброго имени от шарлатанов, выпускающих халтурные поделки под названием «Словарь Мюллера». В этом сборнике читатель найдёт статьи, рассказывающие о работе лексикографа и о том, как использовать словари в работе переводчика.

Особенно плодотворной и новаторской была работа Д. Ермоловича в области имён собственных и их межъязыковой передачи. Работа эта остро необходима, так как вольница, наступившая после «зарегулированного» советского периода, привела к чудовищному хаосу, усугублённому резко возросшим объёмом межъязыковых контактов. Проблема объективно очень сложна, в ономастике много не до конца ясных теоретических вопросов, без решения которых трудно выработать рекомендации для практиков – чиновников, переводчиков, журналистов и всех, кого это касается. Поэтому принципиальное теоретическое и практическое значение имеет статья «О пользе транслитерации». В ней намечаются пути решения проблемы и, главное, предлагается стройная и непротиворечивая система транслитерации русских имён собственных латиницей. Потребность в такой системе не вызывает сомнений: достаточно посмотреть на то, как по-разному транскрибируются наши имена (даже не очень сложные) в разных европейских языках. Очень жаль, что российские государственные органы не проявляют интереса к этой теме, а наоборот, своим «творчеством» усугубляют проблему.

Статьи Д.И. Ермоловича написаны ясным и понятным языком, лишены наукообразности. Нередко сложность тематики требует использования специальных терминов и непростых синтаксических конструкций. Но автор не злоупотребляет ими, придерживаясь принципа изложения материала от простого к более сложному. И всё-таки освоение этого материала требует определённой подготовки и вдумчивости. В порядке компенсации за свои усилия читатель получит несколько статей, где главное оружие автора – юмор и сарказм (кстати, чувство юмора, не всегда присущее филологам, проявляется и в «серьёзных» работах Ермоловича). Автор пускает в ход это оружие, что называется, по делу – только когда речь идёт о вопиющей безграмотности, глупости, непорядочности. Заодно – хотя это не является темой отдельной статьи – проясняются и некоторые проблемы переводческой этики.

Очень хотелось бы, чтобы книга Д.И. Ермоловича нашла своего читателя. Сейчас у нас преподают перевод в самых разных учебных заведениях, из-за чего порой страдает уровень преподавания и качество обучения. Но, с другой стороны, этот факт отражает спрос на нашу работу, который сохраняется, несмотря на многочисленные прогнозы о грядущей невостребованности профессии переводчика. Такие предсказания приходилось слышать и двадцать, и тридцать лет назад, и никогда они не сбывались. Другое дело – востребованным всё больше будет хороший профессиональный перевод, а не безграмотная халтура. У тех, кто это понимает, есть возможность многому научиться, читая эту книгу.

Павел Палажченко

ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛУ

Интервью Д.И. Ермоловича журналу «Мосты»

1. Считаете ли вы закономерным, что стали переводчиком?

– Да, какая-то закономерность наверняка есть, потому что в этой профессии я нашёл себя. Правда, не сразу. Мои родители хотели, чтобы я стал художником, и с первого же класса я посещал художественную школу. Впрочем, у меня было много интересов: я с одинаковым увлечением и рисовал, и изучал со словарём английские книжки, и читал, как художественную литературу, учебники по дифференциальному исчислению.

По окончании школы я не знал, в какой вуз поступать, и перебирал варианты из художественных, гуманитарных и технических вузов. «Гирькой» на чаше весов стало то, что в инъязе училась моя сестра Валя. К тому же тогда там было отделение математической лингвистики, учёба на котором показалась мне неплохой возможностью совместить мою любовь к языку и к математике, несмотря на то что туда был гораздо более высокий конкурс среди поступающих, чем на переводческий факультет. Вот я и отнёс туда документы, при этом хладнокровно рассуждая, что если я не пройду в инъяз, то подам бумаги в находившийся недалеко от дома химико-технологический институт, где экзамены проводились позже и куда мальчиков брали безоговорочно, лишь бы они знали, что дважды два четыре, а не пять.

Но химиком стать не довелось, потому что на матлингвистику я всё-таки поступил. Уже со второго курса института у меня началась переводческая работа – студентов нередко привлекали к сопровождению иностранных, в основном молодёжных, делегаций. И всё-таки осознание того, что перевод – это моя профессия, пришло только на третьем курсе, когда у нас начались занятия по практике и теории перевода. К тому же я почувствовал, что с изучением всё более абстрактных разделов Её Величество Математика стала отвечать на мою любовь к ней всё меньшей взаимностью. Проще говоря, стала даваться труднее, хотя я и продолжал получать пятёрки. Тогда я и перешёл с матлингвистики на основное отделение переводческого факультета инъяза.

Все свои детские увлечения я считаю кардинально важными для моего становления как переводчика. Немного найдётся профессий, которые требуют такой, как наша, широты знаний. И подавляющая часть этих знаний закладывается в детстве. Я постоянно читал и детские, и взрослые книги и просил родителей выписывать мне всё новые

журналы – «Наука и жизнь», «Знание – сила», «Техника – молодёжи», «Вокруг света» – и родители, спасибо им, мне в этом не отказывали. Без книг и журналов, «проглоченных» в детстве, я не стал бы приличным переводчиком. Сегодня я понимаю как никогда отчётливо, насколько был важен этот детский багаж для моего становления.

2. Кто были вашими учителями в профессии?

– С учителями мне исключительно повезло. Я горжусь, что учился у признанных корифеев: Леонида Степановича Бархударова, Александра Давыдовича Швейцера, Юрия Анатольевича Денисенко и в первую очередь Якова Иосифовича Рецкера и Вилена Наумовича Комиссарова. Последние двое стали для меня и старшими друзьями, с которыми я поддерживал связь до конца их жизни.

Благодаря Якову Иосифовичу Рецкеру я полюбил профессию переводчика и увлёкся наукой о переводе. Он преподавал в нашей группе письменный перевод с английского на русский, а на потоке читал лекции по теории перевода. Но одних этих уроков было мне мало. Мне повезло: на другом потоке Швейцер читал теорию перевода не одновременно с Рецкером, а на следующей «паре». И я, прослушав лекцию Рецкера, бежал на другой поток слушать Швейцера.

Читали они свои курсы совершенно по-разному: каждый на основе собственной книги. Кроме того, если Рецкер читал по-русски и было интересно прежде всего следить за оригинальным ходом его мысли, то Швейцер говорил на великолепном американском английском, воспринимавшемся словно музыка. Его лекцией можно было наслаждаться, даже не вникая особо в смысл.

Я.И. Рецкер был потрясающе эрудированным и при этом совершенно не заносчивым, а открытым и доброжелательным человеком. Это был старый русский интеллигент, о каких я читал в романах девятнадцатого века, но каких в современной мне действительности не встречал. Он стал приглашать меня в гости к себе домой, я подружился с членами его семьи, а также другими его учениками, друзьями и коллегами. За обильно накрытым столом всегда шёл интереснейший разговор о переводах и словарях, о литературе и искусстве. Яков Иосифович любил предаваться воспоминаниям, чаще всего о событиях дореволюционного и довоенного прошлого. Эти вечера тоже были воспитанием отношения к жизни, к профессии, к людям и к книгам.

Ну, а Вилен Наумович Комиссаров стал сначала рецензентом моей дипломной работы, потом руководителем моей кандидатской диссертации. Он-то и определил мой научный интерес к переводоведческой

ономастике. Докторскую диссертацию по этой же теме я писал без официального консультанта, но Вилен Наумович был рядом, помогая мне и советом, и делом, как никто другой. В общении с ним я ощущал столь же мощную ауру доброты и человеческой порядочности, как и у Якова Иосифовича, хотя внешне он вёл себя гораздо сдержаннее.

Впрочем, и он иногда раскрывался как восхитительно раскрепощённый человек с блестящим чувством юмора. Однажды мы с ним сидели рядышком на нудной защите чьей-то диссертации, и Вилен Наумович не очень тихим полущёпотом читал мне свои шуточные переводы на английский язык солёных русских частушек. Это было так здорово и остроумно, что я едва сдерживался, чтобы не захохотать в голос.

У меня были и другие прекрасные учителя. Многому я учился и учусь у коллег. А главным наставником в синхронном переводе стала для меня сестра – Валентина Ивановна Ермолович. Она брала меня с собой на синхроны, где работала сама, давая возможность и послушать, и попробовать свои силы самому. Можно сказать, приобщила меня к кабине. Сейчас она мой предпочтительный напарник по синхрону, мы часто работаем бригадой.

3. Что вам дала профессия переводчика?

– Во-первых, кусок хлеба. Наша профессия – одна из самых рыночно ориентированных. Даже в глухую социалистическую эпоху, когда о рынке нельзя было и заикаться, работа синхронных (и в какой-то степени письменных) переводчиков подчинялась вполне рыночным отношениям. В 80-е–90-е годы двадцатого века, когда были потрясены самые основы общественного устройства страны и многие люди потеряли работу и были вынуждены приспособливаться и переучиваться, наша профессия позволила более или менее благополучно пережить переходный период и остаться «на плаву». Если я сейчас имею возможность писать статьи, книги и словари (а эта трудоёмкая деятельность не приносит практически никакого дохода), то только благодаря тому, что перевод обеспечивает меня хлебом насущным. Хотя подчеркну, что и работа переводчика никому не сулит золотые горы, и каждый рубль, доллар или евро, который за неё платят, зарабатывается напряжённым трудом, большими затратами нервов и здоровья.

Зато наша профессия прекрасно тренирует мозг. Это её второе преимущество. Она сопряжена, можно сказать, с интеллектуальным бодибилдингом – или, выражаясь точнее, с «брейнбилдингом». Так же как спортсмен может держать себя в форме, лишь постоянно тренируя мышцы, переводчик поддерживает свою квалификацию, регулярно

подвергая мозг интеллектуальной нагрузке. Иначе у атлета дрябнут мускулы, а у переводчика – скудеет ум, снижается качество работы.

Третье преимущество нашей профессии вытекает из второго. Это общение с уникальными, талантливыми людьми. В компании коллег редко бывает скучно. Собратья по профессии восхищают меня своей разносторонностью: многие из них не только остроумны, начитаны и эрудированы, но пишут стихи, сочиняют и поют песни, играют на музыкальных инструментах. С ними можно обсуждать любую тему из области истории, философии, искусства – и это всегда интересно, а то и обещает настоящие откровения. Разговор с переводчиком бывает не менее поучительным, чем просмотр познавательной передачи по каналу «Дискавери». Я уже не говорю о том, каким неисчерпаемым источником баек и историй является наша профессиональная среда.

4. Какие книги у вас всегда под рукой?

– У меня домашняя библиотека из трёх тысяч томов. И любая из этих книг может пригодиться, когда делаешь перевод или пишешь книгу, словарь, статью. Так что «под рукой» у меня ничего не лежит – все книги стоят на своих местах.

А если меня спросят, что я читаю, то в последние годы мне более всего интересна мемуарная, биографическая и художественно-документальная литература. Наверное, потому, что из неё вырисовываются реальные личности, а не рождённые фантазией автора. Но художественную литературу я тоже иногда беру в руки, хотя бы для того, чтобы познакомиться с произведениями, которые «на слуху». Сильное впечатление произвели на меня повесть Патрика Зюскинда «Парфюмер», рассказ Владимира Сорокина «Чёрная лошадь с белым глазом». А вот книжки о Гарри Поттере пытался почитать, но скучно стало. Наверное, они только для детей.

Иногда в интервью спрашивают: а если бы вас сослали на необитаемый остров и разрешили взять только одну книгу, какую бы вы взяли? Пожалуй, Библию. Чтобы прочитать её более внимательно и полно, потому что знаю эту книгу только в отрывках и сюжетах. Но я не стесняюсь заявить о том, что Библия – книга очень разношёрстная. Есть в ней пассажи, не очень интересные ни с художественной, ни с философской точки зрения. А есть места, гениальные по глубине мысли и красоте поэтического слога. Ну вот, например, эти любимые мною изречения из книги пророка Исаии: «Голос говорит: возвещай! И сказал: что мне возвещать? Всякая плоть – трава, и вся красота её – как цвет полевой»; «Кто исчерпал воды горстию своею, и пядью

измерил небеса, и вместил в меру прах земли, и взвесил на весах горы и на чашах весовых холмы?»).

5. Какие словари у вас всегда под рукой?

– В моей библиотеке несколько сотен словарей. Первым из них назову The Random House Unabridged Dictionary. Это очень полный и, на мой взгляд, наиболее толково составленный словарь английского языка. Правда, он у меня не в книжной версии, а в электронной. Этим словарём я пользуюсь каждый день, постоянно проверяя себя в правильности употребления английских слов и выражений или уточняя их значения. Среди англо-английских словарей я считаю полезными также почти все издания серии Longman. Если говорить о словарях русского языка, то часто обращаюсь к «Большому толковому словарю» под редакцией Б.С. Кузнецова (в издании 2000 года) – это была большая лексикографическая удача, чего не могу сказать, например, о современных изданиях «Словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, остающегося в устаревшей системе координат.

Назову и словари, которые я просто люблю, хотя и пользуюсь ими реже: «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Д.Н. Ушакова, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Русско-английский фразеологический словарь» С.И. Лубенской, «Латинско-русский словарь» И.Х. Дворецкого, «Греческо-русский словарь» А.Д. Вейсмана.

Ещё у меня, как у лексикографа, постоянно под рукой мои собственные словари, потому что я продолжаю над ними работать. Во-первых, «Новый Большой русско-английский словарь». Этим словарём, ставшим итогом десятилетнего труда, я в основном доволен, потому что в нём удалось заполнить многие пробелы в лексикографическом отражении русской лексики, которые уже стали вопиющими. Но, читая и переводя, я нахожу всё новый материал для этого словаря, уточнения и поправки к нему. Со временем они будут внесены в новое издание.

Кроме того, у меня под рукой мой «Англо-русский словарь персоналий». Только что закончил и подписал в печать его новое, значительно дополненное и обновлённое издание. Главное новшество – почти полторы тысячи графических иллюстраций.

6. Какой самый трудный случай в переводческой практике вы можете припомнить?

Наиболее трудные эпизоды были связаны у меня с последовательным переводом, когда возникала психологическая несовместимость с

«клиентом». Например, тяжёлым оказался для меня один семинар в Дании, во время которого я переводил последовательно для русских инженеров-компьютерщиков цикл лекций эксперта-англичанина.

Вроде не на что было жаловаться: англичанин был воспитанный, с поставленной речью, внятно излагал курс. Но была у него какая-то аура или, может быть, биополе, которое мистическим образом вышибало меня из колеи. Через пять минут после начала его лекции у меня начинали туманиться мозги, и я с огромным трудом удерживал нить мысли. Как в фантазмагии, смысл сказанного извращался у меня в голове. Например, он говорит: “These rows of pins...” («эти ряды контактов»), а я воспринимаю слово rows (‘ряды’) как rose (‘роза’) и мучительно пытаюсь сообразить, при чём тут какие-то розы.

Мне приходилось удваивать, утраивать напряжение своих умственных сил, чтобы пробиваться сквозь это марево и обеспечивать сносный перевод. Как только этого оратора сменял другой, муки непонимания исчезали. Очевидно, между мной и этим англичанином возникало неупомянутое, но явно неблагоприятное для меня психическое взаимодействие. Может, он был моим энергетическим вампиром?

Выход из этой ситуации нашёлся случайно. В зале семинара стояли ящики с безалкогольными напитками. Наугад взяв оттуда бутылочку и отпив её содержимого, я с удивлением обнаружил, что через минуту голова моя проясняется и никаких трудностей в переводе я не испытываю. Посмотрев на этикетку «волшебного эликсира», я увидел, что это так называемый энергетический напиток, предназначенный для восполнения сил спортсменами и посетителями дискотек.

Увы, действие нескольких глотков этого напитка продолжалось десять-пятнадцать минут, а потом голова затуманивалась снова, и «дозу» приходилось повторять. Так я и пропереводил весь курс лекций на этом допинге, что явно не пошло на пользу моему здоровью. Подобных случаев в моей практике было всего два, но из-за них я теперь очень редко соглашаюсь на последовательный перевод.

В кабине же синхрониста ничего подобного со мной не случилось – должно быть, вредное биополе не способно пробить её стенки. Правда, синхрон сам по себе связан с огромным стрессом, но в отличие от последовательного перевода в нём предусмотрены регулярные паузы для отдыха.

7. Случалось ли вам допускать досадные ошибки?

– Конечно, случалось и случается, как и у всех переводчиков, хотя не все любят об этом рассказывать. Но ошибка ошибке рознь. Одни

ошибки объясняются особенностями материала или речи оратора, общим стрессом, помехами, случайным смещением внимания; другие – безответственным, шапкозакидательским подходом, убогим знанием языка или даже халтурным отношением переводчика к своей работе. Смею думать, что ошибок второго рода в моей практике не было.

Кроме того, степень досады от допущенной ошибки зависит ещё и от её последствий. Некоторые ошибки остаются не замеченными никем, кроме самого переводчика, и это для него просто урок на будущее; другие удаётся вовремя заметить и исправить, что может быть даже предметом гордости переводчика; а третьи вдруг вызывают всеобщее замешательство или, того хуже, конфликт и способны подмочить репутацию переводчика или даже опозорить его. Тут уж кому как повезёт, но в моей практике, к счастью, не было крайних ситуаций (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!). Однако расскажу об одном своём ляпе, из которого с трудом удалось выпутаться.

В начале девяностых я сопровождал делегацию российских чиновников в США. Пришли мы в один ресторан пообедать; я оглашаю меню по-русски, переводя его на ходу. Заказали напитки и салаты, перешли к перечню вторых блюд. Среди них значился *sole*, то есть палтус или камбала, но из-за какого-то заскока в голове я решил, что это угорь. Так и перевёл название блюда. Все дружно захотели поесть угря, и я заказал официанту двенадцать порций “sole”. Официант ушёл на кухню передавать заказ повару, а мои подопечные занялись напитками и салатом.

Спустя минут пятнадцать в моей голове зашевелились сомнения, и я вдруг осознал свой промах и его причину. Дело в том, что в кэрролловской сказке об Алисе есть забавный каламбур: сочетание *eels and soles* получает там двойной смысл – с одной стороны, ‘каблуки и подмётки’, а с другой – ‘угри и палтусы’. Эта игра слов мне очень нравилась. Видимо, соседство угрей с палтусами отложилось у меня в подсознании и привело к тому, что я их перепутал (привет Фрейду!). Боже мой, думаю, ведь когда этих палтусов принесут, ни за что не удастся выдать их за угрей, и я стану объектом всеобщего гнева.

Что делать? На моё счастье, в эту минуту ко мне подошёл официант и поинтересовался, будем ли мы заказывать десерт. Этим я и воспользовался. Обращаясь к русским, говорю им: «Официант сообщает, что угорь, к сожалению, закончился. Вместо него вам могут предложить палтуса. Можно также заказать бифштекс». Как я и ожидал, все негодуя отказались от палтуса и предпочли бифштекс. Я обернулся

к официанту: «Мне очень жаль, но наша группа передумала насчёт палтуса и хочет вместо него бифштекс. А какой десерт заказывать, мы решим чуть позже». Бедный официант в буквальном смысле схватился за голову и бросился на кухню, чтобы остановить массовую порчу продуктов. Так за счёт американского ресторана, ценою двенадцати загубленных тушек палтуса, вероятно, уже выложенных поварами на скорородки, мне удалось выйти сухим из воды.

8. Каков был самый поучительный случай в вашей практике?

– Поучительных случаев было немало. Расскажу о двух. Первый относится к самому раннему периоду моего становления как переводчика. Я был ещё студентом, когда наш преподаватель перевода Юрий Анатольевич Денисенко пригласил меня поработать с ним вместе – сопровождать небольшую американскую делегацию. Делегация выезжала из Москвы в Казань; вместе с нею ехал ответственный советский чиновник.

Вечером после посадки в поезд этот чиновник пригласил главу делегации в своё купе для беседы. Позвали и нас с Юрием Анатольевичем как переводчиков. Точнее, переводил этому чиновнику Юрий Анатольевич, а я только слушал и учился. В ходе этой беседы советский представитель произнёс слово *pipетка*. Я внутренне съёжился, потому что не знал, как назвать пипетку по-английски и как бы я выкрутился, если бы переводить пришлось мне. Однако выяснилось, что и Юрию Анатольевичу это слово неизвестно.

Я, по своей тогдашней глупости, на секунду испытал разочарование в своём педагоге: как же так, опытный переводчик да ещё и преподаватель перевода, а не знает довольно частотного слова! Тем не менее Денисенко показал свой класс не в знании слов, а в том, как изящно он вышел из положения. Без тени смущения Юрий Анатольевич спросил американца: “What do you call that thing to make drops with?” («Как называется та штука, с помощью которой делают капли?»). Американец ответил: “Do you mean a pipette?”. Подходящее слово было найдено, и Денисенко ровным и уверенным тоном продолжал свой перевод. Мне же открылась важная истина: хороший переводчик определяется отнюдь не только количеством слов, которые он знает.

Другой случай – из недавнего прошлого. Я работал синхронно вместе с Валентиной на семинаре медиков, посвящённом протоколу клинических испытаний одного лекарственного средства. Выступающий рассказывал российским врачам, как следует документировать

испытания. Много говорилось о правилах цифрового фотографирования конечностей пациентов.

В какой-то момент лектор заявил о необходимости замерять “interdigital space”. Это выражение вызвало у меня замешательство. После разговоров о цифровых снимках (digital pictures) я воспринял interdigital space как термин того же лексико-семантического поля, и дословно получалось что-то вроде «межцифрового пространства». Абсурд какой-то! Не решаясь произнести эту нелепицу, я в растерянности посмотрел на Валю. Она мгновенно поняла ситуацию и стала щипать большим и указательным пальцами одной руки те места, в которых соединяются пальцы, на другой руке. Тогда меня осенило: ведь digit – не только ‘цифра’, но и ‘палец’. Таким образом, interdigital space – это *межпальцевое расстояние*.

В чём поучительность этого случая, я думаю, понятно. Он лишний раз продемонстрировал, как важны для синхронистов взаимопонимание и взаимопомощь, ибо даже опытный переводчик может оказаться в неожиданно трудной ситуации. И как здорово, когда ты на такую помощь можешь рассчитывать.

9. Ваши пожелания молодым?

– Я желаю не только молодым, но и всем переводчикам – в том числе себе самому – побольше такого качества, как смирение. Не впадать в самодовольство. Никогда не рассказывать другим переводчикам, как лихо вы перевели то или это. Как восторженно вас хвалили и благодарили заказчики. Как они бегают за вами, чтобы заполучить себе.

Если дела у вас идут успешно и в мозгу проносится мысль, что вы стали классным переводчиком, советую немедленно припомнить свою самую грубую ошибку (а они у вас были, были, признайтесь) и потом произнести про себя двадцать пять раз: «Мне стыдно за себя. Я ничего не знаю. Я самый неспособный переводчик на свете. С такими ошибками, как эта, впору бежать в брянские леса, спрятаться там в самой тёмной берлоге и не высовывать оттуда носа на свет Божий».

А потом подумайте, какой пробел в знаниях вам необходимо восполнить. Пусть хоть маленький пробел каждый день. Хотя бы выучите какое-то словечко. Ведь чем выше поднимаешься по ступенькам мастерства и успеха, тем шире раскрывается перед тобой горизонт твоего незнания. У того, кто этого горизонта не видит, на глазах повязка самолюбования и самообольщения. Падать будет больно!

Для иллюстрации этого тезиса расскажу ещё один поучительный случай. Я был молодым синхронистом, когда мне выпало работать

в паре с переводчиком намного более опытным. Он считал себя асом и вёл себя со мной покровительственно в духе «учись, пока я жив». Конгресс проходил в Ленинграде, и туда мы отправились из Москвы ночным поездом. Полночи мой напарник решил посвятить моему просвещению, заставляя изучать материалы конгресса. А конгресс был по животноводству – теме, в которой я был далеко не силен, поэтому подготовка действительно оказалась нужна.

Изучая термины животноводства, мы сделали вот какое открытие: английское слово *pregnant* (‘беременная’) переводится на русский по-разному в зависимости от животного, к которому применяется. О корове говорят *стельная*, о лошади – *жерёбая*, о свинье – *супоросая*, о собаке – *ценная*, об овце – *суягная*. Все эти термины мы извлекли из материалов конгресса, но в англо-русском биологическом словаре, который мой коллега вёз с собой, почему-то было приведено только одно из этих соответствий, а именно *суягная*. Нас это позабавило, и мы немного посмаковали этот курьёз.

А когда мы приехали в Питер, нас поставили на секцию коневодства. Доклады были сложными, и мы оба изрядно попотели. Мой коллега продолжал вести себя как ментор, что, впрочем, меня несколько не обижало. В конце концов, если я всего лишь незрелый ученик, то с меня и взятки гладки. А если ты выступаешь себя асом, то вроде как не имеешь права на ошибку. И вот в одном из докладов прозвучало: “*And that sign means that the mare is pregnant*”. В кабине в это время работал мой старший коллега. И из уст его вылетело: «Данный признак означает, что кобыла... суягная!» (опять привет Фрейду).

После секундной паузы, в течение которой все слушатели обернулись на переводчика, зал взорвался хохотом. Это и правда смешно: серьёзный учёный муж заявляет, что кобыла может родить ягнёнка. Делегаты чуть не валились в проходы. Их смех услышали даже в соседних залах, и из коридора в нашу аудиторию начали заглядывать любопытные лица. А с моим ментором произошла разительная перемена. Маска строгого учителя сменилась у него выражением детской растерянности. Когда заседание закончилось, коллега обратился ко мне: «Дима, прошу тебя, не говори никому из ребят, что я такое ляпнул».

Я не обмолвился об этой истории никому из переводчиков, работавших на других секциях конгресса. И стал рассказывать о ней лишь много лет спустя, не называя имён. Хочу завершить свой рассказ напоминанием: в таком положении может оказаться каждый из нас. Поэтому будьте снисходительны к коллегам.

О ПОЛЬЗЕ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ

Бытует представление, что транслитерация иностранных имён и названий – это что-то устаревшее и неправильное. Всем памятен пример с ломоносовской транслитерацией имени великого английского физика – *Невтон*, впоследствии заменённую на транскрипционную передачу *Ньютон*.

Задача этой статьи – реабилитировать транслитерацию в сфере передачи имён собственных и изложить принципы построения и внедрения основанной на ней системы. Сразу оговоримся, что речь идёт исключительно о транслитерации **русских** (российских) имён и названий буквами **латинского** алфавита.

Метод транслитерации иноязычных имён и названий заключается в написании их буквами (символами) принимающего языка на основе заранее установленной системы их соответствия буквам и буквосочетаниям исходного языка.

Транслитерация применяется тогда, когда исходный и принимающий языки пользуются различными алфавитами, но буквы и буквосочетания этих языков можно поставить в некоторое соответствие друг другу. Поскольку, например, латиница, греческий алфавит и кириллица имеют общее происхождение, большинство букв этих алфавитов могут быть соотнесены друг с другом, исходя из тех звуков, которые они регулярно обозначают.

Транслитерация имеет все основания для применения в тех случаях передачи русских имён и названий, когда адресат пользуется алфавитом на основе латиницы.

Сегодня русские имена и названия передаются на другие языки по правилам полутранскрипции-полутранслитерации, сложившимся по-разному для каждого принимающего языка. Например, фамилия *Ельцин* передаётся на английском языке как *Yeltsin*, а на французском как *Eltsin*, фамилия *Шутов* – соответственно как *Shutov* и *Choutov*, *Павлюкевич* – как *Pavlyukevich* и *Pavlioukevitch*, топоним *Хабаровск* передаётся по-английски как *Khabarovsk*, а по-испански как *Jabarovsk*.

Сложившаяся практика неудобна, и это чувствуется всё острее в условиях интенсификации международных контактов. Даже такая простая задача, как поиск информации на западноевропейских языках по справочникам, каталогам или в Интернете осложняется тем, что при-

ходится выполнять поиск отдельно для каждого возможного варианта передачи.

Однако поиск – не самая большая проблема. Передача имён и названий не должна ориентироваться на какой-то один иностранный язык. Поскольку латиница стала интернациональным алфавитом, существует множество ситуаций, когда латинская передача письменной формы имени предназначена для всех возможных адресатов, независимо от языка.

Указание на латинице фамилий и названий в загранпаспортах, водительских правах, деловых и юридических документах, написание адресов на конвертах писем, обозначение топонимов на картах, схемах и указателях и т.п. – все эти действия имеют универсальный характер и поэтому не могут диктоваться специфическими системами орфографии отдельных языков.

В нашей стране в тех случаях, когда передача имён предназначена для универсального адресата, по умолчанию используются правила практической транскрипции, ориентированные исключительно на английский язык. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на схемы линий метрополитена или на гостиничные таблички с названиями конференц-залов, где русские названия дублируются на латинице.

Сложившаяся «традиция», как представляется, нуждается в изменении – у неё слишком много недостатков.

Во-первых, **не следует** считать само собой разумеющимся, что в основу **универсальной передачи** русских имён на латинице должны быть положены принципы практической транскрипции, связанные с орфоэпическими моделями **английского языка**. Хотя и верно, что английский язык стал *lingua franca* международного общения, это не единственный язык, в среде которого могут функционировать русские имена и названия.

С другой стороны, и сам английский язык демократичен в отношении иноязычных имён. Он принимает имена, написанные на латинице, не сообразуясь с собственными правилами чтения. Поэтому необязательно, чтобы система передачи русских собственных имён на латинице отражала их произношение носителями английского языка. Тем более что последние зачастую произносят русские имена всё равно неправильно: мне приходилось слышать, как вполне образованные американцы читали Ryazan (Рязань) как [raɪˈeɪzən], Uglich (Углич) как

[ˈuglitʃ], а GUM (торговый дом «ГУМ») как [gum]. Следовательно, фактор удобопроизносимости для носителей английского языка можно считать не имеющим существенного значения.

Во-вторых, система, ориентированная на английский язык, сама толком не сложилась и страдает от множества разночтений. На официальном уровне не принято единых правил практической транскрипции, регулирующих передачу русских имён на латинице. Например, не отрегулированы правила передачи йотированных гласных (*Сергеев* пишут то *Sergeyev*, то *Sergeev*; *Аркадьев* то *Arkadiev*, то *Arkadyev*), *ё* после шипящих (*Толкачёв* передаётся то как *Tolkachyov*, то как *Tolkachev*, то как *Tolkachov*), окончаний *ый*, *ий* (о чём см. ниже) и других сочетаний.

Нельзя не признать, с одной стороны, курьёзными, а с другой – вопиющими факты, когда гражданин *Евгений Егорьев* получает загранпаспорт, в котором он записан как *Evgeni Egoriev*, и водительские права, где он значится под именем *Yevgeny Yegoryev*. В американской визе ему, скорее всего, напишут *Yevgeniy Yegoriev* (консульские службы США используют свою систему транскрипции, игнорируя записи на латинице в российских паспортах), и получится, что на первой странице паспорта у него одно имя с фамилией, на странице с визой – другое, а в водительских правах – третье. И такой разницей на каждом шагу.

Неудивительно, что на уровне компаний и организаций (не говоря уже о бытовой практике) в этой области царит самодеятельность. То и дело встречаются плоды лингвистического творчества типа *Petoohoff* (Петухов), *Tsheejikov* (Чижиков) и т.п.

Однако даже если бы система практической транскрипции русских имён на английском языке была более чёткой и применялась единообразно, она всё равно не избавилась бы от кардинальных недостатков, присущих ей изначально. Латинский алфавит, который имеет на семь букв меньше русского (если считать русскую букву *ё*), используется нерационально. Задействованы только 22 буквы латиницы, а целый ряд букв – *j*, *q*, *w*, *x* – в системе практической транскрипции не задействованы вообще. Как следствие, на остальные буквы латинского алфавита приходится повышенная «нагрузка». Например, буква *y* применяется в трёх функциях: 1) как соответствие букве *ы*; 2) как соответствие букве *й*; 3) в составе буквенных сочетаний, используемых для передачи гласных *я*, *ю*, а также гласных *е*, *ё*, *и*, *о* в случае их йотации.

Из-за этого возникают проблемы в передаче, например, окончания *ый* в прилагательных (которое столь частотно в русском языке). Используются самые разнообразные варианты – *уу, iy, ii, у*. Варианты *уу* и *ii* неприемлемы потому, что в них одна и та же буква должна принять два различных звуковых значения. Если использовать *iy*, получается одинаковое соответствие для окончаний *ый* и *ий*; одиночное же *у* приводит к неразграничению в транскрипции окончаний *ы, ый* и *ий* (так, *Осины* и *Осиный* будут в этом случае передаваться одинаково – *Osiny*).

Мы почему-то игнорируем опыт других славянских языков в применении латиницы. Так, в сербском языке латиница – второй алфавит наряду с кириллицей, и переключение между ними основано на **транслитерации**, а не на транскрипции.

Упорядоченная транслитерация с кириллицы на латиницу имеет огромные преимущества, а именно: 1) универсальность; 2) единообразие; 3) полная и однозначная обратимость.

Поясним эти свойства подробнее. Транслитерация универсальна, поскольку она заведомо не ставит своей целью отразить произношение русского имени в форме, приспособленной под тот или иной язык. Она подразумевает лишь конвенцию (соглашение пользователей) о некоей условной системе подстановки буквенных символов латиницы вместо буквенных символов кириллицы.

Для чего нужна такая условная система? Прежде всего для общеприменимой, независимой от контекста идентификации носителя имени при международных контактах. Речь идёт не только о персоналиях, но и о географических названиях и других категориях имён собственных. На сегодняшний день транслитерация болсе или менее последовательно применяется лишь в научной картографии. Это необходимо потому, что географические карты используются в таких традиционно интернациональных отраслях сотрудничества, как мореплавание и авиация, а там унификация и универсальность имеют критически важное значение.

В картографии язык адресата информации не известен и не принципиален. Эта информация адресована всем, кому карты могут понадобиться в профессиональных целях, и для написания географических названий используется своего рода наднациональный алфавит, функцию которого исполняет латиница.

Единообразие транслитерации означает, что, в отличие от транскрипции, транслитерация способна быть непротиворечивой и не допускать разночтений и вариантов.

Обратимость предполагает, что из латинизированного написания имени или названия можно однозначно и безошибочно вывести его исходную кириллическую форму и наоборот.

Роль чётко регламентированной транслитерации в сферах многонационального взаимодействия трудно переоценить. Метод транслитерации должен применяться не только в картографии, но и во всех других сферах, где необходимо передавать русские имена и названия на латинице.

Кстати, единая система транслитерации необходима уже не только в международных, но и во внутригосударственных делах. Как известно, в некоторых республиках России давно обсуждается тема перевода письменности титульного этноса на латиницу. Так, в Татарстане есть много сторонников использования турецкого алфавита для татарского языка. А этот алфавит хоть и основан на латинице, но включает дополнительные буквы и символы, отражая специфику турецкого языка, в котором принципы транслитерации кириллических имён и названий вообще особые.

Следовательно, если вопрос о латинской транслитерации кириллицы не будет решён единообразно в масштабах всей страны, то жители этой республики России могут оказаться с документами, в которых их имена будут писаться на латинице ещё одним способом, отличным от вариантов в их загранпаспортах или водительских правах.

Далее встанут следующие вопросы:

1) В какой степени осуществимо изменение сложившихся традиций в передаче русских имён и названий, учитывая, что это касается не только национальной, но и международной практики?

2) Как должна быть построена оптимальная система транслитерации, обладающая перечисленными выше свойствами?

Отвечая на первый вопрос, стоит указать на успешный опыт других стран, в частности Китая. До конца 1970-х гг. в западноевропейских языках использовалась слабо упорядоченная система практической транскрипции китайских имён и названий на латинице, причём для каждого языка она была своя и допускала варианты. (В английском языке применялась так называемая система Уэйда–Джайлза, разрабатывавшаяся ещё в XIX в.).

В 1979 г. КНР призвала другие страны через Организацию Объединённых Наций к применению единых правил передачи китайских имён и названий на латинице – так называемой системы пиньинь (Pinyin), которая в самом Китае была введена ещё в 1958 г. Эта система отличается от европейских именно своей универсальностью – она не зависит от языка использования. Китайские названия, написанные на пиньинь, резко отличаются от вариантов, принятых ранее в странах английского и французского языков. Примеры различий в новом и старом написаниях приведены в таблице 1.

Таблица 1. Примеры передачи латиницей китайских имён и названий

<i>Русское написание</i>	<i>Традиционное английское написание (Wade-Giles system)</i>	<i>Традиционное французское написание</i>	<i>Написание на латинице в системе «пиньинь»</i>
Пекин	Peking	Pekin	Beijing
Мао Цзэдун	Mao Tse-tung	Mao Tsetong	Mao Zedong
Синьцзян-Уйгурский район	Sinkiang Uighur	Sinkiang Uighur	Xinjiang Uygur
Гуандун	Kwangtung	Kouangtung	Guangdong
Янцзы	Yangtse или Yangtze (Kiang)	Yang-tseu-kiang	Chang Jiang
Чанчжоу	Changchou	Tchangtcheou	Zhangzhou

ООН пошла навстречу просьбе Китая, и сначала в официальной международной документации, а затем и в других сферах произошёл быстрый переход на систему пиньинь. Западные средства массовой информации одно время сопротивлялись новшеству, оспаривая право Китая устанавливать правила правописания для других стран. Вызывались даже абсурдные теории, будто пиньинь каким-то образом отталкивается от кириллицы (одним из «оснований» для таких подозрений стало буквосочетание zh, не применявшееся до этого в латинизации китайских имён, но знакомое западным СМИ по фамилии Brezhnev). Некоторые информационные агентства заявили, что не будут переходить на пиньинь в отношении самых известных имён и названий, таких как *Пекин*, *Мао Цзэдун* и др.

Но не прошло года-двух, как система пиньинь получила почти безоговорочное признание во всех средствах информации мира. Универсальная и единообразная система быстро доказала свои удобства, и этот фактор перевесил все другие соображения.

Пора и нашей стране в эпоху глобализации осознать важность этого фактора и последовать примеру Китая, откуда разницей в передаче русских имён на латинице не обернулся серьёзными проблемами для тысяч россиян за границей, где требования к идентификации иностранцев постоянно ужесточаются.

Однако прежде необходимо сделать внутренний выбор в пользу продуманной системы универсальной латинской транслитерации российских имён и названий. Здесь мы переходим к ответу на второй вопрос из заданных выше, а именно: на каких принципах должна основываться оптимальная система транслитерации?

Прежде всего система должна строиться на принципе **взаимно однозначного соответствия**. Другими словами, одна и та же буква (буквосочетание) не должны использоваться для передачи разных букв (буквосочетаний). Для примера сошлёмся на весьма строгую систему транслитерации, которую использовал В.В. Набоков, например:

Pnin used to be always embarrassed by Liza's '*psihooslinie*' ('psychoasinine') interests, and even now, when he ought to have been indifferent, he felt a twinge of revulsion and pity. [Набоков 1990. С. 405]

В этом отрывке автор воспроизвёл на латинице окказионализм *пси-хоослиные*, применив продуманную систему транслитерации. Если в большинстве систем практической транскрипции как *й*, так и *ы* передаются одной и той же английской буквой *y*, то у Набокова эти соответствия разведены: *й* – *y*, *ы* – *i*.

Впрочем, набоковская система была сугубо авторской. Проанализируем системы транслитерации, которые имеют более официальный статус. К ним относятся прежде всего система Международной ассоциации стандартизации ISO 9-1995 и ГОСТ 16876-71 «Правила транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита». При этом ГОСТ допускает два варианта транслитерации – один с диакритическими (надстрочными) знаками, другой без таковых (в таблице обозначаются ГОСТ-1 и ГОСТ-2 соответственно).

В приводимой ниже таблице 2 эти системы даны не полностью, а в отношении самых «трудных» букв русского алфавита, в передаче которых чаще всего наблюдается разницей.

С теоретической точки зрения самой удачной следует признать систему ISO. В ней каждой букве русского алфавита соответствует одна, и только одна, буква латинского алфавита. Поскольку в латинице меньше букв, чем в кириллице, система использует буквы с диакри-

тическими знаками. ГОСТ-1 аналогичен системе ISO, но менее строг: он допускает буквосочетания (je, ch), что нелогично – если уж использовать диакритики, то этот принцип следует выдержать последовательно. Тогда любой транслитерированный текст будет содержать ровно столько символов, сколько исходный текст (а это имеет значение для расчёта объёма текста в редакционно-издательских и других целях). Совсем уж нелогично использование в ГОСТ-1 двух букв с диакритиками для буквы *щ* (šĉ) – достаточно и одной буквы, как в системе ISO (š).

Таблица 2. Существующие системы транслитерации латиницей букв русского алфавита

<i>Русская буква</i>	<i>ISO</i>	<i>ГОСТ-1</i>	<i>ГОСТ-2</i>
е	e	e (je)	e
ё	ë	ë	jo
ж	ž	ž	zh
й	j	j	jj
х	h	h (ch)	kh
ц	c	c	c
ч	č	č	ch
ш	š	š	sh
щ	š	šĉ	shh
ь	''	''	''
ы	y	y	y
ь	,	,	,
э	è	è	eh
ю	û	ü	ju
я	â	ä	ja

Однако с практической точки зрения ни система ISO, ни ГОСТ-1 не имеют перспективы широкого применения. Сегодня негласным стандартом для набора текстов на компьютере является символьная система Windows Unicode. Она состоит из ряда «шрифтовых комплектов» (character sets), каждый из которых соответствует некоторой группе алфавитов (западноевропейских, центральноевропейских, балтийских и др.). Так вот, полные наборы символов как ISO, так и ГОСТ-1 **не входят** ни в один из таких шрифтовых комплектов. В частности, символы â, ä, è, ë, û, ü входят в подкомплет Latin-1 шрифта Unicode, а символы č, è, š, š – в подкомплет Latin-Extended-A.

На практике это означает, что для компьютерного набора транслитерированных кириллических названий придётся использовать

разные шрифты, а это, хотя и осуществимо технически, вызовет большие практические трудности.

Впрочем, даже если бы удалось использовать для русско-латинской транслитерации символы с диакритическими знаками из одного и того же алфавита (например, польского или чешского), вряд ли подобная система прижилась бы. Диакритики вообще не в русской традиции: знак краткости над *й* – единственное исключение. Трема над *ё*, как известно, регулярно опускается даже в печатных изданиях. Простановка знака ударения, часто необходимая в русском тексте (как в выражении «бóльшая часть» в отличие от «большáя часть»), вообще не предусмотрена ни в одном компьютерном кириллическом шрифте.¹

Поэтому, чтобы не затормозить дело и не обречь его на печальную судьбу наших гостей (почти никем не соблюдаемых), предпочтение следует отдать такой системе транслитерации, в которой специфические буквы передаются буквосочетаниями.

Единственным серьёзным кандидатом на роль такой системы является ГОСТ-2, в котором прослеживается определённая строгость. Так, буквы *j* и *h* не используются в нём самостоятельно, а только в качестве модификаторов (в буквосочетаниях). Это логично, так как иначе буквосочетания страдали бы амбивалентностью. Например, если бы для передачи русской буквы *x* использовалось не сочетание *kh*, а одна буква *h*, то буквосочетание *sh* служило бы соответствием и для буквы *ш*, и для буквосочетания *cx* (например, *Сходня* – *Shodnja*), и при обратной транслитерации могло бы трактоваться двояко (*Shodnja* – *Сходня* либо *Шодня*), что нарушает принцип взаимной однозначности.

По аналогичной причине буква *й* передаётся в этой системе как *jj* (одионочная *j* является модификатором). Однако такое соответствие приводит к нарушению, может быть, менее важного, но всё-таки значимого принципа эстетичности – оно делает данный символ чрезмерно частотным в транслитерированном тексте (с учётом его использования также для передачи *й*, *ё*, *ю* и *я*): ср., например, варианты: *Ейский* – *Ejjskijj*, *Майя Плисецкая* – *Majjja Pliseckaja* (в имени *Majjja* образуется тройное *j*).

Вряд ли имеет смысл использовать сочетание из трёх букв для передачи *щ* (*shh*). Вызывает вопросы и соответствие *ё* – *jo*. Ведь с точки зрения алфавита буква *ё* – вариант *e* (при расстановке русских слов

¹ Если не считать ныне забытый текстовый редактор WordPerfect, который имел кириллический модуль, но в России почти не применялся.

в алфавитном порядке трема над *ë* игнорируется: так, *ёлка* в словаре предшествует слову *ель* – если бы *e* и *ë* были разными буквами, было бы наоборот). Следовательно, и в транслитерации единство этих двух графем должно отражаться.

Таким образом, если брать ГОСТ-2 за основу приемлемой системы, его необходимо модифицировать и последовательно реализовать в нём принципы полной взаимной однозначности и принцип использования буквосочетаний, а не диакритических знаков.

Исключением из последнего принципа может быть лишь транслитерат буквы *ë*: это может быть также *ë* (латинское), в котором трема будет в той же степени факультативна, как и над русской буквой. В компьютерном шрифте данная буква входит в набор Latin-1, получаемый при настройке клавиатуры на французский алфавит, содержащий и все другие базовые буквы латинского алфавита.

Необходима регламентация передачи йотированных гласных. Для букв *я* и *ю* в принципе можно было бы взять соответствия из ГОСТ-2 (*ja*, *ju*), что согласуется с практикой других славянских языков, пользующихся латинской графикой (польского, чешского, сербского и др.). Однако стало уже привычным, что буквы *я* и *ю* передаются сочетаниями *ya* и *yu*. И эту практику можно сохранить: принцип взаимной однозначности транслитерации не будет нарушен. Поскольку сочетания **ya* и **yu* в русской орфографии невозможны, одновременное использование литеры *y* как соответствия буквы *ы* не приведёт к различиям при обратной транслитерации буквосочетаний *ya* и *yu* на кириллицу. В то же время латинский *y* не следует использовать для передачи других букв – ни для *й*, ни для других гласных с йотацией, так как это привело бы к неоправданной многозначности данной буквы и перенасыщенности ею транслитерированных текстов (что и имеет место в сегодняшней практической транскрипции). В качестве соответствия для *й* предлагается использовать *j* (согласно системам ISO и ГОСТ-1). Йотация же гласных не должна учитываться вообще: это феномен фонетики, а не графики.

Имеет смысл равномернее использовать буквы латинского алфавита и применять в транслитерации незадействованные литеры *w* и *x* (букве *q* вряд ли можно найти удачное применение). В частности, буква *ц* вполне может передаваться латинской буквой *x*. Ведь речь идёт о транслитерации, которая носит условный характер. Да, такое использование *x* непривычно. Но и в систему пиньинь для латинской транс-

литерации китайских имён эта буква была внедрена впервые, причём тоже для передачи шипящего согласного. Это соответствие с успехом прижилось. В ответ на мнение, что иностранцам тяжело будет догадаться, как эту букву произносить, возразим, что и при чтении албанской фамилии Нохџа (Ходжа) у них возникают трудности, но никто на этом основании не ставит под сомнение систему албанского письма.

Что касается твёрдого и мягкого знаков, то для их передачи предлагается использовать не двойной и одинарный апостроф (соответственно), а тоже буквы. Всё-таки транслитерация есть подстановка букв вместо букв, а не иных знаков. Мягкий знак мог бы передаваться буквой *j* (по аналогии с латинской передачей мягких согласных в сербском языке: *љ* – *lj*, *њ* – *nj*). Тот факт, что *j* используется и как соответствие для *й*, не нарушает принцип однозначности соответствий: дистрибуция позиций русских букв *й* и *ь* полностью различна, так как *й* используется только после гласных или в начале слова, а *ь* – только после согласных и никогда в начале слова. Твёрдый же знак можно передавать буквой *w*: учитывая, что эта буква встречается в русском языке (и особенно в именах собственных) чрезвычайно редко, данная условность не вызовет никаких проблем.

Отметим также недопустимость передачи буквы *ц* сочетанием *ts*, как это практикуется сейчас. Во-первых, это приводит к нарушению однозначности соответствий (*ts* будет подставляться и вместо сочетания *тс*), во-вторых, на эту роль как нельзя более удачно подходит латинская литера *s*, которая имеет аналогичное звуковое значение во многих европейских языках (польском, чешском, венгерском, латышском, литовском, немецком).

Предлагаемый автором вариант транслитерации русской кириллицы буквами латинского алфавита приводится в таблице 3 на с. 27 (показаны только «сложные» буквы)².

Подведём итог. Транслитерация является более целесообразным и практически более удобным, чем транскрипция, способом передачи на латинице российских имён и названий в целях универсального многоязычного документооборота и идентификации лиц и объектов.

Оптимальная система транслитерации должна быть построена на принципах универсальности, единообразия и обратимости. Последний принцип означает строгую взаимную однозначность соответствий.

² Более полно предложения о системе транслитерации русских слов буквами латинского алфавита приведены в работе [Ермолович 2005. С. 127–138].

Использование буквосочетаний, а не букв с диакритическими знаками, гарантирует удобство системы и успех её внедрения.

Необходимость принятия единой и обязательной к применению в РФ системы транслитерации с кириллицы на латиницу давно назрела и не должна быть упущена, особенно в свете попыток перевода на латиницу некоторых алфавитов национальных образований в РФ. Самодеятельность в этом деле, ведущая к разнобою и неразберихе, не должна продолжаться. После внедрения системы кириллическо-латинской транслитерации внутри страны следует добиваться её международного признания.

Таблица 3. Предлагаемая система транслитерации латиницей букв русского алфавита

<i>Рус. буква</i>	<i>Лат. буква</i>	<i>Примеры</i>
е	e	Егорьевск Egorjevsk
ё	ë	Толкачёв (Толкачев) Tolkachëv (Tolkachev), Неёлова (Неелова) Neëlova (Neelova)
ж	zh	Жуковский Zhukovskij, Анжеро-Судженск Anzhero-Sudzhensk
й	j	Йошкар-Ола Joshkar-Ola, Горно-Чуйский Gorno-Chujskij
х	kh	Хабаровск Khabarovsk, Балашиха Balashikha
ц	c	Цимлянское Cimlyanskoe, Старица Starica
ч	ch	Черёмухово Cherëmukhovo
ш	sh	Шахтёрский Shakhtërskij
щ	x	Щёлково Xëlkovo, Щекочихин Xekochikhin, Благовещенск Blagovexensk
ъ	w	подъезд podwezd
ы	y	Ильпырский Iļpyrskij, Кызыл Kyzyl
ь	j	Усть-Омчуг Ustj-Omchug, Рыбачье Rybachje, Рязань Ryazanj, Тобольск Toboljsk
э	eh	Эвенск Ehvensk, Элиста Ehlista
ю	yu	Тюкадинск Tyukadinsk
я	ya	Ялуторовск Yalutorovsk, Майя Majya

ШИШКИН ПРОТИВ SISKINS'А

Поводом к написанию этой статьи стала неординарная жалоба, поданная в Европейский суд по правам человека. Истцы – два русских жителя Латвии – обвинили это государство в нарушении своих прав и унижении своего достоинства. Конфликт возник из-за того, каким образом фамилии этих людей были переданы на латинице в выданных им документах.

Хотя эта история произошла за пределами нашей страны, она наглядно подтвердила истину, весьма актуальную и для России: упорядочение передачи имён собственных с кириллицы на латиницу – проблема не только лингвистическая, но и юридическая, и в отсутствие чётких и продуманных мер со стороны государства она может только обостряться.

Обстоятельства дела

Заявителями жалобы были мать и сын Шишкины, проживающие в латвийском посёлке Царникава (Carnikavā) Рижского района. Как и многие русские в Латвии, они имеют статус «неграждан». В апреле 1998 года Управление по делам гражданства и миграции МВД Латвии выдало Шишкиным паспорта «постоянно проживающих неграждан». На основной странице паспортов их фамилии были записаны, соответственно, как *Šiškina* и *Šiškins*. (Конечная *-s* в латышской передаче фамилии *Шишкин* – окончание именительного падежа мужского рода, которое в латышском языке добавляется к любым мужским именам и фамилиям).

Указанный способ транскрипции (*Šiškina* и *Šiškins*) Шишкины не оспаривали. Их не устроило то, как были написаны их фамилии в машиносчитываемой зоне паспорта, расположенной в нижней части той же страницы и состоящей из двух непрерывных последовательностей прописных букв, цифр и символов. Там фамилии приобрели вид *SISKINA* и *SISKINS*. Первая и третья буквы *S* утратили диакритический знак (ˆ), сигнализирующий о чтении буквы *Š* как [ш]. Без такого знака буква *S* сохраняет своё обычное звуковое значение, то есть [с].

Обнаружив такое написание, Шишкина отказалась получать паспорт, и в июне того же года они с сыном подали иск в суд против Управления по делам гражданства и миграции. Шишкины потребовали замены паспортов на новые, в машиносчитываемой зоне которых фамилии были бы указаны без искажений.

Районный суд отказал истцам, и те подали апелляционную жалобу в Рижский окружной суд. В своём заявлении они указали, что их фамилии, происходящие от русского существительного *шишка*, в новой транскрипции выглядят так, как если бы были образованы от вульгаризма *сиська*. Из этого Шишкины сделали вывод о том, что, опустив диакритический знак, управление МВД унизительным образом исказило смысл их фамилии.

Истцы отметили и то, что из-за расхождений между вариантами, указанными в верхней и нижней (машиносчитываемой) зонах страницы паспорта, получается, что на одной и той же странице указываются две разных фамилии.

Далее, Шишкины заявили, что оспариваемая транскрипция создаёт для них практические проблемы при поездках к родственникам во Францию и Россию, поскольку написания SISKINA и SISKINS не соответствуют формам Chichkine и *Шишкин (Шишкина)*, соответственно используемым в этих странах.

Рижский окружной суд согласился с доводами заявителей и удовлетворил их ходатайство. В судебном постановлении от 17 марта 1999 года было указано, что транскрипции SISKINA и SISKINS не соответствуют их подлинной фамилии и что в машиносчитываемых строках должно быть написано SHISHKINA и SHISHKIN. Управлению по делам гражданства и миграции было предписано выдать заявителям новые паспорта с исправленными данными.

Однако Управление обжаловало это постановление в Сенат Верховного суда Латвии. В своём ходатайстве оно пояснило, что строки, предназначенные для машинного считывания, должны заполняться в соответствии с действующим стандартом Международной организации гражданской авиации (ИКАО) – документом 9303 «Машиносчитываемые проездные документы».

Согласно этому стандарту, указание имени и фамилии в машиносчитываемой зоне должно соответствовать их транскрипции в основной части страницы паспорта, предназначенной для визуального прочтения. В то же время данная норма подчинена трём требованиям: 1) не должны использоваться какие-либо диакритические знаки; 2) в машиносчитываемых строках не должны указываться графемы, отсутствующие в основной части; 3) количество букв в обеих зонах паспорта должно быть одинаковым.

Таким образом, в силу первого из указанных требований в машиносчитываемых строках не может использоваться буква Š (с надстрочным знаком). Если же её заменить на SH, то были бы нарушены сразу два требования: второе – в нижней части страницы появилось бы две буквы H, которых нет в основной части, и третье – изменилось бы количество букв в фамилии.

Такой паспорт, не отвечающий международным стандартам, был бы недействительным и не позволил бы его владельцу выезжать за рубеж. Кроме того, в кассационной жалобе Управления указывалось, что постановление окружного суда неисполнимо технически, поскольку оспариваемые строки автоматически генерируются компьютерной программой, утверждённой на международном уровне и не подлежащей изменению.

Несмотря на эти доводы, постановлением от 9 июня 1999 года Сенат Верховного суда Латвии отклонил кассационную жалобу Управления и подтвердил предыдущее судебное решение. При этом Сенат сослался на постановление №174 от 14 мая 1996 года «О написании и идентификации имён и фамилий в документах», согласно статье 2 которого транскрипция фамилий иностранного происхождения должна быть по возможности максимально приближена к их произношению на исходном языке. Сенат счёл, что графические формы SISKINA и SISKINS в машиносчитываемой зоне унизительным образом искажают смысл фамилий заявителей, и признал, что их правильными написаниями в этой части паспорта должны быть SHISHKINA и SHISHKIN.

После отклонения кассационной жалобы Управление изготовило два новых паспорта «постоянно проживающих неграждан» и выдало их Шишкиным. Но и в новых паспортах написание их фамилий в машиносчитываемых зонах оказалось прежним.

Шишкины опять отказались получать паспорта. Дело было поручено судебному исполнителю, который в сентябре 1999 года обратился в Рижский окружной суд с запросом о разъяснении его прежнего постановления от 17 марта. Он поставил вопрос: можно ли считать, что Управление по делам гражданства и миграции удовлетворительным образом исполнило это постановление, выдав заявителям новые паспорта, не отличающиеся от прежних? 24 ноября 1999 года Рижский окружной суд пояснил, что для исполнения мартовского постановления Управление должно было выдать заявителям новые паспорта, в машиносчитываемой зоне которых фамилии были бы транскрибированы

так, как указано в постановлении суда, а именно SHISHKINA и SHISHKIN.

Однако 7 февраля 2000 года председатель Департамента по гражданским делам Сената Верховного Суда Латвии опротестовал это определение, и 23 февраля Сенат удовлетворил протест.

В новом решении Верховного суда говорилось: оспариваемые машиносчитываемые строки паспорта составлены в соответствии с документом № 9303 ИКАО. Они предназначены не для визуального прочтения, а для того, чтобы обеспечить автоматическую идентификацию владельца паспорта при пограничном контроле. Транскрипция графемы Š как SH противоречит стандарту ИКАО и сделала бы автоматическую идентификацию невозможной, в нарушение Международной конвенции о гражданской авиации.

Сенат констатировал, что удовлетворить требование заявителей технически невозможно, поскольку строки машинного кода набираются паспортной машиной автоматически, без вмешательства оператора. В машиносчитываемой зоне графема Š может фигурировать лишь без диакритического знака, то есть в виде S. На этом основании Сенат отменил разъяснительное определение Рижского окружного суда от 24 ноября 1999 года как ошибочное.

После этого г-жа Шишкина обратилась к председателю Верховного Суда с жалобой, но в письме от 19 июня 2000 года председатель Верховного суда ответил заявительнице, что решение Сената о толковании какого-либо судебного постановления не подлежит дальнейшему обжалованию и что постановление от 23 февраля 2000 года соответствует закону.

Итак, двухлетняя тяжба Шишкиных с паспортным управлением МВД Латвии, в ходе которой суды то отклоняли их требования, то соглашались с ними, не принесла удовлетворительного результата для латвийских «неграждан».

Шишкины же по-прежнему отказывались от получения предлагаемых им паспортов. Исчерпав юридические возможности в Латвии, мать и сын попытались добиться удовлетворения своих требований в Европейском суде по правам человека. Так возникло дело «Шишкина и Шишкин против Латвии».

Мотивировка жалобы Шишкиных

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), который находится в Страсбурге, принимает к рассмотрению не любые жалобы, а лишь

связанные с нарушениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, действующей с 1953 года, и последующих протоколов к ней. Это краткий, но ёмкий и мощный правовой инструмент. Шишкиным необходимо было обосновать свою претензию положениями Конвенции, и они указали на ряд её статей, нарушенных, по их мнению, латвийскими государственными органами.

Во-первых, заявители сослались на статью 8 Конвенции («Право на уважение частной и семейной жизни»). Они сочли, что написания SISKINA и SISKIN, вызывающие негативную ассоциацию со словом *сиська*, искажают смысл их фамилии и дают повод для унижительных кличек. Это, по их мнению, ущемляет их честь и достоинство.

Во-вторых, Шишкины апеллировали к статье 13 Конвенции («Право на эффективное средство правовой защиты»). Они подчеркнули, что, хотя суды удовлетворяли их ходатайства, судебные постановления не были исполнены и положение дел не изменилось. Таким образом, они не получили эффективных внутренних средств защиты их прав, гарантируемых Конвенцией.

В этом же факте заявители усмотрели нарушение статьи 6.1 Конвенции («Право на справедливое судебное разбирательство»): из-за того, что административный орган не исполнил постановление Рижского окружного суда, подтверждённого Сенатом Верховного суда, было нарушено их право обращения в суд.

Авторы жалобы указали на невозможность выехать за рубеж без паспорта, что представляет собой нарушение их права на свободу передвижения (статья 2 Протокола №4 к Конвенции).

Наконец, Шишкины подчеркнули в своей жалобе, что отсутствие паспортов не позволяет им найти работу и получить доступ к различным социальным службам, и расценили эту ситуацию как нарушение ещё целого ряда статей Конвенции.

Мотивировка решения Европейского суда

Изучая жалобу Шишкиных с точки зрения её приемлемости, Европейский суд проанализировал те нормы латвийского права, которые имели отношение к делу.

Удостоверение личности «неграждан» Латвии регулируется законом 1995 года «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства» и рядом подзаконных актов – постановлений кабинета министров. Согласно этим документам, всем постоянным жителям Латвии в возрасте от 16 лет вменяется в обязан-

ность получение паспортов, а паспорта эти изготавливаются по единому образцу на латышском и английском языке. Записи в паспортах оформляются в соответствии с требованиями международных договоров и стандартов.

Имя и фамилия владельца паспорта транскрибируются в соответствии с правилами написания имён и фамилий на латышском языке. В машиносчитываемой зоне паспорта имя и фамилия лица воспроизводятся так же, но без диакритических знаков.

В своём решении по жалобе Шишкиных Европейский суд подтвердил, что жалобы, касающиеся имён и фамилий физических лиц, относятся к ведению статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Ведь имя и фамилия человека относятся к его частной и семейной жизни.

При этом Европейский суд констатировал, что спор возник лишь из-за двух последних строк на основной странице паспорта, состоящих из букв, цифр и графических символов. В решении Суда было указано, что данная зона паспорта является чисто технической частью ограниченного пользования и в принципе не предназначена для визуального прочтения.

Поэтому Европейский суд счёл, что та форма, в которой фамилия владельца паспорта занесена в указанные строки, не влияет на целостность фамилии как элемента гражданского состояния лица. Суд отметил, что ни в одном из документов, выданных заявителям латвийскими властями, не была использована форма SISKINS или SISKINA для обозначения заявителей.

Европейскому суду пришлось признать, что эти формы (SISKINS, SISKINA) были использованы иностранными государственными органами (Шишкины предоставили многочисленные документы, свидетельствующие об этом). Однако такое написание, по мнению суда, было вряд ли выведено из машиносчитываемой зоны паспортов: ведь снятие диакритических знаков в фамилиях иностранцев является обычной мерой в государстве, официальный язык которого не имеет таких знаков. К тому же, говорится в решении Суда, из материалов дела не следует, что за рубежом или в Латвии заявители сталкивались с какими-либо препятствиями в плане их личной идентификации.

И наконец, Суд заявил: сам по себе факт того, что фамилия даёт повод для присвоения клички, недостаточен для обоснования нарушения прав, гарантированных статьёй 8 Конвенции. При этом Суд

сослался на прецедент – дело «Шерна против Финляндии» (Stjerna v. Finland), рассматривавшееся в 1994 году. В том деле заявитель – гражданин Финляндии шведского происхождения – добивался от финских властей разрешения на смену своей фамилии. Его редкая и труднопроизносимая для финнов фамилия была превращена ими в презрительное прозвище *kiimu* («маслобойка»). Но Европейский суд заключил, что искажению поддаются многие имена, и не нашёл достаточных оснований для заключения о нарушении его права на уважение частной жизни.

Также безосновательной была признана апелляция Шишкиных к статьям 6.1 и 13 Конвенции, гарантирующим право на справедливый суд и на эффективное средство правовой защиты. Спор о том, как фамилия воспроизведена в машиносчитываемой зоне паспорта, не относится к сфере частного права и лишён какого бы то ни было гражданского аспекта.

Ссылки заявителей на статью о свободе передвижения и другие статьи Конвенции, положения которых они считали нарушенными из-за отсутствия у них паспортов, Суд отклонил по той причине, что такое положение сложилось из-за собственного отказа Шишкиных от получения документов. Суд заявил, что Шишкины жалуются на ситуацию, которую сами же и создали.

В итоге 8 ноября 2001 года ЕСПЧ единогласно принял решение: жалобу Шишкиных отклонить.

Взгляд на проблему на основе здравого смысла

Не будучи юристом, я не в состоянии дать обстоятельную правовую оценку ни действиям гг. Шишкиных, ни тем более решениям судов. Однако я позволю себе высказать взгляды на эту ситуацию, продиктованные логикой и здравым смыслом.

Нет сомнения, что именование человека – неотъемлемая и чрезвычайно важная часть его этнокультурной, языковой и личностной идентичности. Искажение имени есть нарушение этой идентичности. Когда имя человека функционирует в иной лингвистической среде, оно неизбежно подвергается каким-то фонетическим и (во многих случаях) орфографическим изменениям. Последнее особенно актуально для пар языков, пользующихся различными графическими системами (хотя латышский язык переименовывает не только восточнославянские имена, но и имена из языков, письменность которых основана на латинском алфавите).

Проблема заключается в том, как придать даже неизбежным модификациям имени в иной языковой системе какую-то разумную основу, не позволить имени исказиться до неузнаваемости и не перейти ту грань, за которой изначальную форму имени уже нельзя будет восстановить.

Дело Шишковых против Латвии парадоксальным образом стало жизненной иллюстрацией к тем шутивным историям и анекдотам, которые уже давно и широко ходят в этой прибалтийской стране. Вот один из типичных анекдотов. Некий Шишкин, проживающий в Латвии, решает поменять гражданство и переехать в Россию. Подаёт заявление на выдачу российского паспорта и представляет латвийские документы, в которых он записан, естественно, как **Šiškins**. Ну, в российских паспортных органах, естественно, «переводят» эту запись как *Сискинс*, что и фиксируют в его паспорте. Бедяга жалуется друзьям: ну вот, был я *Шишкиным*, а стал *Сиськинсом*. А друзья ему в ответ: не горюй! Хуже было бы, если б ты был Щукиным (**Ščukins**) или Пышкиным (**Piškins**). Стал бы *Сцукинсом* или...

Справедливости ради надо отметить, что в реальности подобная история невозможна. Но не благодаря лингвистической компетентности российских паспортно-визовых служб (это отдельная и весьма большая тема), а всё же благодаря одной из латвийских юридических норм. Согласно этой норме, если написание имени или фамилии в паспорте отличается от их написания в документах, имевшихся у владельца ранее, то в разделе паспорта, предназначенном для особых отметок, воспроизводится первоначальная форма на латинице или кириллице. Так что это кириллическое написание имени и стало бы юридическим основанием для правильного написания фамилий в российских документах гипотетических Шишкина, Щукина и Пышкина.

Мне кажется, ошибка реальных Шишковых состояла в том, что они предъявили претензии именно к технической (машиносчитываемой) зоне паспорта, но не оспаривали передачу их фамилии в визуальной читаемой части страницы. Между тем Европейский суд совершенно правильно отметил в своём решении, что варианты **Siskina** и **Siskins**, использованные в документах иностранных государств, были выведены не из данных машиносчитываемой зоны, а, скорее всего, из основных написаний – **Šiškina** и **Šiškins**, в которых просто были опущены диакритические знаки. И хотя суд счёл опущение диакритиков обычным делом в тех странах, где буквы с такими диакритиками

не используются, эту искажающую имена практику и можно было бы, на мой взгляд, использовать в обоснование права человека на отказ от того, чтобы его имя и фамилия писались с диакритиками в документах, имеющих международное хождение. Используют же немцы диграфы (**ae, oe, ue**) как эквиваленты букв с умляутом (**ä, ö, ü**) в тех случаях, когда применение букв с диакритиками невозможно, затруднительно или может вызвать разночтения.

Ещё более спорной представляется практика добавления к иноязычным именам в документах латышских окончаний мужского и женского рода (**-s** к именам и фамилиям мужчин и **-a** к именам и фамилиям женщин, если такого окончания там нет: например, имя *Любовь* превращается в **Lubova**). Эта практика вызывает широкий протест среди нелатышей в Латвии и тоже стала предметом юридических споров.

Житель Латвии Руслан Панкратов, лидер движения «Верните наши имена», отказался получать паспорт на имя **Ruslans Pankratovs** и, не добившись выдачи ему паспорта без латышских окончаний, в 2006 году также подал жалобу в Европейский суд.

Сведения о судьбе этой жалобы отсутствуют. Видимо, она не была принята к рассмотрению по существу. Но интересно, какое решение принял бы ЕСПЧ, если бы на искажение имени пожаловался туда какой-нибудь Эндрю Джон Тэтчер (Andrew John Thatcher), переехавший в Латвию и получивший там документы на имя **Endrus Džons Tetčers** (а именно так полагается писать это именование по-латышски). Видимо, пока желающих эмигрировать в Латвию из англоязычных стран не нашлось.

Российская практика

История с жалобой Шишкиных на Латвию полезна для оценки ситуации в нашей стране. Да, в Латвии применяются – выражусь мягко – спорные правила передачи русских имён, нацеленные на их «облашывание». Но если можно сказать об этих правилах что-то положительное, так это то, что они хотя бы подчиняются какой-то системе и применяются единообразно и универсально. Ситуацию же в нашей стране я бы охарактеризовал как хаотическую. К примеру: в заграничном паспорте, выданном Федеральной миграционной службой гражданину РФ по фамилии *Гайдук*, его фамилия указана на латинице как **Gaiduk**, а в водительских правах, выданных ГИБДД, – как **Gayduk**.

По каким же принципам оформляются российские заграничные паспорта и иные документы? Кто определяет эти принципы?

До недавних пор написание имён и фамилий российских граждан в заграничных паспортах регулировалось «Инструкцией о порядке оформления и выдачи паспортов гражданам Российской Федерации для выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 31 декабря 2003 года.

В приложении №7 к ней говорилось: «Фамилия и имя владельца паспорта заполняются на русском языке и дублируются **на английском языке** способом **транслитерации** (простого замещения русских букв на английские)» (выделено мною. – Д.Е.).

Уже одна эта формулировка отражает путаницу терминов и понятий. Если речь идёт о транслитерации, то есть подстановке одних графических знаков вместо других, результат никак не может быть написанием на английском (или любом другом) языке. Это всего лишь запись имени в латинской графике. Корректная формулировка была бы «дублируются **на латинице**» (или «**буквами латинского алфавита**»).

Но самое забавное, что приводимые в приложении к инструкции соответствия вовсе не были транслитерацией и не отвечали заявленному способу «простого замещения русских букв на английские». Так, хотя в самой таблице отсутствовал латинский «икс», он встречался в примерах как соответствие буквосочетанию *кс*: **Alexandr(ov), Alexey(ev), Maxim(ov), Oхana**. В то же время имя *Ксения* (**Ksenia**) буквы *x* почему-то не удостоилось.

Согласно таблице, букву *я* надо было всегда передавать как *ya*, но рекомендация эта была выдержана только в отношении имён *Зоя, Илья, Майя, Пелагея, Яна* – **Zoya, Ilya, Mayya, Pelageya, Yana**. А вот имена *Татьяна, Ульяна, Федосья, Юлия* и другие предлагалось писать через *ia*: **Tatiana, Uliana, Fedosia, Yulia**. Особенно был нагляден разницей на примере соседних соответствий *Яков* – **Iakov** и *Яна* – **Yana**.

Список противоречий в той инструкции можно было бы продолжить. Но теперь это уже дело прошлое. 3 февраля 2010 года был введён новый приказ о загранпаспортах, а вопросам написания в них имён и фамилий на латинице посвящено Приложение №10 к нему. Решив заменить прежнюю систему, ФМС не стала ничего придумывать сама, а воспользовалась ГОСТом Р 52535.1 от 2006 года для транслитерации кириллицы. Но при этом она не обратила внимания, что этот гост разработан Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии для машиночитываемых документов, то есть носит технический характер и для других целей не предназначался. В паспорте

есть машиносчитываемая полоса, но тут речь идёт об основной части паспорта, предназначенной для чтения человеком.

В любом случае гост 2006 года крайне плохо продуман. Принцип взаимной однозначности соответствий в нём не выдержан: например, целым трём русским буквам – *е, ё и э* – соответствует одна латинская *e*. Буквы *и* и *й* тоже передаются одинаково – *i*. Твёрдый и мягкий знаки в госте вообще отсутствуют. Для буквы *ц* вводится почему-то двубуквенное соответствие – *tc*, хотя и одной буквы *c* было бы достаточно (больше она нигде не используется). Нелепа замена прежних соответствий для букв *ю* и *я*. Было *yu, ya*, стало *iu, ia*. *Юлия* теперь должна писаться как *Iuliiia* (если, конечно, обладательница этого имени не подаст заранее заявление с просьбой обозначить её в паспорте иначе).

Итак, об обратимости соответствий снова приходится забыть. Неудивительно, что, когда на ленты информационных агентств поступают сообщения об инцидентах с российскими гражданами за рубежом, возникают разночтения при попытках восстановить их имена на кириллице, особенно в случае этнически нерусских имён и фамилий (не будем забывать, что в нашей стране живёт и много других национальностей). **Elian** – это *Элиан, Элян, Элянь, Елян, Елиан*? **Iudin** – это *Юдин* или, может быть, *Иудин*?

Отсутствие разумной, всеобщей и обязательной регламентации приводит к разнобою, который можно охарактеризовать лишь китайским принципом «пусть расцветает сто цветов».

Дошло до того, что отдельные организации сами сочиняют стандарты написания на латинице российских имён и названий. Как-то мне довелось проводить учебные курсы для переводчиков московского офиса крупной международной фирмы. До начала учёбы я встретился с начальником отдела переводов этой фирмы, чтобы выяснить его пожелания к содержанию курса. Я напомнил ему, что одной из самых трудных является тема передачи собственных имён, и предложил посвятить этой теме часть занятий с переводчиками. «Нет-нет, не надо, – сказал мне мой собеседник, – систем транслитерации так много и они настолько противоречивы, что мы не хотим принимать ни одну из них, а собираемся разработать и внедрить собственную систему».

Боюсь, что подобный подход к запутанной проблеме может лишь усугубить её.

Что из этого следует

Нельзя мириться с тем, чтобы правила передачи имён с кириллицы на латиницу были у каждого свои (хотя фактически это уже имеет место). Наоборот, нужно стремиться к их единству. А чтобы эти правила вызвали как можно меньше проблем и недоразумений, они должны быть разработаны специалистами и отвечать ряду научных требований. Эти требования: 1) универсальность; 2) системность; 3) обратимость.

Требование **универсальности** означает, что имя собственное передаётся на латинице только одним способом, применимым во всех сферах коммуникации и документооборота и не зависящим от той языковой среды, в которой имя функционирует. Это вроде бы понятное, естественное условие почему-то никогда не соблюдалось. Сложившийся у нас подход на основе транскрипции поставил способ передачи в зависимость от контекстного языка: ту же фамилию *Шишкин* принято писать **Shishkin** в английском тексте, **Chichkine** во французском, **Schischkin** - в немецком и т.д. Но написание имени в документе, особенно таком универсальном, как паспорт, лишено контекста и не может быть ориентировано на какую-то конкретную языковую среду. Оно должно быть единым для всех языков, использующих латинскую графику.

Требование **системности** означает упорядоченность и единообразие, которые исключали бы разноречивой и внесистемные исключения. Этому требованию лучше всего отвечает принцип транслитерации, поскольку он – в отличие от транскрипции – ориентирован на чётко фиксируемый буквенный состав имени. Принцип транслитерации удобен ещё и тем, что позволяет автоматизировать передачу имён собственных.

Требование **обратимости** означает взаимную однозначность кириллическо-латинских соответствий. Это необходимо для того, чтобы по латинскому написанию можно было точно, без разночтений, восстановить исходное имя на кириллице.

Однако транслитерация, удовлетворяющая вышперечисленным требованиям, может быть двух видов: использующая буквы с диакритическими знаками и без таковых. К первому виду относится стандарт ISO 9-1995. Увы, из-за диакритиков (в том числе весьма экзотичных, как в символе *â* для русского *я*) применение этого стандарта вызвало бы такие же проблемы, что и латышская транскрипция, и даже создало

новые. Например, обладатель фамилии *Янусов* рисковал бы оказаться *Анусовым* (*Ānusov*).

Ко второму виду транслитерации (без диакритиков) можно отнести один из вариантов старого советского ГОСТа 19876-71, который, кстати, специально предусматривался для обмена информацией на машиносчитываемых носителях. Сейчас этот стандарт практически забыт и не используется.

Итак, в нашей стране отсутствует современный норматив записи российских имён собственных в латинской графике. Такой норматив нужен как минимум для того, чтобы освободить от разночтений официальные документы, выдаваемые российским государством своим гражданам и юридическим лицам. Он должен быть утверждён на общегосударственном уровне, стать единым и обязательным для всех.

Создать же его необходимо не в процессе ведомственного «творчества», а на основе научных разработок, отвечающих требованиям сегодняшнего дня. Можно взять за основу и старый ГОСТ 19876-71, модернизировав его. Не буду повторять здесь собственные предложения на этот счёт¹. Главное, чтобы стандарт отвечал критериям универсальности, системности и обратимости и основывался на принципе транслитерации (а не транскрипции).

В дальнейшем можно будет распространить этот стандарт на более широкие сферы применения, включая науку, образование, книгоиздательство и перевод.

Дело «Шишкин против Латвии» ясно показывает, что оптимальная система латинской транслитерации кириллических имён ни в коем случае не должна использовать графемы с диакритическими знаками. Буквам русского алфавита, которые не могут быть поставлены в соответствие одной графеме латинского алфавита, должны соответствовать диграфы (буквосочетания).

Выше в статье я в ироническом контексте упомянул китайский лозунг «пусть расцветает сто цветов». Но если говорить о Китае, то опыт этой страны в области романизации китайских имён собственных заслуживает самого глубокого уважения и внимательного изучения. Ведь до 1958 года в правописании китайских имён на европейских языках царил примерно такая же неразбериха, какая царит у нас сейчас в передаче российских имён собственных. Но в Китае нашлись и умы, и организаторские силы, которым хватило мудрости и прозорливости

¹ См. об этом, в частности, статью «О пользе транслитерации» (с. 16).

понять серьёзность проблемы и начать решать её в интересах будущего активного выхода Китая в число ведущих игроков на международной арене. Страна в течение двадцати лет методично занималась внедрением единообразного стандарта записи имён буквами латинского алфавита. А обеспечив единообразную и повсеместную практику применения этого стандарта внутри страны, КНР успешно добилась его принятия и в международном масштабе.

Если бы нашей стране удалось по примеру Китая навести порядок в стандартах транслитерации имён, тогда мы не только сделали бы большое доброе дело для себя, но и, может быть, повлияли бы на ситуацию в других странах, облегчив участь Шишкиных, Щукиных, Пышкиных и других наших соотечественников, не желающих терять свою языковую и культурную идентичность.

НЕСОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА

Давно хочется воскликнуть: «Бедные, бедные международные организации!». Не потому «бедные», что у них мало денег (с этим, кажется, всё в порядке), а потому, что в русской печати их регулярно лишают собственных имён – то есть названий, данных им при «рождении» отцами-основателями.

Беда в том, что, когда по-русски нужно назвать какую-то международную организацию, многие журналисты, авторы, да и переводчики самостоятельно переводят её название с англоязычного варианта. Делают же они это так, как могут и считают нужным, не видя в русском наименовании ничего сакрального. Иногда даже по-разному в рамках одного текста (примеры я приведу ниже).

Возьмём, например, специализированные учреждения ООН. Не все члены пишущего сообщества даже осознают тот факт, что у этих организаций не одно только англоязычное название, а как минимум шесть (по числу официальных языков ООН) официальных наименований, имеющих одинаковый юридический статус. Это вовсе не учреждения англоязычного мира – это организации многосторонние, они создавались одновременно группами разных государств, и их уставы составлялись на нескольких языках.

Правда, рабочими языками многих таких организаций считаются не все шесть, а меньшее число языков (как правило, три: английский, французский, испанский). Но уставы и другие учредительные документы всех организаций, членом которых является наша страна, составлены и на русском языке как одном из языков ООН и имеют официальный правовой статус.

Соответственно, русские названия организаций системы ООН закреплены за ними юридически и не подлежат произвольному изменению авторами русскоязычных текстов. Это такие же собственные имена, как имена людей: назовите Ушакова «Ушкановым» или Ермолова «Ермолаевым» в письменном документе – и вы исказите его фамилию, а документ будет недействителен.

Точно так же никто не имеет права исказить русские названия организаций, юридически закреплённые за ними в текстах их учредительных документов. Не должно быть никакой переводческой самостоятельности! Увы, на самом деле ошибки и искажения встречаются сплошь и рядом.

Международный банк реконструкции и развития (Всемирный банк)

Не все знают, что Международный банк реконструкции и развития (МБРР, по-английски International Bank for Reconstruction and Development, IBRD) и Всемирный банк, а точнее Группа Всемирного банка (англ. The World Bank Group), – не одно и то же. Группа Всемирного банка включает в себя МБРР, но в неё входят также Международная финансовая корпорация (International Finance Corporation), Международная ассоциация развития (International Development Association) и несколько небольших агентств.

Английский термин World Bank часто употребляется как разговорный синоним названия International Bank for Reconstruction and Development, но и этому разговорному синониму соответствует по-русски название – *Всемирный банк* и никакое иное.

Между тем сплошь и рядом приходится читать и слышать ошибочный вариант **Мировой банк* (здесь и далее неверные названия, эти **несобственные имена**, отмечаются звёздочкой). И эти ошибки появляются не где-нибудь, а даже в специализированных экономических изданиях:

Президент **Мирового банка* Джеймс Вулфенсон, побывавший с двухдневным визитом в Москве, заявил, что банк не собирается снижать стоимость кредитов для России.

(Журнал «Финанс»)

В одном газетном сообщении исказили не только разговорное, но и полное официальное наименование Всемирного банка:

***МИРОВОЙ БАНК ОБЕЩАЕТ НЕ СКАРЕДНИЧАТЬ**

После летней паузы возобновились переговоры между российским Правительством и **Мировым банком* реконструкции и развития (МБРР)

(Российская бизнес-газета)

Как видим, «Российская бизнес-газета» сочла, что буква М в МБРР – это сокращение от **Мировой*, а не *Международный*.

Иногда в пределах одного и того же сообщения способы именования Банка варьируются:

***МИРОВОЙ БАНК ПОМОГАЕТ ВЬЕТНАМСКИМ ФЕРМЕРАМ
ПРЕОДОЛЕТЬ ПТИЧИЙ ГРИПП**

Всемирный банк выделит Вьетнаму 10 млн. долларов для выплат компенсаций фермерам, которые вынуждены были забить домашнюю птицу из-за эпидемии птичьего гриппа.

(Украинское информагентство «Обозреватель»)

Такой разнобой (то **Мировой*, то *Всемирный*) даже хуже последовательного использования неверного варианта. Он свидетельствует не только о слабой осведомлённости, но и о небрежности авторов и редакторов текста, которым, видимо, всё равно, какой из вариантов правильный.

Итак, правильно писать и говорить – **Всемирный банк**. Прошу поверить мне в этом как человеку, на протяжении ряда лет переводившему годовые отчёты Всемирного банка на русский язык. Делалось это под бдительным контролем сотрудников Банка, которые проверяли все русские термины на соответствие принятым в этой структуре, чтобы затем можно было опубликовать этот перевод как официальное издание Банка на русском языке.

Международный валютный фонд

Международный валютный фонд (МВФ – International Monetary Fund, IMF) у нас так часто поминают, что все уже, кажется, выучили его правильное название. Однако нет-нет, да и назовёт кто-нибудь этот фонд **монетарным*:

Международный **монетарный* фонд в среду одобрил выдачу кредита Болгарии на сумму 299 млн. долларов на следующие два года

(Интернет-служба рассылок Subscribe.ru)

Мне встретила статья, авторы которой знают правильное название МВФ, но воспользовались и неверным буквалистским вариантом, чтобы подвести под него политическую подоплёку:

Победили монетаристы, и сейчас их лобби сильно представлено в международных финансовых структурах, особенно – в **Международном валютном фонде**. К слову сказать, дословный перевод его названия с английского (*International Monetary Fund*) так и звучит: «Международный **монетарный* фонд». Это и неудивительно: политика этой финансовой организации насковзь пропитана монетаризмом. Однако за последние годы эта политика начала давать серьёзные сбои.

(<http://from-ua.com>)

Обличая МВФ в монетаризме, авторы пытаются подкрепить свою позицию «дословным», как они выражаются, переводом (хотя этот случай, конечно, не имеет отношения к дословности). Но *монетарный* и *монетаристский* – никак не одно и то же.

Кстати, большинство словарей русского языка вообще не числят в нашем языке такого слова – *монетарный*. Английское же слово *monetary* может иметь следующие русские соответствия: 1) *денежный* (например, *monetary unit* – денежная единица; *monetary reform* –

денежная реформа; 2) *валютный* (monetary union – валютный союз); 3) *валютно-финансовый* (monetary board – валютно-финансовый совет); 4) *денежно-кредитный* или *кредитно-денежный* (monetary policy – денежно-кредитная политика).

Последнее соответствие (*денежно-кредитный*) для многих переводчиков неочевидно, а именно его надо использовать, когда речь идёт о функциях, например, центрального банка страны или регулирующего финансового органа. Если и допустили неточность переводчики, которые когда-то перевели название МВФ на русский язык, то именно в том, что не воспользовались этим термином – вариант «Международный денежно-кредитный фонд» был бы точнее. Ведь МВФ – вовсе не фонд каких-то валют, а именно организация, осуществляющая выдачу денежных кредитов странам, испытывающим экономические трудности. Но традиция уже сложилась, ломать её нет смысла, тем более на основе беспомощных буквализмов типа **монетарный*.

Попутно покритикую банковский словарь Б.Г. Фёдорова [1999], который в целом я ценю очень высоко. В нём даны правильные переводы большинства терминов со словом monetary, но при передаче некоторых тоже использован буквалистский конструкт **монетарный*. Впрочем, он всегда сопровождается вариантом *денежный*, например: Monetary Control Act – Закон о **монетарном (денежном) контроле*; monetary base – **монетарная (денежная) база*.

Резюмируем: никаких «монетарных» фондов! Только ***Международный валютный фонд***! Кстати, эта организация сама бдительно следит за упорядоченностью соответствующей терминологии. Она выпустила глоссарий объёмом около 430 страниц большого формата [IMF Glossary 2010]. В нём русское слово *монетарный* использовано только в одном специальном термине – *монетарное золото* (monetary gold). И больше нигде!

Продовольственная и сельскохозяйственная организация

Наименование этого специализированного учреждения ООН (Food and Agricultural Organisation, FAO) имеет ту особенность, что её русское сокращение есть транслитерация английской аббревиатуры – *ФАО*. Плох или хорош этот вариант, но он юридически закреплён в международных документах. Поэтому когда в русском тексте мы хотим использовать сокращённое название, у нас нет иного выбора, кроме *ФАО*.

Впрочем, это не смутило автора следующего текста:

По прогнозу опубликовавшей эти данные *Продовольственно-сельскохозяйственной организации ООН (*FAO), последствием такого развития событий могут стать высокие и очень неустойчивые цены на зерно на мировом рынке.

(«Известия»)

Итак, в цитированной заметке, во-первых, подвергается модификации полное название ФАО: вместо *Продовольственная и сельскохозяйственная организация* написано **Продовольственно-сельскохозяйственная организация*. Если кто-то скажет, что разница невелика, то я отвечу, что она так же значительна, как между фамилиями *Петухова* и *Петушкова* или между фирмами *Sony* и *Sanyo*. Имя собственное имеет юридический статус, и замена в нём хотя бы одной буквы или даже одного знака (например, пробела на дефис) способна этот статус разрушить.

Во-вторых, в заметке использована английская аббревиатура – ФАО. Вероятно, автор воспринимает наименование международной организации так же, как название какой-нибудь иностранной фирмы, которые сейчас всё чаще не транскрибируются, а переносятся в русский текст без изменений на латинице.

Но нет, ФАО – это не американская компания. Это многостороннее объединение с участием нашей страны, и у него есть как полное, так и сокращённое **русское** имя собственное. Отчего даже там, где русский язык имеет равноправный статус с английским, мы находимся под гипнозом английских букв?

Ещё один образчик самодеятельности, замеченный мною, был впоследствии исправлен. Одно издательство, распространяющее публикации ведущих международных организаций, до недавних пор представляло ФАО на своём сайте в следующем виде:

ФАО (*Всемирная продовольственная организация)

Слово *сельскохозяйственная* из названия исчезло, зато откуда-то взялось слово **всемирная*. Случайно или нет, но после критики в журнале правильный термин был восстановлен. Это, повторюсь, ***Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО)***. Других вариантов нет.

Международный союз электросвязи

Это одна из старейших международных организаций, учреждённая в 1865 году (наша страна вступила в неё в 1925-м). Сначала она называлась Международным телеграфным союзом, а в 1932 году сменила название на Международный союз электросвязи (англ. International

Telecommunications Union). Сокращённое наименование этого союза по-английски не изменилось – как было, так и осталось ITU. Русское же сокращение – МСЭ.

Чаще всего название этой организации искажается, как ни парадоксально, в специализированных изданиях по связи и информационным технологиям. Например, в компьютерном журнале «Апгрейд», если верить результатам автоматизированного поиска по его сайту, Международный союз электросвязи только один раз за всю историю этого журнала был назван своим собственным именем. Его именуют там то **Международным Телекоммуникационным Союзом*, то **Международным Союзом по Телекоммуникациям* (причём именно так, каждое слово с прописной буквы), то даже **Агентством по телекоммуникациям ООН*. И, должно быть, вы уже догадались, что сокращение они используют в русском тексте исключительно английское – ITU.

Впрочем, что спрашивать с авторов технического журнала. Гораздо большее удивление вызывает подобная практика изданий, претендующих на солидность. Так, читаем в «Коммерсанте»:

*Международный союз по телекоммуникациям при ООН (ITU) опубликовал отчёт по развитию телекоммуникационной инфраструктуры в разных странах мира.

В Интернете существует энциклопедия «Кругосвет». От энциклопедии логично ожидать точной, авторитетной информации. Но и там самодеятельность:

*Международный телекоммуникационный союз (*МТС – ITU) организован в Женеве в 1865 как Международный союз электросвязи, с 1947 – специализированное учреждение ООН.

(http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ORGANIZATSIYA_OBEDINENNIIH_NATSI_OON.html)¹

Да нет же, Международным союзом электросвязи он является и сейчас, а вот изначально и до 1932 года назывался, как уже говорилось, Международным телеграфным союзом! Путаница в «Кругосвете» коснулась не только полного, но и сокращённого наименования: вместо МСЭ нам предлагают аббревиатуру *МТС.

Итак, для закрепления: единственно верное русское наименование этой организации – *Международный союз электросвязи (МСЭ)*. Попутно хотелось бы пожелать переводчикам вообще не слишком увлекаться термином *телекоммуникации*. Ведь telecommunications – это просто-напросто *связь*. В подавляющем большинстве случаев данное

¹ По состоянию на 1 октября 2012 г.

короткое русское слово и есть наиболее удачный эквивалент английского. Иное дело, если нужно использовать прилагательное. От слова *связь* его образовать затруднительно, тогда может пригодиться слово *телекоммуникационный*.

Забавная с лингвистической точки зрения мысль была высказана на одном на информационном сайте. Вчитайтесь:

Демонстрация показала присутствие на рынке устройств, которые соответствуют спецификациям..., принятым в качестве предварительной рекомендации Международным союзом *по электросвязи (в свете переименования Госкомсвязи в Госкомитет по телекоммуникациям следует, наверное, теперь называть этот орган *Международный союз по телекоммуникациям, или МСТ).

(http://www.telecomforum.ru/vesti/1999/06/15_01.htm)

Итак, авторы знакомы с официальным названием международного союза (хотя допустили маленькую ошибку, включив в него ещё и предлог *по*), но всерьёз полагают, что его русская версия может зависеть от наименования российского правительственного органа. По этой логике, при каждом переименовании российских ведомств следует аналогично переименовывать по-русски и те международные организации, которые с ними как-то связаны.

Задумается: если ваша племянница вышла замуж и приняла фамилию мужа, стоит ли и вам подавать заявление в загс о перемене фамилии?

Конечно, это абсурдная мысль. Но логика тезиса, изложенного в заметке «Телеком-Вести», именно такова. Её авторы не понимают, что русский вариант названия имелся у этой организации (как и других организаций системы ООН) **всегда**. Это не плод творчества переводчиков, это одна из языковых версий **собственного имени** организации, равноправная со всеми другими как с лингвистической, так и с юридической точек зрения.

Не будем придумывать для международных организаций **несобственных имён**. Направим свои силы на другие объекты переводческого творчества.

МОЙ АДРЕС – НЕ «ХАУС» И НЕ «СТРИТ»

Диалог между Д.И. Ермоловичем и М.Ю. Бродским о написании русских адресов и имён собственных в латинской графике

М.Ю. БРОДСКИЙ. Дмитрий Иванович, позвольте задать вам вопрос как специалисту в области переводческой ономастики. У нашего института новый адрес – мы переехали на улицу Карла Либкнехта. Естественно, встал вопрос: как писать адрес на английском языке? Решили, что транскрибируем мы всё-таки с русского языка и – в помощь почтовым работникам – остановились на варианте: Karl Libknekht St. Я на своей визитке написал K. Libknekhta St., зная по опыту, что «падеж», бывает, что и помогает. От варианта Karl Liebknecht мы отказались, так как англичане-американцы часто плохо читают немецкие имена собственные. Однажды британка прочитала Stirlitz как Shitlitz, долго потом смеялась и предложила писать: Shtirlitz. Дмитрий Иванович, как вы считаете – какой вариант оптимален?

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Михаил Юрьевич, моя позиция совпадает с вашей. Когда мы пишем русский адрес на латинице, нет никакой необходимости восстанавливать орфографию этимологического источника топонима. Адрес – вещь сугубо практическая, призванная помочь почте правильно доставить письмо. А для почты нужно всего лишь знать точное русское написание, поэтому в написании адреса на латинице необходима простая транслитерация.

Более того, я считаю, что и слова *улица, проспект, площадь, проезд, переулок* и т.п. также необходимо транслитерировать, и написал бы Ulitsa Karla Libknekhta. Причина та же – зачем создавать сотрудникам почты лишние проблемы? Положим, они сообразят, что Street – это улица, но бывают и другие элементы адреса, в которых всё не так однозначно. И, если быть последовательным, их тогда тоже следует заменять аналогами вроде *проспект* – *avenue*, *площадь* – *square* и т.п. Но мне кажется лишним, чтобы на российской почте ломали голову и вычисляли, что *alley* – это *переулок*, *passage* – *проезд*, а *avenue* – *проспект*.

Кроме того, некоторые наши топографические понятия плохо поддаются переводу. Например, *тупик* можно в принципе перевести как *blind alley* или *dead end*, но подобные сочетания в собственно англоязычных адресах не встречаются и всё равно выглядели бы в офици-

альном адресе крайне неестественно и даже смешно (поэтому, например, Горлов тупик – это всё же Gorlov Tupik, а не Gorlov Dead End).

В Москве некоторые указатели улиц в центре продублированы «по-английски», и на них, например, слово *переулок* переведено в названиях как side-street. Люди, которые это писали, явно не понимают, что слово side-street имеет чисто описательное значение («малозначительная улочка, отходящая от более важной магистрали») и не может служить топонимическим классификатором, аналогичным слову Street. Чтобы лишний раз убедиться в этом, я даже специально сделал запрос на side-street в Британском национальном корпусе текстов. В подавляющем большинстве (80%) контекстов, выданных по этому запросу, слову предшествовал неопределённый артикль, что свидетельствует о его употреблении в описательных целях. Ни в одном из контекстов оно не фигурировало в сочетании с топонимом. Поэтому его нельзя использовать для передачи слова *переулок* в составе названия.

Особое дело – перевод художественной литературы. Там в принципе могут быть Street, Square и прочее. А в официальных документах и переписке, на мой взгляд, годится лишь прямая транслитерация русского адреса без смыслового или этимологического перевода его элементов и без изменения их порядка. Поэтому своим студентам я всегда говорю, чтоб они не переставляли местами номер дома и название улицы, и если адрес по-русски «Тверская ул., д. 16, кв. 8», то и по-английски должно быть: Tverskaya ul., d. 16, kv. 8.

М.Ю. БРОДСКИЙ. На улицу Карла Либкнехта мы переехали с улицы... Розы Люксембург! Мы писали улицу так: Rozy Luksemburg, хотя были вопросы: Rosy, Rozy или Rozi? Приезжавшая к нам дама из Люксембурга задавала вопросы и по поводу фамилии в названии улицы.

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Если придерживаться принципа транслитерации без всякой оглядки на этимологию (а именно такой подход к передаче адресов я считаю правильным), то, конечно, нужно писать Rozy Lyuksemburg.

М.Ю. БРОДСКИЙ. Интересна проблема передачи имён англичан-американцев в адресе. Есть, например, в Екатеринбурге улица Дарвина. Соблюдать ли «падеж» имени? Если имя «десемантизировалось» – да. Но в этом случае некая «пуповина» ещё не разорвана! Следовательно, ulitsa Charles Darwin или ulitsa Charlza Darvina?! Американцы говорят, что, с их точки зрения, первый вариант будет более узнаваемым.

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Ну, конечно, так для них понятнее и привычнее. Но, если речь идёт о том адресе, который будет стоять в шапке бланка, на визитной карточке или на почтовом конверте, я бы высказался в пользу второго варианта. Повторюсь: нам в этом случае важнее всего, чтобы почтальоны письмо доставили куда надо. А если нужно ещё, чтобы и американцы сообразили, в честь кого улица названа, то можно это им как-нибудь дополнительно разъяснить.

М.Ю. БРОДСКИЙ. Кстати, недавно я узнал, что в Екатеринбурге есть улица Шекспира. На ней стоят три или пять частных домов (бедный Йорик! бедный Шекспир!). Если следовать общим правилам, получится *Ulitsa Shekspira*. Выглядит импозантно. Хотя, с другой стороны, в Чехии, скажем, мы видим «склонение на наши нравы» буквально на каждом шагу: *Vupi Goldbergova, Брюс Виллисов*.

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Да, это характерно не только для западнославянских, но и для балтийских языков, несмотря на то, что там используется общая с английским языком латинская графика. В латышском языке *Samuel Jackson* превращается в *Semjuels Džeksons*, а *Sheril Lee* – в *Šerila Li*. Представляю, как это озадачивает американцев, сталкивающихся с подобными «переложениями». Но ничего страшного в этом нет. В каждом языке свои законы.

М.Ю. БРОДСКИЙ. Дмитрий Иванович, мы не обсудили передачу названия моего города. На имеющихся у меня британских и американских картах мира Екатеринбург транскрибируется как *Yekaterinburg*. Вместе с тем в авиабилетах, а также в документах генерального консульства Великобритании (но не США!) и комиссий Евросоюза фигурирует вариант транслитерации *Ekaterinburg*. Любопытно, что в 1990-е годы, после обратного переименования Свердловска в Екатеринбург, мы считали *Yekaterinburg* «американским», а *Ekaterinburg* «британским» вариантом. Вот так эти два варианта и сосуществуют.

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Передача в кириллице русского йотированного *e* в начале слова и после гласных – извечная проблема. Здесь постоянно встречается разнобой. Вот, например, фамилию великого русского химика Менделеева пишут по-английски то *Mendeleev*, то *Mendeleyev*. И в случае с названием *Екатеринбург* похожая ситуация.

В широкой, неспециальной сфере использования имён собственных на сегодняшний день действует принцип практической транскрипции, то есть преимущественно фонетической передачи. Согласно этому принципу, название *Екатеринбург* должно передаваться на английский

язык с начальной буквой *y*, обозначающей йотацию, – *Yekaterinburg*. Нетрудно заметить, что, поскольку русская буква *e* произносится в одних случаях с йотацией, а в других без неё, то и соответствия на латинице, построенные по транскрипционному принципу, различаются в зависимости от позиции гласной – после согласной *e*, в остальных случаях *ye*. Это, кстати, не такое уж простое правило, его далеко не все способны усвоить, и его сложность сама по себе ведёт к большому количеству ошибок.

М.Ю. БРОДСКИЙ. Может быть, транскрипция и победила бы, если бы не «первым делом самолёты», а транскрипция – потом. В аэропортах мира мы увидим ЕКТВ.

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Вы правы, отмечая здесь конфликт между транскрипцией и транслитерацией как базовыми принципами передачи. В различных *технических, специальных* областях важно не произношение, а унифицированное отражение в документации, то есть написание. Там предпочтение отдаётся принципу *транслитерации*, единообразным побуквенным соответствиям. Географические названия в авиации – это как раз такая специальная область. В ней фонетическое соответствие *e – ye* вызывает только лишние проблемы.

А что касается латинских кодов аэропортов, то это вообще чистая условность, зафиксированная в международных конвенциях с единственной целью: обеспечить единообразие в документации. Эти коды иногда вообще не соотносятся с принятым написанием названия города. Так, код Актобе (бывшего Актюбинска) – ADX, Санкт-Петербурга – LED (остался от Ленинграда). Кстати, ЕКТВ – это какое-то неофициальное сокращение. В Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА) для Екатеринбурга принят код SVX (наследие Свердловска).

Но вернёмся к вопросу о том, как же следует передавать название *Екатеринбург* в адресах. Думаю, что на сегодняшний день это следует делать всё-таки в соответствии с транскрипционным принципом – *Yekaterinburg*. Ведь названия городов используются не только в адресах, но и в гораздо более широкой сфере коммуникации. При их передаче уже нельзя исходить только из технических соображений, актуальных для почты, аэронавигации и других специальных областей. В этом смысле американцы действуют более научно, чем британцы.

(Хотя, замечу в скобках, я выступаю за то, чтобы устранить разницей в латинской передаче имён собственных на базе единой и взаимно

однозначной системы передачи, основанной именно на принципе транслитерации. Принятие такой системы – дело будущего, которое потребует больших коллективных усилий со стороны лингвистов. Да и, учитывая бюрократические препоны, может оказаться проблематичной задачей. Об этом можно судить хотя бы по тому, с какими трудностями столкнулись даже глубоко проработанные и одобренные Академией наук поправки к правилам русской орфографии.

М.Ю. БРОДСКИЙ. Интересная тема – *ж* и *щ* в фамилиях. П. Р. Палажченко пишет в своей фамилии на латинице *zchenko*, а моя коллега Онищенко использует написание *Onischenko*. В загранпаспортах и правах мы видим и другие варианты.

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Я спрашивал у Павла Руслановича, почему он транскрибирует свою фамилию как *Palazchenko* – ведь стандартный способ передачи *ж* – *zh*, стало быть, его фамилия должна писаться *Palazhchenko*. Он ответил, что «упрощённый» способ латинской транскрипции его фамилии был в своё время предложен американским издательством, которое публиковало в США написанную им по-английски книгу [Palazchenko 1997]. Издатели сочли, что в написании с тремя согласными буквами в середине (*zch*) фамилия автора книги будет более удобочитаемой для американцев, чем с четырьмя (*zhch*).

Павел Русланович тогда согласился с этим. По его словам, он считал это непринципиальным в условиях, когда – как справедливо и вы отмечаете – в паспортах и правах наблюдаются самые разнообразные варианты. Впоследствии, ради единообразия, он сохранял такое написание и в других иноязычных документах. Однако сейчас, когда всё больше возрастает значение упорядоченной передачи имён на латинице, Павел Русланович считает необходимым вернуться к варианту, требуемому правилами, – *Palazhchenko*.

Буква *щ* должна по существующей системе передаваться четырьмя буквами – *shch*. Вероятно, кому-то кажется это слишком громоздким и трудночитаемым соответствием, вот они и сокращают до трёх букв.

Но это не только означает отход от правила, но ещё и затрудняет восстановление исходного имени на кириллице. Ведь тогда получается, что сочетанием *sch* одинаково передаются *щи* и *сч*, и при такой передаче мы бы не знали, какая русская фамилия стоит за транслитератом *Schetkin* – *Щёткин* или *Счёткин* (пример условный, но, между прочим, фамилия *Счёткин* фигурирует в пьесе Сергея Михалкова «Раки»).

М.Ю. БРОДСКИЙ. Фамилию Виктора Ющенко часто передают в варианте sch (Yuschenko). Любопытно, как правила борются с удобством: Google предлагает 226 000 интернет-ссылок с вариантом написания Yuschenko и 2 440 000 – с вариантом Yushchenko.

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Значит, правила побеждают. Всё-таки число ссылок на правильное написание более чем десятикратно превышает число ссылок на «усечённый» вариант.

Кстати, не забудем: здесь речь идёт о транскрипции с украинского языка, а не с русского. Впрочем, в этой части правила для наших двух славянских языков совпадают – и русское, и украинское *щ* следует передавать на английский четырёхбуквенным сочетанием shch.

В своей книге [Ермолович 2005] и других публикациях¹ я предложил, пока в дискуссионном порядке, новую систему русско-латинской транслитерации, полностью построенную на принципе унификации и взаимной однозначности соответствий. В рамках этой системы я считаю целесообразным использовать как соответствие для *щ* вообще только одну букву латинского алфавита – *х* (икс). Это кажется непривычным, но использовали же её китайцы в своей системе пиньинь для передачи шипящего звука, и на Западе эту систему приняли. Впрочем, передача *щ* иксом – это только идея, которой ещё очень далеко до реализации, а на сегодня стандартное соответствие – shch.

М.Ю. БРОДСКИЙ. У меня студентки – Гульнара и Гюльнара. У первой в паспорте имя передано как Gulnara, у второй – через *ü* с точками (вроде немецкого умляута). Вы в своей книге, Дмитрий Иванович, пишете о таких случаях (пример с Люберцами, если не ошибаюсь).

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Передача русской буквы *ю* посредством латинской *u* с умляутом (*ü*) – это соответствие из советского технического госта. Я действительно привёл в своей книге пример такой передачи с топонимом *Люберцы*. Но этот гост на практике применяется только в специальной картографии.

Я писал и в монографии, и в статьях, что считаю использование диакритиков при русско-латинской транслитерации совершенно нецелесообразным и не реализуемым практически. Единственно реальным принципом соответствий, не приводящим к путанице, остаётся использование диграфов. Букву *ю* следует передавать сочетанием *yu* во всех случаях. Тогда и легко будет отграничить имя Гульнара (Gulnara) от Гюльнара (Gyulnara).

¹ См., в частности, статью «О пользе транслитерации», с. 25–27.

М.Ю. БРОДСКИЙ. На всех заграничных документах мою фамилию транскрибировали Brodskiy, что вызывает у меня массу отрицательных эмоций. Все свои статьи на английском я упрямо подписываю «по прецеденту» – Brodsky. В ОВИРе говорят, что они тут ни при чём. Дмитрий Иванович, существует ли у нас в стране возможность поворотить вспять колесо транскрибирующего по не всегда понятным правилам механизма (заявление, ходатайства от консульства, мнения экспертов и т.п.)? Или теперь всю жизнь придётся мириться с изуродованным вариантом?

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Михаил Юрьевич, никакой возможности воздействовать на «органы» по вопросу о транскрипции имён в паспортах пока нет. Прецеденты были, и все попытки окончились безрезультатно.

У меня самого в старом загранпаспорте имя и фамилия транскрибировались как Dmitry Ermolovich, а в водительских правах – как Dmitriy Yermolovich. Это результат разнобоя в передаче злополучного начального *e*, о котором мы уже говорили. За границей удивлялись, но пока, слава Богу, проблем из-за этого у меня не было. Свои работы на английском языке я тоже подписываю вариантом транскрипции (Dmitry Yermolovich), отличающимся от паспортного.

По большому счёту, стоит ли тратить время и силы на то, чтобы что-то доказывать бюрократам? Ваши статьи вы вполне можете продолжать подписывать так, как считаете нужным. А документы необходимы для чисто бюрократических процедур. Следите просто за тем, чтобы в официальных бумагах (приглашениях и т.п.) написание совпадало с паспортным. Хотя мой опыт показывает, что небольшое несовпадение не вызывает у зарубежных консульств проблем. Они с такими случаями сталкиваются множество раз каждый день, и если в приглашении будет написано Brodsky, а в паспорте Brodskiy, вряд ли к этому придерутся.

М.Ю. БРОДСКИЙ. Мои предположения, увы, оправдались. Не то чтобы хочется повернуть бюрократическую машину вспять, но... эстетика тоже важна!

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Думаю, что в нашей стране только тогда будет наведён порядок в сфере латинской транскрипции (транслитерации) имён, когда появится специальный орган – экспертная группа или комиссия, полномочная принимать директивные решения по лингвистическим нормам, обязательные для государственных учреждений, издательств и средств информации, – аналогично тому, как это имеет

место во Франции. Доживём ли мы когда-нибудь до этого, предполагать трудно.

М.Ю. БРОДСКИЙ. Дмитрий Иванович, наш диалог побудил меня обратиться к вашей книге «Имена собственные на стыке языков и культур» [Ермолович 2001]. Бросив взгляд на стр. 25 («Принцип благозвучия») и увидев Киев, я вспомнил, что недавно видел вариант Kyiv. Кажется, это была телетрансляция футбольного матча с участием команды «Динамо» (Киев).

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Транслитерация Kyiv и транскрипция Kiyiv призваны отразить соответственно украинское написание (Київ) и произношение [кыйив] названия столицы Украины. Поскольку раньше Украина была в составе России (а в советскую эпоху – в составе СССР), то вариант Киев отражал написание на русском как на государственном языке всей страны. Поскольку сейчас русский язык утратил на Украине государственный статус, там действуют правила передачи имён на латиницу непосредственно с украинского языка, которые, как я уже говорил, отличаются от правил для русского языка. Но написание Киев имеет довольно давнюю историю использования в английском языке, поэтому может рассматриваться как традиционное соответствие.

М.Ю. БРОДСКИЙ. Я человек верующий, и меня ещё при первом прочтении книги заинтересовал абзац на с. 32, посвящённый словосочетанию *Господь Саваоф*. Вы пишете, что это ошибочный вариант. Но поскольку на каждой литургии хор поёт «Свят, свят, свят Господь Саваоф», я решил проверить этот вариант по электронному изданию Библии. По данным поиска, в общепринятом Синодальном переводе Библии «Господь Саваоф» используется 257 раз, а «Господь воинств (небесных)» – 0. Вы пишете, что ошибка была исправлена в современных вариантах перевода. Какие переводы имеются в виду?

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Да, я упоминал о том, что «имя» *Саваоф* – это исторически переводческая ошибка: эпитет, ложно воспринятый как имя собственное. По исконному смыслу выражение «Бог (или Господь) Саваоф» означает ‘Господь воинств небесных’, то есть ангелов.

Написав, что сегодня эту ошибку в ряде случаев исправили, я имел в виду не Синодальный перевод Русской православной церкви, а некоторые современные переводы, которыми пользуются другие конфессии. Так, в Апостольской православной церкви используется следующая молитва из книги пророка Исайи:

Поэтому Господь, **Господь воинств**, изнурит его вельмож болезнью, а славу его сожжёт, в горящий костёр обратит! (Ис. 10: 16).

Что касается английских соответствий – Sabaoth и Lord of hosts, то, согласно «Симфонии» Крудена [Cruden 1967], в Библии короля Иакова – the Authorised (King James) Bible – Sabaoth употреблено только три раза, а в остальных случаях сочетание *of hosts* там, где в Синодальном тексте – *Саваоф*. Например:

Он, Который... утренний свет обращает в мрак, и шествует превыше земли; Господь **Бог Саваоф** – имя ему. (Амос 4: 1 3)

... that maketh the morning darkness, and treadeth upon the high places of the earth, the Lord, the **God of hosts** is his name. (Amos 4: 13)

М.Ю. БРОДСКИЙ. В книге вы критикуете такие варианты передачи японских названий и реалий, как «Тошиба», «Хитачи» и *суши*. Мне кажется, русскому уху приятнее именно эти варианты (раздел 2.5 посвящён принципу благозвучия). Лапша «Доширак» плохо продавалась в России, пока называлась «Досирак», и Шри Ланка тоже вряд ли когда-нибудь превратится в «Сри Ланку».

Когда мы со студентами говорили на занятиях о традиции и принципах благозвучия, я проводил опрос. Почти все опрошиваемые в течение последних лет как раз склонялись к вариантам *суши* и тому подобным. Может быть, дело в привычке...

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Мне кажется, что соображения о том, какой вариант звучит приятнее или какому варианту отдано предпочтение при опросах, не применимы к случаям, когда речь идёт о соблюдении чётких правил – в данном случае правил, разработанных японистами для передачи японских имён собственных. Эти правила соблюдались в советский период («Тосиба» и «Хитати» существовали и тогда), а сейчас их сплошь и рядом нарушают, поскольку не удосуживаются к ним обратиться и пытаются передавать имена и реалии с японского через посредство английского языка. Но мы-то, лингвисты-переводчики, как мне думается, просто обязаны их соблюдать и учить этому наших студентов.

Об этом есть подробные и убедительные мнения экспертов. Позволю себе сослаться на статью В. Смоленского [2004]. В ней даны чёткие ответы на все аргументы сторонников **суши* и **Фуджи*. Было бы очень полезно познакомить с ними студентов.

М.Ю. БРОДСКИЙ. Дмитрий Иванович, правила, без сомнения, существуют для того, чтобы их соблюдать. И всё же мы не можем сбрасывать со счетов предпочтение носителей языка. Опросы информантов

широко применяются в лингвистике, и их, я полагаю, полезно применять и для решения переводческих задач.

Д.И. ЕРМОЛОВИЧ. Михаил Юрьевич, по-моему, не следует противопоставлять правила опросам. Опросы информантов применяются в исследовательских целях, для прояснения каких-то неизученных феноменов. Правила же – это системная фиксация уже существующей нормы. В большинстве случаев такая норма конвенциональна, то есть определяется соглашением экспертов. В русском языке пишется *корова*, но теоретически могло бы писаться и **каровава*. Я, честно говоря, не видел бы смысла в проведении опросов на тему о том, какой вариант информантам больше нравится – *корова* или **каровава*, *ещё* или **исчо*.

Возможно, при опросе информантов значительная их часть отдала бы предпочтение вторым вариантам в этих парах. Так, в интернетовских чатах и форумах модно исказить орфографию – вот для наглядности цитата (опускаю непечатные слова):

Исчо один атчот о питерской тусе. На фходе стоял удаф с каким-то товарищем. Войдя ф клуп я пафтыкал в тусу, в надежде узнать каво-нибудь. Никаво я не узнал. Ну ладно, у фсах бывают прасчоты, или просто уже некада суетицца...

Должен отметить, что такие искажения имеют свою логику и в чём-то остроумны. Ведь они не противоречат реальному произношению (по крайней мере, московскому). Но для человека, который хочет писать грамотно, из этого ничего не следует. Даже если какая-то норма устаревает, её можно отбросить лишь тогда, когда зафиксирована новая норма – будь то в новых правилах или других авторитетных источниках (словарях, учебниках, солидных научных трудах, соглашениях экспертов).

Бывают исключения из правил, диктуемые традицией или другими факторами. Но прежде чем соглашаться с исключениями из правил, необходимо знать сами эти правила. Наши студенты правил не знают, в этом вся беда. Я к тому и призываю, чтобы учить студентов правилам передачи иноязычных ИС, в частности японских и китайских. Ведь они потому и действуют по принципу «нравится – не нравится», что не знают о наличии нормы.

М.Ю. БРОДСКИЙ. Дмитрий Иванович, совершенно согласен с тем, что сначала нужно изучить правила, и критерий «нравится – не нравится» не может эти самые правила подменять. Этому мы, конечно же, должны учить и студентов.

К ВОПРОСУ О «ПОЛУАНТРОПОНИМАХ»

Известно, что имена собственные (далее – ИС), и в частности антропонимы, могут употребляться метафорически. Изучение этого вопроса в последние годы ознаменовалось новацией в отечественной англистике – концепцией «полуантропонимов». Анализу этой концепции и посвящена настоящая статья.

Термин «полуантропоним» был выдвинут в двух монографиях, одна из которых написана совместно М.Я. Блохом и Т.Н. Семёновой [2001], а другая – Т.Н. Семёновой [2001]. В обеих работах излагаются одинаковые взгляды, поэтому здесь будет цитироваться лишь первая. Закономерен вопрос: насколько введение нового термина «полуантропоним» отвечает особенностям изучаемого явления и задачам упорядочения научного аппарата ономастики?

Авторы называют своё видение знаковых особенностей ИС «субстанциональной теорией» и пишут, что она опирается на труды других отечественных лингвистов, исследовавших ИС с позиций диалектической теории познания. Эти лингвисты именуется сторонниками «языко-речевого подхода». Среди них перечислены Л.М. Щетинин, С.Д. Качнельсон, В.А. Никонов, Н.Г. Комлев, Л.П. Ступин, В.Д. Бондалетов, М.Н. Ермаченко, другие лингвисты, а также автор этих строк.

Касаясь проблемы значения антропонимов, разработчики «субстанциональной теории» пишут, что они разделяют

«точку зрения сторонников „языково-речевого“ подхода, согласно которой имя собственное рассматривается как языковая единица, отражающая взаимодействие всеобъемлющих категорий общего и единичного» [Блох, Семёнова 2001. С. 24].

Вывод о том, что имя обладает отражательной семантикой, указывают авторы, позволяет рассматривать ИС в рамках «субстанциональной концепции значения», согласно которой

«значение языкового знака, закреплённое за определённым звучанием, может быть определено содержательно, разложимо на составные элементы и описано как совокупность признаков, что предполагает использование метода компонентного анализа» [Там же. С. 31].

Выделяя «полуантропонимы», авторы концепции опираются на особенности безартиклевого и артиклевого употребления ИС в английском языке. По их мнению,

«отсутствие артикля при антропониме должно быть осмыслено как внеартиклевое употребление личного имени, поскольку любое артиклевое значение оказывается избыточным для антропонима, информативно достаточного в конкретных условиях ситуации и текста» [Там же. С. 47].

Данное утверждение дискуссионно. Хотя индивидуализирующий компонент значения ИС (можно называть его семой индивидуализации) во многих случаях действительно сопряжён с указанием на определённого референта и поэтому делает избыточным употребление определённого артикля, нельзя забывать, что индивидуализация (при-сущая ИС) и определённая (выражаемая артиклем) – это, строго говоря, не одно и то же.

Индивидуализирующий компонент значения ИС указывает на то, что имя принципиально предназначено для именованья представителя класса, позволяющего выделять его среди других, но эта предназначённость не абсолютна. Ограниченность большинства коммуникативных сфер позволяет обходиться небольшим арсеналом имён так, что в каждой коммуникативной сфере набор используемых ИС достаточно разнообразен и, как правило, свободен от одноимённости. Принцип экономии средств и практического удобства оправдывает такую знаковую систему.

Однако, как известно, реальная практика порождает бесконечное разнообразие коммуникативных сфер и ситуаций, в которых возможны: а) повторение имён среди представителей одного класса; б) недостаточность ситуации и коммуникативной сферы для формирования знаний об объекте, однозначно его определяющих, даже если говорящим известно его индивидуальное имя.

Язык как система предусматривает на этот случай разнообразные дополнительные средства усиления определённости и дифференциации. Например, если в некоем коллективе есть два тёзки по имени Роман, они могут дифференцироваться по фамилиям (*Роман Ткачук* и *Роман Орехов*), с помощью дейксиса (*мой Роман* и *её Роман*), описательных характеристик прозвищного типа (*Роман-большой* и *Роман-маленький*), иных способов лексического варьирования (*Роман* и *Ромочка*) и т.д. В какой-то речевой ситуации возможно установление индивидуальной референции даже в условиях недостаточной определённости индивида относительно говорящих и коммуникативной сферы («Посмотри, вон идёт Роман». – «Какой ещё Роман? Кто это?»), которая разрешается дополнительными средствами («Да тот самый одноклассник, о котором я тебе рассказывал»).

В английском языке категорию определённости, в дополнение к указанным выше средствам, выражает артикль. В оппозиции высказываний:

- (1) It is Jones.
 (2) It is a Jones.
 (3) It is the Jones –

отсутствие артикля в (1) явно значимо. Во всех трёх случаях ИС есть индивидуализирующий знак, но если в (2) неопределённый артикль маркирует неединственность референта у этого имени, в (3) определённый артикль сообщает референту определённую в условиях потенциальной множественности референтов, устанавливая связь с подразумеваемой определённой дескрипцией, то в (1) отсутствие артикля означает достаточность индивидуальной идентификации референта и его определённости в актуальной коммуникативной сфере и ситуации.

Тем не менее, опираясь на тезис «внеартиклевости» антропонимов, авторы монографии предлагают в тех случаях, когда ИС личное всё же употребляется с артиклем, говорить об особом типе имён – так называемых полуантропонимах. Они пишут:

«Антропоним <нередко> становится бифункциональным, обобщающе-индивидуализирующим, именем. Данный тип личного имени мы называем „полунарицательным антропонимом“, или, сокращённо, „полуантропонимом“. Полуантропонимы – это личные имена со смешанными, „нарицательно-антропонимическими“, лексико-грамматическими свойствами, находящиеся как бы на полпути от своего прежнего качества к новому» [Блох, Семёнова 2001. С. 51].

С моей точки зрения, с термином и понятием «полуантропоним» связано слишком много неразрешённых вопросов.

Во-первых, М.Я. Блох и Т.Н. Семёнова не разъясняют статуса «полуантропонимов» как категории словесных знаков. Мною [Ермолович 1981; 1987] было показано, что антропонимы способны к вторичной номинативной функции в речи с сохранением семантической двуплановости, и была предложена классификация случаев такого номинативного переноса и их интерпретация. Все эти случаи укладываются в рамки речевой реализации антропонимов, не связанной с их переходом в иную номинативную категорию лексики. Антропонимы же, теряющие семантическую двуплановость, меняют свою знаковую структуру и переходят в иной класс словесных знаков, становясь нарицательными.

Что же тогда такое «полуантропоним»? Оснований для того, чтобы возводить их в ранг лексического типа, класса или подкласса, не больше, чем для любых других слов, использованных в речи метафорически или метонимически.

Не поддерживают концепцию «полуантропонимов» и примеры, которыми иллюстрируется тезис о маркированности «полуантропонимов» английскими артиклями. Рассмотрим, например, высказывания, в которых ИС имеют определения-прилагательные: новое или необычное состояние человека отмечается неопределённым артиклем, а характерная черта – определённым:

(4) *A badly shaken Mike Cronin* leaned on Nora for support ... [Блох, Семёнова 2001. С. 55]

(5) Patrick was... of commanding height and build, quite casting *the dun and aristocratic Rufus Hastings* into the shade. [Там же. С. 59]

В этих примерах артикли детерминированы синтаксически препозитивными прилагательными. Постпозитивные определения (ср.: Mike Cronin, who was badly shaken; Rufus Hastings, dun and aristocratic) не требуют употребления артикля при ИС. Точно так же употреблялись бы артикли при нарицательных существительных с препозитивными атрибутами. Определяемые существительные не переходят в другой номинативный класс.

Анализируя аналогичные примеры, А.А. Живоглядов находит в артикле «конденсирующую» способность:

«определятельные придаточные обороты последовательно переходят в предложные фразы и описательные прилагательные, а затем эллиптируются. Ср.: I know *the Raquel who has brown eyes* ® I know *the Raquel with brown eyes* ® I know *the brown-eyed Raquel* ® I know *the Raquel* [Живоглядов 1998. С. 11].

А.А. Живоглядов считает, что *the Raquel* в последней фразе – всего лишь свёрнутая форма дескрипции “a girl (woman) under the name of Raquel who has brown eyes”. Соглашаясь с такой трактовкой функции артикля, хотелось бы внести одну поправку и заменить неопределённую дескрипцию, в которую развёрнут эллипсис, на определённую: “*the girl (woman) under the name of Raquel who has brown eyes*”. При стяжении фразы в эллипсис не могла измениться степень детерминированности индивида ситуацией.

Итак, если в полной дескрипции с лимитирующим определением норма требует определённого артикля при нарицательном слове и отсутствия артикля при ИС, то именно эллиптическое стяжение с исключением нарицательного слова ведёт к образованию менее привычного и, казалось бы, ненормативного сочетания определённого артикля с антропонимом. Наричательное слово эллиптируется потому, что присутствующая в нём сема ‘female’ имеется и в значении ИС Raquel.

Авторы концепции «полуантропонимов» полемизируют со мной по поводу некоторых случаев метафорической номинации:

«Д.И. Ермолович относит безартиклевые метафорические антропонимические наименования к номинации отождествления, указывая, что лежащая в их основе индивидуальная ошибка оставляет референта единичного имени неповторимым, индивидуальным. Данная форма антономасии, по мнению Д.И. Ермоловича, не делает из прототипа категории или класса, а лишь объединяет в одном лице двух или нескольких индивидов, в том время как артиклевые формы антономасии снимают единичность референта, превращая его в исходный образ для определённой категории предметов. <...> Приведённое выше положение о возможности внеартиклевого употребления антономасии представляется, однако, недостаточно достоверным. Имеющийся в нашем распоряжении языковой материал свидетельствует о том, что с точки зрения подверженности артиклевой детерминации антономасия занимает в системе транспонированных личных имён особое положение» [Блох, Семёнова 2001. С. 107].

Кстати, пользуясь термином *антономасия* в смысле ‘обозначение лица, наделённого свойствами другого человека’, авторы монографии считают более корректным следующий конструкт:

«полуантропоним двукратного (номинативного и референтного) знакового раздвоения (или полиреферентный полуантропоним)» [Там же. С. 98].

Не будем вступать в полемику о целесообразности столь усложнённой терминологии. Однако то, как цитируемые авторы интерпретируют использование антропонимов во вторичной номинативной функции отождествления, заслуживает комментария.

Итак, утверждается, что с антономасией активно взаимодействуют все три артикля: неопределённый, определённый и нулевой.

«Возможность детерминации полуантропонима-антономасии нулевым артиклем абсолютного абстрагирования объясняется референтной расщеплённостью полунарицательного личного имени этого типа – полуантропоним двукратного знакового раздвоения характеризует то лицо, которое не именует. По этой причине соответствующие постоянные семы такого полуантропонима допускают абсолютную степень обобщения» [Там же. С. 108].

Чтобы сделать нагляднее процитированный тезис и проанализировать его, рассмотрим высказывания:

(6) He is Sigmund Freud.

(7) He wants to be Sigmund Freud.

Очевидно (и с этим, видимо, согласны разработчики «субстанциональной теории»), что в (6) ИС употреблено в первичной, а в (7) – во вторичной номинативной функции. Однако, с моей точки зрения, в примере (7) имеет место такой метафорический перенос значения, когда один субъект образно отождествляется с другим. Здесь можно даже опереться на моих критиков:

«именно выражение ею [антономасией] *ирреального условия* (выделено мною – Д.Е.) освобождает процесс сопоставления образов прототипа и референта от разнообразных ограничений, налагаемых объективной системой знаний о мире» [Там же. С. 105].

Такая метафорическая номинация антропонимом построена именно на отождествлении. Один человек не просто уподобляется другому, он желает или условно допускает возможность «стать» им, перевоплотиться в него, принять в себя его индивидуальные черты. Впрочем, можно указать по крайней мере на один тип ситуаций, в которых такое перевоплощение рассматривается не как ирреальное условие, а как действительный факт, – это характеристика талантливой актёрской игры, например:

(8) *She didn't act out Carmen, she was Carmen.* – Она не играла Кармен, она была ею.

Отсутствие артикля при ИС во всех трёх примерах – (6), (7) и (8) – я интерпретирую как нулевой артикль, обозначающий достаточность индивидуальной идентификации референта и его определённости в актуальной коммуникативной сфере и ситуации.

Авторы же теории «полуантропонимов» усмагривают в высказывании (7) и, видимо, (8) примеры полиреферентности и «абсолютного абстрагирования».

Что касается артикля, то его отсутствие в (6) расценивается ими как внеартиклевое употребление антропонима, а в (7) и (8) – как нулевой артикль абсолютного абстрагирования:

«Соединение полиреферентного полуантропонима с нулевым артиклем абсолютного абстрагирования однозначно показывает, что ведущей функцией такого полуантропонима является указание на абстрактно-сущностные признаки именуемого» [Блох, Семёнова 2001. С. 108].

Если бы функцией подобной номинации действительно было указание на абстрактно-сущностные признаки именуемого, то эту функцию могли бы выражать и имена во фразах типа “*You are Sigmund Freud*” (без модальности допущения, желательности или нереального условия). На самом деле подобное употребление невозможно (если только речь не идёт об актёрском перевоплощении), а возможна лишь категориальная номинация с неопределённым артиклем: “*You are a (real) Sigmund Freud*”.

Иллюстративный материал, приводимый авторами теории «полуантропонимов», не всегда подкрепляет их тезисы. Так, упомянутую гипотезу об употреблении «полуантропонимов» с нулевым артиклем «абсолютного абстрагирования» они аргументируют примером (приводится в сокращении):

(9) “...the father wandered outside like *Ishmael* <...> like *Ishmael*, in a curious silence and tension <...> and above all, the triumphant loneliness, *the Ishmael quality*”.

Этот пример поясняется следующим образом:

«В приведённом отрывке семантика обобщения, реализуемая антономасией Ishmael, получает трёхкратное маркирование: её индикатором служит не только нулевой артикль абсолютного абстрагирования, но и наличие корреляции полуантропонима-антономасии с двумя атрибутивными сочетаниями – <...> группой the Ishmael quality, включающей отантропонимический атрибут, с другой стороны – с атрибутивной синтагмой the triumphant loneliness» [Там же. С. 108].

Увы, пример (9) интерпретирован некорректно. Ведь в первых двух случаях ИС Ishmael вовсе не является антономасией, ибо следует за союзом like, то есть употреблено в составе **сравнения**, а в сравнении, как известно, **нет** никакого метафорического или иного переноса значения: антропоним используется в своей основной номинативной функции. Каким бы условным или преувеличенным ни было сравнение, имя объекта сравнения не утрачивает прямой номинативной функции и не приобретает коннотаций. Взять, к примеру, шуточный афоризм «Перевод – как *женщина*: или красив, или верен»: слово *женщина* в нём не подвергается никакой метафоризации или иному переносу значения.

В третьем же случае в (9) ИС Ishmael употреблено как атрибут конструкции (the Ishmael quality). В этой функции не только ИС, но и любые слова приобретают адъективные качества, и это не влияет на их употребление или значение в других конструкциях.

Теория «полуантропонимов» плохо проецируется на другие слои ономастической лексики, которых её авторы не рассматривают. Зато они без серьёзных оснований проводят параллели со словами-уникумами, перечень которых исчерпывается словами sun ‘солнце’ и moon ‘луна’. Если и сопоставлять такие слова-уникумы с ономастической лексикой, то логичнее сравнивать их с астрономами (названиями небесных тел), особенно названиями звезды *Солнце* и планеты *Луна*, чем с антропонимами.

Авторы теории «полуантропонимов» говорят о них, как об ИС, находящихся на разных стадиях перехода в нарицательные, и выделяют ряд подвидов «полуантропонимов», необоснованно зачисляя туда, как уже отмечалось, даже имена в составе сравнений. Однако из их поля зрения полностью выпали случаи **метонимического** переноса значения антропонимов, статус которых в терминах этой теории оказался не определён.

В целом теория «полуантропонимов» представляется малообоснованной и непродуктивной. В ней смешиваются функции ИС и их

определителей. В «полуантропонимы» зачисляются все случаи использования артикля при ИС, даже такие, как в примере:

(10) *The Maria Henrietta d'Alveira mentioned had been captured,*

где определённый артикль обусловлен лимитирующим определительным оборотом. Иными словами, не разграничены артиклевые употребления ИС, допускающие категориальные оппозиции, и употребления, детерминированные синтаксически и потому безальтернативные.

Приходится констатировать, что под понятием «полуантропонимы» объединены разнородные явления: а) употребление антропонимов в первичной индивидуализирующей функции, детерминированное синтаксически; б) регулярное употребление антропонимов во вторичной номинативной функции на базе метафорического или метонимического переноса при сохранении связи с первичной референцией. (Последнее явление подробнее охарактеризовано в работах [Ермолович 1987; 2005].) В обоих случаях нецелесообразно говорить о некоем особом типе словесных знаков.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД И ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

В теории и практике двуязычной лексикографии остаётся открытым вопрос: что именно дают словари после заглавного слова в качестве его «переводов»? Из теории перевода известно, что переводятся не слова, а отрезки речи. По составу лексического значения совпадает лишь небольшое число лексем в разных языках, а по синтагматическим и парадигматическим отношениям слова из разных языков вообще никогда не совпадают. Если нет совпадения, логично заключить, что словарные соответствия образуются по признаку максимальной «близости» указанных признаков. Однако эта «близость» – понятие, интуитивно вроде бы ясное, – никем пока не определена, и критерии её отсутствуют¹.

В явной форме своё понимание «близости», или «точности» соответствий объяснили, пожалуй, лишь Л.В. Щерба и А.И. Смирницкий. Первый из них писал в предисловии к «Русско-французскому словарю», что для каждого значения слова «старался перебрать все возможные русские контексты данного значения, и, если данный перевод не подходил ко всем случаям, то в общем мы ему предпочитали такой, который годился бы всегда, хотя бы и был в отдельных случаях менее удачен» [Щерба 1969. С. 7]. Иными словами, речь идёт о соответствии с наименьшей зависимостью от контекста и с наибольшей универсальностью значения. Если в отдельных контекстах такое соответствие окажется неестественным или неидиоматичным, но понятным, это считается меньшим злом, чем употребление «чересчур французского» выражения, которое в устах иностранца может звучать смешно².

В «Русско-английском словаре» А.И. Смирницкий давал «по возможности точные переводы, соответствующие переводимым словам не только по общему значению, но и по стилистическому характеру и по эмоциональному тону» [Смирницкий 1985. С. 11]. Например, к слову *видеть* – соответствие *see*, а к словам *зреть*, *лицезреть* – *behold*. В согласии с этим принципом он стремился давать к каждому слову

¹И.Р. Гальперин [1972. С. 18] писал о «максимальной точности эквивалента», но она также не была им определена.

²В последующих изданиях словаря в него всё-таки шире были введены слова и выражения, которые Л.В. Щерба считал «чересчур французскими».

только один «перевод», а если и приводил синонимы, то очень ограниченное их число.

Изложенные позиции диктовались теми целями, которые преследовали словари. В первом случае ставилась задача дать возможность пользователю объясниться пусть не очень изящно, но так, чтобы быть понятым. Во втором случае словарь ставил дидактические цели и стремился дать изучающему язык некое первое приближение лексической системы иностранного языка путём подстановки в иноязычную схему лексики родного языка.

Обе указанные цели отвечают реальным потребностям определённых категорий лиц, которым в учёбе или работе нужен иностранный язык, особенно на определённом этапе его изучения. Вместе с тем у профессионального переводчика другие требования. Ему недостаточно просто быть понятым (тем более за счёт «изящества» речи). С другой стороны, ему мало взаимно однозначных соответствий, когда словарь сообщает ему, что *блеск* – это *lustre, brilliance, сияние* – *radiance*, а *свечение* – *luminescence*. Он знает, что при передаче каждого из этих слов в контексте ему может понадобиться практически любое из приведённых соответствий, многие другие их синонимы, а также и слово с более общим значением – *light* ('свет').

От переводчиков нередко можно слышать сетования на двуязычные словари, где не всегда находится нужное слово или сочетание. Однако дело не в том, что словари плохи или не полны, а в том, что переводчики ожидают от них не того, что там заложено. Следовательно, переводчикам нужны словари, специально учитывающие их интересы. Теоретические же основы переводной (а не вообще двуязычной) лексикографии разработаны ещё недостаточно. В данной статье высказываются некоторые соображения на эту тему.

Переводчик имеет дело со связным текстом, и в этом смысле перевод почти всегда контекстуален. При пользовании словарём переводчик нередко прибегает к приёму «интерполяции», как его назвал Я.И. Рецкер, то есть, отталкиваясь от словарных соответствий, выводит, некий «промежуточный» вариант. Так, например, передаётся слово *balance* в высказывании о Чехове:

It is hard to imagine any playwright reading Chekhov without envying one quality of his plays. It is his **balance**. [Рецкер 2004. С. 193]

Слово *balance* в БАРСе [1972] представлено соответствиями: *равновесие; уравновешенность, душевное равновесие, спокойствие; про-*

порциональность, гармоническое сочетание. «Интерполяция» между «уравновешенностью» (качество человека) и «пропорциональностью» (характеристика произведения) приводит к варианту *чувство меры*:

«...Это качество пьес Чехова – чувство меры».

В других случаях тот же метод приводит к следующим результатам: *cold-blooded* (по словарю: *хладнокровный; бесчувственный, равнодушный; безжалостный, жестокий*) в сочетании *cold-blooded plans* переводится как *коварные планы*, а *cowardly* (по словарю: *трусливый, малодушный*) в выражении *cowardly murder* – как *подлое убийство* [Рецкер 2004. С. 193–194].

Данные соответствия контекстуальны, они не отражают новых значений, а лишь акцентируют некий компонент значения и, с другой стороны, диктуются законами сочетаемости в языке перевода. Трудно упрекнуть словарь в том, что он не даёт соответствий *cold-blooded* – *коварный* или *cowardly* – *подлый*. Конечно, сочетания с данными соответствиями не помешали бы, но предусмотреть все возможные контексты нельзя. Поэтому переводчику в определённом проценте случаев приходится прибегать к «интерполяции». Однако при переводе с иностранного языка на родной дело облегчается языковой эрудицией, интуицией и заложенным в наше языковое сознание как носителей языка критерием того, «как говорят» и «как не говорят».

Другое дело – перевод на иностранный язык. В этом случае того, «говорят ли так» и «как ещё говорят», переводчик может не знать. Как же он поступит, если словарь не даёт нужного слова или выражения?

Проследим этапы поиска на конкретном примере:

Посмотрите, как веселятся молодые существа! Как радостно играют и лают щенята! С какой восторженностью носятся по лугу телята! Это физиологическое ощущение радости жизни должно сохраниться в течение всех дней индивидуума. Недаром в народе бытует фраза «телячий восторг». Эта фраза должна потерять все обидные оттенки некоей скептической иронии... Телячий восторг – величайший подарок природы! [Марков 1985. С. 120]

Ключевым для перевода отрывка является выражение *телячий восторг*. В словаре А.И. Смирницкого [1985] приводятся такие соответствия: *foolish enthusiasm, foolish raptures*. Эпитет *foolish* придаёт обоим выражениям резко негативный оценочный оттенок. В русской фразе этот оттенок в принципе тоже присутствует, но имплицитно и может быть снят контекстом (что и имеет место в приведённом отрывке). Словарь винить не в чем – ведь примерно в том же объёме трактуют данное выражение и русские лексикографические источники («слишком бурный или беспричинный, бессмысленный восторг» [МАС 1984]),

но контекстуальные коннотации положительной оценки исключают использование словарного соответствия.

При поиске адекватного варианта переводчику необходимо сначала выявить контекстуально-ситуативный смысл выражения – в данном случае это ‘проявление радости жизни, жизнерадостность’. Далее требуется перейти к арсеналу языковых средств, выражающих это понятие. К счастью для переводчиков с русского на английский, они располагают прекрасными средствами для решения этой задачи – «Тезаурусом» П. Роже [Roget 2004], принадлежащим к типу идеографических словарей.

Идеографический словарь позволяет переводчику перейти от идеи, понятия к слову и выражению, выбрать их из лексико-семантического поля. Диапазон выбора – от одного-двух до десятков и даже сотен вариантов. Под рубрикой *cheerfulness* (‘жизнерадостность’) в словаре П. Роже насчитывается свыше 200 единиц, из которых ближайšie к искомому – *vitality, spirits, animal spirits, flow of spirits, joie de vivre*. По внутренней форме ближе всего к русскому выражению – *animal spirits* (‘животная радость’).

Заключительный этап поиска заключается в проверке значения и употребления найденного соответствия. Так, словарь [LDEI 1990] объясняет значение этого выражения фразой *youthful cheerfulness and vigour* (‘юношеская радость и задор’) и иллюстрирует его употребление следующими примерами:

The children were full of animal spirits.

The beautiful spring weather brought out his animal spirits.

Правомерность найденного соответствия подтверждается³.

Аналогичная процедура уместна не только тогда, когда словарное соответствие из обычного двуязычного словаря не подходит к контексту, но и тогда, когда мы стремимся к использованию идиоматики переводящего языка, всех его ресурсов и не довольствуемся бледным слепком с исходного оригинала. Так, предложение:

Чтобы привести исторический памятник в *первозданное* состояние, потребовалось ещё четыре года.

³ Приведём возможный вариант перевода рассматриваемого отрывка полностью: Look how the young enjoy themselves! How merrily pups play and bark! How happily calves frolic in the meadow! One should maintain this inner feeling of the joy of life until one's dying day. The popular phrase 'animal spirits' must lose all its ironical overtones. Animal spirits is the greatest gift of Mother Nature!

будет малоудачным стилистически с взятым из словаря соответствием *первозданный* – *primordial* (английское слово ассоциируется к тому же с представлениями о первобытной, девственной природе). По схеме же «слово – понятие – арсенал средств его обозначения» находим:

It took another four years to put the historical monument back into **mint condition**.

Традиционный двуязычный словарь, где каждому слову стараются подыскать прямой эквивалент, не помогает и в поиске соответствий, представляющих собой комбинацию или рекомбинацию нескольких русских лексем. Рассмотрим переводы:

Ей хотелось дать **серьёзную работу** своему уму.

She longed for a **challenge** to her wit.

Иллюзорным в 1776 году оказалось представление, что **победа** над Британией **достанется легко**.

One of the 1776 illusions was that Britain was a **military pushover**.

Выделенные соответствия в двуязычных словарях не обнаружить. Между тем в идеографическом словаре соответствия *challenge*, *pushover* легко могут быть найдены в тематических статьях, соответствующих стержневому компоненту их значения ('задача', 'вопрос', 'победа').

Перейдём к выводам.

1. Традиционная схема русско-инострannого словаря тяготеет, насколько возможно, к принципу взаимно однозначного соответствия. Такая схема в большей степени отвечает нуждам изучающих язык (на определённом этапе), чем нуждам переводчиков, так как перевод в общем случае контекстуален и многообразие контекстуальных соответствий неисчерпаемо.

2. Вместе с тем реальной является задача описания инвентаря языковых средств для основных понятий, которыми оперирует языковое мышление. Это доказывают идеографические словари. Каждая модификация значения слова в контексте может быть соотнесена с какой-либо понятийной рубрикой. Поэтому при использовании идеографического словаря нестандартность контекстуального смысла по сравнению с языковым значением не мешают поиску функционального эквивалента.

3. Естественно предложить, чтобы двуязычный русско-иностранный словарь, предназначенный для переводчиков, был построен по принципу соотнесения не отдельных слов, а семантических полей двух языков. Иными словами, он может представлять собой не что иное, как своего рода сопряжённый идеографический словарь двух языков.

4. Иноязычная часть такого словаря может также включать в себя характеристики толкового и синонимического словарей, то есть указания на дифференциальные семантические признаки единиц в рамках объединяющего их понятия. Не исключается и иллюстрирование их употребления в типичных контекстах.

5. Логическим следствием такого подхода к построению двуязычного словаря является сокращение объёма русской его части. Поскольку словарь указывает соответствия по схеме «понятие – слово», статьи на единицы, которые в предметном значении полностью совпадают с каким-либо немаркированным словом и отличаются от него лишь в стилистическом отношении, не нужно разрабатывать детально, а можно включать в словарь лишь как отсылочные. Так, поиск эквивалента для глаголов *зреть* или, допустим, *жрать* может осуществляться через нейтральные понятия ('видеть', 'есть'), а уже в рамках иноязычного лексико-семантического поля будут отыскиваться единицы с нужными коннотациями (если в этом будет необходимость и если таковые вообще имеются).

О «ЛОНГМАНЕ» БЕДНОМ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Как лексикографу и переводчику, мне, разумеется, близка тема статьи О.В. Петровой [2009(а)] «Дайте переводчику словарь!». Поэтому я позволю себе присоединиться к обсуждению вопроса, поднятого в этой статье: насколько полно и точно словарь способен удовлетворить потребностям того, кто им пользуется.

Надеюсь, мне удастся внести полезный вклад в это обсуждение благодаря возможности взглянуть на проблему не только глазами пользователя, но и глазами автора словарей, отдавшего их созданию немало времени и сил, а также имеющего кое-какое представление об истории, теории и практике лексикографии.

Распространённость как показатель несоответствия

Всегда ли словари «соответствуют тем требованиям, которые мы к ним предъявляем?» – спрашивает О.В. Петрова, но не оставляет сомнений в том, что для неё это риторический вопрос, отрицательный ответ на который даже не требуется формулировать. «Примером явного несоответствия такого рода, – пишет она сразу после вопросительного знака, – может служить то, что наиболее широко представленным и в продаже, и в библиотеках **языковых вузов** оказался изданный в 2003 году Longman Dictionary of Contemporary English» (в дальнейшем – LDOCE).

Не очень понятно, как «широкая представленность» в продаже или в библиотеках может служить «примером явного несоответствия» словаря каким-либо содержательным требованиям. Формальная логика тут, по-моему, страдает. Однако общая мысль ясна: автор не советует студентам и преподавателям языковых вузов пользоваться упомянутым словарём.

Почему? Потому, отмечает автор статьи, что на обложке словаря нет «никаких указаний на уровень владения языком, при котором этот словарь может быть полезным».

На обложке 4-го издания LDOCE [2003–2005], и правда, нет указания на целевую аудиторию. Однако я советую всем интересующимся методическими вопросами смотреть не только на обложку, но и в предисловие к словарю. А там написано:

Each time we produce a new edition..., our aim is always the same: what can we do to make the dictionary more helpful for **advanced level students** of English? (выделено мною. – Д.Е.)

Впрочем, составители LDOCE позаботились и о тех, кто не читает предисловий. На обложке 5-го издания (2008–2011) под заглавием красуется подпись: “For advanced learners of English” («для изучающих английский язык на продвинутом уровне»).

Да практически все словари серии Longman ориентированы на иностранцев, изучающих английский язык. Одна из задач этих словарей – это, конечно, разъяснить незнакомые слова, но в первую очередь они нацелены на формирование **активного** запаса слов, которые иностранец мог бы корректно использовать в **собственной** разговорной и письменной речи. Именно поэтому в таких словарях отброшены второстепенные, малоупотребительные лексические единицы и их значения (лексико-семантические варианты), не самые важные для формирования активных навыков. LDOCE может не оправдать ваших ожиданий, если вы: а) хотите прояснить для себя слово, значение или выражение, лежащее на периферии лексикона (редкое, малоизвестное, специальное, жаргонное, архаичное и т.д.); или б) занимаетесь письменным переводом сложных текстов с родного языка на английский.

Для первой из этих целей вам скорее понадобятся словари справочно-разъяснительного типа серий Oxford, American Heritage, Merriam-Webster, Random House – причём чем большего объёма, тем лучше. Они рассчитаны на универсального пользователя, включая носителей языка, и претендуют на гораздо бóльшую полноту. Обращение к таким словарям пополняет в первую очередь пассивный, а не активный словарный запас пользователя. Поэтому некорректно сравнивать LDOCE со словарём The American Heritage Dictionary, как делает О.В. Петрова. То место, которое в справочном толковом словаре занимает периферийная лексика, в LDOCE как словаре активного типа отдаётся примерам и более подробным указаниям на грамматические свойства слова, его сочетаемость, типичные синтаксические модели.

Слишком много примеров?

А для перевода сложных текстов на английский язык вам потребуется не один словарь, а целый набор справочников, куда, помимо одноязычных словарей английского языка, должны входить двуязычные (русско-английские) словари и словари-тезаурусы. Не помешают словари синонимов, а также самый современный инструмент переводчика – лингвистические корпуса.

В таком наборе пособий LDOCE тоже может сыграть свою роль. Кстати, чем хороши его новые издания (4-е и 5-е), так это именно ком-

плексом из книжного словаря и диска CD-ROM, на который записана ещё энциклопедия, учебные материалы и упражнения, а также лингвистический корпус объемом в 1 миллион контекстов. Подчеркну: это не «картотека», это именно корпус.

Собранные в корпусе контексты выводят читателя за пределы базового активного лексикона, представленного в самом словаре. Здесь-то и кроется причина того, почему не все значения слов, встречающихся в контекстах из корпуса, отражены в словарных статьях. Это нормально и логично. Если словарь – результат системной и несколько консервативной кодификации лексикона, то корпус – инструмент приближения к реальному речевому словоупотреблению, которое всегда шире и подвижнее кодифицированного словаря и уж тем более активного вокабуляра, предназначенного для освоения иностранными учащимися.

У корпусов есть особенность – они представляют все контексты в выборке, поэтому в них действительно встречаются «примеры употребления слова в одном и том же значении в одной и той же (причем наиболее очевидной) синтаксической модели (*Anita's dress, her dress, his dress...*)», на что сетует О.В. Петрова.

Словарь критикуется за излишние примеры? В этом был бы резон, будь какие-то модели словоупотребления упущены. Но, если уж говорить о существительном *dress*, то LDOCE подаёт его безупречно: все грамматические функции (как исчисляемого или неисчисляемого существительного) и синтаксические модели, в которых оно употребляется, проиллюстрированы исчерпывающе (*smb's dress, buy a dress, wear a dress, advice on dress* и т.д.), как и устойчивые сочетания (*best dress, evening dress, dress code* и др.).

Столь же методично разработаны и другие лексические единицы в их наиболее актуальных значениях, сочетаниях и моделях.

Надеюсь, никто не заподозрит меня в рекламе LDOCE, поскольку я не имею отношения к издательству Pearson Education, выпускающему словари Longman. У меня просто вызывает искреннее уважение то, как большой коллектив учёных, редакторов-лексикографов и программистов на протяжении многих лет разрабатывает, совершенствует и реализует цельную научно-методическую концепцию, действительно стараясь сделать словарь максимально полезным для изучающих английский язык и объединить его с другими обучающими ресурсами. В этой работе можно найти упущения, но мне хорошо известно, что

российской лексикографии и издательскому делу, увы, остаётся пока только мечтать о столь хорошо поставленной и технически обеспеченной системе подготовки словарей и учебных пособий.

О.В. Петрова задаётся вопросом: «Как случилось, что именно этот словарь стал у нас чуть ли не самым распространённым, причём именно в языковых вузах...?». У меня нет статистических данных о распространённости словарей в языковых вузах, коими, видимо, располагает моя уважаемая коллега. Но если она и права, для меня ответ очевиден: причиной активного спроса на словари Longman и доверия к ним не только в нашей стране, но и в мире является, с одной стороны, их методическая проработанность, а с другой стороны – простота, удобство пользования, доходчивость и наглядность представления языкового материала.

Половой вопрос

Впрочем, если кому-либо LDOCE не нравится, разве кто-то принуждает студентов и преподавателей работать именно с ним? Педагог вправе заниматься со студентами по тем пособиям, по каким сочтёт нужным, разъясняя им достоинства и недостатки последних. Сама О.В. Петрова об этом пишет: «Студентам рассказывают о существующих видах и типах словарей, их учат грамотно искать необходимую информацию...».

Однако, чтобы учить этим вещам студентов, желательно разбираться в существующих видах и типах словарей и уметь находить в них то, что нужно. Вот О.В. Петрова задаётся целью перевести графу анкеты «*пол – мужской*» и сетует на то, что в словаре Lingvo переводы якобы не снабжены достаточными пояснениями значений: «*пол I муж. floor; II муж. биол. sex*».

О.В. Петрова не указывает, каким изданием Lingvo она пользовалась. Однако, начиная с 12-й версии, то есть с конца 2007 года, Lingvo в качестве общего русско-английского словаря включает составленный мною с соавтором «Новый большой русско-английский словарь» [НБРАС 2004–2008].

Прочитав критику О.В. Петровой, я, естественно, заволновался: неужели в нашем словаре допущен такой грубый ляп, дезориентирующий переводчиков, что без толкования оставлено слово *пол* в значении ‘*floor*’? Проверяю себя – заглядываю в НБРАС:

пол I м (нижнее покрытие в помещении) *floor*; настилать пол (в *пр*) *floor (d)* **II м биол sex**; обоего пола *of both sexes*; женского пола *female*; мужского пола *male*.

Нет, всё в порядке. За тех, кому нужно перевести «пол – мужской», можно не беспокоиться: НБРАС и, следовательно, Lingvo их не подведут. А утверждение О.В. Петровой, будто «ни один словарь не написал, что floor – это только в помещении», не соответствует действительности.

Вот какой рассеянный

Другой пример, которым О.В. Петрова хочет проиллюстрировать недостатки словарей, – это слово *рассеянный*. Она рассказывает о трудностях некоего «горе-переводчика», который перевёл выражение *рассеянная радиация* как *absent-minded radiation*. Соответствие *absent-minded* он якобы выбрал из множества вариантов, найденных им в словаре «Мультитран».

Здесь я сделаю небольшое отступление. Обращаясь к словарю, нужно понимать, что он из себя представляет и чего от него можно ожидать, а чего нельзя. «Мультитран» – вообще не словарь в строгом смысле этого слова. Это механическое соединение лексикографических ресурсов, которые оказались в распоряжении разработчиков, – большого количества различных, в основном отраслевых, словарей. Полученная масса слов была подвергнута некоторой тематической организации, но для неё никогда не создавался единый лексикографический аппарат (предполагающий последовательность в разработке значений и помет, системное отражение контекстов и тому подобное). Он и не мог быть создан, потому что делали «Мультитран» не лингвисты. В дальнейшем пополнению «Мультитрана» способствовали объединённые в форумах переводчики, которые включали туда свои находки из собственного опыта.

Переводчик может иногда выкопать из «Мультитрана», как из большой свалки, что-то ценное для перевода по узкой теме, найти там забытый эквивалент технического термина или выражения, позаимствовать удачную находку у коллеги, работавшего над переводом в той же области.

Термины и словосочетания – самая сильная сторона «Мультитрана». Если это понимать, то «Мультитран» будет полезен переводчику, особенно тому, которому опытные педагоги разъяснили (или который дошёл своим умом), что в «Мультитране» поиск терминологических словосочетаний надо начинать с сочетания как такового, а если это не поможет – то уж тогда поэлементно.

Если бы горе-переводчик, о котором пишет О.В. Петрова, это знал, он бы сразу нашёл в «Мультиране» искомые соответствия для выражения *рассеянная радиация* как отдельной единицы – sky/diffuse/scattered radiation. И не стал бы проверять свой вариант в Lingvo под вокабулой absent-minded. Как бы ни был он неопытен в переводе, здравый смысл должен был бы подсказать ему, что и в другом словаре – в данном случае Lingvo (НБРАС) – лучше как минимум обратиться к статье на прилагательное *рассеянный*. Он увидел бы, что там разные значения этого слова чётко отграничены друг от друга и иллюстрируются примерами:

рассеянный 1. прич. см. рассеивать 2. прил. (разбросанный) scattered, dissipated; рассеянное население scattered population; рассеянный свет diffused/scattered light 3. прил. (невнимательный) absent-minded; рассеянный взгляд vacant/wandering glance/look..

Глядишь, и сообразил бы, что искомое значение трактуется под цифрой 2. А ещё лучше и в Lingvo сразу набрать интересующее переводчика выражение – *рассеянная радиация*.

Но нет. Переводчик, нарисованный О.В. Петровой, который «проверял и перепроверял в доступных ему словарях», остался почему-то уверен в том, что *рассеянная радиация* переводится как absent-minded radiation. Не буду делать резких выводов об интеллектуальных способностях этого «переводчика». Скажу лишь, что «проверял и перепроверял» он не то, не там и не так. Но словари, критикуемые О.В. Петровой, в этом не виноваты.

Умение переводчика пользоваться словарём предполагает, кроме прочего, и способность ориентироваться в словарных пометах, отражающих область употребления слова. В статье О.В. Петровой подробно описаны трудности переводчика, которому надо найти соответствие для слова *пустоты* в тексте на геологическую тему. В одном из словарей Lingvo (а Lingvo – это комплекс из разных словарей) он находит вариант interstice и мучается, не зная, можно ли его применить к большим пустотам в горной породе. Ведь «все толковые словари с редким единодушием подчеркивают маленький размер» пустого пространства, обозначаемого этим словом. Что ему делать, спрашивает О.В. Петрова: «поверить толковым словарям, составленным носителями языка, которые утверждают, что больших interstices не бывает?».

Отвечаю: да, поверить! Совпадение сведений из разных источников свидетельствует о том, что эти сведения, скорее всего, верны. А поверив, ещё раз заглянуть в словарный комплекс Lingvo, не заикливаясь

на множественном числе слова. Там под вокабулой *пустота* в словаре Polytechnical (Ru-En) первым же соответствием дано: *cavity горн.* Помета *горн.* означает «горное дело», то есть как раз вписывается в геологическую тематику нашего текста. Проверив смысл слова *cavity* по толковым словарям, мы убедимся, что оно годится для обозначения пустот любого размера. Всё отлично, эквивалент оперативно найден – и далеко ходить за ним не пришлось.

Чем провинились перед нашим горе-переводчиком словари с этими «пустотами», непонятно. Может, это всё-таки он сам чего-то опять не додумал?

Боевой офицер взмахивает клинком и сгибает ноги в коленях

Вот ещё тест, способный, по мнению О.В. Петровой, уличить словари в бесполезности: «Попробуйте... перевести с помощью доступных нам словарей словосочетание *боевой офицер*».

Что ж, попробуем. Набираем это выражение в Lingvo, и, хотя оно отсутствует в готовом виде в русско-английских словарях комплекса, программа автоматически запускает поиск по англо-русским словарям и почти сразу же выдаёт словосочетание из Lingvo Universal (En-Ru):

боевой офицер combatant officer

Это не единственно возможный вариант (можно сказать также *combat officer, frontline officer*), однако миссия оказалась выполнима. Но О.В. Петрова даёт читателю новые задания: «Попробуйте разобраться, как нужно сказать по-английски „он взмахнул рукой, в которой блеснул клинок“ так, чтобы не получилось, что он этой рукой помахал, или „он согнул ноги в коленях, приготовившись к бою“, чтобы не получилось, что у него от страха подгибались коленки».

Автор статьи сама не даёт правильных решений, но, по всей видимости, хочет сказать, что глаголы *wave* и *bend* для приведённых контекстов не подойдут. А раз «доступные словари» другого не предлагают, то – намекают нам – они никуда не годятся.

Но подождите: прежде чем ругать словари, давайте проверим истинность посылки. Разве фраза “He waved his hand” обязательно означает «он помахал рукой»? Нет, необязательно. *Wave* может обозначать как многократное движение (‘махать’), так и однократное (‘взмахнуть’). Предложение «Он взмахнул рукой, в которой блеснул клинок» можно в принципе перевести дословно: “He waved his hand in which a blade shone”, хотя я бы, пожалуй, обошёлся без обозначения руки: “He waved a shining blade”.

Кстати, чтобы прилично переводить, надо не только уметь пользоваться словарями, но и обладать кое-какими навыками собственно перевода. Один из таких навыков – умение переформулировать трудную для перевода фразу так, чтобы заменить сомнительное слово синонимом. Например, *взмахнуть* здесь синонимично слову *замахнуться*. Не помешает посмотреть, как переводится в словаре и это слово. В НБРАС (Lingvo) даётся:

замахиваться, замахнуться 1. (*занести руку для удара*) threaten (smb with smth), raise (threateningly) (smth at smb)... *замахнуться палкой на кого-л.* wave / flourish a stick at smb, brandish a stick at smb

Эти данные подтверждают возможность использования в данном контексте слова *wave*, а также подсказывают и другие варианты перевода.

Что же касается фразы «Он согнул ноги в коленях, приготовившись к бою», не могу не отметить прежде всего её некоторую нескладность по-русски. Сгибают ноги в коленях обычно во время гимнастики. Не имеется ли в виду «он присел»? Как бы то ни было, даже если перевести эту фразу дословно, глагол *bend* не исказит её смысла:

He bent (his legs) at the knees as he was getting ready for combat.

О.В. Петрова хотела бы, чтобы в нашем переводе «не получилось, что у него от страха подгибались коленки». Нет, этого не получится: когда коленки подгибаются от страха, говорят иначе: *his legs gave way (under him), he became weak in the knees*. Кстати, и эти варианты может подсказать НБРАС (Lingvo).

Дефиниции не в фокусе

Чем ещё не устраивают словари О.В. Петрову? Оказывается, у них «дефиниции расплывчаты (например, **beautiful**: someone or something that is beautiful is extremely attractive to look at – LDOCE)». Хотелось бы узнать, какой могла бы быть менее «расплывчатая» дефиниция этого слова, если не прибегать к тривиальным определениям через однокоренные слова вроде *beautiful – possessing beauty*.

Между прочим, значения некоторых простых слов чрезвычайно трудно описать другими словами. Лично я нахожу дефиницию “*beautiful – extremely attractive to look at*” вполне адекватной, ибо она схватывает существенные признаки красоты: привлекательность предмета (*attractive*), проявляющуюся в очень высокой степени (*extremely*) при визуальным восприятием (*to look at*). Сравним это с определением слова *красивый* в словаре Т.Ф. Ефремовой [2000]: «поражающий зрение пра-
80

вильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т.п., доставляющий удовольствие своим внешним видом». В этом определении подчёркнуты те же признаки – привлекательность («доставляющий удовольствие»), её проявление в высокой степени («поражающий») и визуальное восприятие («зрение», «внешним видом»). Дополнительно, по сравнению с определением beautiful в LDOCE, отмечено ещё такое свойство, как правильность и гармоничность. Или эта дефиниция тоже «расплывчата»?

Добавлю ещё, что толкования лексических единиц в словарях серии Longman написаны не абы как, а на основе специально подобранного вокабуляра из 2000 базовых слов, позволяющего максимально приблизиться к принципу толкования сложного через более простое – одному из краеугольных принципов дидактики. (Между прочим, ни в одном из русских толковых словарей данный принцип не реализован, отчего мы и имеем в них пресловутые перекрёстные дефиниции, когда *пристрастие* объясняется через *склонность*, а *склонность* – через *пристрастие*).

Боюсь, что большинство претензий к существующим словарям, выдвинутых в статье О.В. Петровой, надуманны и несостоятельны. А теперь обратимся к выводам этой статьи о том, какие словари нужны переводчику.

Словарная арифметика

Во-первых, по мнению автора статьи, переводчику нужны словари с максимально полным словником. С такой точкой зрения можно согласиться лишь частично. Выше уже говорилось, что у словарей, нацеленных на формирование активного словарного запаса, словник по определению ограничен. Для прочих типов словарей полнота словника – конечно, идеал, к которому следует стремиться. Но идеал, увы, недостижимый: язык – настолько динамичная система, что никакой словарь не может зафиксировать сразу все новые (да и все старые) слова, выражения и значения, которые в языке то возникают, то умирают, то звучат на устах у всех, а то уходят на языковую периферию.

Назову для примера хотя бы пресловутый *свиной грипп*, о котором до недавнего времени знали только профессионалы, а недавно услышали почти все. Понятно, что, заглянув в общие словари, вы не найдёте в них этого термина – он вошёл в наш активный лексикон слишком внезапно по причинам, которые невозможно было предугадать. И какое-то время его в словарях не будет. Не может словарь отразить

и все потенциальные нюансы употребления лексических единиц в речи.

С иронией О.В. Петрова цитирует «пленяющее своей прямоотой сообщение» LDOCE о наличии в нём «только» 106 тысяч слов. Что ж, по крайней мере словарь никого не обманывает. А чтобы определить, много это или мало для словаря на 1950 страниц, сравним его с другим словарём – единственным, удостоившимся в статье добрых слов. А именно с «Большим англо-русским и русско-английским словарём В.К. Мюллера». Правда, автор статьи не уточняет, какое именно издание она имеет в виду. Словарь с таким названием выпускали разные издательства. Одно из них, «Дом славянской книги», утверждает, что на 960 страницах его издания 2008 года уместилось 450 тысяч слов.

В это кто-то готов поверить? Ну, тогда займёмся арифметикой. Поделим 450000 на 960 – получается в среднем 470 слов на странице. Имейте в виду, под «словами» должны пониматься **вокабулы**, то есть заглавные лексические единицы словарных статей, а также вынесенные за знак ромба фразеологизмы, набранные полужирным шрифтом. Так вот, на большой странице словарного формата при печати стандартным кеглем даже при минимально подробной разработке словарных статей уместить такое количество вокабул физически невозможно!

Другой издатель словаря с таким же названием [Мюллер 2008] – ООО «Эксмо» – называет более скромную цифру: 200 тысяч слов (объём словаря 1008 страниц). В среднем получается около 200 слов на странице, что чуть ближе к истине, но тоже неправда.

Не поленимся, посчитаем вокабулы на случайно открытых страницах словаря ООО «Эксмо». На странице 292 оказалось 55 вокабул, на странице 607 – 56 вокабул. Если издатели считали иллюстративные примеры, то к приведённым цифрам можно добавить ещё 34 и 32 единицы соответственно. Остальные расчёты предоставляю читателю сделать самому. Вот и получится, что заявленный объём «словаря В.К. Мюллера» завышен в одном случае раз в пять-шесть, а в другом в два – два с половиной раза.

Реальный объём «большого» (по названию) словаря составляет максимум 90 тысяч слов, включая примеры, в **обеих** (англо-русской и русско-английской) частях, то есть до 45 тысяч слов в каждой части. Судите сами, как на этом фоне смотрятся 106 тысяч английских слов и выражений (не считая примеров!) в LDOCE.

Увы, «полных» словарей не бывает. К счастью, в наше время существует Интернет, где переводчик может найти объяснение почти всему новому, что возникает в лексике английского языка. А словари всегда будут немножко консервативнее, потому что включение той или иной единицы даже в самый подробный словарь – итог отбора, обработки и анализа, требующих времени.

Чем словарь поможет бедному

Второй вывод, который делает О.В. Петрова, таков:

«словарь, предназначенный для переводчика, должен иметь расширенную информацию относительно синтаксических моделей, в которых слово употребляется, и его лексической сочетаемости».

Эту мысль я поддерживаю, но тут мы ломимся в открытую дверь: как раз в словарях серии Longman, столь не любимых автором статьи, методично и подробно отражены синтаксические модели, по которым употребляется каждое слово. Что касается лексической сочетаемости, то её иллюстрируют примеры и контексты словарей-тезаурусов и лингвистических корпусов. Есть также специальные словари сочетаемости (например, [ВВІ 2010]).

Третье требование, сформулированное О.В. Петровой, заключается в призыве к созданию «особого типа словаря, который можно было бы условно назвать „тезаурусом ситуаций“». Туда вошли бы речевые формулы, характерные для определённых ситуаций, а также для описания тех или иных жестов и состояний.

Важность таких формул неоспорима, но для этого необязательно нужен особый словарь. Так, работая над НБРАС, я старался, по мере возможности, включать в него и клише, описывающие эмоциональные состояния, – вот несколько примеров, наугад взятых из буквы С: *я так и сел при этой новости, краска сбежала с его лица, его глаза светились от радости, я сгораю от нетерпения, её лицо сложилось в презрительную гримасу, сглотнуть комок в горле, изображать мировую скорбь*. Нашлось место и текстам типичных объявлений и сообщений: «Это рекламное место сдаётся», «Ушла на базу», «У вас квитанция при себе?», «Оставьте сообщение после звукового сигнала», «Слушали», «Постановили» (формулировки протоколов собраний).

О.В. Петрова подкрепляет свою идею несостоятельными примерами. Так, она спрашивает: «Если героиня романа от удовольствия смешно морщила нос, то стоит ли переводить это на английский язык

как “wrinkled up her nose”? Не получится ли, что она морщится от дурного запаха?»).

Нет, не получится, если описать в переводе ситуацию так же подробно, как она изложена по-русски, например: *She wrinkled up her nose in amusement, which made her look odd* (возможны иные варианты). Ведь *морщить нос* здесь – не фигура речи, а описание физической гримасы. Но к «типичным способам описания стереотипных ситуаций» этот пример не относится ни в английской, ни в русской речи, поскольку морщить нос **от удовольствия** – никак не «стереотипная ситуация». Пример повисает в воздухе.

Выдвигается ещё один аргумент в пользу словаря клише: он якобы позволит

«избежать недоразумений, подобного тому, которое произошло с американцем, говорящим по-русски и даже считающим себя переводчиком: когда остановивший его сотрудник ГАИ потребовал предъявить **документы**, американец честно протянул свой паспорт и долго не мог понять, почему гаишник требовал „другой“».

Мне странно: что тут было не понять этому американцу-переводчику? Дорожная полиция везде одинакова: остановив автомобилиста, она обычно просит его предъявить водительские права. Рассказ о человеке за рулём, упорно сующем гаишнику свой паспорт вместо водительского удостоверения, вызывает сомнения либо в адекватности водителя, либо в правдивости байки. Но даже если байка правдива – не вижу, чем в такой ситуации словарь мог бы помочь этому убогому.

Словарь группенфюрера Мюллера

Я ставлю в кавычки выражение «словарь В.К. Мюллера», когда речь идёт о творениях, имеющих не больше отношения к знаменитому в нашей стране лексикографу, чем к тому Мюллеру, под началом которого работал Штирлиц. Во всяком случае в том, что касается русско-английской части.

Владимир Карлович Мюллер никогда не был самостоятельным автором русско-английского словаря. В 1928–1937 годах выходили англо-русский и русско-английский словари двух соавторов – В.К. Мюллера и С.К. Боянуса. После эмиграции С.К. Боянуса В.К. Мюллер уже в одиночку работал над «Англо-русским словарём», рукопись которого он сдал в издательство незадолго до начала Великой Отечественной войны. В конце 1941 года он скончался, не пережив первую блокадную ленинградскую зиму.

С огорчением отмечаю, что до недавних пор этот великий лексикограф был почти забыт: биографические сведения о нём отсутствовали. Лишь в 2011 году благодаря работе в архивах мне удалось восстановить канву жизни и трудов Владимира Карловича Мюллера и опубликовать очерк о нём [Ермолович 2011].

В послевоенные годы «Англо-русский словарь» В.К. Мюллера дополнялся другими авторами, но последняя его значительная редакция пришлась на 70-е годы XX века. «Русско-английский словарь» В.К. Мюллера и С.К. Боянуса с 1930-х годов не переиздавался; ему на смену пришёл словарь А.И. Смирницкого.

Те «творения», что сегодня выпускают под именем профессора Мюллера все издатели, кому не лень и не стыдно, паразитируют на знаменитом имени: они рассчитаны на то, чтобы заработать деньги на неискущённых людях, помнящих, что словарём Мюллера пользовались их мамы и бабушки, но не отдающих себе отчёта в том, какую грубую подделку им пытаются всучить.

В аннотации к изданию [Мюллер 2008] говорится, что он якобы «существенно исправлен и дополнен в соответствии с реалиями сегодняшнего дня и отражает современное состояние как английского, так и русского языка». Но фамилии тех, кто якобы «исправлял» и «дополнял» Мюллера, даже не указываются.

Поделюсь своим опытом: при составлении НБРАС была поставлена задача наверстать те пробелы, которые образовались в русско-английской лексикографии за 20 лет, прошедшие со времени последней серьёзной редакции труда-предшественника – «Русско-английского словаря» А.И. Смирницкого под редакцией О.С. Ахмановой. Так вот, когда в основных сферах лексики удалось более или менее приблизиться к современному состоянию русского языка (я не пишу: полностью отразить), оказалось, что объём НБРАС в полтора раза превышает объём словаря Смирницкого. Нужно ли объяснять, какая гигантская лексикографическая работа потребовалась бы, чтобы обновить «в соответствии с реалиями сегодняшнего дня» словарь Мюллера и Боянуса 77-летней давности? Если заниматься этим добросовестно, получился бы практически новый словарь. Найдётся ли серьёзный учёный, который проделал бы эту работу анонимно?

Предполагать такое, конечно, наивно. Раскрою секрет: «новые» словари «Мюллера» зачастую делаются простым сканированием старых изданий с добавлением, может быть, каких-то фрагментов из других, менее старых словарей. Об этом говорит хотя бы такой факт, что

в опусе [Мюллер 2008] отсутствует английская фонетическая транскрипция (сканер такие знаки не распознаёт). Кроме этого, в нём нет ни ударений над русскими словами, ни даже двух точек над «ё», что противоречит всем правилам современной научной лексикографии.

Так, в псевдо-Мюллере русские омографы *за́мок* и *замо́к* представлены следующим образом:

замок¹ lock; под замком under lock and key

замок² castle

Слова не различаются ни ударениями, ни пояснениями (в словаре Боянуса и Мюллера 1931 года знаки ударения стоят тоже не над всеми словами, но есть везде, где ударение выполняет смысловоразличительную роль). Я уже не говорю об отсутствии грамматических помет. Куда до этой путаницы несчастному «полу» из старой версии Lingvo, осуждённой О.В. Петровой! Но данного вопиющего издевательства над читателями она не заметила.

Наоборот, псевдословарь Мюллера удостоился от неё ещё одной похвалы.

Непринуждённость, граничащая с бесцеремонностью

Нам предлагается перевести прилагательное *off-hand* во фразе “He tried to be **off-hand** and not too obviously uninterested”. Его толкование в LDOCE О.В. Петрову не устраивает, у Хорнби [COALD 1982] дела, по её словам, «и того хуже». В «Новом большом англо-русском словаре» [Апресян 1993–1994] – хоть и «в целом неплохом», согласно характеристике О.В. Петровой, – она находит только значение ‘бесцеремонный’, приводящее, по её мнению, к «бессмысленному варианту».

В общем, беда. Далее О.В. Петрова рассуждает:

«Поможет нам только словарь В.К. Мюллера, фиксирующий значение ‘непринуждённый’. Можно было бы предположить, что это значение появилось недавно, а потому не вошло в словарь Ю.Д. Апресяна, изданный в 2000 году, но уже вошло в словарь В.К. Мюллера, вышедший в 2008. Только вот приведённое предложение взято из книжки У. Голдинга „Повелитель мух“, написанной, как известно, более пятидесяти лет назад».

А может, предположить обратное: что это значение уже устарело? Что именно поэтому оно и не вошло в современные словари, но осталось в словаре умершего в 1941 году В.К. Мюллера?

Такое предположение легко проверить, надо только обратиться к авторитетному словарю того периода, когда и было написано произведение У. Голдинга. В словаре *New Century* [1956] наречие и прилагательное *off-hand* (*offhand*) тракуются так:

offhand ... *adv.* At once; forthwith; without previous thought or preparation; extempore... *a.* Done or made offhand, or extemporaneous (as, an *offhand* remark or speech); unstudied, easy, or without effort or ceremony (as, "He had gone about next day with his usual cool, *off-hand* manner": Galsworthy's "Patrician," ii. 5); also, doing of saying things offhand (as, "She tried to make herself light and *offhand*": H.G. Wells's "Mr. Britling," i. 5. §8); **sometimes, cavalier, curt, or brusque.** [Выделено мной. – Д.Е.]

Вот и разгадка. В первой половине XX века основным значением прилагательного *off-hand*, применительно к поведению человека, было 'непринуждённый' (что и иллюстрируют примеры из Дж. Голсуорси и Г. Уэллса). Лишь в некоторых контекстах слово приобретало негативно-оценочный оттенок. А к концу XX века именно негативное значение – 'недружелюбный, пренебрежительный, надменный, бесцеремонный' – стало преобладать. Как показывают лингвистические корпуса, в положительном смысле слово *off-hand* сегодня почти не употребляется. Такую ситуацию отражают и современные словари.

Возможно, «Новому большому англо-русскому словарю» не помешало бы, если бы в статью *off-hand* были включены и устаревшие оттенки значения. Но современное значение отражено там адекватно.

В целом этот словарь под редакцией Юрия Дерениковича Апресяна – выдающегося отечественного учёного, главы Московской семантической школы и одного из наших виднейших лексикографов – блестящий труд, который давно зарекомендовал себя в качестве лучшего и самого полного англо-русского словаря общей лексики. Он не нуждается в моей защите. И всё же неловко читать оценку его труда как «в целом очень неплохого», но якобы уступающего современной халтуре под брендом «Мюллер». Боюсь, что к такому снисходительному похлопыванию профессора Апресяна по плечу очень подходит слово *off-hand* в его нынешнем значении.

Составление словаря – трудоёмкая, сложная и неблагодарная работа. Она не обходится без издержек. В любом словаре можно найти какие-то пробелы, неточности и другие недостатки. Но для того, чтобы отметить авторитетные словари как бесполезные переводчику («Ваше счастье, если... словари вам не понадобятся»), «Longman Dictionary of Contemporary English можно ругать и дальше – он, право же, этого заслуживает»), нужна гораздо более серьёзная основа, чем случайная подборка некорректных или даже искажающих истину примеров.

Да и более глубокое знакомство со словарями, лучшее понимание принципов лексикографии тоже никому не повредит. Я имею в виду, конечно, студентов-переводчиков.

АРГУМЕНТЫ ПРО ДОКУМЕНТЫ

Отвечая на полемический призыв О.В. Петровой [2009(a)] «Дайте переводчику словарь!», я стремился показать, что многие хорошие словари переводчику уже даны и что претензии автора, в особенности предъявляемые к словарю Longman Dictionary of Contemporary English, плохо выдерживают критику¹.

Заголовок новой статьи моего оппонента («Спасибо за поддержку, или Немножко о формальной логике») [Петрова 2009(b)] отражает, по-видимому, острую реакцию автора на сделанное мною вскользь замечание о нелогичности одной из её формулировок. О.В. Петрова пытается отстоять обоснованность своих утверждений, а заодно и уличить меня в отсутствии логики.

Право же, есть более интересные занятия, чем доказывать несостоятельность аргументации О.В. Петровой. Поэтому я не буду утомлять читателей разбором нестыковок и софизмов, которыми изобилует её новая статья. Ограничусь лишь одним примером. О.В. Петрова пишет:

«Я держу в руках 4-е издание... и говорю, что на обложке нет указания на целевую аудиторию. А мне отвечают: а в 5-м издании есть. Но я-то держу в руках именно 4-е, именно то, которое массово закупили библиотеки».

Простите, а что, целевая аудитория словаря обязательно должна быть указана на обложке? Неловко повторять уже высказанный аргумент, но в своей статье я подчёркивал, что эта целевая аудитория упомянута в **предисловии** к 4-му изданию. Раз уж вы держите в руках экземпляр, почему бы его не раскрыть и не почитать повнимательнее? Ну, а если необходимо, чтобы указание целевой аудитории красовалось именно на обложке, то, пожалуйста, обратите внимание на новое, 5-е издание LDOCE. Там то, что вы хотите. Можете даже считать, что авторы словаря учли вашу критику. Они хорошие. Не бейте их так.

Но нет, О.В. Петрова считает мою ссылку на 5-е издание словаря LDOCE неуместной. Ведь именно 4-е издание массово закупили библиотеки, а многие вузы, по сведениям моего оппонента, «**обязывали** студентов-переводчиков покупать этот словарь».

Это безобразие – обязывать студентов покупать какие-либо словари, особенно те, которые в изобилии имеются в библиотеке. Что вам подсказывает логика, дорогой читатель: кого следует осудить за эту порочную практику? Вузы? Преподавателей? Ошибаетесь. Никаких слов

¹См. статью «О „Лонгмане“ бедном замолвите слово», с. 73.

порицания в их адрес у О.В. Петровой не нашлось. А вот словарь за это, по её мнению, «можно ругать».

Переходя от логики к лексикографии, не могу не остановиться на рационализаторском предложении, чеканно сформулированном в новой статье О.В. Петровой:

«...прошу, чтобы в словаре были отражены клишированные формулы типа „Ваши документы“, с которой наша „дорожная полиция“ обращается к водителям, и там бы объяснялось, что в этом случае входит в понятие „документы“».

Уж не перепутала ли О.В. Петрова русско-английский словарь с «Правилами дорожного движения Российской Федерации»? Именно там в пункте 2.1 выполнена её просьба, цитирую:

2.1. Водитель механического транспортного средства обязан:

2.1.1. Иметь при себе и по требованию сотрудников милиции передавать им для проверки: водительское удостоверение на право управления транспортным средством соответствующей категории...;

регистрационные документы и талон о прохождении государственного технического осмотра на данное транспортное средство...

Вынужден разочаровать О.В. Петрову: ни теория, ни логика лексикографии, ни просто здравый смысл не позволяют выполнить её просьбу и опубликовать эту информацию в словаре. Я бы советовал иностранцам, желающим ездить по нашим дорогам, лучше ознакомиться с российскими ПДД, чем листать русско-английские словари в тщетной надежде найти там расшифровку слова *документы*, прозвучавшего из уст гаишника.

В заключение не могу не отреагировать на слова благодарности, иронически высказанные О.В. Петровой в мой адрес. Взяв вне контекста некоторые фразы и обрывки фраз из моей статьи, она выделила некий «сухой остаток», свидетельствующий о том, что я якобы разделяю её позиции, и заключает свою статью словами: «Спасибо за поддержку, Дмитрий Иванович!».

Ну что ж, Ольга Владимировна, если вы нашли в моей статье поддержку для себя, то, как говорится, – сколько угодно! Однако позвольте и мне самому подчеркнуть то, что хотелось донести до читателя «в сухом остатке». Ещё раз: для того, чтобы отметить авторитетные словари как бесполезные переводчику, недостаточно случайной подборки разрозненных и некорректных примеров. А к этому добавлю, что для совершенствования переводческих словарей нужны идеи посерьёзнее. Как вы удачно подметили, для варки щей нужна капуста. Банальная мысль, но порой приходится её напоминать.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОФТОЧКИ

Словарь – это огромный свод информации, которую долго собирать и трудно структурировать. Даже эрудированный лексикограф в чём-то субъективен, чего-то не знает, что-то может упустить. Поэтому автор словаря (если только он не халтурщик-компилятор) постоянно проверяет свою работу по всем доступным источникам. Но и источники – не всегда сдинодушные и толковые советчики. Кроме них, лексикографу нужны свежая голова и незамыленный глаз редактора.

Как автор ряда словарей я работал с немалым числом редакторов. Отношения с ними у меня были разные: от сердечных до сдержанно-деловых. Но, независимо от этого, хочу сразу отдать дань уважения *всем* своим редакторам, увлечённо и добросовестно делавшим своё дело. Каких бы точек напряжения ни достигали иной раз наши споры, их советы, сомнения и возражения в итоге помогали сделать словарь только лучше. Низкий поклон вам, соратники лексикографов!¹

Однако, что же конкретно делает редактор словаря? Как он взаимодействует с автором? Об этом, кажется, ещё никто не писал, а есть смысл об этом кое-что рассказать. При этом я не буду никого называть по именам, а обозначу всех обобщённо словом *редактор*. (И отмечу в скобках: хотя это слово мужского рода, большинство редакторов – женщины).

Впрочем, в этой статье я затрону лишь малую часть лексикографической работы и её редактуры. Речь пойдёт, в основном, о поиске и проверке переводных соответствий. В этой работе я использовал прежде всего данные двух толковых словарей английского языка [LDOCE 2003–2011; RHW 2005], которые далее буду кратко называть соответственно «Лонгман» и «Уэбстер».

Кеды, кроссовки для новой тусовки

Слова, обозначающие простые, обиходные предметы, способны оказаться камнем преткновения. Вот слово *кеда* (вариант – *кед*). В рукописи моего англо-русского и русско-английского словаря оно переводилось как *gum shoe, sneaker*.

В «Лонгмане» *gum shoe* определяется как ‘лёгкая обувь с тканевым верхом и резиновой подошвой, которую дети носят во время игр и

¹ К сожалению, сталкивался я и с людьми, которые только создавали видимость сотрудничества с автором, а на самом деле полностью устранились от редакторской работы. К ним моя благодарность, разумеется, не относится.

спортивных занятий в школе'. Это почти точное определение *кеды*, если не считать малосущественную оговорку про школьную физкультуру. Тут же приводится синоним *plimsoll*, помеченный как британцизм (он мне не нужен, так как мой словарь должен отражать только американский вариант). Под *plimsoll*, однако, указано, что его синонимом является американизм *sneaker*. Аналогично трактует слова *gym shoe* и *sneaker* и мой любимый «Уэбстер».

Рукопись читали два американских редактора-биллингвы. Вообще это очень ценно, когда своим знанием делятся лингвисты, которые родились или воспитаны в англоязычной среде. Но тут их мнения разделились. Один редактор написал мне: «*Кеда* – *running shoe*, а не *gym shoe*». Второй же, не имея ничего против перевода в статье *кеда*, настоятельно рекомендовал дать вариант *running shoe* в статье *кроссовка!*

Ситуация непростая. Я готов верить первому редактору, но и другому, а тем более словарям так просто в доверии не откажешь. К тому же *running shoes* – это скорее обувь для бега, то есть *беговые кроссовки*. Как быть? Ищу по Интернету изображения той обуви, которую обозначают перечисленные слова. Они самые разные, но в основном моё представление о *gym shoe* подтверждается (илл. 1). Я пишу редактору:

«Боюсь, что не могу с Вами согласиться. Множество изображений, получаемых в Google Pictures по поиску на выражение *gym shoe*, аналогичны тому, что на илл. 1, а это по-русски как раз *кеда*. Поиск же на *running shoe* даёт только такие изображения, как на илл. 2. По-русски это *кроссовка*, а никак не *кеда*».

Илл. 1. Gym shoe

Илл. 2. Running shoe

Получаю ответ:

«Предлагаю *gym shoes / running shoes / sneakers* – несмотря на картинки из Google, не так часто говорят *gym shoes*, что может также означать 'тапочки для йоги' или 'балетки'. Поэтому *gym shoes* само по себе может ввести читателя в заблуждение».

Уже хорошо, что редактор, хоть и настаивает на своём варианте, не выступает за исключение того эквивалента, что был. Но он аргументирует добавление *running shoes* только своим интуитивным знанием. Тоже, конечно, аргумент. Кстати, он прав в отношении балеток: на иллюстрациях в Интернете попадаются и такие виды '*gym shoes*'. Видимо, некоторые носители языка полагаются на семантику составных

частей этого выражения, ведь gym shoes дословно – ‘обувь для спортзала’...

Разбираясь с *кедами*, я одновременно решал вопрос с *кроссовками*. Словарь ведь состоит из взаимосвязанных элементов и должен представить лексику системно. То, что *кроссовки* можно обозначить выражением running shoes, мы уже знаем. А как быть с привычным sneakers? «Лонгман» трактует sneaker как ‘лёгкая мягкая туфля на резиновой подошве’, «Уэбстер» – как ‘ботинок или полуботинок, обычно с тканевым верхом, например холщовым, на синтетической или резиновой подошве’. То есть это вроде бы всё те же кеды. Однако на картинках в Интернете под sneakers красуется не только холщовая обувь, а и изделия с верхом из натуральной или искусственной кожи либо комбинированные. Второй редактор подтвердил, что sneaker в современном английском распространяется на разные виды спортивной обуви. В итоге это слово было дано и в статье *кеда*, и в статье *кроссовка*.

Потребовалось ещё несколько писем, в итоге которых первый редактор согласился с тем, чтобы оставить первоначальные варианты для *кеды* и поместить running shoe под вокабулу *кроссовка*.

Благодаря дискуссиям с редакторами и поиску компромисса между разными мнениями и сведениями я чувствовал себя спокойнее за точность своего выбора. Именно атмосфера благожелательных обсуждений создавала для меня и, думаю, для моих редакторов психологический комфорт в совместной работе.

Неудобный лежак

Приведу пример ещё одного слова, обсуждение которого с редакторами потребовало изучения картинок. Это слово *лежак* – пластмассовый или, реже, деревянный предмет пляжной мебели. В моём первом варианте рукописи английским соответствием к нему было дано сочетание beach bed. Первый редактор оставил этот вариант без замечаний, другой написал: «*Лежак* – это chaise-longue, beach chair/lounger, но никак не beach bed». Я ответил:

«Готов добавить выражение beach lounger, но в большинстве курортных отелей то, на чём гости отдыхают на пляжах, называется именно beach bed [илл. 3]. Именно под таким фото одна американка пишет в своё блог: “The beaches were gorgeous and pretty crowded with beach clubs. Nothing wrong with a **beach bed** and a waiter bringing you mango daiquiris...” Может быть, всё-таки оставим beach bed?»

После этого письма второй редактор снял свои возражения против beach bed (приписав: «если Вы очень хотите»), но предложил всё-таки

Илл. 3. Beach bed/lounger

Илл. 4. Beach trestle bed

добавить варианты *beach chair* и *beach lounger*. И хотя в моём представлении – да и судя по фотографиям в Интернете – эти выражения обозначают скорее ‘пляжное кресло’ или ‘шезлонг’, я принял предложение редактора. Он не смог объяснить мне, чем ему не нравится *beach bed*. Я, будучи человеком рациональным, хочу услышать весомые аргументы, но понимаю, что чувство языка не всегда поддаётся логическому объяснению. Раз мой высокообразованный редактор с большим переводческим опытом так утверждает, значит, наверняка есть и другие американцы, кто думает так же. Поэтому нужно учесть его мнение.

Кстати, заговорив о *лежаках*, впору задуматься и о *топчанах*. Иногда эти слова употребляются как синонимы, но топчан всегда деревянный, прямоугольный, на высоких прямых ножках. У него нет наклонной спинки, он и отдалённо не похож на стул или кресло, а потому не подходит под категорию *beach chair*. Как ни крути, а это всё-таки один из видов *beach bed*, именуемый иногда также *trestle bed* (*trestle* – ‘козлы, жёсткая рама, рамная опора’) – см. илл. 4.

Признаюсь честно: мои редакторы подчас слегка злоупотребляли беспепелляционными заявлениями вроде: «Что бы там ни было написано в словаре, так в Америке не говорят» или «То, что изображено на картинках в Интернете, не имеет значения». Если в отношении словарей они иногда были правы, то вот анализу картинок в Интернете есть всё больше и больше оснований доверять. Мы живём в визуальную эпоху: на людей всё меньше воздействуют тексты и всё больше – картинки, макеты и клипы.

Барабашкина левретка

Читатель, я буду первым, кто откроет тебе строго охраняемый секрет: когда пишутся словари, в них заводятся барабашки. Для полной ясности, барабашка – разновидность полтергейста. Специфика словарного барабашки состоит в том, что он тайно вносит в словарь несуразные вставки и поправки, которые очень трудно своевременно

выловить и удалить. Другими словами, занимается мелким вредительством.

Когда я работал над «Новым большим русско-английским словарём» (НБРАС), то постоянно сталкивался с барабашкиными проделками. Расскажу о некоторых.

По замыслу издательства, НБРАС должен был прийти на смену словарю А.И. Смирницкого – самому большому в XX веке русско-английскому словарю основного лексического состава, который, однако, к девяностым годам безнадежно устарел. Тематические пробелы его словника просто зияли. Отсутствовала не только лексика, связанная с новыми техническими и социально-экономическими реалиями, но и большие пласты бытовых слов.

Здесь я должен пояснить, как происходит работа над словарём. Словари составляются по «буквам», причём необязательно в алфавитном порядке. Первые «буквы» носят экспериментальный характер: на них обкатывается и шлифуется концепция, структура и вся система словаря; по ним смотрят, как получается реализовать на практике новые лексикографические идеи и подходы. На дальнейших этапах авторской и редакторской работы словник дополняется или, наоборот, чистится от ненужного.

Так вот, первой сделанной мною пробной «буквой» НБРАС была «Л». Текст буквы я передал своему соавтору Татьяне Михайловне Красавиной и редакторам. А получив от них эту букву обратно, я обнаружил там следующую словарную статью:

левретка ж *levrette*

В исходном файле этого не было. Звоню Татьяне Михайловне: не вы ли ввели в словарь эту статью? Но мой соавтор заверила меня, что вставки не делала. Наши обязанности были разграничены: Татьяна Михайловна следила за лексикографическим аппаратом (структурой статей, порядком и толкованием значений, подачей фразеологии, системой помет), а на меня ложилась содержательная часть. Конечно, она могла делать и предложения по включению в словарь новых слов и значений, но всегда обсуждала это со мной и ничего не вписывала без моего ведома.

«Допрос» редакторов издательства тоже не дал результатов: все они уверяли, что им бы и в голову не пришло добавлять что-то в словарь от себя, кроме чисто технических или корректорских поправок. Нако-

нец, *левретка* не могла попасть в НБРАС случайно из какого-то другого файла: ни в старом Смирницком, ни в одном другом русско-английском словаре такой статьи не было.

Из-за чего же я так огорчился? Дело в том, что слово *levrette* в английском языке не употребляется. Если бы я не заметил вредной вставки, она так и осталась бы в словаре, вводя в заблуждение читателей и разрушая репутацию авторов. Ведь правильный английский эквивалент *левретки* – Italian greyhound.

В дальнейшем барабашка творил ещё немало безобразий в НБРАСе. Каждый раз, когда в словаре возникало что-то, внесённое туда помимо воли авторов, мы с Татьяной Михайловной требовали объяснений от девушек-редакторов. А их ответ неизменно резюмировался фразой: «Не виноватая я!». Так что никому другому, кроме барабашки, я эти проделки приписать не могу.

Данный случай заставил меня с удвоенным вниманием проверять, как отражены в НБРАСе названия важнейших пород собак. Нечего и говорить, что пришлось проштудировать несколько пособий по собаководству на двух языках.

Недавно барабашка опять показал мне свои рожки. Так, в моём «Иллюстрированном англо-русском словаре персоналий» есть следующая статья:

НАМ Хам, в Ветхом Завете один из трёх сыновей Ноя, от к-рых «населилась вся земля» после всемирного потопы, прародитель «хамитов» (африканцев). Был проклят вместе с потомками за то, что насмеялся над наготой отца.

Рукопись читали три редактора-консультанта. А когда она вышла из последней вёрстки, слово *насмеялся* в этой статье превратилось в *надсмеялся* (просторечный и, конечно, неуместный в таком контексте вариант).

В исходном тексте ничего подобного не было. Заподозрить, что букву *д* внёс кто-то из моих научных редакторов (один из них – профессор), я не могу: всех их я хорошо знаю как высокообразованных людей, прекрасных знатоков русского языка. У меня язык не повернулся бы задать им вопрос, не вставляли ли они эту злополучную букву *д*. Нет оснований для претензий и к редактору компьютерной вёрстки: она всего лишь перевела файлы из одного формата в другой. Кого же винить, как не барабашку!

Эффект присвоения

В процессе длительной работы над словарём некоторые редакторы начинают относиться к нему как к собственному произведению. Это объяснимо – ведь их вклад немал – и даже неплох: они болеют за словарь, стараются выполнить свои обязанности как можно лучше. И если иногда чуть-чуть выходят за рамки этих обязанностей, давая автору тактичные советы, это только на пользу общему делу.

Но бывает, что ревностное отношение к словарю переходит некую границу, за которой иному редактору начинает казаться, что он лучше автора знает, что и где написать в словаре. Автор представляется ему неумелым, бестолковым, а то и лишним напарником, способным навредить любимому детищу. И неважно, что автор – доктор наук, автор многих научных работ и переводчик с сорокалетним стажем. Ни в чём этот автор не разбирается! От него словарь нужно вообще оберегать.

Так, работая над словарём по заказу американского издательства, я был немало удивлён, когда получил вёрстку от редактора-корректора, в которой сплошь по всему тексту были изменены фонетические транскрипции английских слов.

В результате переписки выяснилось, что корректор отразил в транскрипции произношение, которое он считал более правильным и привычным для себя (в Америке ведь большое количество фонетических диалектов). При этом он не счёл нужным посоветоваться ни со мной, ни даже с редакторами-консультантами, не имевшими к моей транскрипции никаких претензий.

Моя просьба вернуть всё назад, как прежде, была поначалу отвергнута под предлогом технической невозможности. В подтексте читалось: что там понимает какой-то русский в американском произношении? Чтобы восстановить статус-кво, пришлось апеллировать к консультантам, директору издательства и сослаться на пункты издательского договора, не допускающие произвольную редактуру. Корректор пошёл на попятный и даже извинился.

А при работе над англо-русским словарём в отечественном издательстве редактор однажды задал мне в письме такой вопрос: «У вас написано pull tab – *отрывной язычок*. Что это? Для открывания банки?». «Ну да, – ответил я, – в статье же есть пояснение: *на банке с напитком и т.п.*».

В следующем письме от редактора я прочёл такую суховатую информацию: «Pull tab – выяснилось, что это *ключ*».

Я решил не лениться и подробно обосновать свой вариант:

Выяснилось где? Насколько я знаю, «ключ» у консервной банки имеет другую конструкцию. Это действительно подобие ключа, на которое верхняя крышка банки как бы наматывается и тем самым отрывается от стенок. Что же касается pull tab, то это то, что имеется на верхней крышке банок с пивом и колой: за него надо потянуть, чтобы в крышке образовалось отверстие по выдавленному контуру. Это называется не *ключ*, а именно *отрывной язычок*. Данное выражение можно найти во многих источниках. Назову один – http://revolution.allbest.ru/agriculture/00031203_0.html.

Мои разъяснения редактора не убедили, и он продолжал свои наставления:

То, при помощи чего открывается банка, – не язычок, и его не отрывают. Ключ – потому что открывает. По способу открытия банки подразделяются на открываемые путем удаления отрывного язычка и путём нажатия на кольцо. Последняя из названных систем открытия является широко распространённой на сегодняшний день в мире, в то время как первая уже практически не используется.

Стало ясно: возник эффект присвоения, и редактор уже не слышит автора. Упорно настаивая на своём, он не замечает, что противоречит сам себе (сначала пишет, что «язычком» банка не открывается, а затем тут же – что удаление язычка есть один из способов открытия банки). И, пытаясь доказать хоть что-нибудь, утратил логическую нить: ведёт речь уже не о переводе, а о том, какие конструкции консервных банок более современные.

Я решил, что настала пора деликатно пояснить редактору его ошибку и подвести под дискуссией черту:

Система «нажатия на кольцо» никак не может обозначаться термином pull tab, потому что слово pull обозначает не нажатие, а, наоборот, выдёргивающее движение для открытия банки. Устарела конструкция отрывного язычка или нет, но именно ей и соответствует термин pull tab. Так что оставим *отрывной язычок*.

За этим грянул завершающий аккорд обиды и гордого негодования на неподконтрольного автора: «Может быть, не будем вносить никакой редакторской правки, а напечатаем как есть?».

«Нет, – терпеливо ответил я редактору, – мы, разумеется, будем обсуждать и вносить редакторскую правку... Ну, такие авторы люди, что иногда им хочется сделать что-то по-своему, что ж с ними поделаешь».

Увы, умиротворения не произошло. В дальнейшем в общении со мной редактор был крайне немногословен и напряжён, если не сказать резок. А из-за чего, если подумать? Из-за какого-то отрывного язычка на консервной банке...

О тонкостях дамского гардероба

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты вся златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Александр Вельтман (1831)

Вот мы и добрались до «героини» моего рассказа – слова *кофточка*. Всю жизнь я считал его вариантом слова *кофта*, а под кофтой понимал трикотажное изделие с рукавами, которое надевается поверх блузки или рубашки и застёгивается на пуговицы. Поэтому оба эти слова – *кофта* и *кофточка* – получили у меня единое соответствие: (woman's) knitted jacket.

Однако один из редакторов моего «американского» словаря высказал сомнение в том, что к *кофточке* всегда приложимо определение knitted ('вязаный, трикотажный'). Второй редактор (консультант) отреагировал так:

Хотя *кофточка* является уменьшительной формой от *кофта*, это слово имеет и собственное значение, обозначая несколько иной предмет одежды. В этом значении кофточка ближе к блузке, чем к жакету. Сегодня кофточка отнюдь не обязательно является вязаным изделием, хотя в прошлом это действительно было так.

Да, и мне приходилось слышать слово *кофточка* применительно к блузке, но я всегда полагал, что это – провинциальное просторечие. Вспомнилось телеинтервью актрисы Марины Неёловой с рассказом о том, как они с режиссёром Галиной Волчек развлекались во время гастролей в Краснодарском крае.

Эти женщины, как истинные актрисы, любили устроить ролевою игру на публике. Зайдя в магазин и приблизившись к стойкам с одеждой, они перевоплощались в двух недалёких провинциалок и начинали громкий диалог, точно воспроизводя типичный южный выговор, интонации и лексику: «Ой, Марин, чёй-т тут?» – «Да ты глянь-к, Гхаль, какие тут *кофтачки* висят вааще!».

Их разговор приводил в ступор продавцов и посетителей магазина, которые, конечно же, знали в лицо двух столичных театральных звёзд и не могли понять, что происходит. Не прекращая актёрствовать в том же духе, Волчек и Неёлова покупали что-нибудь и удалялись из мага-

зина, надолго оставляя в недоумении зрителей своего импровизированного представления.

Однако, не полагаясь на свою осведомлённость в деталях дамского гардероба, я решил посоветоваться с женщинами. «Ну, не знаю, – сказала мне сестра Валентина, – я всегда считала, что только приезжие называют блузки *кофточками*, да и слышала такое давно. Для современной москвички блузка – это блузка, а кофточка – трикотажное изделие».

Такое же мнение высказали и другие родственницы и приятельницы, и я написал первому редактору:

«Консультант, на мой взгляд, ошибается. Я слабо разбираюсь в женской одежде, но мне употребление слова *кофточка* в значении 'блузка' представляется устаревшим. Знакомые дамы в Москве тоже дружно заявили мне, что блузки называли «кофточками» в 1950-е – 1960-е годы – и то, как правило, не в городах. Сейчас в России так не говорят, и как *кофта*, так и *кофточка* означают только изделие из трикотажа».

Американский редактор ответил мне, что неоднократно слышал, как *кофточками* называли блузки довольно молодые и современные россиянки, посещавшие нью-йоркские магазины, но настаивать на своём мнении не стал. «Это ещё ничего не значит, – подумал я. – Мало ли из какой глубинки были эти россиянки! Сейчас все по заграницам ездят». Поиском изображений в Интернете я на сей раз не стал заниматься, и в окончательную вёрстку словаря статья *кофточка* ушла без изменений.

Однако надо, надо было всё же посмотреть картинки! Уже после выхода словаря из печати я обнаружил, что огромное количество Интернет-магазинов и рекламных сайтов одежды действительно под кофточками имеют в виду отнюдь не тёплые кофты, а едва ли не любой лёгкий предмет женской одежды, пригодный для надевания на верхнюю часть тела. Причём наличие пуговиц на нём совершенно не имеет значения.

Мне по-прежнему это кажется неправильным, и я не употреблю слово *кофточка* в значении 'блузка'. И всё же как лексикограф я должен объективно регистрировать современное состояние языка. Приходится признать, что со словом *кофточка* произошла семантическая метаморфоза, и прежде периферийное его значение пробило-таки себе дорогу в нормативный язык.

От легкомыслия до слабоумия – один шаг?

Кроме словарей и картинок, ещё одним важным источником семантической информации о словах являются, как известно, лексические корпуса. Но, как ни парадоксально, и их показания не всегда согласуются с мнением образованных носителей языка! Проиллюстрирую это только одним примером.

В своём словаре я поставил в соответствие слову *легкомысленный* прилагательное *light-minded*. При этом я исходил из следующего толкования «Уэбстера»:

light-minded, *adj.* having or showing a lack of serious purpose, attitude, etc.; frivolous; trifling; *to be in a light-minded mood.*

В переводе: ‘не имеющий или демонстрирующий отсутствие серьёзной цели, отношения и т.д.; беззаботный; малозначительный’. Кажется бы, идеальный эквивалент для *легкомысленный*. Настораживает, правда, то, что в «Лонгмане» слова *light-minded* вообще нет. Да ведь «Лонгман» составлен британцами, успокаивал я себя, а у нас всё-таки словарь американского варианта.

Однако оба моих американских редактора встретили *light-minded* в штыки. Редактор-консультант написал: «Настоятельно не рекомендую использовать слово *light-minded*. Вместо этого предлагаю: *frivolous, lighthearted*». Второй редактор был «полностью согласен» с первым:

Light-minded – в Америке *никто* так не говорит. “*To be in a light-minded mood*” – никто не скажет. Я тоже за *frivolous, lighthearted*. Иногда – *casual*. Но “*light-minded*” многие здесь даже не поймут – подумают, может быть, речь идёт о каком-то дебиле...

Вот так, не больше и не меньше: *light-minded* якобы ассоциируется у американцев с дебилностью!

В такой ситуации к картинке уже не прибегнешь. Но можно прибегнуть к корпусам. Ведь именно их мы сейчас так активно пропагандируем среди переводчиков и студентов. Корпуса – ключ к современному узусу, не так ли?

Что ж, входим в COCA (Corpus of Contemporary American English). На слово *light-minded* обнаруживается 14 примеров из 10 источников за период с 1990 по 2011 год². Надеюсь, читатели не посетуют на меня за то, что я приведу их все, ограничив длину контекстов до разумного минимума. (Впрочем, если у вас нет времени или желания читать и анализировать эти примеры, вы без ущерба для себя можете их пропустить и просто поверить мне на слово в том, что написано дальше).

² По состоянию на конец июля 2012 года.

The Talmud teaches in various spots that "women are **light-minded**," that they are "gluttonous, eavesdroppers, lazy and jealous..." (Humanist, 2011)

But a haven is wherever **light-minded** people get together. Wembley is a haven. Spain is a haven. (Larry King Show on CNN, 2007)

The singing, a couple of sober arias aside, was **light-minded**. (American Heritage, 2006)

The truth is that I have been married three times just because I am not **light-minded** about marriage. (American Heritage, 2000)

Edith Wharton was speaking of the **light-minded** company seated on the velvet sofas of America's Gilded Age. (Harper's Magazine, 1998)

The sequence of events... followed from a similarly **light-minded** use of words. (Ibid.)

Almost any contemporary fiction, no matter how inconsequential and **light-minded**, has a fighting chance of taking on weight and portent, perhaps even significance. (Time, 1998)

We deaden our sensibilities with **light-minded** entertainments... (Saturday Evening Post, 1995)

I first laid eyes on you – that you were a coxcomb, vain and **light-minded** and too clever for your own good. (Kate Ross. Cut to the Quick, 1993)

They should, in fact, become philosophers-cum-poets, adapting a **light-minded** aestheticism to traditional philosophical questions... (American Scholar, 1992)

<The philosopher> calls himself a pragmatist, but in so **light-minded** a fashion... (Ibid.)

Mama says that I am **light-minded**, can't stick to my studies, I want to jump up and run. (Peter Matthiessen. Killing Mr. Watson, 1990)

He thought me **light-minded** if I enjoyed my children's company, told them stories or played games. (Anne Perry Bethlehem Road, 1990)

He knew I was neither a hysterical person nor **light-minded**. I loved my daughter more than any other person on earth. (Ibid.)

Изучив все примеры в широком контексте, я пришёл к выводу, что почти везде **light-minded** означает именно 'легкомысленный, несерьёзный'. Разве только в один-два примера можно «вчитать» значение 'слабоумный' как теоретически возможный смысл.

Какая же чаша весов перевесит: мнение двух высокообразованных носителей языка или толкование словаря плюс дюжина цитат из статей и романов, опубликованных в солидных изданиях? Эта дилемма не так проста. Мучительные размышления над ней способны довести едва ли не до состояния "light-minded" – в том смысле, какой вкладывают в это слово мои редакторы.

В итоге я всё же принял позицию последних, и вот по каким причинам. Вспомним об отсутствии этого слова в словаре «Лонгман». Отмечу и то, что в корпусе объёмом 425 миллионов слов оказалось только

14 случаев употребления *light-minded*, включая 4 случая, когда оно дважды по два раза использовалось в одном и том же произведении. Это равносильно 12 независимым случаям. Из них в XXI веке (после 2000 года) зафиксировано только 3 словоупотребления. Сопоставим это с встречаемостью слова *frivolous* в том же корпусе – 1364 раза, *lighthearted* – 513 раз или *trifling* – 221 раз, и становится ясно, что в современной речи *light-minded* – редкое слово. Вероятно, многим носителям языка оно просто незнакомо, и потому, видимо, мои редакторы и высказали опасение, что его могут понять превратно.

В вёрстку ушёл следующий вариант словарной статьи:

легкомысленный... *frivolous, lighthearted* [person; mood]; *flippant* [remark; air]; *thoughtless* [act; advice]

Подобных примеров того, как в результате трудоёмких исследований и долгих обсуждений с редакторами формируются статьи словаря, я мог бы привести множество. Надеюсь, теперь тебе ясно, дорогой читатель, что В.В. Маяковский в своих знаменитых строках описал труд не только поэта, но и лексикографа:

...та же добыча радия.

В грамм добыча работы, в год труды.

Изводишь единого слова ради

тысячи тонн словесной руды.

В этой «шахтёрской» работе автору словаря не обойтись без помощников – редакторов. Их труд безмерно важен, но малозаметен. Даже на имя автора читатель не всегда обращает внимание. А что говорить о редакторе, чья фамилия указана мелким шрифтом на обороте титульного листа, а то и на последней странице.

Нет, автор вовсе не обязан всегда убеждать в своей правоте редактора и добиваться от него согласия на то, что он написал. И логика, и право говорят о том, что, несмотря ни на какие редакционные замечания, последнее слово остаётся за автором. Однако я всегда считал самонадеянным и невежливым игнорировать мнение редакторов, особенно носителей языка. Даже когда редактор неправ, дополнительное внимание к поднятому им вопросу помогает прийти к взвешенному решению.

Если, конечно, не вмешается барабашка.

СЛЕПАЯ ВАВИЛОНСКАЯ РЫБКА

Если раньше под переводчиком подразумевался исключительно человек, то в наши дни в непрофессиональной среде словом *переводчик* сплошь и рядом называют технические устройства и системы – приёмники для синхронного перевода, программы автоматического перевода, сетевые сервисы по переводу и даже порой компьютерные словари.

Причиной такого семантического расширения стало наивное, но популярное убеждение в том, что работу переводчика практически полностью может взять на себя вычислительная техника. Замещая в этой функции человека, техническое устройство само как бы становится «переводчиком».

Более того, если почитать средства массовой информации, то легко поверить, что устройства, способные по-настоящему заместить человека в функции языкового посредника, уже существуют в реальности. Вот пример:

Гости «Евро-2012» смогут общаться с украинскими правоохранителями через аудиопереводчики, которые будут говорить на 15 языках. Об этом сообщил первый заместитель начальника Департамента общественной безопасности МВД Украины.

«Одно из ноу-хау к „Евро“ – это использование при общении с иностранцами голосового переводчика. Это инициатива вице-премьер-министра, руководство МВД поддержало её и планирует приобрести около 1 тысячи этих приборов», – сказал он.

По словам представителя МВД, благодаря такому устройству гость чемпионата сможет общаться с правоохранителем на родном языке, нажав на экране изображение флага своей страны.

(Информационный центр «Украина-2012», 24.02.2011)

Что-то мне это напоминает... Просмотрев более ранние материалы из сети, сохранённые на диске компьютера, я обнаружил такую любопытную информацию (привожу её в сокращении):

e-Navi избавит мир от переводчиков

Робот по имени Паперо помог японским инженерам изобрести новое чудо техники – персональный переводчик, позволяющий вести двум людям беседу на разных языках. Устройство e-Navi, разработанное компанией NEC, будет опробовано в ближайшее время в токийском международном аэропорту «Нарита». Устройство имеет словарный запас в 50 тысяч японских слов и 25 тысяч английских. e-Navi способен распознавать голос и синтезировать речь. По словам разработчика, точность электронного перевода приближается к 100%. e-Navi включает в себя также функции мобильного телефона и имеет подробные путеводители.

В рамках амбициозного проекта японских властей в «Нарите» скоро появится специальная служба по аренде e-Navі. Поэтому иностранным туристам, прибывающим в Токио, в скором времени не нужно будет беспокоиться о языковом барьере. Они смогут спокойно общаться при помощи своего нового «е-полутчика».

(<http://cnews.ru/newsline/index.shtml?2004/03/05/156059>)

Сам заголовок этого сообщения обещает людям «избавление» от переводчиков, словно от вредителей или сорняков. Вот-вот людей-переводчиков заменят роботы, да ещё якобы переводящие с точностью, близкой к 100 процентам. Однако взглянем на дату информации: 5 марта 2004 года. С тех пор прошло уже столько лет, что аренда «чуда техники» в токийском аэропорту должна бы уже стать реальностью. Проверим?

Передвижной воображариум

Интернет-поиск позволил установить, что проект e-Navі получил впоследствии новое название – Monavi. Последний действительно был реализован в аэропорту «Нарита», но разрекламированный прорыв в технологию будущего вылился всего-навсего... в заурядную службу по аренде мобильных телефонов. В материалах соответствующего сайта¹ нет ни намёка на их переводческие способности. Всё, что предлагается арендатору телефона в виде лингвистического обеспечения, – это возможность позвонить в службу поддержки, предоставляющей, как написано мелким шрифтом на последней страничке сайта, “casual interpretation service”. Трудно сказать, что точно имеется под этим в виду: видимо, некие разовые услуги по устному переводу, осуществлять которые, похоже, будут всё-таки переводчики-люди.

Итак, разрекламированная в своё время затея с выдачей клиентам высококачественных портативных «переводчиков» оказалась плодом богатого воображения, если не сказать блефом. Но воображариум переехал в другие места: плачевный опыт даже такой передовой в техническом отношении страны, как Япония, явно никого не смутил на Украине.

Вот уж и чемпионат Европы подоспел, но осталось неизвестным, какие же гаджеты на самом деле раздали украинским милиционерам вместо ранее обещанных «аудиопереводчиков». Если им, конечно, вообще что-либо раздали.

Вклад в пропаганду сомнительных идей внесла статья американского политолога и журналиста Джоэла Гарро. Особо лихим проектом

¹www.telecomsquare.co.jp/en/monavi/

из упомянутых там была задумка оснастить мобильными «переводчиками» американских солдат, заброшенных в иностранные государства для ведения там боевых действий, чтобы они могли без проблем общаться с местным населением [Garreau 2009]². Нельзя не отметить ловкость разработчиков, которые, сориентировавшись в военно-политической конъюнктуре, сумели удачно подключить журналистов и, видимо, выбить под свой проект немалые суммы из бюджета министерства обороны США.

За не меньшую сноровку следует похвалить и наших соотечественников, нашедших способ освоить ресурсы, выделяемые на ударную капиталистическую стройку XXI века – Сколково. Читаем:

Координаторы президентской комиссии по модернизации остановили своё внимание на проекте создания технологии облачных вычислений, а также разработке электронного переводчика. Эти проекты были переданы для реализации в фонд «Сколково». В кластере IT... будут разрабатывать «автоматизированную систему перевода», способную переводить на лету текст, на который наведена камера.

(«Частный корреспондент», 15.11.2010)

Хотя ещё крайне слабы даже те программы перевода, в которые вводится целостный текст, в новом филиале воображариума представляют систему по переводу каких-то кусков текста, оказавшихся в поле зрения камеры. Ясно, что если ведётся обычная видеосъёмка в движении, с меняющимися и явно неоптимальными для текста параметрами «картинки», то, во-первых, буквенно-цифровые символы в такой «картинке» могут быть распознаны с ошибками, а во-вторых, в кадр может попасть лишь обрывок текста с неполными строками. Всё это неоправданным образом скажется как на качестве распознавания символов, так и – тем более – на переводе.

Не перестаёшь удивляться, как прочно в бытовом и чиновничьем сознании утвердилась идея о приборе – аналоге вавилонской рыбки из фантастических романов Дугласа Адамса, способной синхронно переводить с любого языка на любой в непредсказуемо меняющихся обстоятельствах. Аналогия и впрямь поразительная: если у Адамса для преодоления языкового барьера рыбку надо было вложить в ушную раковину, то участники тендеров на денежные госзаказы внедряют автоматический «переводчик» то в наушник спецназовца, врывающегося в логово террористов, то в кобуру полицейского, патрулирующего улицы в период наплыва болельщиков-иностранцев, то в стол,

² Русский перевод этой статьи [Гарро 2009] был опубликован вместе с комментариями профессиональных переводоведов [Книжник 2009; Орёл 2009; Цвиллинг 2009]

за которым собрались участники международной научной конференции.

Впрочем, эта статья написана не ради того, чтобы лишний раз поиронизировать над планами по созданию хитроумных устройств, переводящих «на лету», или над продукцией автономных систем машинного перевода. Задумаемся о другом: в чём глубинные причины того, что попытки превратить компьютер в самостоятельного высокопрофессионального переводчика неизменно терпят неудачу? Почему компьютерный перевод, несмотря на усложнение программ и рост производительности оборудования, даёт в целом посредственные, а главное – огорчительно неровные и ненадёжные результаты?

Его величество алгоритм

Вспомним, что в основе любой системы автоматизированного перевода лежит некий алгоритм, или набор правил по совершению конечного числа действий, позволяющих перейти от варьируемых исходных данных к необходимому результату (либо определить, что искомый результат недостижим). Алгоритм сводим к вычислительной процедуре, и поэтому его исполнение может быть поручено вычислительной машине – компьютеру.

Идея поставить перевод на вычислительную основу возникла закономерно: важнейшими элементами и перевода, и математических вычислений являются подстановки и преобразования. Трудно не усмотреть аналогии, например, между подбором одного из переводных соответствий для многозначного слова и выбором одного из конкретных значений для переменной величины или между преобразованием алгебраического выражения при решении задачи и лексико-синтаксическим преобразованием высказывания в процессе перевода.

Все системы автоматизации перевода основаны на его алгоритмизации. «Требования к моделированию перевода включают... разработку алгоритмов использования данных поверхностного уровня анализа для передачи переводных соответствий» [Марчук 1985. С. 119]. Поэтому общие законы, определяющие пределы применения вычислительных процедур, имеют и прямое отношение к выявлению объективных возможностей и ограничений систем автоматического перевода. Попробуем выйти за рамки чисто лингвистических аспектов проблемы и ненадолго обратиться к её более общим логико-математическим основаниям.

Спешу заверить читателей, что не собираюсь обременять их слож-

ными математическими выкладками. Те немногочисленные экскурсии в точные науки, которые я хотел бы здесь сделать, не потребуют от них каких-то специальных знаний. Достаточно вникнуть в общую логику рассуждения. В серьёзных математических вопросах я просто сошлюсь на авторитет одного из выдающихся учёных современности.

Этот учёный – сэр Роджер Пенроуз (Roger Penrose), британский математик и физик, профессор Оксфордского университета, автор новаторских гипотез и открытий в математике, квантовой механике и теории сознания. Есть мнение, что это «один из величайших ныне живущих последователей Альберта Эйнштейна» [Киви 2003. С. 164]. В работах Пенроуза нас интересуют те выводы, которые касаются алгоритмической автоматизации вычислений.

Алгоритмы могут иметь нисходящую или восходящую организацию. Алгоритм, организованный как **нисходящая процедура**, представляет собой набор правил, предписывающих пошаговые действия над неким упорядоченным массивом (базой) данных. На начальном этапе (с середины XX века) алгоритмы машинного перевода строились именно как нисходящие процедуры. Переводимый текст подвергался анализу и подстановкам по заранее написанным правилам с использованием заданного словаря. Некоторое время считалось, что для того, чтобы повысить качество машинного перевода, нужно лишь совершенствовать и детализировать правила контекстно-грамматического анализа и формирования соответствий, а также снабдить программу оптимальным для её задач словарём.

Однако нисходящие алгоритмы показали свою низкую эффективность, несмотря ни на какое усовершенствование процедур анализа и подстановок. Поэтому на современном этапе развития автоматизированного перевода основные надежды возлагаются на алгоритмы с **восходящей** или комбинированной **нисходяще-восходящей** организацией. В таких алгоритмах правила выполнения действий и объём данных заданы не столь жёстко, но имеется некоторая процедура, дающая системе возможность обучаться, пополняя базу данных и меняя правила выполнения действий. Таким образом алгоритм повышает свою эффективность на основе накопленного «опыта». На восходящих алгоритмах основаны, в частности, системы «переводческой памяти» (translation memory systems).

Но и «самообучающиеся» программы автоматического перевода не оправдывают ожиданий:

«...в случае восходящей организации (искусственной нейронной сети) компьютерам лишь в немногих специфических примерах удастся достичь приблизительно уровня обычных хорошо обученных людей» [Пенроуз 2005. С. 46].

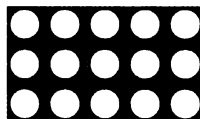
В области машинного перевода в качестве таких специфических примеров можно назвать разве что перевод инструкций к однотипным моделям оборудования одной и той же фирмы.

Математика без вычислений

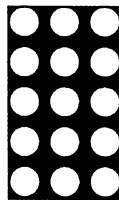
Компьютерная программа – математический продукт. Поэтому логично задуматься вот о чём: почему бы, прежде чем возлагать на неё задания по переводу, не посмотреть, как она справляется с функциями, более близкими ей по природе, а именно с решением математических задач и доказательством теорем. Если машина сможет делать это самостоятельно, значит, мы получим устройство-«математик», заменяющее математика-человека.

Важный тезис, который в этой связи выдвинул и, на мой взгляд, убедительно обосновал Р. Пенроуз, – это утверждение о том, что далеко не всякое математическое доказательство имеет характер вычисления. Кстати, свою знаменитую теорему о непериодическом разбиении плоскости Пенроуз доказал невычислительным способом. Однако для подтверждения сформулированного здесь тезиса достаточно убедителен и более простой пример, а именно доказательство закона коммутативности умножения (от перемены мест множителей произведение не меняется):

$$xy = yx$$

Проще всего доказать этот закон с помощью рисунка. Положив $x=5$, а $y=3$, изобразим произведение этих чисел в виде соответствующего количества точек, расположенных в три ряда по пять точек в ряду. Такое представление будет соответствовать умножению 5 на 3 (пять горизонтальных точек повторены три раза). Теперь повернём рисунок на 90 градусов. Тот же рисунок можно интерпретировать как умножение 3 на 5 (три горизонтальных точки повторены пять раз). Легко видеть, что такой метод представления пригоден для любых целочисленных значений x и y . Так как количество точек на рисунке не зависит от его положения, закон коммутативности умножения для натуральных чисел можно считать доказанным.

И вот оказывается, что столь простое для любого непредубеждённого человека доказательство не может в том же виде быть сформули-

ровано машиной. Дело в том, что это доказательство **не является** формально-вычислительным, хотя при этом оно остаётся вполне законным математически. Отсюда делаем вывод, что не всякая математическая процедура является вычислительной, а стало быть, алгоритмической.

Ещё великому английскому математику Алану Тьюрингу, создателю концепции универсальной вычислительной машины – прообраза современных компьютеров, удалось показать, что существуют определённые классы задач, которые не имеют алгоритмического решения. По мнению Р. Пенроуза, решение таких задач требует ни много ни мало – **понимания**, или **осознания** сути того или иного суждения.

Некоторые теоретики искусственного интеллекта утверждают, впрочем, что робот якобы может обладать интеллектом, не испытывая при этом необходимости в понимании чего бы то ни было. Р. Пенроуз соглашается, что до определённой степени возможно частичное моделирование интеллекта без реального понимания поступающей ему или исходящей от него информации.

«Не так уж редко встречаются человеческие существа, способные на некоторое время одурачить нас демонстрацией какого-никакого понимания, хотя, как в конце концов выясняется, оно им в принципе не свойственно!» [Пенроуз 2005. С. 73].

Проецируя эту мысль на переводческую деятельность, мы должны признать, что иногда перевод каких-то отрезков текста и в самом деле может осуществляться без глубокого понимания их смысла. Например, при устном переводе текста переводчику могут встретиться неизвестные ему термины, но во многих случаях он будет способен дать правильный перевод, пользуясь чисто формальными соответствиями.

Парадоксально, но факс

В качестве примера расскажу эпизод из собственной практики. Однажды в начале 1980-х годов меня пригласили на перевод деловых переговоров между представителями двух фирм, отечественной и зарубежной. О содержании переговоров заранее ничего не сообщалось. В ходе беседы представитель советской фирмы сделал своему контрагенту предложение производить с помощью компании-партнёра «факсы». Должен признать, что я тогда впервые услышал это слово: на тот момент факсимильные аппараты в нашей стране ещё практически не использовались.

Не знал я и английского соответствия этого непонятного мне слова, но рассуждал логически следующим образом. Слово *факс*, по всей вероятности, является транскрипцией английского термина. Русской

буквой *a* транскрибируется чаще всего один из двух английских звуков в закрытом слоге: [æ] либо [ʌ]. Следовательно, предположил я, оригинальный термин должен иметь вид либо *fax*, либо *fux*. Второе из этих соответствий я отмёл как маловероятное из-за созвучности бранному глаголу и (пусть не с полной уверенностью) выбрал *fax*, переводя: “Our company could manufacture *faxes*”. С облегчением увидев, что иностранный переговорщик кивнул головой, я понял, что сформировал удовлетворительное соответствие, хотя из дальнейшей речи англоговорящего клиента вывел, что в отношении технических устройств чаще употребляется сочетание *fax machine*.

Таким образом я смог на приемлемом уровне перевести беседу, используя слова, точный смысл которых оставался мне непонятным. Фактически перевод свёлся к формальному замещению слова *факс* словом *fax* или словосочетанием *fax machine*, а полного понимания предмета у меня как у переводчика не было.

Но надо оговориться, что я обладал если не точным, то хотя бы обобщённо-категориальным понятием о предмете разговора как о некоем техническом устройстве. Одно это позволяло мне достаточно грамотно переводить диалог. Думается, что понимание смысла текста при этом всё-таки имело место – хотя бы на минимальном уровне, позволяющем осуществлять коммуникацию.

Если же компьютер выдаёт какие-то отрезки перевода приемлемого качества, то не потому, что он что-то понимает, а потому, что в программу перевода было изначально заложено понимание, присущее программистам (или экспертам, которые наняли программистов). Некоторые учёные, считающие возможным создать искусственный разум, говорят, что для адекватного замещения компьютером человека в выполнении интеллектуальных задач нужно просто задействовать более мощные, чем сегодня, восходящие алгоритмы, способные к самообучению. Они надеются, что с их помощью система будет повышать качество своей деятельности. Однако Р. Пенроуз доказывает, что существуют фундаментальные и неустранимые ограничения возможностей вычислительной техники, которые «останутся в силе независимо от того, на сколько веков вперёд мы устремим свой взгляд» [Пенроуз 2005. С. 83].

Когда пересекутся параллели?

Люди понимают друг друга в общении во многом благодаря тому, что имеют схожий жизненный опыт и общий континуум знаний о

мире. Условно можно считать нашу память хранилищем знаний и опыта, куда складывается усвоенная чувственная и интеллектуальная информация. Нельзя ли в таком случае и робота-переводчика оснастить подобным хранилищем, чтобы из него он черпал необходимые сведения, обрабатывая поступающую новую информацию в целях коммуникации – и в том числе перевода – не хуже отдельного человека (а может быть, и лучше, если вместить в его память коллективный опыт очень многих людей)?

По мнению Р. Пенроуза, это невозможно, поскольку для применения опытного знания субъект должен свой жизненный опыт **осознавать**. Свою аргументацию учёный строит, апеллируя к известной в математике теореме Гёделя (опубликованной в 1931 году), согласно которой в любой непротиворечивой системе математических правил существуют невыводимые формулы. Из этого он делает вывод о том, что в человеческом мышлении есть составляющая, которую никогда не удастся воспроизвести с помощью некоторого набора вычислительных правил.

Другими словами, присущая людям способность понимать и делать выводы просто-напросто не поддаётся формализации. Иногда правила могут стать частичной заменой пониманию, однако в полной мере такая замена не представляется возможной.

«Мыслительная деятельность непременно оказывается связана с некими феноменами, носящими фундаментально невычислительный характер» [Пенроуз 2005. С. 128].

Как только мы допускаем, что «способность понимать» имеет неалгоритмическую и невычислительную природу, становится ясно, как следует относиться к следующей сентенции со страницы ЧаВо сервиса «Google-Переводчик»:

«Хотя мы работаем над этой проблемой, не исключено, что система, обеспечивающая быстрый и качественный перевод, появится ещё не так скоро»³.

Это примерно то же самое, что сказать: «Хотя мы постоянно работаем над продолжением двух параллельных прямых в евклидовой плоскости, не исключено, что пересекутся они не так скоро».

По сути дела, разработчики косвенно признают, что автономная (то есть не предусматривающая участия человека) система высококачественного машинного перевода не появится никогда. Она не может появиться в принципе из-за невозможности представить в виде вычислительной процедуры такой аспект перевода, как понимание текста.

³ www.google.ru/intl/ru/help/faq_translation.html#statmt

Но может быть, необходимость понимания в переводе можно как-то обойти, «перепрыгнуть» через этот этап, если воспользоваться накопленным человеческим опытом, в который уже заложен результат осмысления материала человеком? В этом видят перспективу сторонники **статистического метода**, при котором система использует большой массив готовых (и, по умолчанию, качественных) переводов, выполненных людьми. С помощью статистического анализа параллельных текстов машина вычленяет в них соответствия и, получив новый текст, формирует его перевод на их основе. Такая система

«полностью игнорирует грамматические правила, и словари ей тоже не нужны – а нужно... большое количество данных, к которым прилагаются статистические модели» [Ильин 2003].

В своих базах параллельных текстов система попарно хранит фразы и словосочетания и их переводы. Вариант перевода подбирается, исходя из частоты совпадений, то есть в конечном итоге будет подставлен вариант, имеющий наиболее высокий процент совпадений.

Принцип, который заложен в подобную систему, заключается в том, что однажды правильно переведённый сегмент текста может и должен быть переведён точно так же в других переводах, аналогичных по тематике (идентифицируемой на базе контекстного анализа). И действительно, в переводе некоторых видов производственно-технической, деловой и другой специальной документации «одним из требований к качеству перевода является единообразие „сегментов“ текста (как правило, абзацев и предложений)» [Моисеенко 2009. С. 71]. Но мы-то начали наш разговор с универсальных систем перевода и задач по обеспечению коммуникации в повседневных условиях, хотя бы на элементарном «бытовом» уровне.

Эксперимент без отрыва от телевизора

Проведём небольшой эксперимент, чтобы установить, насколько статистический подход способен избавить машину от нужды понимать переводимое в условиях повседневного общения. Нам необходим некоторый однородный массив текстов бытовой тематики. Лучшим материалом могла бы послужить база данных, состоящая из бытовых диалогов. Неплохое приближение к такой базе – запись речи персонажей какого-нибудь достаточно длинного многосерийного фильма, благо в последних нет недостатка.

В качестве материала исследования мы выберем запись всех диалогов, звучащих в американском телесериале «Отчаянные домохозяйки» (Desperate Housewives), и их уже выполненный перевод на русский

язык. В нашу выборку вошли тексты вышедших к моменту исследования 149 серий фильма объёмом около 745 000 слов (считая по оригинальной версии). Для конкретного анализа взяты несколько выражений с прилагательным *good*, способных выступать в качестве самостоятельных реплик. Это выражения “Good for you (her, him)” и “I am good” с вариантами (“We are good”, “Are we good?”).

Во второй группе реплик (“I am good”) для чистоты эксперимента не учитывались варианты с подлежащим и сказуемым в иных лицах, кроме первого (фразы вида “He is good”), и сказуемым в иных временах, кроме настоящего (то есть фразы вида “She was good”, “I will be good”). Также были исключены из выборки случаи, в которых предикативное слово *good* управляет зависимыми словами, способными модифицировать его значение (например, “I’m good to go”; “I’m good for what ails you”).

Но начнём с результатов, полученных для фразы-предложения “Good for you (her, him, them)”. Реплики такого вида встречаются в оригинальном тексте фильма 23 раза. Посмотрим теперь, какие переводы этой реплики имеются в русских текстах серий (последние были взяты из Интернета; сведения об именах и о квалификации переводчиков отсутствуют, однако контексты реплик были просмотрены, и выполненные переводы были признаны удовлетворительными):

<i>Переводы реплики “Good for you (her, him, them)”</i>	<i>Количество</i>
Молодец (молодцы)!; Вот молодец!; Ты (он, она) молодец.	12
Рада за тебя; Рад за неё.	2
Хорошо; Это хорошо.	2
Так даже лучше.	1
Тем лучше для тебя.	1
Правильно.	1
Отлично.	1
Здорово.	1
Поздравляю.	1
Браво.	1
<i>Всего</i>	23

Объединив варианты, незначительно отличающиеся в деталях, мы видим, что наиболее частотным переводом фразы “Good for you (her, him, them)” является реплика «Молодец!». Она использована в 12 из 23 случаев, то есть более чем в 50%. Если исходить из логики программы перевода, основанной на статистическом подходе, то при

машинном переводе сериала компьютер-«переводчик» и подставил бы именно этот вариант везде, где выражение “Good for you” встретилось бы ему в качестве отдельного предложения.

Понятно, что «человеческий» перевод характеризуется гораздо большим разнообразием вариантов, которые обогащают его лексически и стилистически, и среди них такие нетривиальные, как «Поздравляю» и «Браво». Но не будем предъявлять слишком высоких требований к компьютеру: нам важно пока что проверить, способен ли он, «обучаясь» на переводах человека, стабильно выдавать собственный перевод хотя бы минимально удовлетворительного качества. Тогда мы могли бы считать, что достижение приемлемых результатов в автономной работе компьютера-«переводчика» действительно не требует от него подлинного понимания текста, а может быть обеспечено с помощью некоей нисходяще-восходящей процедуры, использующей не только некоторые правила, но и анализ предшествующих практических достижений человеческой деятельности.

Она не молодец, но за неё рады

Даже без опоры на статистику переводчику-профессионалу понятно, что выразительные реплики «Поздравляю» и «Браво» подойдут для передачи выражения “Good for you” далеко не во всех случаях. Например, одна из героинь фильма сообщает другой, что побывала в спа-салоне, объясняя это необходимостью отдохнуть от домашних забот, а собеседница высказывает ей своё одобрение:

“Things have been a little tense at home, and I needed an hour to relax.”

“Good for you. I love that spa.”

– Дома напряжённая обстановка, и я расслабилась на часок.

– **Молодец.** Мне нравится этот салон.

Варианты «Поздравляю» или «Браво» были бы в этом контексте неуместны.

В то же время самый частотный вариант перевода реплики “Good for you” – «Молодец» мог бы быть применён ещё в 6 контекстах, где она переведена иначе. Однако в 5 контекстах «Молодец» неприменимо даже с натяжкой, так как нарушает логику и искажает либо затуманивает смысл. Приведу один из этих контекстов:

“I just wanted to know if she was happy.” “I think she is.”

“Well... Good for her.”

– Просто хочу знать, счастлива ли она.

– Думаю, что да.

– **Рад за неё.**

(Как вариант последней реплики в переводе можно было бы написать «Это хорошо», «Отлично», «Прекрасно», «Тем лучше», но не «Молодец»).

Итак, из общего числа 23 контекстов наиболее частотный вариант, подобранный на основе статистического подхода, подошёл бы (где-то, может быть, с натяжкой) в 18 случаях, однако в 5 контекстах он оказался бы неприемлемым. Могла бы компьютерная программа применить какую-то методику контекстного анализа для корректировки таких неприемлемых результатов? Интуитивно можно сразу предположить, что вряд ли, но проанализируем этот вопрос более подробно.

Подумаем прежде всего, почему мы не сказали бы «Молодец» в цитированном контексте? Скорее всего, потому, что «молодец» употребляется как похвала каким-то удачным решениям или достижениям человека, а также его качествам, которые он может в себе выработать или улучшить. В данном же разговоре речь идёт о том, что некая женщина счастлива, и говорящий выражает удовлетворение этим фактом. Но счастье зависит от внешних условий, это не то чувство, которое человек может вызвать в себе по собственной воле (оттого-то и воспринимается как шутка афоризм «Хочешь быть счастливым – будь им!»). Следовательно, необходимо применить не формулу похвалы, а некое выражение удовлетворённости.

Чтобы данная аргументация могла сработать в машинном переводе, она должна быть неким образом формализована. Для работы в рамках восходящего алгоритма компьютерной программе необходимы указания в виде неких маркеров структурного либо контекстного характера, указывающие на этот оттенок значения фразы “Good for her”. При всём желании выявить такие маркеры и заставить их сориентировать программу невозможно – никаких формальных элементов, которые подошли бы на эту роль, в данном тексте нет.

Единственный выход – это сформировать в лексической базе данных программы две семантические категории, например: (x) слова, обозначающие внешнее свойство, не изменяемое его носителем по своему желанию, и (y) слова, обозначающие свойство, поддающееся изменению самим носителем. Все слова, для которых это было бы уместно, получили бы тогда в базе данных один из этих маркеров – x или y, а в алгоритм перевода было бы заложено правило предпочтительного использования в одном контексте слов с одинаковым маркером. Тогда, вероятно, программа учла бы наличие разных маркеров

у слов *счастливый* и *молодец* и не использовала бы их в сочетании, пусть даже на дистанции из нескольких слов или предложений.

Однако подумаем: провести все эти рассуждения, выразить их формально и заложить в алгоритм программы перевода способен только человек или коллектив, работающий над усовершенствованием программы перевода. Речь идёт не о самообучении программы, а внешнем совершенствовании нисходящего алгоритма. Такое усовершенствование требует внесения в него достаточно масштабных изменений, а также «ручной» обработки всего компьютерного лексикона с целью маркирования его единиц.

Теперь представим себе, сколько ещё неудачных подстановок может сделать (и делает) программа автоматического перевода, которые нельзя было предусмотреть заранее в правилах подстановки соответствий и которые выявляются лишь после тщательной проверки переведённых текстов человеком, а для своего исправления требуют мощного вмешательства в нисходящий алгоритм и базу данных. Будет ли число таких вмешательств конечным, прежде чем машина станет переводить точно? Будет ли оправдана такая гигантская затрата сил и ресурсов на совершенствование алгоритма? И, даже если не считаться с затратами, приведут ли они к желаемому результату?

Интересно в этой связи вспомнить такое наблюдение:

«Когда мы анализируем первые опыты, то сразу видно, насколько велик объём работы, которую надо выполнить даже для составления небольших программ, и насколько сегодня несоизмерим труд, затрачиваемый на составление правил и программ, и практический эффект, который может быть достигнут» [Ревзин, Розенцвейг 1964. С. 16].

Эти слова были написаны в начале 1960-х годов, но и сейчас, спустя полвека, мы вынуждены констатировать то же самое – по крайней мере, применительно к попыткам обеспечить хороший автоматический перевод обычной бытовой речи.

Статистика бессильна

Однако не будем торопиться с выводами. Мы ещё не рассмотрели ситуацию с другой группой выражений в нашей выборке, а именно с выражениями “I’m good”, “We are good”, “Are we good?”. Эти выражения, очень близкие по лексическому составу и структуре, придётся рассмотреть по отдельности, поскольку каждое из них способно выражать специфические оттенки смысла. Приведём варианты переводов этих выражений, встретившиеся в выборке, в табличной форме:

<i>Переводы реплики I'm good</i>	<i>Количество</i>	<i>Переводы реплики We are good</i>	<i>Количество</i>
Я в порядке.	9	(У нас) всё хорошо.	3
Хорошо; Это хорошо.	5	(У нас) всё в порядке.	2
Справилась; Я справляюсь; Я справлюсь.	4	У нас всё отлично.	1
Я сам; Я сама.	3	Мы в порядке.	1
Не надо.	3	Мы в расчёте.	1
Мне и тут/здесь хорошо.	3	Ничего не нужно.	1
Всё в порядке.	3	Мы готовы.	1
(У меня) всё хорошо.	2	Мы пока слушаем.	1
Не стоит.	2	Всего	11
С меня хватит; Мне уже хватит.	2		
Я готов; Я готова.	2		
Мне и так хорошо.	1		
Всё нормально.	1		
У меня есть.	1		
Мне не нужно.	1	<i>Переводы реплики Are we good?(We are good?)</i>	<i>Количество</i>
Достаточно.	1		
Не особенно.	1	Всё в порядке?	1
Ничего.	1	Всё улажено?	1
Меня это устраивает.	1	Разобрались?	1
Мне всё равно.	1	Так мы друзья?	1
Что ты!	1	Так мы договорились?	1
Я хороший кандидат.	1	(Четверг) остаётся в силе?	1
<i>Всего</i>	49	<i>Всего</i>	6

Поясню на всякий случай, что выражение “I’m good”, ставшее в последнее время популярным в разговорном американском английском, употребляется чаще всего, когда говорящий заявляет о своей комфортности или самодостаточности в какой-либо ситуации, нередко при этом отказываясь от предложения помощи или добавки. Во множественном числе аналогичная фраза (We are good) может выражать ту же мысль, а может обозначать отсутствие у сторон взаимных претензий. Наконец, в вопросительной форме (Are we good?, We’re good?) та же фраза употребляется как просьба подтвердить урегулированность какого-либо спора или простую договорённость между сторонами.

Статистический подход показывает себя в этих случаях ещё хуже, чем в примере с выражением “Good for you”. Наиболее частотным, но

далеко не преобладающим, переводом реплики "I'm good" является фраза «Я в порядке» (9 случаев из 49, или 18%). В 10% случаев реплика переведена как «(Это) хорошо», в 8% – «Справилась», «Я справляюсь» или «Справлюсь». Частотность остальных вариантов – 6% или менее.

Попытка подставить наиболее частотный вариант – «Я в порядке» – в другие контексты в большинстве случаев приводит к неприемлемым результатам. Вот примеры:

(1) "You want to hear?" "No, I'm good, thanks." (Сезон 2, серия 8)

– Хочешь послушать?

– Нет, **не сто́ит**.

(2) "Doesn't that concern you?" "No, I'm good." (Сезон 3, серия 2)

– Тебя это не волнует?

– Нет, **не особенно**.

(3) "Uh, is there, you know, anything else that you would need to know?"

"No, I'm good." (Сезон 6, серия 7)

– Мне постараться вспомнить ещё что-нибудь, что может помочь расследованию?

– **Достаточно**.

Вообще можно видеть, что из 22 вариантов перевода, использованных в сериале для этого выражения, лишь ещё очень немногие подойдут к одному из приведённых контекстов. В примере (1) возможен один синонимичный перевод («Не надо»), в примере (2) – два («Мне всё равно» или «Меня это устраивает») и в примере (3) – также два варианта («Не стоит», «Не надо»).

С другой стороны, переводчику-профессионалу ясно, что этими 22 переводами все возможные варианты далеко не исчерпываются. Так, в примере (1) можно было бы сказать «Не хочу», «Не нужно», в примере (2) – «Не очень», «Не волнует», в примере (3) – «В этом нет необходимости». Стало быть, в нашу выборку (которую я не назвал бы маленькой) не попал целый ряд вариантов перевода, которые переводчик мог бы использовать, а машина не сможет.

Ещё менее полезные данные для нашей машины даст анализ переводов выражений "We are good" и "Are we good?". В утвердительной форме чаще всего (27%) встречается вариант перевода «(У нас) всё хорошо», но в абсолютных цифрах это всего три случая, и результат неочевиден, так как соизмерим со статистической погрешностью. В вопросительной форме вообще все варианты встречаются только по одному разу.

Получив такой результат, переводчик-машина вынуждена будет выбирать соответствие случайным образом, так как у неё нет никаких

оснований предпочесть один вариант другому. Между тем о взаимозаменяемости соответствий не может быть и речи. Рассмотрим, к примеру, один из ситуативных контекстов: на сеансе коллективной психотерапии для супружеских пар руководитель приглашает новичков рассказать о своих проблемах, но те ещё стесняются выступать:

"I think that it's Carlos and Gabrielle's turn." "Thanks, but **we're good.**"

– Теперь очередь Карлоса и Габриэль.

– Спасибо, но **мы пока слушаем.**

Данный перевод нельзя заменить ни одним другим соответствием из обнаруженных в выборке: они исказят смысл ответа, а вариант «Мы готовы» вообще изменит его на противоположный.

Таким образом, в условиях обыденного общения (то есть именно там, где нас обещают снабдить вавилонскими рыбками) статистический принцип автоматического перевода, даже в условиях довольно приличной выборки, во многих случаях (если не в большинстве случаев) не обеспечивает «попадания» в точное соответствие.

Надо ещё иметь в виду, что массив текстов на основе длинного телесериала – это ещё очень большая роскошь для автоматического переводчика. Ведь в сериале в мало меняющейся обстановке действует примерно один и тот же круг лиц, чьё общение определяется не слишком уж широким кругом проблем, связанных с отношениями между друзьями и родственниками. Реальное же многообразие тем и персонажей, с которыми приходится иметь дело профессиональному устному переводчику, на несколько порядков шире – да, пожалуй, вообще не имеет границ. В практике каждого опытного переводчика наверняка было множество тем и ситуаций, встречавшихся ему единственный раз за всю профессиональную карьеру, когда никакая предшествующая «база данных», откуда можно было бы почерпнуть готовые соответствия, не могла бы быть сформирована заранее, но и новый опыт, в этой ситуации приобретённый, в дальнейшем не пригождался.

Несознательная машина

Так что, даже если можно было бы предоставить в распоряжение компьютера огромный массив соответствий, сопоставимый с тем речевым опытом, который человек-переводчик накапливает за период учёбы и профессионального роста, никакой восходящий или нисходяще-восходящий алгоритм на основе статистического подхода и некоего набора правил не застрахует машину-«переводчик» от неверно подобранных соответствий, грубо искажающих смысл текста.

И объясняется это в точности тем же, чем Р. Пенроуз объясняет невозможность создания машины-«математика», способной формулировать и доказывать теоремы: для успешного осуществления этой деятельности машине не хватает **понимания** (осознания) того, что она делает, а заместить это понимание в удовлетворительной степени подстановками из предшествующего массива данных **невозможно**.

Если мы согласны с этим выводом, то перед нами встаёт другая задача: понять, что же такое не понимает (не осознаёт) машина для успешного перевода. Что, собственно, требуется понимать переводчику?

Отвечая на этот вопрос, обычно говорят обобщённо: «Переводчику требуется понимать смысл сказанного». В семантической модели перевода, опирающейся на трансформационную грамматику Н. Чомски (Хомского) и концепцию переноса Ю. Найды, смысл высказывания выявляется через изучение его глубинной структуры и компонентный анализ значимых единиц. На этапе порождения текста перевода происходит реструктурирование (рекомбинация) актуальных компонентов смысла с целью создания новой поверхностной структуры, соответствующей глубинной структуре.

При этом одной глубинной структуре могут соответствовать разные поверхностные структуры, в которых из одних и тех же компонентов смысла, извлечённых из оригинального высказывания, формируются различные словесные комплексы и комбинации (например, глубинная структура «Лиза владела матрасом» может реализоваться в поверхностных структурах «Лизин матрас», «Матрас принадлежал Лизе», «Лиза была матрасовладелицей», а фразы «Уважением пользуется каждый матрасовладелец» и «Человек, лишённый матраса, – жалок» [Ильф, Петров 1958. С. 140] семантически выводимы друг из друга).

Межъязыковую перифразу, построенную на синтаксическом реструктурировании, а также перераспределении и разноуровневом оформлении семантических компонентов, можно проиллюстрировать примером: « On trouvait à Yonville qu'il avait des manières comme il faut » (G. Flaubert) – «Весь Ионвиль находил, что он прекрасно себя держит» [Гак 1975. С. 67]. Эквивалентность между этими высказываниями достигнута в том числе и посредством семантического соответствия единиц разного уровня и типа: слов и словосочетаний, знаменательных и служебных слов. В других случаях значение морфемы передаётся лексемой и наоборот (ещё один известный пример: « Les chals s'approchaient en rampant » – «Шакалы подползали» [Миньяр-Бе-

лоручев 1998. С. 74]). В терминологии Дж. Кэтфорда речь в подобных случаях идёт о межуровневом сдвиге (unit shift).

И действительно, огромное число переводных соответствий можно получить благодаря переходу от исходного высказывания, через его глубинную логическую структуру, к такой поверхностной структуре на языке перевода, в которой пусть трансформированно, но будут представлены все релевантные элементы семантики исходной поверхностной структуры.

Но если вернуться к соответствиям высказыванию “I’m good”, то о какой общности глубинной структуры, о какой рекомбинации сем можно говорить, сравнивая оригинал с переводами «Достаточно», «Не особенно», «Ничего», «Мне всё равно», «Я справлюсь», «Что ты»? Сложно обнаружить такую общность между высказываниями “We are good” и «Мы пока послушаем» или между “Are we good?” и «Договорённость остаётся в силе?».

Вот так ситуация

Для того чтобы установить эквивалентность таких высказываний, мы должны выйти на уровень ситуаций, к которым они относятся. Влияние описываемой в тексте ситуации («предметной обстановки») на выбор средств выражения в переводе продемонстрировал целый ряд авторов, в том числе В.Г. Гак и Я.И. Рецкер, но наиболее чёткое освещение этот вопрос получил в теории эквивалентности В.Н. Комиссарова. Последний не просто указал на необходимость учёта речевой ситуации, а выделил два уровня, на которых информация о ситуации может быть передана от одного коммуниканта к другому: это уровень **способа описания** ситуации и уровень **идентификации** ситуации [Комиссаров 2011. С. 124-129].

Разграничение этих двух ситуативных уровней перевода представляется мне одним из крупнейших достижений в переводоведении, которое, как ни парадоксально, остаётся, на мой взгляд, пока недооценённым как переводоведами, так и переводчиками. Эквивалентность на уровне способа описания ситуации – это как раз соответствие в духе трансформационной грамматики, когда – будь то с использованием глубинной структуры, семантического метаязыка или без таковых – перевод высказывания создаётся через трансформации исходного предложения, при которых его семантические компоненты могут получать иное синтактико-грамматическое выражение, но по возможности сохраняются (хотя не исключается их частичное варьирование,

опущение или добавление). Примерами перевода высказывания “I’m good”, выполненного на этом уровне, будут фразы «У меня всё хорошо/нормально», «У меня всё в порядке», в которых применяется иная, чем в оригинале, синтаксическая структура и формально вводится дополнительный актант с обобщённым значением (*всё*), но субъект и предикативный признак исходного высказывания получают свои семантические соответствия:

I → (y) *меня*;

good → *хорошо, нормально, в порядке*

При этом подходе переводчику важнее всего то, какие существенные элементы ситуации говорящий избрал для её описания, и он рассчитывает на то, что и иноязычному адресату те же элементы, заполняющие корректную синтаксическую структуру на языке перевода, опишут ту же самую ситуацию.

Однако реальность не оправдывает такую надежду. Легко видеть, что есть большое (а возможно, и неограниченное) число ситуаций, в которых подобная передача не позволяет иноязычному адресату идентифицировать ситуацию удовлетворительным образом. И правда. когда новым участникам группы взаимной психологической поддержки предлагают рассказать о себе другим, ответ «У нас всё хорошо» будет в лучшем случае встречен с недоумением, а в худшем – понят превратно как сообщение об отсутствии у данных участников проблем (что вызовет вопрос: а зачем в таком случае они сюда пришли?). Стало быть, правильная идентификация ситуации требует иного способа её описания на языке перевода – способа, «оторванного» от формальных преобразований оригинальной реплики.

В подобных случаях от некоторых лирически настроенных «исследователей» перевода нередко можно слышать рассуждения о важности передачи «духа» подлинника, отхода от его буквы ради проникновения в его сокровенный смысл и т.п. Однако, если взглянуть на проблему с семиотической точки зрения, её можно охарактеризовать более строго: высказывание (в совокупности его поверхностной и глубинной структуры, плана выражения и плана содержания) само по себе является означающим, то есть формой, для внешнего означаемого – ситуации.

Другими словами, имеет место **двойное означивание**: имеется некий сложный знак, планом содержания которого является ситуация, подлежащая идентификации в общении, а планом выражения – высказывание, её описывающее. Это высказывание, в свою очередь, также

представляет собой двуплановый знак: его план содержания – глубинная логико-семантическая структура, а план выражения – поверхностная лексико-синтаксическая структура.

Глубинная структура высказывания не обязательно совпадает с описываемой ситуацией: указание на якобы хорошее самочувствие говорящего не ассоциируется у адресата само по себе с обстоятельствами, при которых этот говорящий не желает выступить публично.

Поэтому при переводе **на уровне идентификации ситуации** переводчику приходится выбирать другое означающее для неё, то есть высказывание иного семантического содержания, основанное на описании других признаков этой же ситуации.

Вас понял

Что же для этого требуется? Необходимо осознать ситуацию в целом – а она всегда сложнее высказывания с точки зрения её компонентов и связи с другими ситуациями. Раз высказывание есть знак ситуации, оно, как любой знак, воплощает стремление к экономии средств и способно лишь формально идентифицировать ситуацию, отнюдь не раскрывая всех её существенных признаков.

При этом надо отметить, что речь идёт вовсе не о тех случаях, которые часто приводятся как примеры ситуативного перевода, где коммуникативная ситуация однозначно диктует средство её обозначения в целевом языке, таких как “Wet paint” – «Осторожно, окрашено!» или “Keep off the grass” – «По газонам не ходить». Ведь ситуацию, когда говорящий заявляет, что хотел бы воздержаться от выступления, можно обозначить не только фразой «Мы пока послушаем», но и множеством других способов, например: «Мы пока воздержимся», «Мы не вполне готовы», «Может быть, не сейчас?», «Давайте мы выступим в другой раз» и т.д.

Чтобы не ограничиваться одним примером, рассмотрим другой контекст, требующий перевода именно на уровне идентификации ситуации, которая, однако, не определяет однозначно выбор формы высказывания на языке перевода. В фильме «Чёрный лебедь» (2010) режиссёра Д. Аронофски есть эпизод, посвящённый работе хореографа, который подбирает балерину на партию Одетты–Одилии в «Лебедином озере». Понаблюдав за её танцем, балетмейстер говорит танцовщице:

If I was only casting the White Swan, she'd be yours. **But I'm not.** Now show me your Black Swan, Nina.

Нас интересует та небольшая речевая ситуация, которая выделена в примере полужирным шрифтом. Эллиптическая фраза “But I am not” подразумевает мысль, выводимую из предшествующего контекста: “But I am not only casting the White Swan” («Я подбираю исполнительницу не только партии Чёрного лебедя, то есть Одилии»). Вот как звучит закадровый перевод этой сцены в одной из русскоязычных версий фильма:

Если бы мы выбирали только Белого лебедя, он бы достался тебе. **Но нужен и Чёрный.**
А теперь, Нина, покажи Чёрного лебедя.

Высказывание “But I am not” не может быть переведено на русский язык на уровне *способа* описания ситуации, то есть с использованием аналогичной синтаксической конструкции и её лексического наполнения, поскольку подобными эллиптическими структурами русский язык не оперирует. Следовательно, перевод должен быть осуществлён на уровне идентификации ситуации: ту же самую ситуацию следует обозначить иначе, используя другие её существенные признаки. И это в цитируемом переводе сделано. Соответствие “But I am not” – «Но нужен и Чёрный» следует признать эквивалентным для данной ситуации, хотя никакое структурно-семантическое преобразование не способно вывести второе предложение из первого.

Обозначить ту же ситуацию можно и другими способами. Переводчику нужно построить высказывание из некоторого набора признаков ситуации, позволяющего экономно идентифицировать её на языке перевода, а для этого он должен лишь «увидеть» ситуацию в её целостности, в комплексе её неразрывных взаимосвязей с другими ситуациями. В этом, очевидно, и заключается *понимание*, или *осознание* смысла высказывания, на которое, увы, неспособна машина.

Эту мысль, впрочем, высказывали и другие исследователи: так, Ю.Н. Марчук предположил, что «существует, по-видимому, некоторое „сквозное“ понимание», когда человек «воспринимает информацию целиком и соответствующим „целиковым“ образом решает нужную задачу» [Марчук 1985. С. 11]. Он же отмечал, что наука пока не представляет, «как могло бы происходить такое понимание у человека и как можно было бы его смоделировать» [там же]. Сегодня, следуя теории сознания Р. Пенроуза, можно сделать гораздо более категоричный вывод о том, что подлинное понимание не поддаётся моделированию вычислительными методами.

Перевожу то, что вижу

Перевод на уровне идентификации ситуации, очевидно, чаще требуется при устном переводе или при передаче прямой речи, когда в общении коммуникантов отражаются те предметы и отношения, которые они сами видят и в которых они действуют. При этом устный переводчик находится в той же обстановке, что и те, кого он переводит, и может адекватно описывать (обозначать) ситуацию, руководствуясь собственными впечатлениями.

Более того, устное общение в наибольшей степени зависит от непосредственного чувственного (прежде всего зрительного) восприятия речевой ситуации. Это особенно очевидно, в частности, в области перевода кинофильмов: ни человек, ни тем более машина не могут осуществить приемлемый перевод звучащей в фильме речи исключительно по её записи (субтитрам), из которой неясно, кто произносит каждую реплику, к кому её обращает, что имеет в виду под местоимениями *он, она, это* и т.д. Попытка пропустить через автоматический «переводчик» файл с субтитрами любого фильма неизбежно приводит к катастрофическим результатам. Ни один переводчик, дорожающий своей репутацией, не возьмётся за перевод фильма, не посмотрев его предварительно. А как будет «смотреть» фильм компьютер?

В условиях письменного перевода, особенно научно-технического и документального, когда ситуация не поддаётся непосредственному чувственному восприятию (за исключением той информации, что соотносится с какими-либо иллюстрациями), а задана в тексте эксплицитным описанием её состава и логической структуры, необходимость отхода при переводе от способа такого её описания возникает намного реже. Возможно, этим и объясняется то, что в обработке научно-технических и документальных текстов программы автоматического перевода демонстрируют меньшее число ошибок и несурзиз. (Вопрос о художественном переводе затрагивать здесь не будем, но интуитивно ясно, что и там значение образной структуры литературного текста требует особо глубокого «видения» его ситуативной основы.)

Способность переводчика взглянуть на описываемую в тексте ситуацию по-другому, изменить ракурс восприятия в целях эквивалентного её обозначения в переводе сродни тем невычислительным подходам к решению математических задач, которые описал Пенроуз. Казалось бы, как просто изменить направление взгляда и в трёх рядах из пяти элементов увидеть пять рядов из трёх элементов! Но эта

процедура носит невычислительный характер и поэтому не может быть алгоритмизирована. Чтобы полностью понять текст, нужно «увидеть» описываемую им ситуацию. Чтобы перевести текст, нужно уметь изменить направление взгляда на неё и выбрать, возможно, иные её элементы, адекватно её описывающие.

Изменение ракурса в «видении» ситуации не поддаётся формализации ни в виде нисходящего, ни в виде восходящего, ни в виде комбинированного нисходяще-восходящего алгоритма. Вот почему машине недоступно подлинное понимание текста и, как следствие, высокопрофессиональный перевод без редактирования человеком. Впрочем, такое понимание не всегда проявляют и некоторые переводчики-люди, особенно те из них, кто не отдаёт себе отчёта в семиотической природе высказывания как **сложного знака ситуации**.

Кстати, вавилонская рыбка из романов Адамса, если бы она существовала, переводила бы крайне плохо, особенно в условиях динамически меняющейся обстановки: живя в ухе, она ничего не видела бы и, работая исключительно со слуха, беспрестанно несла бы несусветную чушь.

НАШ ПЕРЕВОД, ВПЕРЁД ЛЕТИ! В ЛАКУНЕ ОСТАНОВКА

- Александр Анатольевич, где мы с вами только не были!
- И правда, Михаил Михайлович! В Париже – не были, в Лондоне – не были, в Риме – тоже не были...

(Из комической миниатюры актёров А. Ширвиндта и М. Державина)

Исхитрись-ка мне добыть То-Чаво-Не-Может-Быть! Запиши себе названье, чтобы в спешке не забыть.

(Л. Филатов. Про Федота-стрельца, удалого молодца)

Понятие и термин *лакуна* занимают сегодня одно из центральных мест в сопоставительной культурологии и теории межкультурной коммуникации. Появилась даже специальная ветвь этих дисциплин, изучающая лакуны, – лакунология.

Изначально лакуна понималась просто как отсутствие в одном из сопоставляемых языков устойчивого наименования для понятия, имеющего лексическое обозначение в другом языке. Однако сегодня налицо тенденция к значительно более широкой трактовке лакун. Под ними могут подразумеваться любые «несоответствия, возникающие при сопоставлении понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур» (В.И. Жельвис, И.Ю. Марковина) или даже «всё, что в инокультурном тексте реципиент не понимает, что является для него странным, требует интерпретации» (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина) [цит. по: 3. С. 37, 39].

Такой широкий подход к лакунам потребовал классификации этого ёмкого явления. Культурологи и этнолингвисты выделили множество видов лакун: языковые и этнографические; межъязыковые и внутриязыковые; уникальные и частные; абсолютные и относительные; системные и личностные; гиперонимические и гипонимические; мотивированные и немотивированные; лексические, грамматические и стилистические; частеречные и формообразовательные; векторные и многие, многие другие.

Все эти категории перечислены здесь не для того, чтобы углубляться в детали их классификации, а чтобы продемонстрировать, как бурно развивается лакунология в наше время. В этих условиях логичным должно бы показаться следующее высказывание Ю.А. Сорокина:

«В настоящее время о взаимодополнительности лакунологии и переводоведения можно, очевидно, и не говорить. Но всё же именно от первой следует ожидать продуктивных импульсов для решения переводоведческих проблем» [Сорокин 2003. С. 6].

Существует, впрочем, и иная точка зрения:

«В отечественной лингвистике имеются разрозненные исследования лакуарности, нет единой точки зрения на данный феномен... Глубже данное явление изучалось в теории перевода и обучении иностранным языкам» [Быкова, Пылаева 2003. С. 21].

Прочитав это, я, как переводовед, не смог не задуматься над тем, какова же реальная ситуация в отношениях лакунологии и нашей науки. Мне кажется, что об этих отношениях поговорить всё-таки имеет смысл. У меня нет ощущения, что теория перевода воспринимает какие-то значительные импульсы от лакунологии для решения своих проблем и особенно для целей обучения переводу. С другой стороны, трудно согласиться и с утверждением, будто теория перевода глубже других отраслей науки изучала феномен «лакуарности». Более того, забегая вперёд, скажу, что теоретики и педагоги-переводоведы вообще редко оперируют понятием лакуны. Может быть, это упущение с их стороны? А может, на это есть объективные причины?

Попробуем в этом разобраться и начнём, как подобает, с классиков.

Классика в полчаса

Русский термин *лакуна* (в интересующем нас значении) является транспозицией французского термина *lacune*, введённого в научный оборот в конце 1950-х – начале 1960-х годов французскими лингвистами Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне [Vinay, Darbelnet 1958] и А. Мальбланом [Malblanc 1961]. Выражение «сопоставительная стилистика», использованное в названиях их трудов, далеко не в полной мере отвечает характеру этих работ. Во-первых, там освещаются отнюдь не только стилистические, но также лексические и грамматические вопросы. Во-вторых, в значительной мере это – труды в области частной теории перевода, предназначенные для обучения переводчиков, о чём говорит и подзаголовок книги Винэ и Дарбельне: *Méthode de traduction* (что, на мой взгляд, корректнее понимать не в смысле ‘методика перевода’ – “a methodology for translation”, как сформулирован подзаголовок в англоязычной версии книги [Vinay, Darbelnet 1995], а как «учебник перевода» или «пособие по переводу»).

Неудивительно, что учение о лакунах стали развивать преимущественно те лингвисты русской (советской) школы, кто занимался изучением стилистики французского языка и его сопоставлением с русским (В.Л. Муравьёв, Ю.С. Степанов, В.Г. Гак и др.). Однако сложилось так, что в дальнейшем лакунология в нашей стране стала раз-

виваться прежде всего в этнопсихологическом, этнолингвистическом и культурологическом аспектах.

Если говорить о западном языкознании, то там понятие лакуны с наибольшей готовностью было взято на вооружение французскими и франко-канадскими лингвистами и – в скромных масштабах – учёными некоторых европейских стран. В англоязычных же странах (кроме Канады) идеи Винэ и Дарбельне остались практически незамеченными. Английский перевод «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» вышел лишь через 37 лет после публикации оригинала, и в предисловии к этому переводу [Vinay, Darbelnet 1995] с сожалением отмечается, что французский оригинал книги постигла участь почти всех научных изданий, выходящих не на английском языке: она осталась за пределами внимания англо-американских лингвистов.

В англоязычной науке термин *lacunology* получил совершенно иное значение, а именно: восстановление с помощью компьютерных технологий утраченных или нечитаемых мест (лакун) в древних рукописях. Когда на английском языке издаются научные статьи, посвящённые межкультурным лакунам (например, статьи немецких или финских учёных), для обозначения лакунологии используется искусственно сконструированный и не очень благозвучный термин *lacunaology*.

Посмотрим теперь, как обстояло дело в отечественном переводоведении. В нашей стране идею французских лингвистов ввести понятие лакуны в сопоставительные исследования первыми отметили И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг. Они сослались на А. Мальблана в одном из подстрочных примечаний [Ревзин, Розенцвейг 1964. С. 184]. (Интересный случай: без ссылки на это короткое, сделанное как бы мимоходом примечание не обходится ни один уважающий себя обзорный труд по лакунологии). Правда, французское *lacune* эти авторы перевели тогда не как *лакуна*, а как *пробел*.

Л.С. Бархударов ввёл в теорию перевода термин *случайная лакуна*. Он определил лакуны как «единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка» [Бархударов 1975. С. 95]. В дальнейшем, говоря о лакунах в переводоведческом смысле, я буду иметь в виду именно определение Л.С. Бархударова.

Понятие случайной лакуны Л.С. Бархударов иллюстрирует наиболее обстоятельно русским словом *сутки*, которое, по его словам, приходится передавать на английском языке описательно: либо как *twenty-four hours* ('24 часа'), либо как *day and night* ('день и ночь'). Среди других примеров лакун, которые приводятся уже без подробного анализа, Леонид Степанович называет русские существительные *кипяток, именинник, погорелец, пожарище* и английские слова *glimpse, flooger, exposure* (последнее в значении 'подверженность воздействию сил природы').

Всего в книге Л.С. Бархударова лакунам посвящено два абзаца.

Основоположником лингвистической теории перевода в нашей стране справедливо считается **А.В. Фёдоров**, чья книга «Введение в теорию перевода» вышла ещё в 1953 году, до публикации «составительных стилистик» Винэ–Дарбельне и Мальблана. Однако переработанное издание этой книги, называвшееся уже «Основы общей теории перевода», увидело свет в 1968 году. Там есть глава о «так называемой безэквивалентной лексике», посвящённая главным образом национально-специфическим реалиям. Кроме них, автор упоминает о «словах, обозначающих общераспространённые вещи, действия, поступки, чувства, переживания и т.п.» и утверждает, что «невозможность или трудность их передачи может быть иллюстрирована относительно редкими примерами» [Фёдоров 1983. С. 135].

В качестве одной такой иллюстрации приводится замечание некоего английского критика начала XX века о сложности стилистически адекватной передачи русского слова *скучно* на английский язык в поэтическом тексте. Впрочем, А.В. Фёдоров тут же добавляет, что здесь речь идёт не об отсутствии смыслового соответствия, а лишь о несоответствии в эмоциональной окраске.

К словам, не имеющим русских лексических соответствий, автор причисляет некоторые термины, обозначающие абстрактные понятия – философские, политические, эстетические и др. Он рассказывает, какие трудности для писателей и переводчиков XVIII – начала XIX века представляли такие французские слова, как *absurdité, inertie, emblème, objet, enthousiasme, période, geste, libéralité, administratif, attribution*.

Из современных автору лексических единиц А.В. Фёдоров приводит в пример русские слова *идейность, партийность, закономерность*. В частности, если для последнего есть достаточно точное (и по смыслу,

и даже по семантико-морфологической структуре) соответствие в немецком языке – *Gesetzmäßigkeit*, то во французском (и, добавлю от себя, в английском) языке имеются лишь окказиональные и частичные соответствия этому слову.

Все эти примеры (кроме, пожалуй, примера со словом *скучно*) во многом близки к той категории, которую Л.С. Бархударов называет случайными лакунами. Впрочем, А.В. Фёдоров термином *лакуна* не пользуется.

Я.И. Рецкер в своём основополагающем труде [1974], хотя и анализирует примеры с английскими словами, обладающими уникальной смысловой структурой (*mount, resentment, ruthless, wanton*), не выделяет такие слова в отдельную категорию. В другой своей работе [1978] он описывает похожее на случайные лакуны явление в разделе, посвящённом описательному переводу.

Среди приводимых им примеров – *eye-opener* ‘что-либо, открывающее человеку глаза на действительное положение вещей’ (из словаря В.К. Мюллера), *outdoorsman* ‘любитель охоты и жизни на лоне природы’ (этот описательный перевод даёт сам Я.И. Рецкер). Однако Яков Иосифович не проводит чёткого разграничения между подобными лексическими единицами и реалиями. Более того, он уделяет основное внимание именно реалиям, утверждая, что

«в большинстве случаев отсутствие словарных... эквивалентов или вариантных соответствий наблюдается при переводе слов, обозначающих понятия и явления, чуждые нашей... действительности» [Рецкер 1978. С. 24].

Таким образом, Я.И. Рецкер не рассматривает слова, подобные случайным лакунам Л.С. Бархударова, как отдельную категорию безэквивалентной лексики, значимую для перевода. Подчеркну и то, что он не использует самого термина *лакуна*, хотя книга Леонида Степановича – его ближайшего коллеги и заведующего той кафедрой, на которой работал Яков Иосифович, – была ему, конечно, известна в деталях.

В.Н. Комиссаров в своей первой монографии о переводе [1975] также не оперировал ни понятием, ни термином *лакуна*. В труде, вышедшем намного позднее [1990], он посвятил три параграфа безэквивалентной лексике. По мнению Вилена Наумовича,

«безэквивалентная лексика обнаруживается, главным образом, среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имён и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода. Таковы английские слова *conservationist, baby-sitter, backlog, etc.*» [Комиссаров 1990. С. 148].

Эти примеры – то немногое в трудах В.Н. Комиссарова, что можно считать как-то перекликающимся с понятием лакуны. Впрочем, случайные лакуны не вписываются в данное Виленом Наумовичем определение безэквивалентной лексики, ибо они никак не подходят под рубрики «специфические понятия» или «малоизвестные имена и названия». Наоборот, случайная лакуна, по идее, должна относиться не к специфическому понятию, а к понятию, концептуально известному носителям языка перевода, но не имеющему в нём словарного обозначения.

Термин *лакуна* не встречается и в книге А.Д. Швейцера «Перевод и лингвистика» [1973], хотя там есть примеры переводческих преобразований, вызванных отсутствием прямых лексических соответствий. В ряде случаев это связано с различиями в словообразовательных парадигмах слов. Например, у английских отглагольных существительных со значением деятеля – *spender, destroyer (of jobs), union-basher* – нет русских аналогов-существительных. Однако, обсуждая эти примеры с точки зрения ситуативной модели перевода и модели «смысл–текст», А.Д. Швейцер показывает, что данная проблема решается в переводе элементарными синтаксическими преобразованиями.

Правда, в другой его книге, вышедшей пятнадцать лет спустя [Швейцер 1988], лакуны всё-таки упоминаются в разделе о переводческих трансформациях «на референциальном подуровне семантической эквивалентности». Александр Давыдович относит понятие лакун не только к лексическим единицам, но и к грамматическим формам и структурам. Однако термин *лакуна* он использует как нечто не нуждающееся в пояснениях. Этот термин возникает в его книге довольно внезапно, сразу вслед за рассуждениями о семантических трансформациях, вызываемых расхождениями в структуре семантических полей:

«Подобно тому как грамматические лакуны часто влекут за собой структурные трансформации при переводе, лексические лакуны вызывают необходимость в лексико-семантических трансформациях... Отсутствие того или иного элемента в лексической системе одного из языков не является препятствием для переводимости... Вспомним известный пример семантической лакуны, приводимый Я.И. Рецкером. В английском языке существует антонимическая пара *inferiority – superiority*, из которой первое слово не имеет однословного соответствия в русском языке» [Швейцер 1988. С. 126].

(Повторю, что сам Я.И. Рецкер термином *лакуна* не пользуется, а пример со словом *inferiority* приводится им при описании приёма антонимического перевода.)

Нигде ранее о лакунах в книге А.Д. Швейцера не говорится, и это понятие Александр Давыдович никак не определяет и не анализирует по существу. В качестве других примеров лакун он приводит русские слова *безобразник*, *чудак* (*чудачка*) и далее показывает, что содержащие их сообщения вполне поддаются адекватному переводу. К анализу этих примеров мы обратимся ниже.

Работы болгарских переводоведов **С. Влахова** и **С. Флорина** написаны в русле советской школы теории перевода и заслуживают упоминания здесь наравне с отечественной классикой, тем более что их самый популярный в нашей стране труд – «Непереводимое в переводе» [1976] – посвящён главным образом безэквивалентной лексике.

Своё отношение к понятию *лакуна* эти авторы формулируют на основе своего подхода к безэквивалентной лексике (БЭЛ) в целом. Термин *случайная лакуна* они считают неудачным (хотя и не поясняют, почему), но обозначаемую им категорию слов признают, называя её *собственно безэквивалентной лексикой*, или БЭЛ в узком смысле слова. Ей даёт следующее определение: это «единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в ПЯ; обычно они также, подобно терминам, лишены коннотаций» [Влахов, Флорин 1976. С. 43].

Впрочем, своё определение лакун, или собственно БЭЛ, С. Влахов и С. Флорин оставляют без какого бы то ни было развития: далее в книге нет примеров ни отдельных лакун, ни выдержек из текстов, которые бы их содержали.

Резюмируем то, что писали о лакунах основоположники отечественной теории перевода в период её становления, то есть с 50-х до конца 70-х годов XX века. Л.С. Бархударов ввёл и определил термин *случайная лакуна*, его использовал (не давая собственного определения или анализа, но распространив и на грамматические формы) также А.Д. Швейцер. С. Влахов и С. Флорин предлагают для случайной лакуны иной термин и дают ей несколько иное определение, чем Л.С. Бархударов, но оставляют это явление без анализа и даже примеров. А.В. Фёдоров, Я.И. Рецкер и В.Н. Комиссаров термином *лакуна* не пользуются, хотя в их трудах можно найти некоторые примеры лексических единиц, которые могли бы быть зачислены в эту категорию.

Те из переводоведов-классиков, которые хоть что-то написали о лакунах, уделили этому вопросу довольно скромное место.

Что же писали о лакунах отечественные переводоведы в дальнейшем – то есть после 70-х годов XX века? В этой статье нет возможности дать даже краткий обзор переводоведческих работ за этот период. Однако если взять наиболее серьёзные монографические труды и учебники по теории перевода таких авторов, как Р.К. Миньяр-Белоручев [1996], В.С. Виноградов [2001], Л.К. Латышев и А.Л. Семёнов [2003], Н.К. Гарбовский [2004], Е.В. Бреус [2007], то мы увидим – несмотря на то внимание, которое во всех этих трудах уделяется вопросам лексической эквивалентности и безэквивалентной лексики, – что термин *лакуна* ни в одном из них не используется и категория слов, которые соответствовали бы определению Л.С. Бархударова, не анализируется.

Можно с достаточным основанием сказать, что после 70-х годов XX века явление лингвистических лакун (в том смысле, как его определил Л.С. Бархударов) перестало интересовать теоретиков перевода. Замечания о лакунах, сформулированные некоторыми из них треть века назад, остались без развития и практического применения, и почти никто не рассматривал их в критическом ключе. Тема как будто бы исчерпана, вопрос закрыт.

Повторю, что данное утверждение относится именно к монографическим трудам и учебникам, охватывающим комплексную проблематику теории перевода, а не к статьям или отдельным главам в трудах иного направления (например, культурологических), где описываются какие-то категории и случаи переводческих соответствий в терминах лакунологии.

Итак, в теории перевода и методике обучения переводу учение о лакунах оказалось засохшей ветвью. Очевидно, переводоведы не находят понятие *лакуна* столь же полезным для развития своей науки, как культурологи. Чтобы разобраться в том, почему это так, необходимо глубже вникнуть в то, как понятие лакуны соотносится с научным аппаратом теории перевода.

Найдите пять отличий

Переводоведение не может разделять столь же широкого подхода к понятию лакуны, какой вытекает из совокупности культурологических исследований. Будучи лингвистической дисциплиной, теория перевода рассматривает лакуны лишь как явление межъязыкового сопоставительного анализа лексических единиц. В культурологии это понятие распространяется, во-первых, не только на межъязыковые, но и на внутриязыковые контрасты (например, между литературным языком

и диалектами или между различными эпохами в развитии языка), во-вторых, не только на лексические явления (например, на грамматические категории) и, в-третьих, также на невербальные феномены – поведенческие, бытовые, деятельностно-коммуникативные (например, жесты) и т.д.

В этом заключается **первое отличие** переводоведческого подхода к лакунам от культурологического, во многом вытекающее из самой природы этих дисциплин. В дальнейшем в настоящей статье обсуждаются исключительно межъязыковые лексические лакуны.

Далее, во многих культурологических трудах лакунарность трактуется как широкое свойство, которое сводится к «непонятности, непривычности (экзотичности), чуждости (незнакомости)... предметов и явлений для реципиента» [Глазачёва 2003. С. 32]. В том же русле лежит цитированное в начале статьи определение лакун как «всего, что в инокультурном тексте реципиент не понимает, что является для него странным, требует интерпретации».

Однако в рамках теории перевода затруднительно определить лакуны на основе размытого критерия «непонятности» элементов текста и необходимости их интерпретации для реципиента. Прежде всего в этой формулировке слишком неконкретно использовано понятие 'реципиент'. Какой реципиент (получатель) имеется в виду? Владеющий иностранным языком или нет? Если речь идёт о получателе, владеющем иностранным языком (в том числе о переводчике), то степень понятности или непонятности чего-либо в иностранном тексте определяется в первую очередь глубиной знания им языка и, следовательно, может варьироваться в широких пределах. Способы расширения этих знаний есть вопрос теории и методики обучения иностранному языку и представляет для теории перевода и обучения собственно переводу лишь косвенный интерес.

Кроме того, «непонятность» чего-либо может объясняться не только культурной или языковой спецификой элементов текста, но также пробелами в общей эрудиции или просто недостаточным проникновением получателя в речевой контекст. Никакое сообщение не описывает ситуацию исчерпывающим образом, а стремится экономно обозначить её, во многом опираясь на ту фоновую информацию, которая предполагается у адресата сообщения. Однако если предположение о владении такой фоновой информацией ошибочно или если сообщение направляется другому адресату с иными фоновыми знаниями, то вполне

возможно недопонимание, требующее дополнительной интерпретации. Всё это делает «непонятность» слишком туманным критерием.

Если же реципиент ни в какой степени не владеет исходным языком, то для него будет непонятен вообще весь текст, с которым его хотят ознакомить, и тогда «элиминирование лакун» (термин лакунологов) в конкретном акте коммуникации сводится к переводу исходного текста на язык получателя. Для теории перевода это тривиальный набор исходных условий, формирующий предмет изучения, и в этом случае понятия 'лакуна' или 'лакунарность' не дают для такого изучения ничего нового.

Примерно то же самое переводоведы называют другими терминами – *лингвоэтнический барьер* (Л.К. Латышев, А.Л. Семёнов), *когнитивный диссонанс* (Г.Д. Воскобойник).

Таким образом, **второе отличие** переводоведческого подхода к межъязыковым лакунам от культурологического заключается в том, что теория перевода не может исходить в их определении из критерия «непонятности или чуждости для реципиента» – в силу размытости и этого критерия, и понятия 'реципиент' в данном определении.

Теории перевода гораздо ближе другая, более узкая точка зрения на лакуны, разделяемая и некоторыми культурологами: это взгляд на лакуны как на «лексически не выраженные концепты», в такой же степени участвующие «в мыслительной деятельности народа, как и лексикализованные» [Быкова 2003. С. 22]. Если так, то об их непонятности и чуждости не может быть и речи.

Если считать *этнолингвистический барьер* и *когнитивный диссонанс* терминами, описывающими принципиально те же условия, что и *лакунарность*, то почему теоретики перевода не склонны к использованию последнего термина? Думается, что в нём заложена некая односторонность. Ведь лакунарность – оборотная сторона лексического своеобразия, эти два аспекта межъязыковых расхождений неразрывно связаны друг с другом.

Межъязыковая лакуна выявляется как пробел под проекцией, тенью лексикализованного концепта, отбрасываемой на иной лингвокультурный фон. Это некий вторичный феномен, обнаруживаемый в результате контрастного анализа либо языковой интерференции, а не первичное и не системное языковое явление. Лакунология, по-видимому, в большей степени посвятила себя изучению этих проекций и теней, нежели тех объектов, которые их отбрасывают.

Такой подход имеет право на существование, но он неорганичен для науки о переводе. В силу векторности процесса перевода (переход от текста на исходном языке к тексту на языке адресата, а не наоборот) переводовед при изучении когнитивного диссонанса исходит не из того, чего в языке перевода **нет**, а из того, что **дано** переводчику в исходном языковом материале.

Переводя на русский язык текст с высокой лингвоэтнической или концептуальной спецификой, переводчик обратится к иностранно-русскому лингвострановедческому или терминологическому словарю, а вовсе не к словарю лакун русского языка (работа над такой словарём ведётся, например, благовещенскими культурологами [Быкова, Пылаева 2003; Быкова и др. 2006]). Иначе задача переводчика была бы очень похожа на то задание, которое дал царь стрельцу Федоту в известной стихотворной сказке Леонида Филатова (см. второй эпиграф к этой статье).

Следовательно, **третье отличие** переводоведческого подхода к межъязыковым лакунам от культурологического заключается в различном направлении векторов исследования. Для теории перевода обнаружение лакуны – один из возможных результатов поиска соответствий единицам исходного языка (ИЯ) в языке перевода, или «принимающем» языке (ПЯ). Культурология чаще всего работает с уже выявленными лакунами в ПЯ, стремясь детализировать и систематизировать все те смысловые и ассоциативные пробелы, из которых такая лакуна складывается.

Четвёртое отличие переводоведческого подхода от культурологического заключается в том, что культурологи в большинстве своём разделяют мнение, согласно которому «все случаи безэквивалентной лексики можно рассматривать как примеры лакун» [Марковина 1982. С. 33]. В этом случае межъязыковая лакунарность приравнивается к безэквивалентности, а термины *лакуны* и *безэквивалентная лексика* употребляются как синонимы. Переводоведы же выделяют лакуны как одну из категорий безэквивалентной лексики (наряду с реалиями).

Это противоречие может показаться чисто терминологическим, но между реалиями и случайными лакунами есть кардинальное отличие: реалия обозначает специфическое, экзотическое в этнокультурном отношении понятие или явление, а случайная лакуна соотносится с понятиями, отнюдь не выпадающими из привычного опыта носителей ПЯ. Другими словами, носители ПЯ вполне способны оперировать

лакунарными (нелексикализованными) понятийными комплексами, тогда как понятия, стоящие за иноязычными реалиями, обычно в их концептосферу не входят. Такая позиция согласуется с концепцией невербальности мышления, восходящей к теории Л.С. Выготского и находящей дальнейшее подтверждение в современных психолингвистических исследованиях.

Это различие между двумя видами безэквивалентной лексики требует и различной стратегии подбора соответствий для них при переводе, поэтому у теории перевода есть все основания отграничивать лакуны от реалий.

Пятое отличие подходов переводоведения и культурологии проявляется в их трактовке эквивалентности. Точнее говоря, культурологи вообще избегают явного определения этого понятия в контексте контрастных исследований, предпочитая говорить о «безэквивалентности». Например, в монографии Г.В. Быковой, посвящённой лакунам [2003], десятки раз используются термины *безэквивалентность* и *безэквивалентный*; в то же время на без малого трёхстах страницах термин *эквивалентность* встречается лишь три раза: два раза – в сочетании *неполная эквивалентность* и один раз – в сочетании *векторная эквивалентность*, оказавшемся в цитате из книги Л.С. Бархударова.

При этом в культурологических исследованиях *безэквивалентность*, *неполная эквивалентность* и *лакунарность* используются практически как синонимы. Как пишет Г.В. Быкова,

«в результате неполной эквивалентности денотативных семем разных языков и возникает такое явление, как лакуна: отсутствие в одном из сопоставляемых языков наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» [Быкова 2003. С. 33].

То, что культурологи вкладывают в понятие эквивалентности, приходится логически выводить из их понимания безэквивалентности (неполной эквивалентности). И получается, что под эквивалентностью в лакунологии подразумевается идентичность плана содержания слов ИЯ и ПЯ. При этом в план содержания включается не только словарное, но и психолингвистическое значение слова, а часто и соотносимый со словом концепт как часть языковой картины мира (согласно классификации видов значения, предложенной И.А. Стернинным [2007]).

В этом случае лакунарность равносильна отсутствию абсолютного эквивалента-однослова на системном уровне языка. Но переводчики хорошо знают, что «случаи полного совпадения (соответствия) лекси-

ческих единиц разных языков во всём объёме их значения относительно редки» [Миньяр-Белоручев 1996. С. 111].

Отсюда вывод: если понимать безэквивалентную лексику (лакуны) как слова и фразеологизмы ИЯ, не имеющие постоянных, не зависящих от контекста эквивалентов в ПЯ, а под эквивалентностью подразумевать полное тождество в плане содержания (семантика, коннотация, фон) между единицами двух языков, то

«БЭЛ окажется совершенно необъятной группой слов (и словосочетаний), практически включающей чуть ли не всю лексику (и часть фразеологии) данного языка» [Влахов, Флорин 2006. С. 55].

Нетрудно увидеть, что

«такой необозримый материал не может ни для теории, ни для практики перевода служить источником исследований или опыта. Чтобы добиться практического решения, идеальный „логический“ критерий (эквивалентный = равнозначный, тождественный) придётся... модифицировать» [Там же. С. 56].

Перевод высказывания, требующий использования лишь тождественных по содержанию единиц, сводился бы к простой подстановке слов и словосочетаний ПЯ вместо слов и словосочетаний ИЯ. Глубокой теории для такой подстановки не требуется. Естественно, что теория перевода уделяет основное внимание исследованию эквивалентности текстов в условиях неизменно присутствующих межъязыковых расхождений (если угодно – в условиях лакунарности). Наличие таких расхождений для переводчика – данность, которая может быть вынесена за скобки. В этом, вероятно, кроется ещё одна из причин того, что понятия лакуны и лакунарности в только что изложенной трактовке пользуются слабой популярностью у переводоведов.

В отличие от культурологов, переводоведов интересует эквивалентность не столько отдельных единиц, сколько текстов, и не столько в языке-системе, сколько в речи, ибо перевод как процесс есть порождение речевого произведения. Как известно, теория перевода во многом зиждется на концепции эквивалентности текстов. По В.И. Комиссарову, такая эквивалентность может устанавливаться на различных уровнях, а её достижение предполагает – упрощённо говоря – некое ранжирование компонентов формы и содержания текста по функциональной значимости (релевантности) и выделение на этой основе тех компонентов, которые обязательно следует выразить в переводе – при необходимости даже за счёт других компонентов, которые будут отсеяны как нерелевантные.

Приведу простой пример, который не отражает всю глубину проблемы, но достаточно нагляден. Английское существительное *show* многозначно, но во всех значениях, в том числе ‘представление, шоу’, оно сохраняет этимологическую связь с первичным значением ‘показ, демонстрация, визуальное предъявление’. Однако можно утверждать, что, например, в сочетании *TV show* (‘телепередача’) ассоциация с понятием визуальной демонстрации, как это ни парадоксально на первый взгляд, является нерелевантной. В противном случае было бы невозможным существование полностью аналогичного словосочетания *radio show* (‘радиопередача’): в нём смысловой элемент ‘показ’ не просто нерелевантен, а полностью утрачен, так как противоречил бы всякой логике – ведь по радио ничего нельзя показать. Соответственно, поиску переводного эквивалента для этого выражения абсолютно противопоказаны всякие попытки воспроизвести ту сему визуального предъявления, которая содержится в виртуальном языковом значении слова *show*, взятого вне контекста.

Для иллюстрации разницы в подходах можно также взять популярную у культурологов тему цветовых обозначений. Так, Ю.А. Сорокин [2003. С. 4] приводит польское прилагательное *amarantowy* как пример цветообозначения, «не имеющего адекватного соответствия» в русском языке (какой смысл при этом вкладывается в термин *адекватный*, не уточняется, но, скорее всего, речь идёт о полной идентичности виртуального языкового значения). Словарные аналоги *тёмно-розовый*, *цикламеновый*, *малиновый* не признаются эквивалентными польскому слову, так как для него и для каждого из русских терминов характерны свои коннотации и «микрооттенки», отличные от других, что связывается, видимо, прежде всего с этимологической отсылкой к различным растениям – амаранту, розе, цикламену и малине.

Переводчик же ни в коем случае не сочтёт слово *amarantowy* безэквивалентным словом (лакуной). Даже если забыть об устаревшем прилагательном *амарантовый*, есть немало способов обозначить по-русски соответствующий диапазон цветовых оттенков, включая как перечисленные выше, так и другие термины (*багряный*, *пунцовый*, *карминный*, *бордовый* и др.). Выбор конкретного эквивалента в соответствии с точным оттенком цвета, который имеет в виду отправитель, будет определяться контекстом и, возможно, невербальными компонентами самой ситуации перевода (особенно визуальными, например, в ситуации устного перевода или при переводе фильмов).

Итак, если в переводимом контексте коннотации, «микрооттенки» и этимологические ассоциации (внутренняя форма) слова не актуализируются, они признаются переводчиком нерелевантными. Их утрата при переводе не искажает смысл высказывания и, вопреки мнению Ю.А. Сорокина, не вызывает «сбоев в межперсональном и межтекстовом общении» [Там же. С. 5].

Исключение составляет, конечно, поэтический перевод, но в поэзии и некоторых видах художественной прозы релевантными можно считать вообще все аспекты психолингвистического и концептуального значения слова (не говоря об аспектах формы). Поэт способен употребить слово в виртуальном значении, то есть во всех значениях сразу, но перевод поэзии – особый вид перевода, в котором эквивалентность (если она вообще достижима) редко устанавливается только на уровне языковых знаков.

В практической, естественной коммуникации слова, как правило, не употребляются виртуально. Думается, что и для культурологии поэтическая форма коммуникации – не главный объект внимания, так как эту науку должны интересовать не особенности индивидуального самовыражения, а некий коллективный опыт и узус. Поэтому вопрос об эквивалентности и лакунарности в поэтическом переводе я оставляю за рамками настоящей статьи.

Общий подход переводоведов к эквивалентности можно выразить следующими словами:

«Отсутствие того или иного элемента в лексической системе одного из языков не является препятствием для переводимости – ведь перевод осуществляется не на уровне отдельных языковых единиц, а на уровне смысла высказывания и смысла текста» [Швейцер 1988. С. 126].

Мы увидели, что между наиболее распространёнными подходами к трактовке лакун в теории перевода и сопоставительной культурологии существует по меньшей мере пять отличий: 1) в границах понятия «лакуна»; 2) в уместности критерия «непонятности» или «чуждости» для её определения; 3) в различном направлении векторов исследования; 4) в разграничении лакун и реалий; 5) в трактовке эквивалентности.

Переводоведы сопоставляют слова иначе, чем культурологи. Однако простая констатация этого факта не может нас удовлетворить. Имеет смысл подробнее вникнуть в то, насколько последовательна трактовка лакун в самом переводоведении.

Лакуна-парк

Вернёмся к тезисам Л.С. Бархударова, который определил случайные лакуны как единицы словаря, не являющиеся реалиями, но не имеющие по каким-то, не всегда понятным, причинам соответствий (в виде слов или устойчивых словосочетаний) в лексическом составе другого языка. Это определение оставляет открытыми некоторые вопросы.

Первый вопрос связан с критерием отсутствия однословного (или фразеологического) эквивалента. Обсудим классический пример случайной лакуны по Бархударову – слово *сутки*. А лакуна ли это на самом деле? Нельзя игнорировать тот факт, что *сутки* во многих случаях передаётся однословно как *day*. В любом толковом словаре английского языка отмечено, что одно из значений слова *day* – ‘период в 24 часа’. Приведу пример, в котором *day* имеет именно это значение:

“You need your rest. You haven't slept in over a day.”

– Тебе надо отдохнуть. Ты не спал больше суток.

Это реплика из разговора двух друзей, взятая из американского кинофильма¹. Интересно в этом примере то, что слово *day* здесь не может иметь иного значения, чем ‘сутки’: говорить о том, что кому-то нужен отдых, потому что он не спал «целый день», было бы весьма странно – днём люди, как правило, и не спят.

Благодаря такому значению у слова *day* предложение «Он пробыл там трое суток» вполне адекватно переводится фразой “He stayed there for three days”. В некоторых контекстах (например, гостиничном деле) *сутки* переводятся, наоборот, словом *night* (‘ночь’): *заказать номер на трое суток* – *reserve a room for three nights*. Значит, даже если иметь в виду однословные соответствия, нельзя говорить о полном отсутствии таковых у слова *сутки* – как на речевом, так и на языковом уровнях.

Далее, из определения Л.С. Бархударова следует, что к лакунам не относятся те слова, которые допускают соответствия в виде устойчивых словосочетаний. Но являются ли выражения *24 hours* и *day and night* свободными, а не устойчивыми сочетаниями? Не уверен, что на этот вопрос следует отвечать утвердительно. Ведь, на мой взгляд, любой взрослый носитель языка понимает выражение *twenty-four hours* не просто как некоторое количество часов, а ассоциирует его с полным суточным циклом, с периодом времени, который заканчива-

¹ «Итан Мао» (Ethan Mao), режиссёр Квентин Ли (Quentin Lee), 2004 год.

ется на другой день в тот же час, в который он начался. Смысл этого словосочетания не равен механической сумме значений входящих в него слов, а потому есть основания считать его как минимум устойчивым, а может быть, и фразеологическим выражением. Не случайно оно в наши дни породило ещё один фразеологизм – *twenty-four by seven*, обычно в записи 24/7 ('двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю', 'круглосуточно и без выходных').

Теперь зададимся вопросом: насколько существен для определения лакун признак неоднословности эквивалента? Легко представить себе случаи, когда одно и то же понятие может быть выражено как одним словом, так и свободным словосочетанием без каких-либо смысловых и стилистических отличий. Возьмём, например, русское прилагательное *немаловажный*: почти в любом контексте его можно заменить на такое словосочетание, как *довольно важный*, *весьма важный* и т.п. Количество словоформ в словосочетании, обозначающем какое-либо понятие в сообщении, не играет в общем случае существенной роли в достижении целей коммуникации (если, конечно, не переходит за некую разумную границу смысловой избыточности, выливаясь либо в намеренное, либо в неоправданное многословие).

Тот же принцип действует и в переводе: *немаловажный* обычно переводится на английский язык сочетаниями *not unimportant*, *of no little importance/consequence*. Означает ли это, что *немаловажный* – лакуна для английского языка? Вопрос дискуссионный, но интуиция переводчика подсказывает отрицательный ответ на этот вопрос. Можно даже не углубляться в обсуждение того, может ли слово *немаловажный* эквивалентно передаваться (в каких-то контекстах) однословным английским соответствием *important* ('важный'). Однако то, что более «точное» соответствие *of no little importance* состоит не из одного слова, а из четырёх, никак не свидетельствует, на мой взгляд, о «безэквивалентности» русского прилагательного.

Сама словесная оформленность означаемого весьма условна. В немецком языке, к примеру, сложные существительные зачастую поддаются передаче в других языках лишь словосочетаниями и формально должны бы считаться лакунами, например *Sicherheitspersonal – персонал службы безопасности*, *Ballonflug – полёт на воздушном шаре*, *Neujahrsmorgen – утро Нового года*². Однако мы знаем, что

² Примеры заимствованы из курса лекций М.Я. Цвиллинга с его любезного согласия.

подобные существительные зачастую окказиональны, и смысловая связь между их составными частями бывает не более тесная, чем между компонентами словосочетаний в других языках. Такова одна из особенностей словообразовательной системы немецкого языка. То, что иноязычные аналоги подобных слов, как правило, неоднословны, обусловлено не пробелами в лексическом выражении соответствующих концептов в ПЯ, а тем, что сами исходные немецкие лексемы нежёстко «слеплены» из двух или более понятий, имеющих в лексиконе и самостоятельное словесное оформление.

Обсуждая критерий однословности эквивалента, задумаемся: а в чём его сакральность? Предположим, некое понятие, обозначаемое одним словом в ИЯ, исчерпывающе покрывается двумя знаменательными словами в ПЯ. Проиллюстрируем такую ситуацию примером:

Правительство **добилось** судебного запрета на это мероприятие.

The government **sought and obtained** a restraining order.

Понятие, обозначаемое глаголом *добиться*, фактически складывается из двух смыслов – ‘запросить’ и ‘получить’. Использование двух глаголов, обозначающих эти действия, с сочинительным союзом позволяет получить эквивалентное соответствие. Оно не однословно и не является фразеологизмом – ну и, как говорится, что из этого? Насколько рационализируется в данном и аналогичных случаях труд переводчика, если он будет способен оперировать понятием лакуны? Это пока трудно сказать.

Второй вопрос, осложняющий чёткое определение лакуны, – это вопрос о существовании так называемых лакун *par excellence*, или «грамматических» лакун, отмечаемых некоторыми авторами [Муравьёв 1975; Швейцер 1988]. Речь идёт о словах со словообразовательными морфемами, вносящими дополнительные семы или оттенки значения в значение корневых морфем. Примерами могут служить большое число русских глаголов и существительных с префиксами *за-*, *до-*, *пере-*, *недо-*, *с-*, *под-* (*засобира́ться*, *доеда́ть*, *перемы́ть*, *недобира́ть*, *съезжа́ться*, *подполза́ть*), сложные слова с компонентом *одно-* (*однолю́б*, *однополча́нин*), отадыктивные глаголы (*белеть*, *чернеть*, *синеть*).

Причислить такие слова к категории случайных лакун мешает именно их неслучайность. Они образуются регулярно по продуктивным словообразовательным моделям. Лакунарность возникает здесь не в силу различной лексической номинации концептов, а из-за рас-

хождения морфологических и словообразовательных систем двух языков, то есть не вполне на лексическом уровне.

Можно ли говорить о лакунах среди морфем? Да и имеет ли это смысл? Да, переводоведы говорят о том, что иногда эквивалентность некоторых отрезков текста при переводе устанавливается на морфемном уровне. При этом имеется в виду, что вычленяемые компоненты смысла, выражаемые морфемами в ИЯ, удаётся в ряде случаев передавать в ПЯ также морфемами (пример: “*Scalability* is a desirable property of a system” – «Желательным свойством системы является масштабируемость»). Но всё-таки морфемы как таковые в различных языках принципиально нельзя ставить в отношения эквивалентности – они обладают более абстрактным типом значения, чем слова, и это значение отнюдь не всегда поддаётся семантизации. А следовательно, нельзя говорить и о безэквивалентности (лакунарности) морфем.

Установив, что не всякий тип значения языковых единиц можно рассматривать в аспекте лакунарности, логично задаться и **третьим вопросом**, существенным для определения лакун: о соотношении лакунарности и коннотативности. Коннотацию будем здесь понимать традиционно – как дополнительные к денотативному содержанию слова семантические или стилистические (экспрессивные, эмоционально-оценочные) оттенки его значения.

С. Влахов и С. Флорин считают, что случайные лакуны (в их терминологии – *БЭЛ в узком смысле слова*) лишены коннотации. Эта точка зрения противоречит большинству культурологических концепций, в которых обычно значительное внимание уделяется *коннотативным лакунам* (словам с эмоциональной или оценочной семой в содержании слова, выявляемой при сопоставлении с единицей другого языка).

Однако мнение о том, что лакуны выявляются среди коннотативных слов, разделяют и некоторые переводоведы. Здесь уместно вернуться к упоминавшимся выше примерам А.Д. Швейцера: *безобразник, чудак (чудачка)* – это коннотативные слова, в содержании которых эмоционально-оценочное значение превалирует. А.Д. Швейцер показывает, что высказывания, содержащие коннотативные слова, вполне поддаются адекватному переводу. Основа для достижения эквивалентности в таких случаях – поиск средств выражения коннотативного значения.

Лакунарность в сфере коннотативного значения – вопрос весьма дискуссионный. Можно привести доводы в пользу как одной, так и другой точки зрения.

Культурологи любят сравнивать коннотации и ассоциации, свойственные обозначениям животных в разных языках. Даже разработаны тесты с целью сопоставительного анализа зооморфных характеристик слов в разных языках. Установлено, например, что *rat* ('крыса') как коннотативное слово во французском языке ассоциируется с признаком *скупой*, а в английском языке – с понятиями *доносчик*, *предатель*, *подлый*, *грязный*, *нечестный*, *действующий исподтишка*. Русское слово *крыса* этими коннотациями не обладает, что даёт исследователям основание говорить о глубокой ассоциативной лакуне в русском языке сравнительно с английским [Быкова 2003. С. 211–212].

Для перевода подобные различия могут создавать значительные проблемы. Вспомним ситуацию, возникшую во время визита в Россию британского премьер-министра Тони Блэра в марте 2000 года. Рассказывая ему о борьбе с террористами, президент В.В. Путин, в частности, сказал:

«Представьте себе логово бандитов. Над входом в логово висит надпись: „Аллах – над нами, козлы – под нами“. **Козлы** – это все мы».

Дословная передача переводчиком содержания надписи (*the goats are under us*) не была понята адресатом в силу отсутствия у слова *goat* того же ассоциативного значения, что и у русского слова *козёл*.

Можно трактовать подобные случаи как коннотативные лакуны. Однако можно видеть здесь просто наличие второго, экспрессивно-оценочного значения у существительного, которое актуализируется в контексте одновременно с первым. То есть мы имеем дело не с лакунарностью, а с явлением другого порядка – полисемией, положенной в основу стилистического приёма (игры слов). А, как уже отмечалось, совпадение всех значений у полисемичных слов разных языков – явление столь редкое, что разговор о лакунах в таких случаях теряет смысл.

Приведу ещё один пример из кинофильма, на сей раз российского³. По сюжету фильма английский артист-кукольник общается через переводчицу с группой молодых российских артистов. Его первую реплику "Hi, gang!" она переводит: «Привет, ребята!». Камера показывает крупным планом одного из слушателей, который с видом знатока вполголоса говорит своей соседке: «А ведь она неправильно перевела. Он сказал: „Привет, тусовка!“».

Этот эпизод может вызвать у профессионального переводчика только улыбку. Реплика «знатока» основана на подсознательном убеж-

³ «Плюс один», режиссёр О. Быкова, 2008 год.

дении, что каждому иноязычному слову – неважно, денотативному или коннотативному – должно соответствовать какое-то одно жёсткое, независимое от контекста соответствие по-русски. Это, конечно, заблуждение, как и мнение, что *тусовка* – якобы более точный эквивалент для *gang*, чем *ребята*. Коннотативные слова ещё хуже, чем денотативные, поддаются выстраиванию во взаимно однозначные соответствия. Каждый язык пользуется целым арсеналом средств для выражения той или иной эмотивной или оценочной семы либо комплексов сем. Выбор того или иного средства при общении (а также и при переводе) согласуется с коммуникативной ситуацией, контекстом и общей стилистикой исходного текста. В некоторых случаях коннотативные обертона и оттенки передаются компенсацией или даже супraseгментно (например, в устном переводе – с помощью интонации).

Соединить в однословном соответствии передачу денотативного и коннотативного значений слова так же сложно, как и два различных значения одновременно. Иногда это удаётся, но выполнение такой задачи не есть обязательное условие достижения эквивалентности.

Итак, для корректного определения случайных лакун необходимо уточнить по меньшей мере три вопроса: 1) в каких пределах (с какими ограничениями) применим критерий отсутствия однословного или фразеологического эквивалента; 2) вопрос о существовании лакун *par excellence*, то есть образованных по специфическим для ИЯ регулярным моделям словообразования; 3) насколько понятие лакуны применимо к коннотативным словам.

Эта статья лишь указывает на эти вопросы, но не ставит своей целью ответить на них. В этом видится задача для дальнейших исследований. Причём, если не удастся ответить на эти вопросы, исходя из общетеоретических аргументов, имеет смысл занять более прагматичную позицию и решить, какие из вариантов ответа на них лучше отвечают конкретным задачам переводоведения и обучения переводу.

Лакуна в сетке

Если исходить из того, что концепция случайных лакун может играть полезную роль в теории перевода, то она нуждается в дальнейшем развитии и уточнении. Но по сравнению с дефиницией Л.С. Бархударова и тем, что написали другие разработчики теории перевода в 70-х годах прошлого века, никто из переводоведов не сделал в этом направлении ни шага вперёд. В тех немногих современных учебниках по теории перевода, где что-то говорится о случайных лакунах,

повторяются по большей части одни и те же старые примеры из работ основоположников.

Концепцию случайных лагун можно развивать и уточнять, но никто пока ещё не разъяснил оснований для того, чтобы вводить это понятие в научный аппарат теории перевода. Между тем для ограниченного круга лексических лагун такие основания могут быть найдены.

Для дальнейших рассуждений нам понадобится прибегнуть к терминам *тема* и *тематическая сетка текста*. Вслед за И.В. Арнольд [1984] за основу для понимания этих терминов возьмём определение В.И. Даля: «Тема – положение, задача, о коей рассуждают или которую разъясняют», а тематическую сетку текста будем понимать как структуру смыслов (и, следовательно, слов) текста, имеющих особо важное информационное значение для раскрытия темы и связанных парадигматическими, синтагматическими и межуровневыми отношениями внутри этого текста. Элементы тематической сетки (которые в дальнейшем именуется также тематическими элементами) тесно связаны с референтами и часто подчёркиваются повтором.

Включённость слов в тематическую сетку предъявляет дополнительные требования к поискам соответствий для них при переводе. Проиллюстрируем эту мысль примером – снова высказыванием В.В. Путина, взятым на сей раз из его выступления на Всемирном экономическом форуме в Давосе 28 января 2009 года:

«Представления о самочувствии мировой экономики и реальном состоянии корпораций не должны находиться в плену **иллюзий**, даже если эти **иллюзионисты** – крупные аналитические и аудиторские бюро».

В этом заявлении слова *иллюзии* и *иллюзионисты* образуют фрагмент тематической сетки текста, связующую «нить» которого создаёт повтор корневой морфемы. Единство корня не только обеспечивает смысловую связь двух единиц, но и имеет экспрессивное значение. Перевод фразы на английский язык осложняется тем, что словарные соответствия этим словам (*illusions* и *magicians*) не являются однокоренными. Второе из этих слов без связи с первым выпало бы из тематической сетки текста, его употребление сделало бы перевод бессмысленным.

Обратимся к официальному английскому переводу рассматриваемого фрагмента речи В.В. Путина:

"We must not harbour any illusions while **assessing** the state of the global economy and the real corporate standing, even if such **assessments** are made by major auditors and analysts."

Прямым соответствием слову *иллюзионисты* переводчики пожертвовали, а тематическая сетка переводного текста создана на основе повторения иных его элементов (*assessing – assessment*).

О достоинствах и недостатках этого перевода можно спорить, но с точки зрения теории он отражает попытку воссоздать тематическую сетку текста на основе иных смыслов, хотя бы и с утратой экспрессивности оригинала. (Вопрос о том, насколько такая утрата существенна, может ли она быть компенсирована, а также о том, нельзя ли вообще перевести эту фразу иначе и лучше, оставляю открытым – это уведёт нас далеко от темы статьи.)

Теперь, проиллюстрировав значение тематической сетки текста для перевода, вернёмся к проблеме случайных лакун.

Представим себе множество всех переведённых или подлежащих переводу текстов на некоем исходном языке (ИЯ), в которых имеются слова, являющиеся случайными лакунами по отношению к языку перевода (ПЯ). Условно разобьём это множество на два подмножества. В первое подмножество (назовём его группой А) включим те тексты, в смысловой структуре которых слова-лакуны не являются элементами тематической сетки. Это значит, что обозначаемые ими смыслы не являются предметом сообщения или рассуждения *per se*, они не используются и не воспринимаются как опорные информационные элементы, которыми автор оперирует для развития темы текста. Обычно такие слова являются частными элементами описания ситуации и используются лишь в рамках короткого отрезка текста (одного предложения).

Тот факт, что слово-лакуна не входит в тематическую сетку текста, облегчает задачу переводчика, поскольку ему не нужно строить перевод с учётом внутритекстовых связей. За такой лакуной не стоит референт, требующий обособленной номинации в переводе; как правило, она (лакуна) не возникает в тексте повторно. Переводчик свободен воспользоваться любым способом достижения эквивалентности сообщения и в полной мере реализовать принцип Л.С. Бархударова:

«Отсутствие в словарном составе языка специального обозначения для какого-либо понятия в виде слова или устойчивого словосочетания не означает невозможности выразить это понятие средствами данного языка» [1975. С. 97].

Релевантный контекстуально-ситуативный смысл и стилистические характеристики слова-лакуны можно передать в таких случаях посредством описательного перевода, аналога, трансформации и другими способами. Более того, эквивалентный перевод этого отрезка может быть осуществлён вообще без какого-либо отдельного лексического

соответствия лакунарному слову – на уровне сообщения, способа описания ситуации или общей цели коммуникации.

Приведу конкретный пример случайной лакуны из текста группы А, то есть лакуны, не являющейся элементом тематической сетки. Рассмотрим отрывок из коммерческого договора:

The following **conventions** shall be used in this Agreement, unless there are direct indications to the contrary following from the context: (a) references to articles and paragraphs are references to the articles and paragraphs of this Agreement; (b) references to the Parties are references to the Lender and the Company.

В приведённом фрагменте слово *convention* – случайная лакуна. Для его передачи не подходит ни одно из словарных соответствий (*собрание, съезд, соглашение, договорённость, конвенция, обычай, традиция, условный знак, правило поведения*). Здесь оно используется в значении «правило толкования тех или иных формулировок». Такие правила применяются и в нашей договорной традиции, но в русском деловом языке этот концепт не имеет специального лексического обозначения. Учитывая русский узус и то, что *convention* не является тематическим элементом текста, можно перевести этот параграф без лексикализации лакуны:

В настоящем Договоре, если иное прямо не следует из контекста: (а) ссылки на статьи и пункты являются ссылками на статьи и пункты настоящего Договора; (б) под «Сторонами» подразумеваются Кредитор и Компания.

По отношению к лакунам эквивалентность перевода текстов группы А может быть обеспечена эквивалентным переводом каждого отдельного контекста этих лакун – обычно одного предложения. То есть при решении вопроса о том, что подлежит передаче, переводчику нет необходимости выходить далеко за рамки предложения. Если одно и то же слово-лакуна, не являющееся элементом тематической сетки, встречается неоднократно в разных местах одного текста или в нескольких различных текстах группы А, то каждый раз это слово ИЯ может передаваться по-разному. Как показывает приведённый пример, в некоторых предложениях у него может не оказаться вообще никакого прямого соответствия в виде отдельной лексической или морфологической единицы (либо сочетания единиц).

Если бы теория перевода занималась только текстами группы А, нужды в использовании понятия и термина *случайная лакуна* не было бы. Между тем именно на текстах группы А (а часто и не на текстах, а просто на наборах изолированных предложений) и начинают обучать и тренировать переводчиков. С одной стороны, они проще для пере-

вода, потому что позволяют отвлечься от широких внутритекстуальных связей слова и сосредоточиться на передаче узкого контекста. С другой стороны, они дают переводчику возможность использовать более широкий арсенал приёмов, что имеет дидактическую ценность. В том, что лакунарность слов для таких текстов незначима, по-видимому, и заключается главная причина того, почему авторы учебной литературы по переводу не оперируют понятием лакуны.

Теперь обратимся ко второму подмножеству текстов (назовём его группой Б). К нему отнесём те тексты, в которых слова-лакуны являются элементами тематической сетки. Являясь важными информационными центрами текста, они чаще всего (хотя и необязательно) встречаются неоднократно на протяжении текста или его значительной части.

Принадлежность лакун к тематической сетке текстов группы Б означает, что если в различных предложениях (частях) текста лакунарный смысл передавать различными способами, то это нарушит эквивалентность перевода текста в целом. Это такие тексты, в которых словам-лакунам, употребляемым неоднократно, требуются **одинаковые** соответствия (или по крайней мере соответствия, построенные на базе какого-то единообразного подхода) на протяжении всего текста, а не в рамках одного предложения. Только в этом случае можно говорить о том, что лакунарность **значима** и тем самым представляет собой особую проблему для перевода этих предложений.

Например, существуют тексты о принципах составления деловых документов, в которых слово *convention* в значении, близком к вышеупомянутому, является тематическим элементом. Вот фрагмент из подобного текста:

This document defines the procedure by which particular formats, called profiles, can be defined and registered, and the **conventions** such formats must follow.

В таких случаях вариант перевода, при котором это слово не получит в каком-то контексте оформленного лексического соответствия по-русски, нельзя считать эквивалентным. Задача переводчика осложнена тем, что эта ситуация значительно сужает арсенал тех приёмов, которые остаются у него в распоряжении: он не может семантически «переразложить» лакунарный концепт или «уйти» на уровень иного способа описания ситуации, а обязан подыскивать соответствие на уровне языковых знаков, например с помощью короткого описательного словосочетания:

В настоящем документе излагается процедура определения и регистрации отдельных форматов, именуемых профилями, а также **правила оформления**, которым эти форматы должны отвечать.

Бабушка рядышком с дедушкой

Какого же рода тексты входят в группу Б? По всей видимости, это тексты, в которых слова-лакуны используются в некоторой **системе** или **полевой совокупности** лексических средств. Такие системы бывают как минимум двух типов: экспрессивные и терминологические.

Системы экспрессивных лексических средств используются в текстах, где превалирует воздействующая функция (художественно-поэтических, риторических, публицистических). Чтобы читателю стало ясно, какую системную роль играют в таких текстах лакуны, приведу в пример знаменитый рефрен *Nevermore!* из поэмы Эдгара По «Ворон». Поскольку смысл этого наречия поддаётся переводу на русский язык не одним словом, а словосочетаниями (*никогда больше, никогда впредь, впредь уж не..., уже никогда*), его с успехом можно считать случайной лакуной. Если бы поэма «Ворон» принадлежала к условной группе текстов А, то *Nevermore!* в каждой строфе теоретически можно было бы передавать по-разному – тем более что это слово является каждый раз ответом ворона на новый, отличный от прежнего вопрос лирического героя. Но дело, конечно, обстоит иначе: в этом произведении повтор слова *nevermore* – одно из главных средств воздействия на читателя, поэтому в переводе для него необходим столь же устойчиво повторяющийся эквивалент. Система экспрессивных средств художественного текста бывает и намного сложнее, чем в данной поэме, однако – решив оставить поэтический перевод за рамками этой статьи – не буду развивать эту тему дальше. Отмечу лишь, что она представляет вполне определённый интерес для теории художественного перевода.

Второй тип текстов группы Б – это специальные научные, технические, дипломатические, юридические и тому подобные тексты, в которых в явном или неявном виде используются терминологические и полевые лексические системы.

Слова-лакуны можно выявлять при сопоставлении лексических систем и лексико-семантических полей ИЯ и ПЯ (при этом, как показала И.В. Арнольд, существует тесная взаимосвязь между лексико-семантическими полями и тематическими сетками). Вот для примера участок «сетки» терминов родства в английском и русском языках:

Некоторые термины родства в английском и русском языках

<i>Лицо мужского пола</i>	<i>Лицо женского пола</i>	<i>Коллективное обозначение</i>
grandson – внук	granddaughter – внучка	grandchildren – внуки
son – сын	daughter – дочь	children – дети
brother – брат	sister – сестра	siblings – Ø
father – отец	mother – мать	parents – родители
grandfather – дед(ушка)	grandmother – бабушка	grandparents – Ø

«Наложение» английской сетки терминов родства на русскую выявляет в русском языке лакуны в коллективном обозначении разнополых представителей одного поколения: братьев вместе с сёстрами, дедушки вместе с бабушкой (обозначены в таблице символом Ø).

При этом, если, скажем, английское слово *grandparents* встречается в тексте группы А, его лакунарность не имеет большого значения для перевода. Соответствия этому слову могут варьироваться переводчиком: *бабушка и дедушка, дед и бабка, родители отца, родители матери*. Другое дело, если мы имеем дело с текстом группы Б, например юридическим нормативным документом о правах наследования родственников. В таком тексте слово *grandparents* – термин и должно передаваться одним постоянным соответствием в любых фрагментах текста.

Подбор такого постоянного эквивалента может вылиться в серьёзные проблемы для переводчика. В одних случаях соответствие для какой-то лакуны на основе описательного перевода может оказаться слишком многословным, чтобы служить термином. В других случаях затруднения может вызвать лексико-грамматическая категориальность слова. Лакуны могут выявляться при сопоставлении частеречных систем. Проиллюстрируем это в таблице на примере слова *inferiority*, трудность передачи которого обсуждал ещё Я.И. Рецкер:

<i>Признак</i>	superior – превосходящий	inferior – уступающий
<i>Предикация признака</i>	be superior – превосходить	be inferior – уступать
<i>Состояние</i>	superiority – превосходство	inferiority – Ø

В тексте группы А понятие, выражаемое словом *inferiority*, можно было бы передать многими разными способами: описательным переводом, путём грамматической трансформации (например, с помощью иной части речи) или иными методами. Однако можно представить себе текст группы Б, в котором слово *inferiority* терминологизировано, – например, труд в области военной науки. В таком тексте придётся

искать постоянный эквивалент с помощью значительно меньшего набора приёмов (например, будет меньше шансов воспользоваться антонимическим переводом *inferiority of our troops* – *превосходство сил противника*, так как не все контексты позволяют это).

Ещё одно важное требование, вытекающее из системности термина, – его самостоятельность, отдельность от других терминов. При попытках заполнить лакуны, связанные с освоением новых терминологических систем, переводчики иногда упускают это важное требование из вида. Проиллюстрируем это на примере терминов, относящихся к информационным технологиям.

В работе с элементами визуального интерфейса часто применяются команды *copy*, *cut*, *paste*. В русифицированных версиях программ это, соответственно, команды *копировать*, *вырезать*, *вставить*. Обратим внимание на последний термин (*paste*, буквально ‘вклеить’), означающий вставку в файл фрагмента из буфера обмена данными. На момент локализации первых программ в нашей стране этот термин был случайной лакуной. Использованный русификаторами вариант *вставить* нельзя признать удачным с терминологической точки зрения, поскольку он совпадает с передачей другого термина – *insert*, применяемого в иных случаях (‘вставить, включить в текст нечто новое’).

Итак, лакуна представляет интерес для переводоведения тогда, когда она терминологична и системна. С этим мы сталкиваемся в диаметрально противоположных, казалось бы, категориях текстов: художественно-поэтических, где слово-лакуна включается в систему образных средств автора, и специальных, где термины-лакуны встроены в понятийный аппарат аналитического, нормативного или учебного материала. В этом случае речь идёт о поиске для лакуны «контекстостойчивого» эквивалента, и эта непростая задача представляет интерес для исследований.

К тому же, по-видимому, мы нашли причину, по которой концепция лакуны мало интересовала авторов общих учебников по переводу в последние тридцать с лишним лет: для массы информационных и повествовательных текстов (относящихся в основном к условной группе А), на которых в первую очередь обучают переводчиков, тема лакуны неактуальна, поскольку при переводе таких текстов важнейшая дидактическая задача состоит не в поиске контекстнезависимых соответствий, а в комплексной передаче смысла сообщений, из которых выстроен текст.

Резюме

Как ни парадоксально, бурное развитие в нашей стране лакунологии не сопровождалось интенсивной разработкой данной темы в теории перевода. В подходах культурологов и переводоведов к термину *лакуна* и стоящему за ним понятию есть немало серьёзных отличий. Однако после Л.С. Бархударова, давшего определение случайной лакуны, переводоведы не сделали ни шага вперёд. Целый ряд вопросов, касающихся критериев определения случайных лакун и их учёта при переводе, остаются открытыми.

Однако не всякая лакуна в тексте представляет интерес для переводоведения. Лакунарность не влияет на достижение эквивалентности в сообщении, где слово-лакуна существует вне тематической сетки текста. Случайная лакуна значима для перевода тогда, когда входит в тематическую сетку текста, системна и терминологична. Исследование этого феномена на основе сопоставительного изучения лексико-семантических полей и терминосистем – вот что может оказаться полезным и продуктивным для теории перевода и методики обучения переводу.

P.s. Раньше это называлось по-английски просто *summary*, а теперь – особенно в деловом языке – *executive summary*. Естественное русское соответствие для слова *executive* в этом сочетании как-то не подбирается. Кажется, опять лакуна...

«ЛОЖНЫЙ ДРУГ» ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ И НЕ ДРУГ, И НЕ ВРАГ, А ТАК...

В своей последней статье [2005] наш виднейший переводовед В.Н. Комиссаров писал об ошибках переводчиков, вызванных неверным пониманием структуры высказывания.

В качестве примеров он приводил, в частности, поговорки: “It is a good horse that never stumbles; It is a long lane that has no turning”. Кто-то увидит в таких высказываниях описания конкретных предметов: «Это – хороший конь, который никогда не спотыкается», «Вот длинная дорожка, которая никуда не сворачивает». На самом деле перед нами обобщающие суждения, смысл которых в том, что даже хороший конь иногда спотыкается и что любая тропинка обязательно куда-нибудь да свернёт.

По ложному пути способны направить мысль переводчика и структуры высказываний: “You can’t be too careful”, “I don’t think much of him”. Можно ошибиться, переведя их соответственно как *«Нельзя быть слишком осторожным» (вместо правильного варианта «Лишняя осторожность не помешает») и *«Я не так много о нём думаю» (вместо «Я о нём невысокого мнения»).

Вилен Наумович привёл и другие фразы, которые по форме сходны с высказываниями, имеющими совершенно иное значение, и предложил обсудить вопрос о том, не отнести ли к «ложным друзьям» переводчика не только слова, как мы привыкли, но и «обманчивые» синтаксические структуры.

Однако статья не случайно имела подзаголовок «К постановке проблемы». Вилен Наумович прекрасно понимал всю неоднозначность и даже спорность такой идеи. Он отмечал:

«Во многих случаях трудности переводчика, связанные с попытками использовать в переводе наиболее привычное соответствие, *не подходят под самое широкое определение „ложных друзей“*» (курсив мой. – Д.Е.).

Поэтому Вилен Наумович в своей статье отнюдь не поставил точку, а удачно заострил интерес к теме, предложив исследовать её глубже. Это предложение и стало стимулом к написанию той статьи, которую вы сейчас читаете. Действительно, имеет смысл задуматься о том, можно ли распространить понятие ‘ложный друг переводчика’ на уровень структуры высказывания, и о том, на каких лингвистических основаниях следует изучать явление, описанное В.Н. Комиссаровым.

Скажи мне, кто твой друг...

Чтобы не впасть в чисто терминологический спор, нужно прежде всего разобраться с определениями. Начнём с того, как определяется термин *ложные друзья переводчика* (в дальнейшем – ЛДП) в его традиционном – лексикологическом – понимании.

Среди отечественных переводоведов одним из первых эту тему исследовал В.В. Акуленко, определивший ЛДП как

«слова, ассоциируемые или отождествляемые (благодаря сходству в плане выражения) в двух языках», которые «в плане содержания или по употреблению не полностью соответствуют или даже полностью не соответствуют друг другу» [1969. С. 372].

В этом определении отмечены два важнейших признака ЛДП: 1) сходство формы; 2) несоответствие в плане содержания и (или) в употреблении.

Однако, по моему мнению, этими особенностями сущность ЛДП не исчерпывается. Третьим важнейшим отличительным признаком этой категории слов следует считать осознаваемую переводчиком интернациональность, то есть этимологическую общность сопоставляемых единиц.

Чтобы убедиться в важности этого признака, сопоставим слова, имеющие формальное сходство, но разное происхождение. Возьмём соответствие *click* – *клик* ('нажатие на клавишу мыши'), популярное среди пользователей компьютеров. Строго говоря, это неверное соответствие, поскольку в нормативном русском языке слово *клик* не имеет значения 'щелчок' или 'нажатие'.

Можно ли считать такое соответствие одним из ЛДП? Думаю, нет. Ведь те, кто переводит *click* как *клик*, делают это не потому, что форма английского слова ввела их в заблуждение насчёт его значения, и не потому, что не знают словарного значения русского слова, а из-за небрежности или, если угодно, языковой лени.

Говорящий в таких случаях не то чтобы ошибается в подборе эквивалента – он просто не чувствует себя строго связанным нормами родного языка (тогда как переводчику отход от норм в принципе не позволен). Вместо поиска нормативного соответствия он либо «берёт» то, что попадает ему под руку (чаще всего случайное похожее слово, как в случаях *click* – *клик*, *e-mail* – *мыло*, *мыть*), либо использует иноязычный материал как сырьё для создания искусственных лексических продуктов (*logged in* – *залогиненный*, *render* – *отрендерить*, *flash drive* – *флешка*).

То, что такая практика есть один из путей развития лексического состава языка, приводящий иногда к удачному словотворчеству, – другой вопрос. Однако «авторами» таких продуктов не являются переводчики-профессионалы. Если переводчик и следует в фарватере подобной практики, то не из-за ошибочного понимания смысла или стилистических свойств слова, а из-за того, что он находится под влиянием чужого словотворчества. Наблюдая, как результаты этого словотворчества закрепляются в некотором кругу носителей языка, он порой переоценивает их приемлемость в более строгой нормативной речи.

В отличие от описанного явления использование ЛДП, наоборот, является именно переводческой ошибкой, которая противоречит словопотреблению, принятому в кругу специалистов. Трудно представить себе, чтобы музыканты говорили *пианино* там, где нужно сказать *фортепиано* или *рояль* (ср. англ. *piano*), или чтобы преподаватели употребляли слово *факультет*, подразумевая *учительский состав* (ср. англ. *faculty*), а вот переводчики совершают такие ошибки сплошь и рядом.

Вспомним для примера фильмы, шедшие в нашем прокате под названиями «Пианино» и «Факультет». В первом из этих фильмов (режиссёр Дж. Кэмпбелл, оригинальное название – *The Piano*, 1993) фигурирует вовсе не пианино, а рояль (или, если быть точным, его ранний вариант – прямоугольное фортепьяно). Во втором фильме (режиссёр Р. Родригес, оригинальное название – *The Faculty*, 1998) завязкой сюжета стала болезнь, поразившая учителей средней школы, где никаких «факультетов», разумеется, нет.

Другие примеры того, как ЛДП нарушают узус, а вовсе не следуют ему, см. в работе Л.И. Борисовой [2002. С. 11–13].

Дальние родственники как ложные друзья

В.В. Акуленко не придаёт признаку этимологической связи такого же значения, как первым двум критериям ЛДП, названным выше. По его словам, группа ЛДП «определяется чисто синхронически, независимо от их происхождения». Однако в работах этого лингвиста мне не удалось найти убедительных примеров таких ЛДП, которые не обнаруживали бы общности происхождения. Более того, в его основополагающей статье имеются примеры, свидетельствующие об обратном. Так, он пишет:

«...явно случайно совпадающие лексемы, по сути не встречающиеся в одинаковых контекстах (типа англ. *госк* 'скала' – русск. *рок*), не вызывают ложных ассоциаций» [Акуленко 1969. С. 378].

Между тем отсутствие «ложных ассоциаций» у случайно совпадающих лексем и означает, собственно говоря, что такие – этимологически неродственные – слова не относятся к категории «ложных друзей» переводчика. Ведь «случайное совпадение» – это и есть отсутствие этимологической общности.

Поэтому те «соответствия», формальное сходство которых не объясняется общими элементами происхождения и которые обязаны своему возникновению языковой небрежности, нецелесообразно относить к категории ЛДП.

Сказав это, необходимо всё же отметить некоторые исключения из данного вывода, например пары Dutch – *датский*, Swiss – *шведский*, между членами которых нет этимологической связи. Традиционно их относят к категории ЛДП, но данные исключения лишь подтверждают правило. Ведь эти слова – прилагательные-этнони́мы, а в соответствующем лексико-семантическом поле этимологическая общность соответствий имеется в большинстве случаев (French – *французский*, Spanish – *испанский*, Greek – *греческий*) и ожидаема переводчиком.

«Ложные друзья» переводчика потому и обратили на себя столь пристальное внимание в теории перевода, что возникли благодаря активному заимствованию в европейские языки по научным и культурным каналам большого количества слов и корней из одних и тех же источников, прежде всего греческих и латинских, а также благодаря непосредственному проникновению слов из одного языка сопоставляемой пары в другой.

В ошибке переводчика, идущего на поводу у «ложного друга», во многом «виновато» именно осознание им этимологического фактора, связывающего слова, и принятие им псевдоинтернациональной лексики за подлинные интернационализмы (то есть межъязыковые пары лексем, между которыми нет существенных различий в значении и употреблении). В переводческой практике, как и в обычной жизни, дальний родственник может оказаться гораздо коварнее случайного знакомого.

Итак, для того чтобы можно было зачислить некую пару слов в категорию ЛДП, необходимо наличие такого фактора, как осознание или ожидание переводчиком этимологической общности этих слов (как и в самом термине «ложные друзья» переводчика, здесь имеется в виду некий «среднестатистический» переводчик). Так, слова break ('полмка; разрыв') и брак ('дефект') этимологически родственны, но это

родство настолько неявно, что, несмотря на сходство формы, никакими «ложными друзьями» эти слова для переводчика не являются. Если переводчик не видит или не предполагает органической связи между иноязычным словом и словом родного языка, ему и не придёт в голову подставлять одно вместо другого.

Исходя из сказанного, логично дать следующее рабочее определение «ложных друзей» переводчика среди лексических единиц: это межъязыковые пары слов, которые:

- (а) обладают сходной фонетической или графической формой;
- (б) осознаются переводчиком как этимологически связанные;
- (с) расходятся между собой в значениях или употреблении, из-за чего использование их как соответствий в переводе может приводить к ошибкам.

При таком определении сам термин «ложные друзья» переводчика отражает следующие три важнейших признака обозначаемого явления: 1) узнаваемость по аналогии – это свойство отражено во втором члене термина (*друзья*); 2) несоответствие или неполное соответствие в плане содержания или в употреблении – это свойство отражено в первом члене термина (*ложные*); 3) актуальность явления именно в контексте перевода, а не просто с точки зрения сопоставительной лингвистики, – об этом говорит третий член термина (*переводчика*). И можно было бы согласиться с мнением, что термин «ложные друзья» переводчика «очень точно характеризует переводческое явление» [Акуленко 1969. С. 6], если бы не одно существенное обстоятельство.

Слово *друзья* в составе термина отражает, как уже было сказано, впечатление переводчика (пусть неоправданное) о «знакомости» слова, имеющего аналог в другом языке.

Если исходить только из формы термина, то теоретически в «ложные друзья переводчика» можно было бы зачислить и другие напрашивающиеся, но неверные, соответствия – например, соответствия, возникающие из-за ошибок в интерпретации полисемичного слова (I need to change – *Я должен перемениться вместо Мне нужно переодеться) или кальки, образуемые без учёта широкого контекста и экстралингвистических факторов, например: U.S. Department of the Interior – *Министерство внутренних дел США (правильный перевод – Министерство природных ресурсов США; внутренними делами в США ведают министерство юстиции и некоторые другие органы).

Однако такие случаи всё-таки не принято относить к ЛДП. Главным критерием отнесения лексической пары к ЛДП является формально-этимологическая близость, способная ввести в заблуждение неопытного или невнимательного переводчика. В то же время сам лексический состав этого трёхсловного термина – «ложные друзья» переводчика – не содержит намёка на обязательность критерия формально-этимологической близости.

Поэтому термин «ложные друзья» переводчика, несмотря на его яркую образность и довольно давнюю традицию использования, представляется всё же не вполне удачным для строго научного применения в переводе. Обозначаемое им явление гораздо точнее описывается синонимичным термином *псевдоинтернационализмы*.

Уйти, чтобы остаться

Уточнив определения и выявив основные особенности псевдоинтернационализмов, вернёмся к основному вопросу, поставленному в этой статье: если не отказываться от термина «ложные друзья» переводчика, насколько правомерно распространять его на сферу грамматических соответствий вообще и синтаксических конструкций в частности?

В свете того что главной особенностью ЛДП является формально-этимологическая близость, наводящая на ложную мысль о семантической идентичности, применение термина ЛДП к синтаксическим конструкциям выглядит весьма проблематичным. Если о формальной близости синтаксических конструкций говорить ещё можно, подразумевая под формой их структурный состав, то что понимать под этимологической общностью таких конструкций? В аспекте перевода, по крайней мере, ответ на этот вопрос и неясен, и неактуален. Поэтому термин ЛДП, если попробовать отнести его к синтаксическим конструкциям, теряет одну из важнейших составляющих своей дефиниции. Из этого следует, что для такой цели его придётся либо определить иначе, чем для лексики, либо всё же отклонить и заменить иной терминологией.

А для того чтобы найти оптимальные термины, необходимо глубже разобраться в сущности и типологии формально близких синтаксических конструкций, способных подтолкнуть переводчика к ошибочным решениям.

Прежде всего выделим два основных типа конструкций высказывания: (а) синтаксические структуры и (б) лексико-синтаксические конструкции.

Под синтаксическими структурами договоримся понимать «чистые» схемы высказывания или его частей, определяемые по составу частей речи и словоизменительных форм. В качестве примера такой структуры можно привести предложение, построенное по схеме: «подлежащее + глагольное сказуемое + инфинитивная группа»:

He came in to find her in bed. (1)

В отличие от чисто синтаксических структур в лексико-синтаксические конструкции обязательно включены конкретные лексические единицы. Примером такой конструкции является оборот «подлежащее + глагольное сказуемое + only + инфинитивная группа»:

He drove all the way to Wyoming, only to find that his friend could not meet with him. (2)

В отличие от синтаксической структуры (1) конструкция (2) подразумевает обязательное наличие частицы *only*, которая не может быть опущена или заменена другим словом без изменения общего смысла высказывания (сообщение о неожиданном или неприятном итоге события, выраженного основным составом предложения).

К лексическим единицам, встречающимся как устойчивая часть лексико-синтаксических конструкций, относятся союзы, местоимения, местоимённые наречия и другие служебные слова, кроме образующих аналитические формы словоизменения (частица *to* при инфинитиве, вспомогательные глаголы временных и аспектных форм и т.п.).

Теперь посмотрим, при каких обстоятельствах подобные конструкции могут вводить переводчика в заблуждение. Возьмём предложение:

He didn't leave you because of my influence. (3)

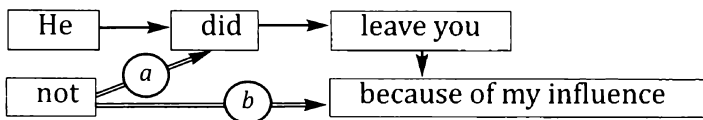
Возможны два варианта интерпретации этого высказывания:

- a) Он не ушёл от тебя, потому что это я повлиял на него.
- b) Он ушёл от тебя не потому, что это я повлиял на него.

Разница в этих двух трактовках огромна: фактически они противоположны по смыслу – в варианте (a) речь о том, как был предотвращён разрыв отношений двух людей, в варианте (b) – о том, из-за чего такой разрыв состоялся. Определить, какая информация на самом деле сообщается в английском предложении (3), можно лишь, исходя из знания общей ситуации или из контекста (если таковой имеется, что бывает не всегда: представим себе, что это реплика говорящего по телефону в ситуации, когда слова второго собеседника не слышны и неизвестны).

Что же является причиной ошибки переводчика, если он дал неверный перевод и искажил смысл высказывания (3)? Видимо, неправиль-

ная интерпретация структуры этого высказывания, которая допускает вариативность логико-семантических связей между его компонентами. В одном случае отрицание относится к сказуемому, в другом – к обстоятельству причины. Схематически это можно изобразить так:

Различие в смысле этих высказываний выявляется не только контекстом, но ещё и интонацией говорящего: в первом случае отрицание произносится с высоким нисходящим тоном, а группа обстоятельства – с низким восходящим тоном; во втором случае отрицание произносится ровным тоном, а с нисходящим тоном – одно из слов в группе обстоятельства (*my* или *influence*).

Таким образом, в подобных случаях можно говорить об омографии синтаксических конструкций, различных по своему внутреннему логическому строению и по интонационному рисунку.

Те примеры, которые приводит в своей статье В.Н. Комиссаров, относятся именно к такой омографической категории. Так, предложение “It is a good horse that never stumbles” может трактоваться и в смысле «Это хороший конь, который никогда не спотыкается», если интонировать его по нисходящей шкале с падением тона на последнем слове. В этом случае имеется два определения к существительному *horse*: прилагательное *good* и придаточное предложение (*that never stumbles*).

В том же значении, о котором пишет В.Н. Комиссаров («Даже добрый конь – и тот спотыкается»), логическое ударение и интонационный центр предложения сосредоточены на прилагательном *good*. С точки зрения синтаксиса это прилагательное выполняет роль логического предикатива ко всему понятийному комплексу *horse that never stumbles*, а не только к слову *horse*; парафраза такого высказывания – *A horse that never stumbles is too good to be true*.

Теперь рассмотрим другой тип неопределённости внешней структуры высказывания, реализованный в предложении:

He went to the United States to settle down there. (4)

Данное предложение может быть истолковано и переведено двояко:

- a) Он уехал в Соединённые Штаты, чтобы остаться там навсегда.
- b) Он уехал в Соединённые Штаты и обосновался там.

Различие в двух высказываниях определяется разными логическими значениями обстоятельства, выраженного инфинитивом: в одном случае это значение цели (намерения), в другом – значение последующего действия (не обязательно намеренного). Но оба случая структурно и интонационно идентичны, так что, если и дальше проводить аналогию с лексическими единицами, здесь можно говорить о полисемии (многозначности) одной и той же структуры. Устраняется такая полисемия либо в контексте, либо исходя из анализа ситуации.

«Дружба» кончается там, где начинается двусмысленность

Я не случайно упомянул выше о полисемии в контексте проблемы ЛДП и отметил, что ошибки в интерпретации переводчиком контекстных значений полисемичных слов в понятие ЛДП не входят. Нет смысла использовать этот термин ни по отношению к полисемичным конструкциям, ни по отношению к омографическим конструкциям.

Для терминологического обозначения подобных трудностей целесообразно использовать не термин *ЛДП*, а предложенный ещё Я.И. Рецкером термин *амбивалентные синтаксические конструкции* [2004. С. 92–106]. В английском языке Я.И. Рецкер указал на следующие амбивалентные конструкции:

– «глагол have + существительное + причастие II» (пример: He had his horse killed), которая может обозначать либо действие, совершённое посторонним деятелем без участия или даже против желания субъекта высказывания («Под ним убили коня»), либо действие, совершённое самим субъектом («Он отправил свою лошадь на живодёрню») (5);

– «глагол be + the + порядковое числительное + инфинитив» (пример: He was the first to speak), которая может иметь модальное значение долженствования («Он должен был выступать первым») или значение изъявительности действия («Он выступал первым») (6);

– «группа глагола + инфинитив» – см. выше пример (4), – которая может иметь значение действия с указанием цели либо двух последовательных действий (7);

– «существительное либо местоимение во множественном числе + группа однородных глаголов» (пример: He begged and bribed and threatened others): такая конструкция может обозначать либо одновременные действия в отношении некоей единой группы лиц или объектов («Других он то уговаривал, то задабривал, то угрожал им»), либо параллельные действия в отношении нескольких разных лиц или

объектов («Одних он завербовал уговорами, других – задабриванием, третьих – угрозами») (8);

– «as + прилагательное или наречие + as + any (anything) (пример: I learned to dance as well as any of them) – сравнительный оборот со значением либо равенства объектов по какому-то признаку («Я научилась танцевать не хуже любой из них»), либо превосходства одного объекта над другими («Я научилась танцевать, как ни одна из них») (9).

Категории, выделенные Я.И. Рецкером, показывают, что среди амбивалентных конструкций есть как чисто синтаксические структуры (7, 8), так и лексико-синтаксические обороты (5, 6, 9). По характеру амбивалентности здесь представлены конструкции как полисемического типа (7, 8, 9), так и омографического типа (5, 6).

Список амбивалентных конструкций английского языка может быть продолжен, о чём свидетельствуют и примеры В.Н. Комиссарова. Со своей стороны я включил бы в этот список первым номером самую распространённую амбивалентную конструкцию омографического типа, а именно – существительное с многочленной определительной группой, включающей одно или более существительных (в ней могут быть и другие именные части речи, например прилагательные).

Внутри атрибутивной группы определительные связи не обязательно линейны, что и обуславливает возможность различных смысловых комбинаций. Так, цепочка *Addams family values* (название кинофильма) допускает два варианта определительных связей:

(а) имя собственное *Addams* и слово *family* оба определяют существительное *values* («семейные, или фамильные, ценности Аддамсов»);

(b) *Addams* определяет слово *family*, и вся эта группа служит определением к существительному *values* («ценности семьи Аддамс»).

Кстати, при переводе данной конструкции у переводчика нет объективных причин предпочесть одну интерпретацию другой, благо при различных вариантах перевода смысловая разница невелика.

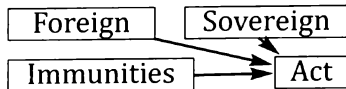
Однако в иных случаях различие может быть весьма серьёзным и даже вести к ошибкам, о чём свидетельствует следующий пример:

В ходатайстве министров... отмечается, что они защищены по **зарубежному суверенному закону о неприкосновенности** (*Foreign Sovereign Immunities Act*).

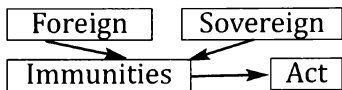
(«Известия», 2006, № 95)

Перевод названия закона в этом отрывке ошибочен и, более того, абсурден. Ведь в цитируемой статье речь идёт о законе, действующем в США, и он не может быть «зарубежным». Такой перевод отражает

неверную интерпретацию синтаксических отношений: получается, что как прилагательные *foreign* и *sovereign*, так и существительное *immunities* относятся к слову *act*.

На самом же деле прилагательные служат определениями к *immunities*, а уже вся эта группа определяет слово *act*, то есть правильный перевод таков: «Закон об иммунитете зарубежных суверенных прав».

Формально обе трактовки допустимы, и лишь знание предмета и логика

позволяют отбросить бессмысленный вариант (хотя, как видно из примера, это получается далеко не у всех).

Эту интересную тему стоит изучать и дальше. Возможно, удастся выявить другие категории синтаксических структур, помимо полисемических и омографических, вызывающих трудности в истолковании и переводе.

* * *

Подведём итог. В дефиниции лексических «ложных друзей» переводчика исследователи недооценивают фактор осознаваемой или ожидаемой этимологической общности ошибочных переводческих соответствий, который между тем играет существенную роль в описании этой контрастивной категории лексических единиц.

Сам термин «ложные друзья» переводчика не слишком удачен (по сравнению, например, с термином *псевдоинтернационализмы*). С одной стороны, он затушёвывает важный признак этимологической общности, а с другой стороны, создаёт соблазн применить его к переводческим трудностям совершенно иной природы.

Среди тех синтаксических конструкций, которые вызывают у переводчиков трудности из-за неоднозначной смысловой интерпретации, можно выделить как минимум две различных категории: одна сопряжена с амбивалентностью омографического типа, другая – с амбивалентностью полисемического типа. Для терминологического обозначения тех и других вряд ли уместен термин «ложные друзья» переводчика; целесообразно, по-видимому, говорить об амбивалентных синтаксических конструкциях.

Таким представляется ответ на вопрос, поднятый Виленом Наумовичем Комиссаровым.

ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЮДЖИНА НАЙДЫ

Американский лингвист Юджин А. Найда (1914–2011) был учеником Ч. Фриза и Л. Блумфилда. Круг его научных интересов включал синтаксис, лексическую семантику, классические языки. Анализ переводов Библии с древних на современные (в том числе экзотические) языки сделал его авторитетным членом Американского библейского общества, а научное обобщение переводческого опыта – одним из признанных специалистов по теории перевода. Несмотря на признание, его вклад в эту дисциплину ещё не получил, как представляется, достаточного анализа и осмысления в нашей стране – во многом из-за того, что на русском языке его труды представлены фрагментарно [Найда 1978; 1983].

Рамки данной статьи ограничены, но позволяют изложить общую оценку переводоведческой концепции этого учёного в свете современных задач теории перевода и подготовки переводчиков.

Среди зарубежных исследователей перевода Ю. Найда одним из первых отвлёкся от сопоставления формальных частных в вырванных из контекста отрывках ради целостного анализа текста как функционально-коммуникативного единства, предназначенного для определённого получателя. Надо сказать, что к такому подходу располагал и сам материал, который он исследовал, – многочисленные переводы Библии на английский и другие языки. Несмотря на специфические условия и цели коммуникации, в которых функционируют библейские тексты, они охватывают такое жанровое разнообразие и так показательны для взаимодействия различных культур, что позволяют сделать широкие обобщения, существенные для общей теории перевода.

Общелингвистические принципы, на которых строится концепция перевода Ю. Найды, были сформулированы им как 1) системность языковых знаков, 2) произвольность языкового знака по отношению к референту, 3) произвольность членения действительности языковыми и речевыми знаками, 4) неизбежность межъязыковых различий в способах организации знаков в значимые выражения [Nida 1964. P. 26].

Перед лицом произвольности языковых знаков и несопоставимости в формальном плане речевых выражений остаётся лишь один кардинальный ориентир – восприятие текста получателем. Таким образом, традиционный вопрос «верен ли перевод?» нуждается в уточнении – «для кого?». Критерием (а также практическим способом проверки) адекватности перевода Ю. Найда провозгласил понимание его

получателем [Nida, Taber. P. 22]. Речь идёт даже не столько о том, чтобы дать получателю понять сообщение, сколько о том, чтобы **исключить** возможность **неправильного** его понимания. Иными словами, отвергаются переводы, которые, возможно, и поймёт подготовленный читатель, но которые могут вызвать у «среднестатистического» получателя не предусмотренные автором ассоциации.

Тут, однако, возникает необходимость уточнить саму природу понимания текста. Выяснить, во-первых, возможно ли идентичное понимание в принципе? Во-вторых, на чьё понимание и в какой степени должен ориентироваться переводчик? На эти вопросы однозначного ответа у Найды, пожалуй, нет. С одной стороны, он провозгласил принцип универсальной переводимости, разделяемый ныне всеми:

«Всё, что можно сказать на одном языке, можно сказать и на другом, если только существенным компонентом сообщения не является сама форма» [Nida, Taber 1974. P. 4].

С другой стороны, Ю. Найда признал и потенциальные различия в понимании текста между автором и получателями, а также между одним получателем и другим:

«Идеальная коммуникация невозможна, всякая коммуникация относительна. Утверждение эквивалентности – будь то в словаре или переводе – не может быть абсолютным. Мы сталкиваемся, следовательно, не с проблемой «верно или неверно», а с проблемой «насколько верно» или «насколько неверно» [Nida 1975. P. 5].

Анализируя переводы, мы нередко пытаемся (и Ю. Найда в этом отношении не является исключением) оценить их с позиции того, что **хотел сказать автор**. Одновременно (и на этом американский лингвист ставит особый акцент) переводчик должен отразить в переводе и то, что понимает получатель. Но парадокс состоит в том, что авторская и читательская интерпретации сообщения могут не совпадать. Найда понимает это и сам приводит примеры такого несоответствия: так, выражение the grace of God ‘милость’ или ‘благодать Божья’ многие понимают не как обозначение доброты Бога по отношению к людям, а как его личностную характеристику [Nida, Taber 1974. С. 45].

Выясняется также, что сообщение иногда даже предполагает определённую степень недопонимания получателем для оказания на него необходимого воздействия – как в случае литургических, ритуальных и лозунговых текстов. Как с иронией рассказывает Найда, члены одного из комитетов по переводу духовных текстов однажды выступили против чёткого и ясного перевода, ибо с таким переводом проповедникам нечего будет делать [Nida 1975. P. 30]. Более того, и автор не всегда может ответить на вопрос, какой именно смысл он вложил в

свои слова; переводчику часто приходится решать этот вопрос **вместо** автора.

Неполная ясность с соотношением намерения автора, пониманием получателя и воздействием на него в конечном счёте оборачивается тем, что в борьбе за качество перевода все надежды возлагаются исключительно на интуицию и эрудированность переводчика. Вряд ли это можно поставить в вину Ю. Найде; скорее, это свидетельствует о недостаточном внимании к вопросу со стороны соответствующих наук, в том числе и теории перевода.

Но сложность проблемы наложила свой отпечаток и на характер определения перевода, данного этим учёным:

«Перевод заключается в воссоздании на принимающем языке ближайшего естественного эквивалента исходному сообщению – во-первых, смыслового и, во-вторых, стилистического» [Nida 1975. С. 95].

Предложенный Ю. Найдой принцип «естественной», или «динамической» эквивалентности страдает с точки зрения современной науки тем же недостатком, что и само определение: он слишком интуитивен и потому тривиален. По сути дела, он определяется лишь как антитеза формально-буквалистическому подобию, отказ от которого стал для теории перевода уже общим местом.

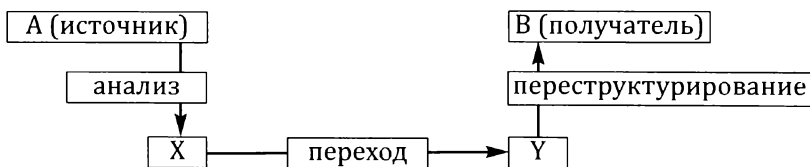
Более того, акцент на «естественность» перевода (закономерно возникший на почве борьбы с искусственным «переводческим языком» – *translatese*) включает в себе и некоторую опасность. Такой подход может подвести почву под устранение «неестественности» оригинала, нивелировку индивидуального авторского почерка, не оперирующего набором расхожих речевых клише. К сожалению, именно с этих позиций сегодня, в эпоху «массовой культуры», фабрикуются многие переводы-переделки.

Данное замечание не отвергает требования «естественности» перевода вообще; речь идёт о более строгом его определении. Очевидно, что такая естественность обязательна, когда и оригинал оценивается как естественный. А чтобы подвести под такую оценку серьёзную базу, необходима разработка частных теорий перевода для различных пар языков, сравнивающих речевой узус языков – членов пары относительно общего смысла. И совершенно справедливо утверждение Ю. Найды о том, что «научное изучение перевода может и должно рассматриваться как раздел сопоставительной лингвистики, ориентированный по динамическому параметру и с акцентом на семантику» [Nida 1975. P. 95].

В заслугу Ю. Найде нужно поставить не только учёт прагматических факторов (включение в модель двуязычной коммуникации отправителя и получателя), но и довольно подробную разработку лингвострановедческого и социально-психологического аспекта перевода (см. особенно [Nida, Reyburn 1981]). Не обошёл он стороной и личность самого переводчика, отмечая, среди прочего, чисто субъективные факторы, влияющие на качество перевода: «излишнее» знакомство с темой, желание сохранить магию языка, неверные идеологические предпосылки и др. [Nida, Taber 1974. Pp. 99–103]. Из этого видно, как тесно связывал Найда чисто объяснительные теоретические посылки с насущными практическими задачами. Сразу следует сказать, что представляется весьма значительным тот вклад, который он внёс в прескриптивные разделы теории перевода – иными словами, в вопрос о том, **как** переводить.

Из трудов Ю. Найды переводчик может почерпнуть определённую систему приоритетов: динамической эквивалентности над формальным подобием, звуковой формы речи над письменной (в смысле заботы о звучании перевода), контекста над терминологическим постоянством, общепринятой речи над «престижными» её формами, словопотребления носителей языка в возрасте 25-30 лет над узусом старших и младших поколений и др. [Nida, Taber 1974. Pp. 14–32]. Насколько исчерпывающей и универсальной является такая система приоритетов – вопрос особый. Однако не вызывает сомнений, что переводчику постоянно приходится задумываться над тем, чему отдать приоритет в проблемных ситуациях. Правда, не исключено, что от случая к случаю приоритеты могут меняться.

Процесс перевода моделируется Найдой так:

В этой схеме уровень X–Y есть уровень ядерных (или околядерных) структур. Этап X есть результат смыслового анализа оригинала до полного устранения возможных двусмысленностей и представления его смысла в наиболее чётком, эксплицитно-логическом виде. Это необходимо, так как

«...языки более соответствуют друг другу на уровне ядерных, чем на уровне более тонких структур. Это означает, что если грамматические (то есть поверхностные – Д.Е.) построения можно свести к ядерному уровню, их легче можно передать (на другом языке – Д.Е.), притом с минимальными искажениями» [Nida, Taber 1974. P. 39].

Переход от X к Y, называемый автором “transfer”, действительно позволяет отразить общую логико-понятийную основу высказывания в терминах другого языка: на этом уровне переводчик оперирует лишь четырьмя классами понятий – объект, событие, признак, отношение. Затем на этапе выхода к рецептору логизированный смысл сообщения преобразуется в поверхностную структуру (текст перевода).

Описанная модель имеет большое методологическое значение. Ра-зумеется, в реальной практике перевода поверхностная структура на принимающем языке формируется в большинстве случаев интуитивно; принимая решение, переводчик должен опираться именно на логику текста в терминах ядерных смысловых и синтаксических структур. В обучении же переводу каждый из этапов процесса заслуживает отдельного рассмотрения. Нужно сказать, что Ю. Найдой разработан большой конкретный материал по этапам анализа и типам отношений в рамках окооядерных структур.

Думается, что в систему Найды вписывается и такой термин переводоведения, как *трансформация*. Он применяется, как правило, по отношению к типам межъязыковых соответствий, лишённых грамматического или лексического подобия. Термин ставился под сомнение: что тут именно трансформируется? Слова и грамматические категории одного языка не могут «трансформироваться» в единицы и категории другого языка. А вот этап перехода от ядерной структуры к окончательному тексту перевода действительно предполагает её трансформацию (или, в терминах Найды, *реструктурирование*, restructuring).

Описанная модель оказалась ограниченной в том, что она, строго говоря, не включает такой важнейший для понимания уровень смысла высказывания и текста, как уровень описываемой ситуации. В анализе конкретных примеров Ю. Найда, несомненно, продемонстрировал способность учитывать этот уровень, но не сделал теоретических обобщений о его отношении к ядерной структуре высказывания.

В заслугу Ю. Найде обычно ставят его концепцию «динамической эквивалентности» – термин, под которым фактически понимается отход от дословности. Думается всё же, что ценность этой концепции несколько преувеличена, так как констатация «динамичности» эквивалентных соответствий мало чем отличается от констатации их

контекстуальной зависимости. Серьёзного вклада в теорию эквивалентности эта концепция не внесла.

Большинство работ Ю. Найды представляют собой некий гибрид теоретического исследования и самоучителя для начинающих переводчиков. С этим связаны как многие их достоинства (ориентация на практические потребности, отремление к доходчивости), так и некоторые недостатки (налёт поучительности, не совсем логичные переходы от общих посылок к достаточно мелким и разрозненным рекомендациям).

В методическом отношении труды Юджина Найды отличаются тем, что не только провозглашают какие-то принципы перевода, но и наглядно показывают, как надо переводить, а следовательно – и как учить переводу. Именно этим они способны обогатить думающего переводчика.

НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ КАК ПЛАВАТЕЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Лето преподнесло сюрприз: некоторые крупные газеты и информационные агентства вдруг дружно опубликовали материал о «непереводимых» словах. Сюрпризом это было потому, что вообще средства массовой информации крайне редко уделяют внимание темам лингвистики и перевода. Впрочем, оно и к лучшему, потому что, когда специальные научные вопросы начинают обсуждать неспециалисты, на разумный результат рассчитывать не приходится. И данный случай как раз подтверждает это.

В июне такие солидные издания, как Guardian, Times, BBC News опубликовали (с небольшими вариациями) обстоятельную статью с результатами некоего опроса о самых «непереводимых» словах¹. Пересказали этот материал и некоторые российские агентства, а также газета «Известия» (в номере от 6 июля). Кстати, в интернет-версии газеты это было сделано крайне небрежно: иноязычные слова были переданы русскими буквами как Бог на душу положит; редакторы же печатного издания благоразумно решили вообще не печатать иноязычные слова, а ограничились переводом их толкований.

Кратко изложим суть: некое переводческое агентство в Лондоне задалось вопросом: какие слова в различных языках мира труднее всего переводятся на другие языки? Агентство якобы попросило ответить на этот вопрос целую тысячу лингвистов-переводчиков мира, а затем меньшая группа (около 50 человек) проголосовала за десятку самых «непереводимых» слов.

На первое место в этом опросе вышло слово *ilunga* из африканского языка чилуба группы банту, на втором месте оказалось слово *shlimazl* из идиша, на третьем – польское слово *radioukasz*. В десятку вошло и русское слово *почемучка*.

Кроме того, агентство выдало также список из десяти английских слов, которые его респонденты сочли самыми труднопереводимыми. На первое место в нём почему-то поставлено слово *plenipotentiary*.

Я заинтересовался, зачем и кому понадобилось распространять эти странные рейтинги. Да, газеты любят писать о научных исследованиях. Однако и невооружённым глазом видно, что у этой публикации нет никакой научной основы.

¹ The Most Untranslatable Word In the World In Worldwide Poll Of Professional Translators. The Guardian, 14.07.2004.

Начнём с того, что говорить о «непереводимых» словах вообще некорректно, если не определить это понятие. Что значит «непереводимое слово»? Имеется ли в виду слово, которое нельзя передать однословным эквивалентом? А если ему соответствует выражение из двух, трёх слов – считать ли его непереводимым? А может быть, дело не в количестве слов, а в устойчивости словосочетания? Есть сильное подозрение, что ни сотрудникам фирмы, проводившим опрос, ни их респондентам эти вопросы не приходили в голову.

Во-вторых, говорить о непереводимости имеет смысл только в отношении конкретных пар языков. Одно и то же слово в языке А может не иметь соответствия в языке В и иметь полный эквивалент в языке С. Если же по умолчанию подразумевается непереводимость на английский язык, то каким образом в перечень попало голландское слово *gezellig*, которое сами же «исследователи» толкуют однословным английским эквивалентом *cosy* ‘уютный’? Что тут «непереводимого»? Да и поставленное на десятое место албанское слово *klloshar*, если оно действительно соответствует английскому *loser* ‘неудачник’, тоже легко поддаётся переводу.

Не меньшее удивление вызывает и список «непереводимых» слов английского языка. Возглавляет этот перечень, как уже говорилось, слово *plenipotentiary*. Не берусь судить обо всех языках, но в основных европейских языках у данного слова есть точные эквиваленты. Если рассматривать его как существительное, то по-французски это *plénipotentiaire*, по-испански *plenipotenciario*, по-русски *полномочный посол* и так далее. Или проблема всё же в переводе с английского на английский? В тексте публикации прямо говорится, что немногим носителям английского языка известно значение этого слова.

Малоубедительно смотрятся в списке «непереводимых» английских слов *kitsch* и *spam*. Кстати, *kitsch* – не столько английское, сколько немецкое слово, которое было заимствовано в английский, русский (*китч*), польский (*kicz*) и многие другие языки. Точно так же был заимствован из английского в другие языки компьютерный термин *spam* (*спам*). Правда, в своём исходном значении *Spam* – это сорт американской тушёнки времён второй мировой войны. Консервы *Spam* часто фигурировали в анекдотах того времени. Но даже в этом полузабытом значении данное слово, как и другие товарные знаки, заимствуется либо транслитерируется и само по себе не должно вызывать трудностей у переводчиков. А если трудности возникают с переводом анекдотов военных лет, то это уже другая проблема.

Мне стало интересно, что думают по поводу публикаций о «непереводимых» словах коллеги, и я посетил несколько переводческих форумов. На форуме www.translatorscafe.com польский переводчик Яцек сомневается:

Не уверен, что они понимают, о чём пишут. Настораживает, что под третьим номером в списке поставлено польское слово *radioukasz*, которое, по-видимому, отсутствует в польском языке. Я поспрашивал людей – никто ничего подобного не слышал... Но подозреваю, что Times (или переводческая фирма?) просто небрежно обошлась с орфографией и имеет в виду не *radioukasz*, а *radiosluchacz* (а, какая разница, всего лишь несколько отличающихся букв!), то есть *радиослушатель*.

Если это так, то ничего «непереводимого» в *радиослушателе* нст. Однако в статье приводится иное толкование слова *radioukasz*: «телеграфист движения сопротивления на советской стороне железного занавеса». Вы улавливаете смысл? Я – нет. Что это за «движение сопротивления на советской стороне железного занавеса»? Польские диссиденты? Положим, они существовали, но для чего им нужны были какие-то телеграфисты? Куда и что они телеграфировали? И как они использовали телеграф, находившийся в руках официальных властей? Яцек предполагает, что если что-то подобное и существовало полвека назад, то осталось достоянием узкого круга посвящённых и давно забыто.

А вот что пишет Марк Либерман на сайте Language Log (излагаю с сокращениями):

Тысяча лингвистов? Откуда взялась тысяча лингвистов, знакомых с лексиконом языка чилуба? Правда, опрос проводила не сама BBC. Как указано в статье, его осуществила Юрга Жилинскиене², директор агентства Today Translations. Никак мне не даёт покоя этот опрос. Задав поиск имени *Žilinskiene* в системе Google, я нашёл упоминание о ней в заметке газеты Guardian, где сказано, что «она недавно получила премию Shell LiveWire для молодых предпринимателей!». Однако компания Today Translations, видимо, настолько молода, что её веб-сайт даже не проиндексирован в поисковой системе Google, а премия предпринимательницы, видимо, присуждена столь недавно, что о ней ничего не говорится в информационных архивах LiveWire.

Если бы BBC News была серьёзной организацией, то редактор попросил бы автора статьи узнать мнение об опросе нескольких языковедов или переводчиков. Или можно было бы поручить написание таких статей автору хоть с некоторым знанием подлинных проблем перевода и интересом к тем методам, с помощью которых переводчики их решают.

Я нашёл сайт переводческой фирмы Today Translations. На первой же странице этого сайта вывешены материалы газет и изданий, в

² Jurga Žilinskiene – нечего и говорить, что российские газеты и информагентства переврали её фамилию на «Зилинскене».

которых упоминается компания или её директор. Выясняется, что фирма создана в конце 2001 года. В офисе компании, который находится в Лондоне, работает всего четыре сотрудницы, включая и молодую директрису литовского происхождения. Эти четверо якобы руководят работой 1500 переводчиков (вопрос: а наберётся ли даже у опытных и давно существующих фирм хотя бы треть от такого количества внештатных сотрудников?)¹. Рекламируя себя, фирма обещает выполнение переводов с любого языка на любой, с безупречным качеством, в рекордные сроки и по доступным ценам...

Почитав и саморекламу компании, и другие публикации, я пришёл к выводу, что её директор избрала тактику искусственного создания поводов для упоминания о себе в печати. То она получает непонятно кем присуждённый приз как молодой предприниматель, то её отмечают среди успешных женщин-руководителей, то газетам подбрасывается наукообразный «анализ» самых трудных для перевода юридических терминов.

До лета все эти усилия не привлекали большого внимания. Зато в июне на новые рейтинги, высосанные из пальца и поданные «с учёным видом знатока», газеты накинудись, как голодные акулы. Объясняется это очень просто: летнее снижение политической и общественной активности привело к отсутствию реальных информационных поводов. Когда в СМИ наступает «мёртвый сезон», они стремительно желтеют и глупеют, словно от теплового удара. Впрочем, британская BBC News ещё раньше отличилась «сенсациями» о трёхголовых лягушках и о попугаях-телепатах с чувством юмора. А наши «Известия» на следующий день после статейки о «непереводимых» словах принялись на первой полосе опровергать теорию относительности Эйнштейна.

Однако надо отдать должное деловым качествам мадам Жилинскиене: она сумела найти подход к пишущей братии и падкой на дешёвые сенсации публике. Наверное, ей действительно на какое-то время удалось вывести таким способом свою фирму на первые места по упоминаемости и привлечь новых клиентов.

Рейтинг непереводимых слов был, конечно, мыльным пузырьём, но предприниматели от перевода ловко всплыли на нём на поверхность в мутном океане невежества и дилетантства. Надеюсь, никто из коллег не принял этот мыльный пузырь за флагманский корабль науки?

¹ Таково было положение на момент первой публикации статьи. Сейчас штат фирмы увеличился, и утверждается, что на неё работают уже 2600 переводчиков...

ПЕРЕВОДЧИК В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ – ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Согласно «Перечню направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования», утверждённому приказом Министерства образования и науки РФ в начале 2005 года, подготовка переводчиков в нашей стране осуществляется на базе государственного образовательного стандарта по специальности 031202 «Перевод и переводоведение» с присвоением квалификации «лингвист, переводчик». Таких переводчиков готовят в лингвистических и филологических вузах (на переводческих факультетах).

В то же время большое число нефилологических вузов и факультетов предоставляют своим студентам и лицам, имеющим высшее образование, возможность получить дополнительную квалификацию под названием «переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Различие между этими квалификациями сводится к следующему: «лингвист, переводчик» рассматривается как универсальный специалист по переводу, способный не только практически переводить разнообразие тексты, но и вести в области перевода исследовательскую и педагогическую работу, тогда как в подготовке «переводчика в сфере профессиональной коммуникации» акцент делается на практических навыках перевода в рамках некоей отраслевой специализации.

Если в советский период квалификацию переводчика могли присваивать только специализированные вузы (переводческие факультеты институтов иностранных языков в нескольких городах страны), то с июля 1997 года по май 2005 года такая возможность в виде разрешения (лицензии) на открытие программы «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» была дополнительно предоставлена ещё 256 вузам. На 2012 год их количество, по оценке, приблизилось к 400¹. Обучение студентов переводу эти вузы возложили, как правило, на свои кафедры иностранных языков. Однако не секрет, что на этих кафедрах практически нет квалифицированных педагогов, которые обладали бы методическими знаниями и опытом, необходимыми именно в преподавании перевода, а не просто иностранного языка (что

¹ Эти сведения были любезно предоставлены автору И.М. Матюшиным, учёным секретарём Учебно-методического объединения по образованию в области лингвистики Минобрнауки РФ.

предполагает иную компетенцию). Поэтому организация выпуска переводчиков лингвистическими вузами, имеющими кафедры иностранных языков, была равносильна тому, как если бы подготовку практических врачей разрешили любым институтам, где наличествует кафедра биологии.

В названии квалификации «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» последние четыре слова подразумевали, по замыслу разработчиков, ограничение компетенции переводчика рамками определённой отраслевой специальности. Однако, как это часто бывает, витиеватость бюрократического оборота затуманила его смысл. Расплывчатость формулировки позволила как вузам, так и их выпускникам игнорировать ограничение, заложенное в названии квалификации.

Если бы подобная квалификация называлась, например, «технический переводчик (с указанием специализации)», это служило бы для работодателя сигналом к тому, чтобы проверить, насколько специализация переводчика соответствует тематической области предлагаемого ему заказа. Формулировка же «в сфере профессиональной коммуникации» двусмысленна: в ней слово «профессиональный» может восприниматься как указание на профессиональную роль переводчика в обеспечении коммуникации, а не на ограниченность его подготовки некоторой профессионально-технической областью.

Такое название квалификации позволяет её обладателям браться за те направления перевода, к которым их никто не готовил. И это при том, что ограниченность общей переводоведческой подготовки (по сравнению с квалификацией «лингвист, переводчик») мешает этим людям освоить на должном уровне новые для них области и специализации перевода.

Кроме того, сложившаяся система не учитывает кардинального различия между комплексами навыков, необходимых для овладения устным и письменным переводом. «Старые» лингвистические вузы имеют давнюю традицию и большой опыт в преподавании не только письменного, но и устного последовательного и синхронного перевода и обеспечивают более или менее качественную подготовку студентов по этому аспекту. А технические и «новые» филологические вузы не обучают студентов устному переводу, поскольку не имеют необходимых для этого кадров, методик и технических средств. Зачастую они и не ставят перед собой такой задачи. Однако в формулировке «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» это никак не отра-

жается, несмотря на то что коммуникация бывает как письменной, так и устной (и, кстати, в общепринятом значении воспринимается в первую очередь как устное общение).

Как следствие, лицам с квалификацией «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» ничто не мешает браться и за устный перевод, которому их не обучали профессионально.

В описанной ситуации видится одна из причин того, почему рынок всё больше наполняется малокомпетентными переводчиками, хотя и обладающими официальной квалификацией.

Система подготовки переводческих кадров и присвоения им квалификаций требует упорядочения в соответствии с областями специализации переводчиков. Несмотря на разъяснение министерства, данное в 2000 году, о том, что «присвоение дополнительной квалификации не означает получения второго высшего профессионального образования», в этот нюанс на практике никто не вникает. Вузы сплошь и рядом пытаются превратить дополнительную квалификацию в ускоренный курс подготовки лингвистов-переводчиков.

Между тем присваивать квалификацию «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» – это всё равно что присваивать квалификацию «учитель в сфере народного образования» без указания преподаваемой дисциплины. А ведь учительские квалификации не присваиваются таким образом: они присваиваются с обязательным указанием предмета преподавания (учитель математики, учитель географии и т. п.).

Напрашивается вывод, что существующая система присвоения дополнительной квалификации «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» требует пересмотра. Формулировку «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» целесообразно было бы заменить на «письменный переводчик (с указанием области перевода)», например: «письменный переводчик (в области электронной техники, радиотехники и связи)».

Перечень разрешённых областей переводческой квалификации должен соответствовать образовательным специализациям вузов. Помимо этого необходимо ввести жёсткие ограничения на лицензирование вузов в присвоении таких квалификаций. Последние должны соответствовать реальной компетенции кафедр и профессорско-преподавательского состава.

Без таких ограничений вузы сплошь и рядом выходят за пределы своей компетенции и под видом подготовки переводчиков выдают дипломы, не соответствующие действительному содержанию образовательных программ.

Сказанное можно проиллюстрировать конкретным примером. Так, Томский политехнический университет, являющийся государственным вузом, на базе своей кафедры русского языка и литературы предлагает иностранным учащимся дополнительное образование с присвоением такой квалификации: «переводчик в сфере профессиональной коммуникации (русский язык)».

Эта формулировка лишена смысла: получается, что сферой профессиональной коммуникации является сам русский язык. Вероятно, из-за осознания этой несуразности наименование данной образовательной программы в какой-то момент было изменено на следующее: «Переводчик русского языка в сфере профессиональной коммуникации»².

Новый вариант оказался плох тем, что нарушает нормы лексической сочетаемости: можно быть переводчиком текстов, но нельзя быть переводчиком языка. Кроме того, здесь опять возникла смысловая неувязка: не указана та сфера профессиональной коммуникации, для которой готовят этих «переводчиков русского языка». По этим причинам или по другим, но программе вернули прежнее название, под коим она и фигурирует на сегодняшний день³.

Поиски более удачных формулировок в данном случае бесполезны, потому что порочна сама концепция, которую в них пытаются упаковать. В обоих вариантах не названы никакие другие языки коммуникации, кроме русского. Очевидно, что выпускающей кафедре они безразличны. Но надо ли пояснять, что профессиональным навыкам перевода возможно обучать лишь в рамках конкретных пар языков? И как может готовить переводчиков кафедра, где по определению работают лишь преподаватели русского языка, не обязанные владеть иностранными языками!

Ясно, что под видом подготовки «переводчиков в сфере профессиональной коммуникации» упомянутая кафедра всего лишь обучает рус-

² По данным сайта ТПУ на июнь 2012 г.

³ По данным сайта ТПУ на октябрь 2012 г.

скому языку иностранцев. Такое положение дискредитирует саму идею и смысл присвоения переводческих квалификаций.

Если бы на государственном уровне было принято решение об изменении названий переводческих квалификаций в соответствии с реальной специализацией подготовки и о введении более жёстких условий, при которых вузу будет разрешено такие квалификации присваивать, то такое решение не было бы лишь формальным мероприятием. Этот шаг позволил бы техническим вузам сконцентрировать усилия на подготовке кадров именно в лицензированной для них области обучения. Он повысил бы ответственность как самих вузов, так и их выпускников за профессионализм и компетентность перевода в конкретной области специализации.

Кроме того, этот шаг позволил бы лучше сориентировать работодателей. Аналогично тому, как квалификация «учитель математики» не позволяет доверить её обладателю преподавание истории, – квалификация «письменный переводчик (в области химических технологий)» послужит сигналом для работодателя, что обладателю такого диплома вряд ли следует поручать устный перевод конференции по финансам.

Те же переводчики, которые захотят расширить сферу своей деятельности, должны иметь возможность пройти дополнительное обучение по желаемой специализации и получить соответствующую их целям дополнительную квалификацию. Для этого может быть задействована система факультетов и курсов повышения квалификации переводческих кадров, с тем чтобы обучение в дополнительной специальной области можно было пройти в разумно короткие сроки.

ПРИНЦИПЫ ПРЕДПЕРЕВОДНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ИНОСТРАННЫЙ

О предпереводном анализе¹ в научно-методической литературе по преподаванию перевода начали писать давно. Наиболее глубоко и конкретно теоретические принципы предпереводного анализа изложены, в частности, в известном труде В.Н. Комиссарова [1997. С. 56–60], где они рассматриваются как условие формирования переводческой стратегии не только при обучении, но прежде всего в реальной практике перевода. Такой анализ можно увязать с информационно-целевым анализом понимания текста [Брандес 1988].

Дадим следующее рабочее определение предпереводного анализа при обучении письменному переводу: это всесторонний анализ исходного текста, осуществляемый *до* перевода *в целях* перевода. Предшествование во времени (до перевода) понимается здесь лишь как принцип: в реальной практике не исключаются элементы параллельного с переводом или даже последующего анализа, ведущего к корректировке переведённого текста.

В реальной практике подготовки переводчиков не выработалось пока чёткой системы предпереводного анализа. Но можно определённо ответить на вопрос о том, кто из преподавателей в первую очередь отвечает за формирование навыков такого анализа у студентов – преподаватель перевода, преподаватель языковой практики или (в случае перевода с русского языка на иностранный) преподаватель русского языка. Предпереводной анализ всегда носит конкретный характер: он ориентирован на определённый текст, и попытки привить принципы такого анализа, не осуществляя перевод на практике, не могут быть плодотворны. Отсюда вывод: никто не может научить студентов адекватному предпереводному анализу текста так, как преподаватель перевода, и нигде, кроме как на занятиях по практическому переводу этого текста.

Здесь следует оговориться: преподаватель практического письменного перевода исходит из того, что знакомство студентов с общими принципами переводческой стратегии, включая уважение к тексту оригинала, понимание, что перевод представляет автора и приписывается

¹ Пояснение термина *предпереводной анализ* см. в разделе «Справочные сведения о статьях».

ему, понимание различий между художественным и нехудожественным переводом, необходимость учёта прагматических и других факторов, – уже произошло в курсе общей и частной теории перевода. На занятиях по практике письменного перевода об этом нужно напоминать студенту лишь при необходимости скорректировать его позицию.

Хотелось бы поделиться практическим опытом осуществления предпереводного анализа при переводе с русского языка на иностранный и показать, что в нём могут ставиться учебно-методические цели, несколько отличные от стоящих перед практическим переводчиком.

Текст, предлагаемый студентам для домашнего письменного перевода, разбивается на части, обсуждение каждой из которых реально вместить в рамки одного практического занятия (от 1000 до 1500 знаков, в зависимости от уровня группы и этапа обучения переводу). Одновременно с текстом студенты получают список вопросов и заданий по предпереводному анализу к каждой из выделенных частей текста (4–6 вопросов).

Первое задание, предлагаемое студентам, – это охарактеризовать жанровые, функционально-стилистические и коммуникативно-прагматические особенности текста. Несмотря на столь широкую постановку задачи, от студента требуются довольно простые вещи. Например, сказать: «Данный текст является газетной рецензией на театральный спектакль («Живой труп» в постановке режиссёра Левитина), сочетающей стилистические элементы критической статьи, полемического выступления, художественной публицистики. Автор – современный критик, статья предназначена для подготовленной в литературном и театральном отношении аудитории образованных читателей-интеллектуалов. В статье используется ряд стилистических приёмов и образных средств».

Поскольку такая характеристика носит слишком общий характер, в обсуждении данного вопроса ещё рано требовать от студентов формировать детальную стратегию перевода (что и является, по В.Н. Комиссарову, содержанием предпереводного анализа), но уже определяется её общая направленность.

Дальнейшее задание – оценить текст по простым критериям: грамотности и особенностей структуры. Часто в тексте выявляются переусложнённые, запутанные конструкции и даже лексико-грамматические ошибки. Если таковые есть (а в учебных целях имеет смысл даже специально подобрать такие тексты), студентам предлагается

исправить их, то есть подвергнуть текст минимально необходимому редактированию на русском языке.

Далее предлагается оценить имеющиеся у текста особенности с точки зрения их роли в его организации. Например, использование автором трёх эпитетов к одному определяемому слову («сложное, мятущееся, раздвоенное существо») – это случайность или авторский приём? (Обычно не случайность, если такое употребление встречается неоднократно). Соответственно вопрос: как это влияет на стратегию переводчика, то есть принципы подбора эквивалентов? (Может не влиять, а может требовать использования аналогичного приёма).

На этом этапе стратегия переводчика детализируется, и имеет смысл попросить студентов указать её особенности.

Лишь после собственно лингвистического анализа рассматривается «фактура» текста. Так, при анализе текста рецензии на спектакль «Живой труп» студентам предлагается дать справку о пьесе Л.Н. Толстого, её сюжете и главных персонажах, выяснить по справочным изданиям или Интернету, как название пьесы традиционно передаётся на иностранный язык.

Если в тексте имеются аллюзии или отсылки к другим авторам, произведениям, историческим или культурным событиям, студенты должны дать справку о них и сразу изложить позицию переводчика: как они будут передавать эти аллюзии с учетом (а) их известности в культурно-языковой среде целевой аудитории и (б) релевантности в смысловой структуре текста.

Наконец, в работе над анализом текста студентам предлагаются такие задания, которые могут и выходить за рамки собственно предпереводного анализа. Например, если в тексте встретилось выражение «облачённый в невероятную халдейскую хламиду», студенты должны объяснить понятия ‘халдей’, ‘хламида’. Это нужно, чтобы (а) убедиться в правильности понимания ими текста; (б) учить их увязывать смысл текста с внутренней формой его лексических элементов; (в) прививать им понимание того, что переводчик обязан вникнуть в текст *глубже* читателя и иногда *глубже* автора (об этом см., например, [Флорин 1983. С. 94 и сл.]).

На обсуждение четырёх–пяти вопросов по предпереводному анализу текста, выполняемому студентами как домашнее задание, уходит

15–20 минут урока. Это время не тратится зря. Оно учит студентов логическому и диалектическому подходу к формированию переводческой стратегии, основанному на следующих положениях:

1) Понимание текста переводчиком кардинально отличается от более поверхностного понимания его читателем, что и составляет специфику предпереводного анализа;

2) Переводчик не просто вникает в текст, но и оценивает его, и только выявление ошибок, противоречивых или нерелевантных элементов смысла дает ему право «корректировать» автора в переводе (слишком вольное отношение к переводу – часто встречающаяся погрешность переводческого подхода студентов).

Так можно формировать у студента понимание того, в каких случаях он раб переводимого текста, а в каких – хозяин.

О ПРАКТИКЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ В ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Переводческий профессионализм предполагает и навыки редакторской работы. Они необходимы переводчику хотя бы для того, чтобы править собственные переводы.

Нельзя сказать, что редактированию не уделяется внимания в учебных курсах перевода. При обсуждении любых вариантов перевода на практических занятиях студенты так или иначе сталкиваются с редактированием: фактически это то, что делает преподаватель при обсуждении и правке их переводов. В процессе обсуждения одни варианты признаются приемлемыми, другие отвергаются, и аргументация преподавателя отчасти приучает их к редакторскому мышлению.

Однако обучение навыкам редактирования не вычленяется в специфический вид работы по курсу письменного перевода¹, и такая задача не ставится в учебных программах. Тем не менее она существует, и её роль в том, чтобы привить будущим переводчикам умение сделать правильный выбор между стилистически и функционально неравноценными вариантами средств выражения, подчинить отдельные элементы плана выражения общей коммуникативной функции текста.

Умение редактировать не формируется автоматически при обучении переводу. Оно основано, конечно, на навыках перевода (а также на знании теории перевода, сопоставительной стилистики и русского языка), но, поскольку задача ставится специфическая, и решаться она должна в особых методологических рамках.

Рассмотрим, как нередко проходит обучение редактированию в ходе занятий по письменному переводу на переводческом факультете. Обычно урок строится таким образом: студентам на дом задаётся текст для перевода, и на урок они приходят с переведённым текстом. Преподаватель просит то одного, то другого студента зачитать свой перевод отрезков текста (в одно–три предложения). Он стремится вовлечь остальных студентов в обсуждение достоинств и недостатков зачитанных вариантов. Если мнения расходятся, преподаватель завершает дискуссию собственным «вердиктом», стараясь, естественно, объяснить

¹ Речь идёт о редактировании переводов на родной (русский) язык, а не на иностранный: в последнем случае студенты не владеют свободно средствами плана выражения, и задача редакторской правки занимает подчинённое место по отношению к задаче научить студентов давать пусть не виртуозно красивые, но хотя бы просто грамотные переводы.

причины, по которым он отдаёт предпочтение тому, а не иному варианту. Так, собственно, и учат редактированию, то есть выбору какого-то варианта из ряда возможных при чётком обосновании этого выбора, настойчивой работе над улучшением перевода.

Описанный метод работы на занятиях по письменному переводу испытан временем и приносит свои плоды. Тем не менее у него есть и слабые методологические стороны:

1. Не секрет, что переводы, которые выслушивает преподаватель на занятии, – весьма сырой материал. Студенты делают их, как правило, накануне и редко когда подвергают дополнительной правке. Следовательно, работа на уроке по «доводке», усовершенствованию перевода практически неотделима от исправления грубых смысловых ошибок, описок, результатов невнимательного прочтения текста и плохого владения элементарной переводческой техникой. Как следствие, студенты не видят разницы между обыкновенной ошибкой и переводом, который теоретически можно сконструировать по словарю и грамматике, но который не соответствует общей интонации текста, стилистически разнороден, не передаёт смысловых акцентов оригинала или смещает их и т.д.

2. Преподаватель лишён возможности проверить методом устного опроса все варианты всех студентов и обсудить их. Обсуждение основывается на выборочном опросе. Конечно, опыт преподавателя подсказывает ему, кого именно следует опросить при проверке того либо иного предложения. Он обычно чувствует, какой студент даст приемлемый вариант, а какой обязательно споткнётся на трудностях данного отрезка текста. Всё же студенты не всегда понимают, как относиться к тем переводам, которые не были зачитаны и обсуждены: то ли рассматривать их как приемлемые (а не исключено, что они содержат какую-то погрешность), то ли исправить их на тот вариант, который при обсуждении был признан лучшим (и в этом случае плохо то, что в их сознании укореняется ложное убеждение в существовании для любого текста какого-то единственно правильного, универсально-стандартного перевода).

3. Оценка переводов, выполненных студентами, тесно связана с личностным моментом. Сколько бы преподаватель ни приводил объективных доводов в пользу или против того или иного варианта, студенты воспринимают критику переводов ещё и как субъективную оценку их работы, а нередко и их подхода к переводу как таковому.

Поэтому, с одной стороны, студентам бывает трудно согласиться с преподавателем, отвергающим их перевод, а из-за этого несогласия – и понять достоинства какого-то другого варианта. С другой стороны, когда заходит речь о сравнении разных вариантов, студенты очень неохотно критикуют чужие переводы, так как это работа их товарищей, которых они, разумеется, не хотят обидеть. При этом грубый промах выявляется и признаётся легче, поскольку от вопиющей несурезицы никуда не денешься. А вот при обсуждении тонкостей, которые как раз и составляют предмет собственно стилистического редактирования, убедить начинающего переводчика, что его перевод искажает суть и дух оригинала, бывает очень трудно. Думаю, каждому преподавателю перевода приходилось иметь дело с заядлыми спорщиками, которые готовы были признать невнимательность при смысловой ошибке, но ни за что не принимали критику неверной трактовки текста.

Перечисление слабых мест в методике аудиторного опроса (обсуждения) домашних переводов ни в коей мере не ставит под сомнение практическую ценность этого метода. Оно показывает лишь, что собственно стилистическое редактирование переводов – это специфический вид работы, особый навык, который только отчасти отрабатывается при комплексной правке переводов, выполненных студентами самостоятельно.

Вывод, который отсюда следует, состоит в том, чтобы уделять редактированию особое место в курсе практических занятий по переводу с иностранного языка на русский. Вряд ли имеет смысл выделять редактирование в отдельный аспект подготовки студентов-переводчиков, но включение его как вид работы в курс письменного перевода весьма желательно.

В какой форме можно это сделать? Одним из заданий, предлагавшихся мной на пятом курсе переводческого факультета, было обсуждение параллельных текстов – оригинала и перевода. Ниже приводится образчик такого материала. Это отрывок из пародийно-фантастического романа Д. Адамса [Adams 1981. С. 70] и его первый перевод на русский язык [Адамс 1981].

The improbability-proof control cabin of the Heart of Gold looked like a perfectly conventional spaceship except that it was perfectly clean because it was so new. Some of the control seats hadn't had the plastic wrapping taken off yet. The cabin was mostly white, oblong, and about the size of a small restaurant. In fact it wasn't perfectly oblong: the two long walls were raked round in a slight parallel curve, and all the angles and corners were contoured in excitingly chunky shapes.

Оснащённая невероятно-защитным устройством кабина управления «Золотого сердца» своим видом походила на совершенно обычный космический корабль, за исключением того, что здесь было абсолютно чисто, поскольку он был абсолютно новенький. С некоторых сидений управления ещё не сняли пластиковые чехлы. Кабина управления была почти вся белая, прямоугольная, размером с небольшой ресторан. Собственно, она была не строго прямоугольная: две продольные её стены имели лёгкий изгиб параллельного профиля и все её углы и линии были обворожительно сглажены.

При обсуждении этого отрывка студенты первоначально воспринимали перевод как приемлемый и не нуждающийся в правке. Действительно, смысловых ошибок русский текст не содержит и нормам русского языка, казалось бы, не противоречит.

Однако при более внимательном анализе (стоило лишь привлечь внимание студентов к звучанию некоторых фраз) в нём обнаружались:

а) терминологические неточности («кабина управления» вместо «отсек управления», «пластиковые чехлы» вместо «полиэтиленовые чехлы»);

б) неудачная сочетаемость («сидения управления»);

в) семантически избыточные и стилистически неуклюжие обороты («своим видом походила», «изгиб параллельного профиля»).

При сравнении с оригиналом выявлялись также: неоправданность повтора слова *абсолютно* (несмотря на повтор *absolutely* в оригинале), неучёт межъязыковых различий в логических ограничениях (если по-английски можно сказать *The cabin looked like a spaceship*, то по-русски сравнение «кабина походила на корабль» нелогично, а надо сказать что-нибудь вроде «отсек управления был как в обычном космическом корабле»). Анализ выражений *невероятно-защитное устройство* и *обворожительно сглажены* потребовал обращения к способам создания пародийно-комического эффекта, причём студенты, как правило, предлагали более осмысленные и точные варианты.

Кроме переводов, выполненных иностранцами (как в данном случае), для редактирования могут предлагаться отрывки из курсовых и дипломных работ, написанных студентами прошлых лет (разумеется, без указания фамилий), старые контрольные переводы, а в некоторых случаях и опубликованные переводы (особенно если одно и то же произведение переводилось не один раз). Ясно, что предлагаться для анализа могут не только «отрицательные», но и «положительные» примеры, то есть удачные или считающиеся таковыми работы переводчиков.

Ещё одной формой учёбы может быть изучение выдающихся образцов редакторского анализа – например, таких, какой мы находим в одной из статей В.М. Топер [1968. С. 337–362], где методически, фраза за фразой, разбирается один из переводов Ч. Диккенса и где частные, казалось бы, переводческие решения неизменно соотносятся с характером целого произведения. Чрезвычайно глубокой представляется мысль видной переводчицы М.Ф. Лорие, которая в предисловии к этой публикации написала:

Возразить на эти замечания, по существу, невозможно, именно потому, что они не только умны и метки сами по себе, но неукоснительно подчинены общей концепции произведения, которая, безусловно, есть у рецензента и которая должна выработаться у всякого переводчика, прежде чем он напишет хотя бы первую строку своего перевода. [Топер 1968. С. 337]

Мы видим, таким образом, что обучение редактированию служит и умению хорошо переводить. Вот почему, по-моему, студенты должны не только быть в состоянии переводить сами, но и квалифицированно оценивать чужие переводы.

С методической точки зрения практика редактирования путём анализа параллельных текстов с последующим исправлением перевода имеет ряд выигрышных сторон, позволяющих в какой-то мере компенсировать перечисленные в начале статьи трудности комплексной правки домашних переводов.

Во-первых, такая форма работы позволяет как бы отделить «черновую» работу переводчика (связанную с нахождением слов в словарях, определением значения многозначных слов и конструкций и т.п.) от последующей работы над семантико-стилистическим единством перевода и его эквивалентностью оригиналу. Начинаящий переводчик ещё не в состоянии справиться сразу и с тем, и с другим. Естественно, что преподаватели уделяют первоочередное внимание «технике», но на каком-то этапе нужно начать работать и над «артистизмом». Редактирование готовых переводов даёт в руки студенту по меньшей мере подстрочник (хотя и в нём могут быть ошибки – и даже должны быть, чтобы не усыплялось внимание к чисто смысловой и технической стороне перевода), который он должен «отшлифовать». Студентам такая работа доставляет немалое удовольствие.

Во-вторых, обсуждается не сразу много переводов (что возрождает призрак некоего абстрактного идеального перевода), а один, совершенно конкретный перевод, который требуется оценить и, если надо, исправить и улучшить. Тем самым, на мой взгляд, ставится более пра-

вильный акцент на отношение оригинала и перевода, студенты приучаются к конкретному анализу.

В-третьих, устраняется нежелательный личностный момент из оценки перевода. Студенты охотно обсуждают недостатки переводов, выполненных кем-то ещё, и с гораздо большей готовностью соглашаются с замечаниями преподавателя, чем если бы речь шла об их собственных переводах. Есть все основания думать, что, научившись анализировать чужие переводы, начинающий переводчик сможет более объективно смотреть и на свои.

Наконец, практика редактирования вносит известное разнообразие в формы работы на уроке перевода, из которых доминирующими являются обсуждение домашних переводов и перевод с листа. Она уместна, видимо, к концу урока: требуя не меньшего внимания, чем эти два вида работы, редактирование снимает напряжённость, связанную с боязнью студента чего-то не понять или что-то перепутать, как это бывает при переводе с листа. Здесь, впрочем, важно не передозировать, и, возможно, редактированием следует заниматься не каждый урок. Однако полезность этого вида работы требует его регулярного включения в занятия по письменному переводу.

СЛОВАРЬ В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Навыки работы со словарём входят во все учебные программы по переводу – это неотъемлемый элемент переводческой культуры и профессионализма. Однако единая методика обучения этим навыкам отсутствует. Каждый преподаватель действует в этом отношении произвольно, а некоторые надеются на то, что такие навыки придут к студентам автоматически, в процессе работы над учебными переводами. Однако элементарный опрос студентов-переводчиков выпускного курса показал, что они, во-первых, очень слабо ориентируются в существующих словарях как иностранного, так и родного языка, и, во-вторых, не умеют эффективно пользоваться даже теми словарями, с которыми знакомы.

Студентам внушают, что хороший переводчик чаще пользуется толковыми словарями, чем двуязычными. Но для того чтобы они внутренне (а не только абстрактно) как можно раньше осознали эту необходимость, нужна специальная тренировка. Иначе говоря, какая-то часть занятий по переводу должна быть специально нацелена на практическое освоение словарей.

Конкретные задачи такой тренировки должны охватывать следующий минимум требований:

1. Правильный подбор словаря в зависимости от цели словарного поиска: пассивное понимание или активное употребление;
2. Знание принципа построения словаря, в том числе – а) характера словника и принципа расположения единиц (алфавитный, гнездовой, тематический или иной); б) структуры словарной статьи; в) принципа толкования значений;
3. Компетентное пользование вспомогательным словарным аппаратом (знание различных систем фонетической транскрипции, грамматических указаний, стилистических и иных помет, символов, скобок и т.п.);
4. Умение комплексно использовать различные словари для целей перевода (в том числе в соединении с другими справочными изданиями).

Некоторые из этих пунктов заслуживают подробного освещения.

Правильный подбор словаря предполагает понимание того, что толковые словари подразделяются на два основных типа – объясняющие максимальное (в их объёме) число языковых данных и сообщающие наиболее распространённые и стабильные сведения с упором

на их функционирование. Словари **первого типа** в большей степени ориентированы на понимание языковых явлений, в том числе частных и редких, и тем самым полезнее для перевода на родной (то есть русский) язык. Словари **второго типа** с их акцентом на актуальность и идиоматику нужнее для перевода на иностранный язык. Любой толковый словарь можно отнести к тому или другому принципиальному типу. Незнание этого факта приводит даже профессиональных переводчиков к серьёзным ошибкам. Автору известен случай, когда переводчик отстаивал свой вариант перевода на английский язык, мотивируя его тем, что использованное им слово он нашёл в соответствующем значении в [Webster's 2000]. Однако англоязычный редактор отверг этот вариант на том основании, что он не принадлежит к актуальному слою английской речи. Искать подтверждения своему переводу на английский язык нужно в других, принципиально отличных словарях.

Думается, что студенты-переводчики должны свободно освоить определённый минимум словарей и, может быть, даже сдать по ним зачёт. В этот минимум должны войти словари I и II типа, а также синонимические и идеографические словари.

Знание принципа построения словаря необходимо, с одной стороны, чтобы полнее использовать его, а с другой – чтобы не искать в словаре то, чего в нём нет. Так, студентам предлагалось найти в словаре, известном как «словарь Хорнби» [OALD 1982], слово *bartender* 'бармен, барменша'. Большинство не смогли этого сделать и решили, что этого слова в словаре нет, так как они искали его на своём алфавитном месте, а оно находится в гнезде слова *bar*. Нет сомнения, что студент многое выиграет от того, насколько ему известен принцип расположения значений слова в том или ином словаре – этимологический или частотный. Зная характер толкования значений, можно эффективнее использовать словари – например, обратившись к «Краткому Оксфордскому словарю» [COD 2011], можно лучше понять целостное значение слова, а контекстуальные оттенки вероятнее найти в словарях серии Webster и Random House.

Для формирования таких знаний можно использовать специальные упражнения с заданиями вида:

- сравнить статьи под одним и тем же заглавным словом в разных словарях;
- найти в словаре сложное слово или фразеологизм;

- обосновать перевод примеров данными словарей;
- сделать выбор между расходящимися толкованиями различных словарей для перевода отдельных примеров и т.п.

Компетентное пользование вспомогательным аппаратом – задача, не нуждающаяся в обосновании. Она также может отрабатываться с помощью специальных упражнений: расшифровать символы и пометы; записать символы (например, фонетическую транскрипцию), используемые в одном словаре, в системе другого словаря и т.п. Не стоит рассчитывать, что все студенты, пользующиеся словарями, сами разберутся в этих тонкостях. Мало кто из них, к сожалению, понимает, например, такую запись: fry – to (cause to) be cooked in hot fat or oil [LDOCE 1978. С. 457], где скобки указывают на совмещение в глаголе переходного и непереходного значений. Возможны упражнения на редактирование перевода с помощью словарей; например, отредактировать перевод: «Доктора спасли больного» – “The doctors pulled through a patient”. По словарю [LDPV 1985], где имеются соответствующие грамматические пометы, должен быть исправлен порядок слов: “The doctors pulled the patient through”.

Наконец, **комплексное использование различных словарей** даёт наибольшее приближение к реальному процессу перевода, где объединены такие стадии, как понимание оригинала, определение контекстуально-ситуативного смысла и поиск адекватных средств его выражения на языке перевода. Очень полезным методическим приёмом представляются упражнения на перевод, включающие трудные и незнакомые слова, без использования двуязычных словарей. Используются только толковые, синонимические и, что особенно важно для перевода на иностранный язык, идеографические словари. Среди последних особое место занимает «Тезаурус Роже» [Roget's 2004], помогающий переводчику перейти от понятия к слову. Эффективнее всего использовать его в сочетании с толковым словарём активного (II) типа и толковыми синонимическими словарями (например, [WNDS 1984]).

Для подготовки переводчика представляется чрезвычайно важным перейти от нерегулируемой, хаотической и поэтому некомпетентной работы студентов со словарями к продуманному, систематическому курсу, осуществляемому как в ходе занятий по переводу, так и в рамках других языковых дисциплин. Словарь – главный инструмент переводчика, и его освоение нужно поставить на серьёзную методическую основу.

ПЕРЕВОДИМ НА ДВА ЯЗЫКА ОДНОВРЕМЕННО

Предварительные замечания

Большинство студентов языковых вузов, обучающихся по специальности «перевод и переводоведение» с присвоением квалификации «лингвист, переводчик», осваивают два иностранных языка. По каждому из этих языков они проходят курс перевода, разделённый, как правило, на два аспекта: перевод с иностранного на русский и с русского на иностранный.

А что, если попробовать объединить курсы перевода с русского на первый и на второй иностранный язык? Если не на аудиторных занятиях по переводу, то хотя бы в рамках одного учебного пособия? Здесь возможен определённый синэргетический эффект.

Во-первых, экономятся время и усилия на структурный и содержательный анализ лингвистического материала, относящегося к исходному (т.е. русскому) языку.

Во-вторых, достигается единообразие в представлении этого материала: не секрет, что не связанные друг с другом курсы перевода на иностранные языки иногда по-разному трактуют одни и те же проблемы исходного текста.

В-третьих, ликвидируется та ментальная «перегородка», которая неизбежно формируется при обособленном изучении перевода на разные иностранные языки: по разным учебникам, на основе разных подходов, на материале разных текстов и упражнений. Ведь нередко студент, сталкиваясь с каким-то выражением или типичной конструкцией, знает, как перевести их на один язык, но не знает, как передать на другом.

В-четвёртых, объединение курсов позволяет придать некую стереоскопичность (если можно так выразиться) языковому и переводческому «зрению» учащихся. Умение сопоставлять языковой и речевой материал сразу трёх языков – родного и двух иностранных – должно помочь им лучше видеть план содержания текста, скрывающийся за планом выражения, и свободнее переключаться с одного плана выражения на другой.

А внутренняя потребность у студентов в этом есть. Например, моим студентам было всегда интересно отметить про себя аналогии и расхождения между первым и вторым иностранным языком в средствах выражения одного и того же смысла.

Методическая справка

Ниже приводится экспериментальный урок, который мог бы войти в объединённый курс перевода на английский и французский языки. Он основан на программе письменного перевода с русского языка на иностранный, разработанной и применяемой в МГЛУ на базе госстандарта. Содержанию урока соответствуют отдельные аспекты тем «Учёт межъязыковых различий в обозначении предмета», «Свертывание и развёртывание предикаций в переводе», «Русские причастные обороты как проблема перевода». Эти темы входят в план первого года обучения переводу с русского языка на иностранный.

Структурно урок состоит из пояснительного материала, а также тренировочных заданий, упражнений и текстов. В силу ограниченности объёма книги у автора нет возможности привести здесь упражнения и тексты, а тренировочные задания приведены избирательно.

В тексте урока используются сокращения: РЯ – русский язык, АЯ – английский язык, ФЯ – французский язык, СПрч – субстантивированное причастие.

Английские тексты ориентированы на нормы и узус американского варианта АЯ, кроме тех случаев, когда иное следует из пояснений или из указания на источник.

Предшествующей звёздочкой (*) отмечены выражения и варианты перевода, которые приводятся как ошибочные или nereкомендуемые. Примеры пронумерованы цифрами в скобках.

§1. Обозначение предмета субстантивированным причастием (СПрч). Референциальная функция СПрч

В РЯ причастие способно субстантивироваться и обозначать в высказывании некий предмет. С семантической точки зрения СПрч позволяет в лаконичной свёрнутой форме выразить целую предикацию, включающую (а) некий предмет (или лицо) и (б) то действие, субъектом или объектом которого этот предмет является.

В АЯ и ФЯ субстантивация причастий встречается гораздо реже, поэтому при переводе необходимо внимательно изучить контекст, чтобы решить, какими лексическими средствами воспользоваться.

Переводчику важно уяснить основную функцию СПрч в переводимом отрезке текста. Эта функция может быть **референциально-семантической** (когда предмет является актантом свёрнутой предикации, смысл которой актуален и избыточен) либо чисто **референциальной** (когда СПрч – всего лишь один из варьируемых способов

обозначения предмета на протяжении отрезка текста, а смысл самой предикации в контексте избыточен или несуществен). Поясним это на примерах. Рассмотрим высказывание:

(1) Зал ожидания был переполнен *отъезжающими* и *провожающими*.

В данном сообщении СПрч *отъезжающие* и *провожающие* синонимичны словосочетаниям с определительным придаточным (*отъезжающие* = люди, которые готовятся уехать; *провожающие* = люди, которые их провожают). СПрч, выражая свёрнутую предикацию, выступает здесь в референциально-семантической функции. Предикация играет существенную роль в формировании смысла предложения и должна быть передана при переводе. Такой приём называется **развёртыванием**, или **экспликацией**, **предикации**:

АЯ: The waiting hall was overcrowded with travellers awaiting departure and people seeing them off

ФЯ: La salle d'attente était pleine de gens [или: voyageurs] qui partaient et de ceux qui les accompagnaient.

Однако к развёртыванию предикации, заложенной в СПрч, далеко не всегда нужно стремиться. Рассмотрим пример:

(2) В субботу в Израиле недалеко от Мёртвого моря погибла туристка из России. Во время пешей прогулки, на которую она вышла вместе со своей 17-летней дочерью, россиянка поскользнулась и упала в ущелье с высоты нескольких десятков метров. *Погибшая*, чьё имя пока в израильских СМИ не публикуется, была супругой российского дзюдоиста, приехавшего в Израиль на соревнования.

СПрч *погибшая* теоретически можно перевести сочетанием существительного с определительным придаточным (АЯ: the woman that died; ФЯ: la femme qui a péri) или прилагательным (АЯ: the dead woman; ФЯ: la femme morte). Однако развёрнутая предикация будет выглядеть в контексте искусственно из-за избыточности эксплицируемого смысла ('которая погибла, мёртвая'). Ведь о гибели женщины рассказывается в двух предыдущих предложениях. Слово *погибшая* – всего лишь способ указать на актанта ситуации, уже названного несколько раз другими словами в предшествующем контексте (*туристка, она, россиянка*). СПрч выступает здесь исключительно в референциальной функции, помогая избежать лексического повтора.

В подобных случаях при переводе на АЯ и ФЯ **не следует** развёртывать предикацию и создавать для СПрч многословное семантически избыточное соответствие. Вместо этого можно использовать любое существительное или местоимение, способное осуществлять референцию предмета или лица, о котором идёт речь.

Возможны, например, следующие варианты перевода:

АЯ: A female Russian tourist died near the Dead Sea in Israel on Saturday. She was on a hike together with her 17-year-old daughter when she slipped and fell into a can-yon from a height of several tens of meters. **The woman**, whose name hasn't been released by the Israeli media, was the wife of a Russian judo wrestler who had come to Israel to take part in a contest.

ФЯ: Une touriste russe a péri samedi dernier en Israël, non loin de la mer Morte. Lors d'une promenade avec sa fille de 17 ans, elle a glissé et est tombée de la hauteur de quelques dizaines de mètres dans le précipice. **La victime**, dont le nom n'est pas pour le moment rendu public par les médias israéliens, était la femme d'un judoka russe arrivé dans ce pays pour participer à une compétition.

Задание 1. В приведённом ниже тексте укажите на актантов описываемой ситуации и на те лексические средства, которые осуществляют референцию к ним. Определите функцию СПрч (референциальная или референциально-семантическая). Переведите текст на АЯ и ФЯ.

В дом вошёл незнакомец. Парацельс указал ему на скамью; **вошедший** сел и стал ждать. Некоторое время они молчали. Первым заговорил учитель: «Кто ты и чего ждёшь от меня?» «Моё имя не имеет значения, – ответил **вошедший**. – Я хочу быть твоим учеником». (По рассказу Х.Л. Борхеса «Роза Парацельса»)

Задание 2. Переведите следующее сообщение с заголовком. Предварительно определите актантов сообщения и функцию субстантивированных прилагательных и причастий (референциальная или референциально-семантическая). Укажите другие лексические единицы, использованные для обозначения тех же актантов.

Неизвестный убил четверых и ранил десятерых в спортивном клубе. Во вторник вечером в американском Бриджвилле, городке на окраине Питтсбурга (штат Пенсильвания), **неизвестный** ворвался в спортивный клуб и застрелил там четверых человек, сообщило местное телевидение. **Ворвавшийся** вынул из спортивной сумки два пистолета и выстрелил от 12 до 15 раз, сообщила сестра одной из **пострадавших**. Пули **стрелявшего** попали примерно в десяток человек. Злоумышленник застрелился сам, ничего не сообщив о мотивах своего поступка.

§ 2. Референциально-семантическая функция СПрч, обозначающих субъект предикации

Рассмотрим теперь подробнее передачу СПрч, выступающих в референциально-семантической функции, когда свёрнутая в них предикация актанта значима и должна быть отражена в переводе.

Если лицо или предмет, обозначенный СПрч, является субъектом активного действия или состояния), то при переводе на АЯ в первую очередь следует проверить, нельзя ли образовать соответствие в виде существительного с суффиксом деятеля **-er**. Если такое соответствие имеется, его следует использовать.

Проанализируем стратегию переводчика в одном из таких случаев на примере фрагмента поэмы Н.А. Некрасова «Рыцарь на час»:

(3) От **ликующих**, праздно **болтающих**,

Обагряющих руки в крови

Уведи меня в стан **погибающих**

За великое дело любви!

АЯ: From the **jubilant crowd of idlers**

Whose hands are stained with blood

Lead me to the camp of **fighters**

For the great cause of love. (Translated by Andrew Rothstein)

В русском оригинале – четыре СПрч. В переводе на АЯ в двух случаях из четырёх подобраны соответствия с суффиксом деятеля **-er**: *праздно болтающие* – *idlers*, *погибающие* – *fighters*. Эти соответствия не являются точными словарными эквивалентами, но адекватны контексту: *idlers* значит ‘бездельники’, а *праздно болтающие*, конечно, входят в эту категорию людей; *погибающие* за какое-либо дело, разумеется, борются за него, поэтому к ним применимо слово *fighters*. Для двух других СПрч – *ликующие* и *обагряющие* – невозможно подобрать соответствия в виде существительных с суффиксом **-er**. Первое из них переводчик передал определительным сочетанием *jubilant crowd* (прилагательное + существительное), а второе – определительным придаточным (*whose hands are stained with blood*) к существительному *idlers*.

У Н.А. Некрасова допустима двоякая интерпретация актантов (можно считать *ликующих*, *праздно болтающих*, *обагряющих руки в крови* как одной группой лиц, которым свойственны все эти действия и состояния, так и тремя отдельными группами). Логически рассуждая, вторая трактовка более вероятна. Перевод же Э. Ротстайна соответствует первой, более спорной, трактовке. Однако в силу общей метафоричности текста такую потерю можно считать незначительной.

Что касается ФЯ, то в нём широко используются формулы с развёрнутой предикацией (особенно вида *celui/celle/ceux qui + verbe*). Прозаический перевод на ФЯ примера (3) мог бы выглядеть следующим образом:

ФЯ: De **ceux qui exultent de joie, qui radotent**

et **qui trempent** leurs mains dans le sang,

amène moi au camp de **ceux qui combattent** [или: **des combattants**]

pour la grande cause d'amour.

Впрочем, и во ФЯ имеется тип отглагольных существительных со значением деятеля (обычно с суффиксами **-eur/-euse**, **-ant/-ante**),

которые также применимы для передачи СПрч. Рассмотрим примеры передачи СПрч в заглавиях некоторых произведений.

(4) Катающиеся на коньках (картина В.В. Лебедева)

АЯ: **Skaters** (painting by V.V. Lebedev)

ФЯ: Les **patineurs** (tableau de V.V. Lebedev)

(5) Романс о влюблённых (фильм режиссёра А.С. Кончаловского)

АЯ: A Song About **Lovers** (film directed by A. Konchalovsky)

ФЯ: Une romance des **amoureux** (film du réalisateur A. Kontchalovski)

Во всех этих случаях мы видим, что англоязычные варианты названий включают существительные с суффиксом **-er**. Варианты на ФЯ в двух примерах отличны по структуре: это существительное с суффиксом деятеля (**patineur**) и субстантивированное прилагательное (**les amoureux**). В целом как в АЯ, так и во ФЯ предпочтительным типом соответствия для СПрч в названиях произведений является существительное со значением деятеля, при его наличии.

Однако следует помнить, что в АЯ многие существительные с суффиксом **-er** имеют другое основное значение, помимо значения деятеля, и их внеконтекстное использование может вызвать у получателя неверные ассоциации. Так, заглавие романа Александра Грина «Бегущая по волнам» теоретически можно было бы перевести на АЯ как *The Wave Runner, однако такой вариант созвучен товарному знаку Waverunner, который в США употребляется для обозначения гидроцикла (и нередко используется как нарицательное слово). Чтобы избежать такой ассоциации, в переводе необходимо использовать развёртывание предикации – She Who Runs on the Waves (ФЯ: La Fille qui cours sur les ondes [или: vagues]).

Во ФЯ существительные со значением деятеля также не всегда подходят в качестве соответствия для русского СПрч. Так, в переводе названия «Романс о влюблённых» нельзя использовать существительное **amant**, чьё значение ‘влюблённый’ уже устарело, а современное значение – ‘любовник’.

При затруднениях с образованием или использованием существительного со значением деятеля с суффиксом **-er** переводчики на АЯ избирают другие стратегии. Так, для перевода названия картины Б.В. Иогансона «Гуляющие в саду» для субстантивированного причастия не подойдут такие соответствия, как **walker** (это существительное, в отличие от родственного глагола, обычно применяется к идущим или шагающим людям, но весьма редко к прогуливающимся) или **stroller** (основное значение этого слова – ‘детская прогулочная коляска’).

Вместо этого применяется развёртывание предикации. Для перевода на АЯ названия картины «Гуляющие в саду» можно использовать существительное *people* вместе с причастием настоящего времени (*present participle*), т.е. “*People Walking [или: Strolling] in a Garden*”.

Во ФЯ, напротив, имеется существительное со значением деятеля – *promeneur*. Поэтому название картины может быть передано как «*Promeneurs dans le jardin*».

Кроме того, при переводе названий произведений или заголовков часто применяется такой приём, как **описание ситуации в ином ракурсе**. Допустимо смещение акцента сюжета живописной картины с людей на тот процесс, которым они заняты, – прогулку, ведь ситуация остаётся той же самой. Соответственно, название картины «Гуляющие в саду» возможно перевести на АЯ так: “*Walking in a garden*” или “*Strolling in a Garden*”. А название картины «Катающиеся на коньках» допустимо перевести на ФЯ также и вариантом «*Sur une patinoire*».

Название общественно-политической организации «Идущие вместе» переводится на ФЯ как *Ceux qui vont ensemble* (развёртывание предикации), а на АЯ как *Walking Together* (описание ситуации в ином ракурсе). В английском варианте перевода *walking* воспринимается как герундий, то есть словосочетание характеризует не людей, как по-русски, а само действие («движение вместе», «совместное движение»).

Аналогичным путём – то есть путём описания ситуации в ином ракурсе – пошли прокатчики фильма режиссёра Н.Н. Губенко «Из жизни отдыхающих»: в Англии фильм был назван “*Life on Holidays*”.

Перевести это название на ФЯ можно ближе к оригиналу, с обозначением актанта существительным *vacancier* (‘отпускник, отдыхающий’): «*Extraits de la vie des vacanciers*». В американском варианте АЯ можно также использовать существительное, а именно *vacationer*, например: “*Scenes from Vacationers’ Life*”.

В текстах высокого и книжного стиля в качестве развёрнутой предикации в АЯ используется также архаичная формула “*he [или: she] who/that + verb*” (реже во множественном числе: “*they that + verb*”). Эта формула нам уже встретилась в передаче заглавия романа А. Грина «Бегущая по волнам» – “*She Who Runs On the Waves*”. Она особенно характерна для афоризмов, пословиц и т.п. Во ФЯ ей соответствуют формулы «*celui qui + verbe*», «*qui + verbe*», «*quiconque + verbe*».

(6) **Спешащий** не способен ходить с достоинством.

АЯ: **He who hurries** cannot walk with dignity.

ФЯ: **Celui qui est pressé** ne peut pas marcher avec dignité.

(7) **Спящий** на дороге потеряет или шляпу, или голову. (*Низами*)

АЯ: **He who sleeps** on the road will lose either his hat or his head.

ФЯ: **Celui qui** [или: **Quiconque**] **dort** sur une route/voie perdra son chapeau ou sa tête.

(8) **Прощающий** преступление становится его соучастником. (*Вольтер*)

АЯ: **He who forgives** a crime becomes an accomplice [или: an accessory to it].

ФЯ: **Qui pardonne** au crime en devient le complice. (*Voltaire*)

(Отметим в скобках, что приведённый в примере (8) французский вариант – оригинальное высказывание Вольтера с не типичным для сегодняшнего дня глагольным управлением. В современном языке более естественно звучала бы формулировка: *qui pardonne le crime*).

Задание 3. Источники приводимых ниже крылатых выражений точно не известны, и устоявшихся эквивалентов в АЯ и ФЯ у них нет. Попробуйте предложить их перевод на эти языки.

1. Да не оскудеет рука **дающего**.
2. **Любящий** причиняет больше боли, чем безразличный
3. Дорогу осилит **идуший**.

Задание 4. Переведите на АЯ и ФЯ следующие предложения.

1. Первым **прибывшим** к церкви Св. Анны пришлось дожидаться целый час прихода последних участников.
2. Просьба соблюдать тишину во время соревнований. **Опоздавшие** должны следовать указаниям работников спортивного учреждения.

§3. Референциально-семантическая функция СПрч, обозначающих объект предикации

СПрч со страдательным значением обозначают объекты предикации (то есть тех, над кем совершено какое-то действие). Такие СПрч употребляются в трёх языках по-разному. РЯ и ФЯ обнаруживают в этом отношении бóльшую близость. В АЯ СПрч употребляются чаще всего в собирательном значении для обобщённого обозначения некоей категории людей, например: *the initiated* (*посвящённые*, ФЯ: *les initiés*), *the handicapped* (*лица с ограниченными возможностями*, ФЯ: *les handicapés*), *the underprivileged* (*малообеспеченные*, ФЯ: *les sous-privilégiés*). (Можно видеть, что в АЯ и ФЯ СПрч в собирательном значении, как и СПрл, употребляются с определённым артиклем).

Субстантивация страдательных причастий не в собирательном смысле, а для обозначения отдельного лица встречается в АЯ гораздо реже, чем в РЯ или ФЯ. Нужно помнить, что в этом случае причастие употребляется только с определённым артиклем, например *обвиняемый* – *the accused*, *спасённый* – *the rescued*, или с притяжательным местоимением, например *любимый*, *возлюбленный* – *one's beloved*.

Среди исключений можно назвать СПрч disabled *инвалиды*, которое в американском варианте АЯ ныне употребляется и без определённого артикля в значении множественного числа.

Когда референтом является одно лицо, следует помнить, что страдательному СПрч может быть найдено соответствие среди английских отглагольных существительных с суффиксом **-ee**, например *обучаемый* – trainee (ФЯ: stagiaire, étudiant), *похищенный* – abductee (ФЯ: enlevé), *разведённый* – divorcee (ФЯ: divorcé), *усыновлённый* – adoptee (ФЯ: adopté), *назначаемый* – nominee, appointee (ФЯ: nommé, candidat retenu). Возможность использования таких существительных лучше всего проверять по большим толковым словарям АЯ.

У целого ряда русских СПрч со страдательным значением имеются в АЯ и ФЯ соответствия в форме существительных иной структуры. Они обычно также зафиксированы в словарях, например *испытываемый* – АЯ: subject, ФЯ: sujet (d'expérience), *подозреваемый* – АЯ: suspect, ФЯ: suspect, *подсудимый, подзащитный* – АЯ: defendant, ФЯ: accusé, *заклѳчѳнный* – АЯ: prisoner, in-mate, ФЯ: prisonnier, *пострадавший* – АЯ: victim, ФЯ: victime, éprouvé, *уполномоченный по правам человека* – АЯ: ombudsman, ФЯ: protecteur du citoyen, ombudsman.

В прочих случаях при переводе с РЯ на АЯ для передачи СПрч, обозначающих лицо или группу лиц как объект действия, обычно применяется **развѳртывание предикации**. Один из способов развѳртывания при переводе на АЯ – использование словосочетания с определяемым словом (существительным или местоимением one), например: *застрахованный* – the insured person (ФЯ: l'assuré), *брошенная, покинутая* – an/the abandoned woman [или: one] (ФЯ: l'abandonnée), *погребѳнные* – the buried people (ФЯ: les enterrés).

При другом способе развѳртывания в качестве определяемого слова используется местоимение: that (those) в АЯ, celui (celle, ceux) во ФЯ. Это характерно особенно для тех случаев, когда предложение с СПрч является эллиптическим. Пример:

(9) Когда обычные вещества изучаются в наномасштабе, они часто проявляют уникальные свойства, резко отличающиеся от **наблюдаемых** в обычных условиях.

АЯ: When common substances are studied on the nano scale unique properties often emerge that differ greatly from **those observed** under normal conditions.

ФЯ: Quand on analyse les matières ordinaires à l'échelle nano, elles révèlent souvent des propriétés qui se distinguent de **celles qu'on observe** dans les conditions normales.

Как и в случае с обозначением субъекта предикации, в афоризмах и текстах высокого и книжного стилей используются формулы АЯ:

“he who/that + verb”, ФЯ: « celui qui + verbe », о которых уже шла речь:

(10) Рождённый ползать летать не может. (М. Горький)

АЯ: He who/that is born to crawl cannot fly.

ФЯ: Celui qui est né pour ramper ne peut pas voler.

Некоторые предикации, заключённые в СПрч, бедны по содержанию, выражая факт действия, принадлежность или местонахождение предмета и другие отношения и состояния, которые необязательно выражать глагольной формой. В таких случаях развёртывание предикации может принимать форму предложного оборота, например:

(11) Следующий авианалёт не имел успеха так же, как и состоявшийся во второй половине дня.

АЯ: The next air raid failed just like that of the afternoon.

ФЯ: L'assault aérien qui suivit fut un échec tout comme celui de l'après-midi.

(12) Ядовитые железы комодского варана содержат яд, аналогичный обнаруженному у змей.

В заключение – несколько слов о передаче заглавий произведений. В РЯ и ФЯ заглавия на основе СПрч встречаются нередко. В АЯ употребление СПрч в заглавии тоже возможно, как, например, в переводе названия романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые» – “The Insulted and Humiliated” (с определённым артиклем). (Во ФЯ в этом случае использованы несубстантивированные причастия без артикля – « Humiliés et offensés »).

Кроме того, СПрч в заглавиях произведений на АЯ также используются (а) без явной субстантивации (т.е. без артикля) и (b) в определительных сочетаниях с существительным либо местоимением.

К типу (а) относятся заглавия “Kidnapped” (роман Р.Л. Стивенсона, РЯ: «Похищенный», ФЯ: « Enlevé »), “Gone with the Wind” (роман М. Митчелл и снятый по нему фильм, РЯ: «Унесённые ветром», ФЯ: « Au-tant en emporte le vent »), “Lost” (телесериал «Пропавшие», прокатное название – «Остаться в живых»; ФЯ: « Les disparus »).

К типу (b) относятся заглавия “The Lost Ones” (повесть С. Беккета, РЯ: «Потерянные», ФЯ: « Les Égarés »), “The Defiant Ones” (фильм С. Крамера, РЯ: «Не склонившие головы», прокатный вариант – «Скованные одной цепью», ФЯ: прокатное название – « La Chaîne »).

При поиске соответствий для заголовков с использованием страдательного СПрч в целом рекомендуется начинать с вариантов на основе определительного сочетания в АЯ и на основе СПрч во ФЯ. Безартиклевые соответствия следует применять с большой осторожностью, так как использование несубстантивированных причастий в заголовках нерегулярно и возможно далеко не для каждого причастия.

Заключение

Концепция преподавания письменного перевода на иностранный язык, которой я придерживаюсь, основана на сопоставительной лингвистике узуса изучаемых языков. При этом преподаватель не должен упускать из виду обращать внимание своих студентов на то, что узус подвижен и что, преломляясь сквозь контекст, конкретную описываемую ситуацию и прагматическую обстановку коммуникации, он допускает широкую вариативность языковых средств, используемых для построения переводного высказывания. Переводчику предлагается сделать осознанный и обоснованный выбор таких средств.

Ключи и комментарии к практическим заданиям

Задание 1.

АЯ: A stranger entered. Paracelsus motioned him to a bench; the other man sat down and waited. For a while, neither of them uttered a word. The master spoke up first. "Who are you and what is it you want?" "My name doesn't matter," the other man replied. "I want to be your disciple." (*Based on the translation by Norman Thomas di Giovanni, "Paracelsus and the Rose"*)

ФЯ: Un inconnu entra dans la maison. Paracelse lui indiqua le banc. L'autre s'assit pour at-tendre. Ils restèrent silencieux pendant quelque temps. Le maître parla le premier. « Qui es-tu et qu'attends-tu de moi ? » « Mon nom, ça n'a pas d'importance, dit l'autre. Je veux être ton disciple ».

Задание 2.

АЯ: **4 Killed, 10 Injured in Gym Shooting.** Four people have been shot by an unknown [или: unidentified] man who burst into a gym in Bridgeville, a suburb of Pittsburgh, PA, on Tuesday evening, according to local television. The man took two guns out of his gym bag and made between 12 and 15 shots, hitting some ten persons, a victim's sister reported. The gunman [или: He] shot himself dead afterwards without giving any reasons for opening fire.

ФЯ: Quatre morts et dix blessés dans un club de gym. Un homme [или: un inconnu] qui a fait irruption dans un club de gym de Bridgeville, dans la périphérie de Pittsburgh, Pennsylvanie, mardi soir, a tué quatre personnes, d'après la télévision locale. L'homme a tiré 12 à 15 fois, après avoir sorti deux armes d'un sac de sport, d'après la soeur d'une des victimes. Une dizaine de personnes ont été touchées par le tireur. Le tueur s'est suicidé, sans rien dire sur les motifs de son acte.

Задание 3.

1. Эта фраза считается приблизительным парафразом цитаты из библейской книги Притчей Соломоновых (28: 27): «Дающий нищему – не обеднеет». Поэтому её иногда переводят соответствующими цитатами:

АЯ: He who gives to the poor will never want. (Proverbs 28: 27)

ФЯ: Celui qui donne au pauvre n'éprouve pas la disette (Proverbes 28: 27).

В то же время в РЯ так часто говорят иронически, имея в виду: «пусть тот, кто даёт, делает такие же подарки в дальнейшем». В этом случае библейские цитаты нуждаются в модификации, например:

АЯ: May he who gives always have what to give.

ФЯ: Que celui qui donne ne manque jamais de quoi donner.

2. АЯ: One who loves can cause more pain than an indifferent one.

ФЯ: Celui qui aime peut faire plus de mal que l'indifférent.

3. Афоризм представляет собой перевод латинского изречения: *Viam supervadet vadens*, которое, однако, малопопулярно в Западной Европе. Некоторые возводят афоризм к стиху 117 в X главе «Ригведы»:

Того, кто пашет, плуг делает сытым,

Дорогу осилит пешком идущий... (Перевод В.А. Кочергиной [Бродов 1972])

Английский перевод этого стиха весьма отличается от русского:

The ploughshare ploughing makes the food that feeds us,

and with its feet cuts through the path it follows. (Translated by Ralph T.H. Griffith, 1896)

Здесь вторая строка относится к плужному лемеху, прорезающему борозду, а не к идущему по дороге человеку. Тем не менее некоторые переводчики используют её как «эквивалент» русского афоризма в урезанном виде (не решаясь упоминать плуг). Так, одна из статей на дидактическую тему завершается сентенцией на трёх языках:

"Cuts through the path it follows – Дорогу осилит идущий – *Vent du soir et pluie du matin n'étonnent pas le pèlerin.*" [Цишковская б/д]

Однако вариант на АЯ в таком виде страдает неполнотой грамматической структуры, непонятен, да и далёк от смысла русской фразы. Поэтому попытки построить передачу русского афоризма «Дорогу осилит идущий» на фрагментах из английского перевода «Ригведы» представляются искусственными и малопродуктивными.

Допустимы следующие переводы на АЯ: *Walk and you shall reach; He who perseveres will reach the goal* [или: *will travel the road*]. Наконец, следует указать на перевод изречения Лао-цзы, употребляемого в том же смысле, что и русское: *The journey of a thousand miles begins with a single step*. С точки зрения афористичности это лучший вариант.

ФЯ: Некоторые переводчики используют пословицу: **Vent du soir et pluie du matin n'étonnent pas le pèlerin*. Однако она неоднозначна по смыслу. Вместо неё можно также рекомендовать перевод афоризма Лао-цзы: *Un chemin de mille lieues commence par un seul pas*.

Задание 4.

1. АЯ: The first arrivals at the Saint Anne church had to wait a full hour before the last participants arrived.

ФЯ: Les premiers arrivés à Sainte-Anne ont dû attendre les derniers pendant tout une heure.

2. АЯ: Please remain silent during the competitions. Latecomers must follow the instructions of stadium personnel.

ФЯ: Veuillez rester silencieux durant les compétitions. Les spectateurs qui arrivent en retard doivent suivre les instructions du personnel du site.

ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ ИЗ КОНФЕТКИ

Вы смотрели диснеевскую «Мэри Поппинс»?

Удивительно, но, несмотря на всеобщую любовь к продукции компании «Уолт Дисней», в нашей стране про этот знаменитый кинофильм знают очень немногие, видели его ещё меньше людей, а поклонников у него, вероятно, единицы. Так, по состоянию на начало сентября 2008 года в русской версии «Википедии» про этот фильм были написаны буквально две бесстрастные строчки:

«Мэри Поппинс» – кинофильм. Экранизация произведения, автор которого – П. Л. Трэверс. 5 премий «Оскар». Фильм можно смотреть детям любого возраста.

И это всё! О фильме, который завоевал пять «Оскаров», а выдвигался на эту награду в тринадцати номинациях!

Конечно, в 1964 году, когда фильм вышел, советские люди не имели шансов его посмотреть: новые диснеевские киноленты у нас тогда не закупались – то ли они были слишком дороги, то ли рассматривались как источник вредного идеологического влияния на пионеров и октябрят. Однако в остальном мире он произвёл сенсацию.

Мне жаль, что я не видел «Мэри Поппинс» в детстве. Представляю, в какой восторг привело бы меня это зрелище, как глубоко запечатлелось бы оно в детском сознании. В 1964 году мне посчастливилось лишь полистать номер журнала «Америка», в котором новому фильму была посвящена большая статья с роскошными иллюстрациями.

Впрочем, диснеевская «Мэри Поппинс» произвела на меня незабываемое впечатление и в зрелом возрасте, в 1990-е годы, когда появился шанс её посмотреть. Авторы экранизации – сам Уолт Дисней в качестве продюсера и режиссёр Роберт Стивенсон – не пошли по пути дошного пересказа книги, обычно превращающего фильм в скучноватую иллюстрацию к литературному первоисточнику. Они дали волю фантазии и перевоссоздали сказочную историю на языке кино, задействовав все его богатейшие возможности и соединив игру блестящего ансамбля актёров с рисованной и кукольной мультипликацией (что было по тем временам выдающимся техническим достижением).

Нельзя не упомянуть новаторские для того времени спецэффекты и монтаж (за то и другое фильм получил по «Оскару»). Эти эффекты в ту доцифровую эпоху казались чем-то невероятным, но и почти полвека спустя смотрятся вполне достойно.

Дело, конечно, не только в новаторских приёмах или технических трюках. Главное то, что создателям фильма удалось сделать увлекательную и лёгкую по форме, но при этом глубокую по смыслу картину для детей и взрослых, в которой соединились развлекательность и поучительность, наивность и мудрость, юмор и ирония, веселье и грусть. Сплав этих качеств оказался столь органичным, что диснеевская «Мэри Поппинс» – несмотря на все её вольности по отношению к литературной основе – приобрела статус канонической экранизации. На Западе никому и в голову не может прийти, что сказочные повести Трэверс могут быть воплощены в кино как-то иначе.

Напомню также, что 60-е – 70-е годы прошлого века были золотым веком киномюзикла, и фильм «Мэри Поппинс» стал одним из высочайших достижений в этом жанре. Музыкальные темы и песни, которые там звучат (композиторы – Ричард и Роберт Шерманы), разнообразны по ритму, темпу и настроению, но все легко запоминаются и подхватываются, их хочется напевать. (Один из «Оскаров» достался фильму за музыку в целом, ещё один – за лучшую песню). Великолепна и хореография: к примеру, от пляски трубочистов на крыше просто захватывает дух.

В 1964 году «Оскара» за лучшую женскую роль получила Джули Эндрюз, исполнительница роли Мэри Поппинс, в которой она показала себя как идеальная синтетическая актриса, обладающая и драматическим, и певческим, и танцевальным талантом, не говоря уже о великолепных внешних данных. Со времени этого своего кинодебюта Эндрюз стала мегазвездой экрана.

Одним словом, авторам удалось сделать талантливую киносказку-мюзикл, о качествах которого во всех отношениях можно говорить лишь в превосходной степени. Это один из шедевров мирового киноискусства для детей.

Тут надо сделать оговорку: сказанное относится к оригинальной, англоязычной версии фильма.

Но в странах, где говорят на других языках, «Уолт Дисней» предпочитает показывать дублированные версии своих произведений, причём дублируются не только диалоги, но и вокальные партии. До недавнего времени я думал, что фильм «Мэри Поппинс» оказался исключением из этого правила и что в России его не стали распространять. Не припомню ни его рекламы, ни широкого проката в нашей стране (в отличие от многих других полнометражных диснеевских картин).

Но недавно выяснилось, что я ошибался: знакомые сообщили мне, что русская дублированная версия «Мэри Поппинс» на самом деле существует! Раздобыв диск, я тут же решил его посмотреть: мне не терпелось узнать, как же зазвучал на русском языке текст фильма, особенно шутки, каламбуры, реалии, придуманные слова, ну и, конечно, песни.

И вот я смотрю фильм. Картинка и музыка, разумеется, точно те же; звучащий русский текст технически «уложен» в губы актёров с приемлемым качеством; диалоги и реплики вроде бы о том же, что и в оригинале, но... смотреть этот фильм через несколько минут стало невыносимо скучно. А чем дальше, тем яснее становилось, что признанный шедевр не только лишился в русском дублированном варианте своего блеска, но и вообще перестал быть сколько-нибудь интересным зрелищем. Даже Джули Эндрюз, казалось, утратила свой актёрский дар и энтузиазм. Так, средняя актриска, «вполноги» отрабатывающая свою роль... За что тут давать «Оскара»?

Что ж, будем разбираться, в чём дело.

Мэри Поппинс «с Харькова»

Начнём с дублирующего коллсктива. Соответствие голосам оригинальных исполнителей весьма приблизительное. Особенно невыразительны голоса Берта и мистера Бэнкса (столь богатые по тембру и интонациям у актёров Дика Ван Дайка и Дейвида Томлинсона). Кроме того, сразу возникает мысль о том, что дубляж, видимо, заказывали на Украине (там дешевле? у компании «Уолт Дисней» не хватило денег на дубляж в Москве или Питере?). Потому что главное действующее лицо – идеальная няня Мэри Поппинс – разговаривает с не сильным, но всё-таки явным харьковским акцентом.

Прошу понять меня правильно: я вовсе не принадлежу к числу тех, кто презрительно относится ко всем другим диалектам и говорам, кроме московского. Дело в другом: ведь по сюжету сказки Мэри Поппинс – человек-совершенство, образец во всех отношениях. Следовательно, её речь тоже должна соответствовать некоему стандарту. И действительно, в оригинале из уст героини Джули Эндрюз мы слышим безупречное Received Pronunciation. Естественно ожидать, чтобы и в русском варианте фильма выговор идеальной няни отвечал образцовой фонетической норме. Любые, даже самые маленькие диалектные особенности будут просто мешать восприятию этого персонажа таким, каким он задуман авторами.

Они и мешают. А теперь поговорим о речи другого героя – Берта. Это немного загадочный персонаж, приятель Мэри Поппинс, который предстаёт в роли то уличного музыканта и куплетиста, то художника, рисующего на асфальте, то трубочиста. Он шутник и весельчак, который говорит и ведёт себя вроде бы как простой парень из городских низов, хотя на самом деле он отнюдь не прост – наоборот, умён и проныцателен. Роль Берта была специально создана Диснеем для Дика Ван Дайка – блестящего американского комика и тоже универсального актёра, составившего достойную пару Джули Эндрюз.

Вот первая реплика Берта в фильме:

All right, ladies and gents... comical poems suitable for the occasion .. extemporized and thought up before your very eyes. All right, here we go!

По-русски:

Здорóво, леди и джентльмены! Щас я вам представлю комические стишата, которые сочиню сей момент прямо тут у вас на глазах. Заводи потихоньку!

При сравнении сразу обнаруживается важная смысловая потеря – никак не передан шутливый плеоназм “poems... extemporized and thought up” (что-то в духе: «экспромт и сочинение»). Стилистически же не удалась попытка передать произносительную манеру кокни лексическими средствами. Обращение «здорóво!» к леди и джентльменам звучит слишком нахально, а «сей момент» и особенно «комические стишата» создают впечатление искусственных, стилистически инородных вставок. И как можно «представить» публике стихи, которые ещё не сочинены? Что касается призыва «Заводи потихоньку!», то непонятно, к кому он обращён, – ведь Берт и поёт, и аккомпанирует себе сам. Так, видимо, было решено передать восклицание “here we go!” (здесь по смыслу – «начнём!», «приступим!»).

Короче говоря, первые же слова Берта в русской версии фильма характеризуют его как человека косноязычного и не особенно дружащего с логикой.

Посмотрим, что происходит дальше.

Леди ни одна не устоит

Одна из самых ярких сцен фильма – прогулка Мэри, Берта и детей в загородной местности, куда они попадают через рисунок на асфальте. Это длинная сцена, полностью состоящая из песен и танцев. С неё мы и начнём разбираться в том, как звучат по-русски песенные фрагменты фильма.

Мэри и Берт позволяют детям самостоятельно отправиться к карусели, а сами решают прогуляться вдвоём (в нарисованной стране можно спокойно оставить детей на некоторое время без присмотра). Берт поёт восторженную песенку о Мэри Поппинс:

Oh, it's a jolly holiday with Mary!
 Mary makes your heart so light.
 When the day is grey and ordinary,
 Mary makes the sun shine bright.

По-русски первые две строчки этой песни таковы:

Жизнь – весёлый праздник рядом с Мэри,
 А без Мэри жизнь темна.

М-да. Слово holiday переведено по первому словарному значению – как *праздник*, хотя здесь оно явно значит другое: ‘выходной день’, ‘день отдыха’. Берт в оригинале говорит не про целую «жизнь рядом с Мэри», а всего лишь про то, как приятно провести с ней выходной день, совершить прогулку (что они, собственно, и делают). «Без Мэри жизнь темна» – явное сгущение красок. Речь просто о том, что в компании Мэри создаётся хорошее настроение. Ну, да ладно, слушаем дальше:

Если беспорядок в атмосфере,
 Тучи разведаёт она.

Тут ничего плохого про перевод сказать не могу: эти две строчки мне даже нравятся. И смысл здесь передан правильно, и даже неординарность рифмы (Mary – ordinary) сохранена (*Мэри – атмосфере*). Однако ясно, что вторая строка искусственно подрифмована к четвёртой, оттого и появилась эта неуместная «жизнь темна». Причём подрифмована небрежно: ну, написали бы «жизнь скучна» – и с этим можно было бы согласиться.

Мэри отвечает Берту комплиментами на комплименты. Она хвалит Берта за галантное отношение к даме: в его компании девушка чувствует себя спокойно, зная, что он никогда не позволит себе с ней ничего лишнего:

Oh, it's a jolly holiday with you, Bert
 Gentlemen like you are few.
 Though you're just a diamond in the rough, Bert,
 Underneath your blood is blue.
 You'd never think of pressing your advantage,
 Forbearance is the hallmark of your creed.
 A lady needn't fear when you are near,
 Your sweet gentility is crystal clear.

На мой взгляд, эта песенка – великолепный образец того, как можно воспитывать, развлекая. В форме весёлого вокального диалога двух взрослых ребёнку преподносится культурный и этический урок. И пусть дети – зрители фильма не до конца поймут и усвоят его смысл сейчас, запомнившаяся песенка вполне способна посеять добрые семена, которые потом дадут всходы, в сознании будущих джентльменов.

Слушаем русский перевод:

А я хочу признаться, что в тебе, Берт,
Джентльмена узнаю.
Если бы ты знал, как я ценю, Берт,
Обходительность твою.

Ой! Размер строки оказался прокрустовым ложем: двухсложное слово *джентльмен* растянулось на три слога, и исполнительница русской партии Мэри поёт что-то вроде «джен-тель-мена узнаю». Далее, смысл того, что поётся в оригинале, сильно обеднён. Исчез ответный комплимент (*it's a jolly holiday with you*), пропала мысль о том, как редко встречаются столь галантные мужчины, а также о том, что в жилах у Берта течёт голубая кровь, хотя его и можно сравнить с неогранённым алмазом.

Конечно, все эти высказывания вряд ли можно без потерь уместить в четыре короткие рифмованные строчки, но фразы «узнаю в тебе джентльмена» (не вполне, кстати, понятно, что это в данном случае значит) и «ценю твою обходительность» даже на троечку не воспроизводят смысл оригинала, а уж о воспитательном подтексте и говорить не приходится.

Далее «русская» Мэри переходит от комплиментов к критике:

Так незачем кокетничать и хвастать,
Ведь в сердце благородство говорит.

Берт «кокетничает» и «хвастает»? Нет, это никуда не годится. В оригинале ничего подобного нет – там Мэри, наоборот, хвалит Берта за выдержку и такт. Косноязычна фраза «в сердце благородство говорит»; но на ней я не буду подробно останавливаться. Ибо дальше – больше:

Леди ни одна не устоит,
Узнав, что этой леди предстоит...

(Здесь в песенке идут несколько музыкальных тактов без слов, во время которых у зрителя есть возможность задуматься: а что же этой леди, действительно, предстоит?)

Ах, с вами, Берт, весёлая прогулка,
Прогулка в этом солнечном краю.

Слово *устоять* можно, конечно, употребить в переносном смысле в выражениях *устоять перед соблазном*, *устоять перед искушением*. Но когда говорят «не устоять» без дополнений, я это слово с отрицанием понимаю в одном значении, а именно, извините, «упасть» (проверил себя по словарю под редакцией С.А. Кузнецова и не нашёл там примеров без дополнений с другими значениями). Короче говоря, если в оригинале Мэри Поппинс продолжает хвалить Берта за то, что в его обществе даме нечего бояться, то перевод утверждает, что перед Бертом ни одна леди не удержится в вертикальном положении. Вряд ли это входило в намерения переводчика, но исходная мысль оказалась извращена.

(И в скобках задам риторический вопрос: с чего это Мэри в последних строках вдруг перешла с Бертом на «вы»?).

Голову не ломали

Больше всего меня интересовало, как русские переводчики справятся со сверхдлинным словом, о котором Мэри и Берт поют целую песню, сопровождаемую энергичным танцем. В этом слове заключена, как сейчас говорят, одна из «фишек» картины. Очень многие дети в англоязычных странах, смотревшие «Мэри Поппинс», хорошо знают это слово и с упоением поют песенку про него. Оно также удостоилось большой статьи в «Википедии».

Вот как это слово возникает в фильме. В той же «деревенской» сцене Мэри приходит первой к финишу в скачках, и её окружают репортёры и фотографы. Они забрасывают её вопросами: «Что вы ощущаете, выиграв скачку?.. Вероятно, у вас нет слов, чтобы выразить свои чувства?».

Но Мэри возражает: «Напротив, для этого есть одно очень подходящее слово. (Обращаясь к Берту). Я права, Берт?»

«Скажи им это слово», – отвечает Берт.

И дальше Мэри Поппинс начинает такую песенку:

It's supercalifragilisticexpialidocious.
Even though the sound of it is something quite atrocious,
If you say it loud enough you'll always sound precocious:
Supercalifragilisticexpialidocious.

Сочинив это слово, авторы фильма проявили хорошее знание детской психологии. Дети ещё не знают значения всех мудрёных слов,

которые им предстоит постичь во взрослой жизни. Но они уже слышали многие такие слова и пытаются их повторить и освоить. В английском языке особняком стоят слова «учёного» лексикона, часто романского и латинского происхождения – они длинные, трудны в написании и малопонятны, но таким словом можно «блеснуть» в разговоре и вызвать уважение окружающих.

Мэри Поппинс как идеальная няня, разумеется, настолько эрудированна, что знает самое длинное, самое книжное и самое непонятное слово, применимое к наиболее замысловатым ситуациям. Вот ему и посвящена песенка.

Какое же соответствие этому слову придумали русские переводчики? Не знаю, долго ли они ломали голову, но впечатление такое, что они либо не ломали её совсем, либо сдались перед непосильной задачей:

Суперкалифраджилистикэксспалидосеш.
 Если я словцом подобным с кем-то переброшусь,
 В ситуации любой не опростоволошусь,
 Суперкалифраджилистикэксспалидосеш.

Слово просто транскрибировано. Но что это за часть речи? Английское слово, судя и по форме суффикса (-cious), и по функции в предложении, – прилагательное. Употребляется оно предикативно как характеризующее слово. Его общий смысл, вытекающий из песенки (особенно из дальнейших куплетов), – характеристика чего-то грандиозного, великолепного, экстраординарного. А получившееся в транскрипции слово по-русски прилагательным быть не может и никаких смысловых ассоциаций не вызывает. (Да ещё и артикуляционно неблагозвучно: «...кали... фраджи...»).

При этом трудности перевода здесь не так уж велики. Не хочу никого поучать или навязывать собственные варианты, но просто попробую показать, что проблема решаема. Для этого сперва сформулируем переводческие задачи. Их три: 1) создать некое слово-характеристику; 2) сделать его длинным и книжным; 3) придать ему значение чего-то удивительного, экстраординарного.

В русском языке в предикативно-характеризующей функции часто употребляются краткие прилагательные (например, «Это грандиозно»). Значит, сделаем наше слово подобным прилагательным. Так мы решим первую задачу.

Вторую задачу можно решить, исходя из подсказки оригинала. Слово искусственное, но в нём использованы некоторые реально

существующие в английском языке аффиксы, а именно *super-*, *-ist*, *-ic*, *ex-*. Почему бы не пойти дальше по этому пути и не составить по-русски длинное слово путём нанизывания морфем, желательно книжного регистра? Одна такая морфема напрашивается сама – это приставка *супер-*.

Чтобы решить и третью задачу, нужно подобрать другие морфемы со значением большой величины или исключительности, такие как *экстра-*, *ультра-*, *мега-* и другие. В общем, здесь надо поиграть словесными элементами. В итоге возможен, к примеру, такой вариант:

Суперархизэкстраультрамегаграндиозно.

Конечно, это только одно из возможных решений проблемы. (Надо ещё, разумеется, посмотреть, как наше слово ляжет на изображение). Но оставлять монстра с окончанием на *-дошес* по-русски нельзя. Несмотря на изобретательные вроде бы рифмы *переброшусь* и *опросто-волошусь*, он превращает всю песню в бессмыслицу. А английское словечко, хоть и непонятно, но не бессмысленно: у него есть грамматическое и обобщённое лексическое значение.

Кстати, в хорошем художественном произведении одни элементы «работают» на другие. Мудрёное слово *supercalif...docious* в общей системе лексических средств киносценария перекликается с немалым количеством книжных слов и терминов, которые авторы не побоялись включить в детский фильм, в том числе и в тексты песен. Почему бы и нет? Детям полезно слышать иногда изысканную литературную речь. Чего стоит, например, уже встретившаяся нам в песне Мэри Поппинс сентенция: “Forbearance is the hallmark of your creed” (буквально: «Воздержанность – пробирное клеймо твоего кредо»)!

В другой песне юные зрители фильма знакомятся с целым словариком банковских терминов: *foreclosure* (*отчуждение залога*), *chattels* (*движимость*), *trust deeds* (*доверенности*) и даже *fiduciary bank* (*фидуциарный банк*). Конечно, эти слова поданы с умом, тактом и юмором. Развитие сюжета от точного знания значений этих слов не зависит, поэтому они не мешают восприятию фильма. Зато дети понимают, что с ними ведут разговор не сюсюкая, а на равных.

С сожалением приходится отметить, что переводчики фильма этого не почувствовали и изъяли из русского перевода все «трудные», как им показалось, слова и термины.

Дочки дочек бойко строятся в рядочек

Ещё одно «недетское» слово и понятие, с которым фильм знакомит зрителя, – это *suffragette* (*суфражистка*). Нечто вроде суфражистского гимна исполняет миссис Бэнкс вместе со своими горничной и кухаркой:

We're clearly soldiers in petticoats
 And dauntless crusaders for women's votes.
 Though we adore men individually,
 We agree that as a group they're rather stupid.
 Cast off the shackles of yesterday,
 Shoulder to shoulder into the fray!
 Our daughter's daughters will adore us
 And they'll sing in grateful chorus:
 "Well done, sister suffragette!"

Вот и русский вариант:

Знают мужчины наш грозный нрав,
 Защитницы мы наших женских прав.
 Как индивид мужчина очень мил,
 Но тупеет быстро средь себе подобных.
 Прочь предрассудки вчерашних дней,
 Наши ряды с каждым днём тесней,
 И скоро дочки наших дочек,
 Бойко выстроаясь в рядочек,
 В честь нас песенку споют.

На первый взгляд, написано бойко, и рифмы неплохи. Но дьявол кроется в деталях. Начнём с того, что исчезло слово *суфражистка* (в оригинале оно в последней строке, которая повторяется в песне рефреном). Суфражистки выступали, как известно, за избирательные права женщин, о чём и напоминает вторая строка оригинала песни. В русском переводе этого тоже нет, и получается, что речь идёт вообще о борьбе за «женские права». В чём эти права заключаются – непонятно, особенно из-за резкого перехода к характеристике мужчин: «Как индивид мужчина очень мил, но тупеет быстро средь себе подобных».

Миссис Бэнкс против нахождения мужчин в обществе себе подобных? В оригинале всё же речь не об этом, там проводится та мысль, что коллективно мужчины довольно глупы – то есть принимают глупые решения. Оттого и нужно предоставить женщинам избирательные права.

К борьбе за это и призывает (по-английски) миссис Бэнкс. Она называет своих единомышленниц «солдатами в юбках», «бесстрашными

борцами за право голоса для женщин». В русском же переводе звучит не столько призыв к борьбе, сколько угроза – «Знают мужчины наш грозный нрав». Весьма сомнительный комплимент женщинам. Впрочем, понятно, откуда взялся этот «грозный нрав»: нужна была рифма к слову *прав*.

А наименее удачной мне кажется концовка. В оригинале поётся (дословно): «дочери наших дочерей будут восхищаться нами и благодарным хором споют: „Браво, сёстры суфражистки!“». В русском же переводе «скоро дочки наших дочек, бойко выстроясь в рядочек, в честь нас песенку споют».

Нет слов, «дочек–рядочек» – заманчивая рифма, но в зарифмованных этими словами строках разрушены логика и стиль оригинала. Сначала о логике: дочки наших дочек – это наши внучки, как же они могут «скоро» спеть про нас песенку, если родятся только через много лет? Ведь собственной дочери миссис Бэнкс ещё лет шесть.

Далее, зачем «дочкам дочек» выстраиваться в рядочек? Речь идёт о концертном исполнении песенки? Тогда почему «бойко»? И потом, неужели вся борьба затеяна ради того, чтобы внучки, выстроившись шеренгой, спели песенку? Не мелковата ли цель?

А теперь о стиле: уменьшительные формы *дочка, рядочек, песенка* стилистически сближают партию миссис Бэнкс с какой-то частушкой. Но миссис Бэнкс поёт не развлекательные куплеты, а, как я уже сказал, гимн движения, торжественную песню-призыв (пусть немного пародийный), и такие словечки в нём неуместны. Кстати, эта песня, хоть и поставленная в ироническом ключе, была созвучна эпохе фильма: на 60-е годы прошлого века пришлось наступление «второй волны» феминизма, представительницы которой считали суфражисток своими предшественницами.

Подлинная идея слов миссис Бэнкс заключается в благодарной памяти потомков. Здесь перевод требовал возвышенного стиля. Да, я понимаю, что перевести *our daughters' daughters* как «дочери наших дочерей» не позволяет размер строки. Пришлось бы искать другие варианты (может быть, «наши дочери и внучки?»), но в любом случае следовало категорически отказаться от «дочек дочек», «бойкого выстраивания в рядочек» и «песенки».

Итак, всё очевиднее принцип перевода, применённый к текстам песен в фильме «Мэри Поппинс»: сочиняется концевочное слово для одной из строк и к нему подбирается рифма из тех, что поближе лежат

(она–темна, прав–прав, дочек–рядочек). При этом не обращается внимание ни на логическую, ни на стилистическую верность оригиналу, да и вообще на логику, смысл и стиль. Таким методом писал стихи Незнайка: «Торопыжка был голодный, проглотил уютю холодный». Всё-таки правильно учил его поэт Цветик: «Сочиняй стихи так, чтобы были рифма и смысл».

Разговор с дымом

Перевод ещё одной песни я должен проанализировать: это песня «Chim-chiminy», получившая отдельного «Оскара». Она звучит в фильме несколько раз (с вариациями), но мы рассмотрим первый куплет, который исполняет хор во время начальных титров фильма:

Chim-chiminy, chim-chiminy, chim-chim-cheree,
When you're with a sweep, you're in glad company.
Nowhere is there a more 'appier crew
Than them what sings "Chim-chim-cheree, chim-cheroo".

Поясню, что первая и последняя строки содержат фонетические вариации на тему слова chimney ('печная труба'). Само по себе это не представляет переводческой проблемы: звуковую игру как таковую передать невозможно, да это и ни к чему. По смыслу же в песне обыгрывается смысл английской приметы: встреча с трубочистом и его рукопожатие – знак удачи и везения.

Слушаем русский перевод:

Дым, полезай, дым, полезай прямо в трубу.
Зола на ладонях и сажа на лбу.
Дым, полезай, дым, полезай вдоль по трубе.
Удачу несут эти руки тебе.

Во-первых, меня в этой строфе смущает отсутствие слова *трубочист*. Мало ли у кого «зола на ладонях и сажа на лбу». Но больше всего мне не нравится приглашение дыму «полезай в трубу» и – что ещё хуже – «полезай вдоль по трубе». Первое – абсурдно, второе – грамматически и лексически некорректно.

Наконец, можно запутаться в том, к кому обращается автор песни: к дыму («полезай в трубу») или к слушателю («удачу несут эти руки тебе»). Синтаксис этих стихов таков, что можно даже подумать, будто «эти руки» несут удачу дыму. Да и смысл размыт: из сообщения о том, что «руки несут удачу», по-моему, трудно заключить, что речь идёт о рукопожатии трубочиста.

Приведу ещё пару показательных строк:

Though I spends me time in the ashes and smoke,
in this 'ole wide world there's no 'appier bloke.

В этих словах заключён оптимистический настрой песни – трубочист не унывает, он считает себя самым счастливым человеком на свете. Но в русском варианте песни выражен прямо противоположный смысл:

Справиться проще с нелёгкой судьбой,
Когда поднимается дым над трубой.

Вместо оптимизма – нытьё по поводу «нелёгкой судьбы». И ясно, откуда эта «нелёгкая судьба» взялась: она просто оказалась под рукой в качестве подрифмовки к «трубе». Опять Незнайкин метод сочинения стихов.

Боюсь, русский перевод песни “Chim-chiminy” никак не тянет на «Оскара». Разве только на какую-нибудь «Золотую малину».

Пух во рту

Однако достаточно про песни. Посмотрим, как переводчики справились с шутками. В этом фильме они основаны на очаровательном, бесхитроном детском юморе, который не так часто встречается в детском кино. Больше всего шуток звучит в сцене визита к дяде Альберту, который очень любит смеяться.

Вот одна из них (в русской версии):

- Я вспомнил сейчас о своём брате. Он устроился работать в часовую мастерскую.
- В часовую мастерскую? А что он делает?
- Целый день подкручивает усики у часов.

Далее следует громкий смех. А вам смешно? Мне тоже нет.

В английском оригинале Берт рассказывает, что его брат работает на часовой фабрике, а его работа заключается в том, что он целый день “makes faces”. Здесь-то понятно, чему смеяться: юмор основан на двойном значении этого выражения – дословном (‘делает циферблаты’) и идиоматическом (‘гримасничает’, ‘корчит рожи’).

Вот как переведена ещё одна шутка.

На днях, когда было довольно холодно, один мой приятель пошёл купить себе тёплое бельё. Продавец спрашивает его: «Из овечьего пуха?». А мой друг отвечает: «Мне всё равно, лишь бы не громко бляял».

Опять взрыв смеха на экране... и, полагаю, полный ступор у зрителя.

Расскажу, как эта шутка звучит по-английски. Покупатель попросил у продавца “some long underwear” (тёплое нижнее бельё, а если быть

точным – кальсоны). Продавец спросил: “How long do you want it?” («Какой длины бельё вам нужно?»), однако этот вопрос можно понять и по-другому: «Как долго оно вам будет нужно?»). Ну, и ответ был таков: «Примерно с сентября по март».

Эта шутка основана на двойном лексическом и грамматическом значении слова long – как прилагательного в значении ‘длинный’ и как наречия в значении ‘долго’. Конечно, такой анекдот необходимо было переделать в переводе, но только при этом постараться, чтобы было смешно.

Вот ещё шуточка (опять так, как она звучит в русской версии фильма):

Это про моего дедушку. Ему как-то приснился страшный сон. Он так испугался, что всю свою подушку покусал. Наутро я говорю: «Как самочувствие, дедуля?». А он: «Вроде бы неплохо, только вот весь рот лухом забит».

Стараюсь, стараюсь найти в этом переводе юмор, но не могу. Обратимся к английскому тексту. Ответ дедушки звучит так:

Oh, not bad. A little down in the mouth!

Вот это действительно смешная игра слов, основанная на двойном прочтении идиомы down in the mouth: она означает ‘в подавленном настроении’, но буквально её можно интерпретировать и как ‘пух во рту’.

Продолжим изучать шутки. Как вам следующий анекдот:

Вчера к одной моей соседке кто-то позвонил. Открыв дверь, она увидела мужчину, а тот ей говорит: «Мне ужасно жаль, но я задавил вашего кота». А потом он говорит: «Я с радостью бы его заменил». А дама сказала: «Я, в общем, не против, но вы не умеете ловить мышей».

Здесь, пожалуй, уловить юмор можно, но с некоторым усилием. По-английски соль шутки заключается в двусмысленной реплике “I’d like to replace the cat”. По-русски же дословный перевод работает плохо. Ведь в таких случаях у нас выражаются по-другому, например: «Я подарю вам другого кота». Да и оборот «с радостью» в устах человека, задавившего животное, звучит нелепо. Так что в итоге и эта шутка получилась в переводе плоской.

А завершим мы анализ перевода анекдотов классической английской шуткой. Приведу её сначала в оригинале:

- I know a man with a wooden leg named Smith.
- What’s the name of his other leg?

Перевод:

- У меня был друг с деревянной ногой по имени Смит.
- А вторую его ногу как звали?

Ну, пожалуй, только этой шутке в русском варианте можно улыбнуться.

Подведём итог: из пяти переводов анекдотов, рассказанных в сцене чаепития с дядей Альбертом, смешным оказался только один. Ещё одна шутка звучит неостроумно, а три остальных вообще лишены какого-то намёка не только на юмор, но, пожалуй, и на смысл. От них, действительно, ощущение пуха во рту.

Не спору: игра слов не так легко поддаётся переводу. Но эти шутки надо было переделать или даже заменить на другие. Ведь наш фольклор тоже не беден юмором!

Нет ничего хуже, когда в фильме смеются, а зрителю не смешно.

Ненастроенное пианино

В заключение своего обзора не могу не упомянуть огорчительную ошибку перевода, которая меня в последнее время, можно сказать, преследует. Я писал про неё в одной из статей¹ в связи с фильмом “The Piano”. В русском прокате этому фильму дали название «Пианино», хотя и в самом фильме, и на рекламных постерах к нему фигурирует вовсе не пианино, а *рояль*.

И вот, пожалуйста: в фильме «Мэри Поппинс» реплика мистера Бэнкса: “I suggest you have this piano repaired” переведена на русский... вероятно, вы уже догадались, как:

– Пора уже пианино настроить.

При этом в кадре отчётливо видно, что мистер Бэнкс сидит за роялем.

Можно было бы и дальше анализировать текст русской версии диснеевского фильма, но отмеченных «достижений» перевода, я думаю, уже достаточно, чтобы понять, почему эта версия никак не отдаёт должное оригиналу. Перевод не то чтобы совсем беспомощен, но он не выдержан стилистически и часто не в ладах с грамматикой, логикой и смыслом. Если рассматривать его как целостное произведение, то в нём утрачены внутритекстовые связи, воспитательный подтекст. Чем дальше слушаешь его, тем сильнее ощущение, что сделан он равнодушно и небрежно, по принципу «что получилось, то получилось», «и так сойдёт».

Конфетка оказалась переработана в... пресную, безвкусную жвачку. Увы.

¹ См. статью «„Ложный друг“ оказался вдруг...», с. 154.

Правда, я не уверен, что в этом надо больше винить переводчиков, чем заказчиков. Пора серьёзно задуматься: а возможен ли вообще качественный дубляж музыкальных фильмов? Да и нужен ли он? Можно ли настроить пианино так, чтобы исполнять на нём партию саксофона?

Как бы ни были переведены песни, оригинальный голос певца с его уникальным тембром, интонациями и манерой исполнения всё-таки важен не меньше артикулируемых слов. Вспомним, как дружно осудила критика русский дубляж киномюзикла «Чикаго». И не за текст либретто, а за саму идею подменить пение одних выдающихся артистов пением других, пусть даже тоже выдающихся.

Если говорить о Джули Эндрюз, то её вокальные данные незаурядны. Наша публика имела возможность оценить их хотя бы во втором её оscarоносном мюзикле – «Звуки музыки», имевшем у нас в стране большой успех. В нём перевод был наложен субтитрами.

Размышляя над удачами и неудачами в иноязычной адаптации мюзиклов, я всё больше склоняюсь к мысли о том, что субтитры – оптимальная возможность не испортить оригинал. Впрочем, в отношении фильмов для детей младшего возраста вопрос остаётся открытым.

А пока мой совет таков: учите детей английскому языку. И когда вы покажете им диснеевскую «Мэри Поппинс», пусть им захочется сказать:

It's supercalifragilisticexpialidocious!

ХОТЬ ДОВИНЧИВАЙ

Русский перевод книги Дэна Брауна «Код да Винчи»¹ я поначалу не думал брать в руки. Просто, читая этот роман по-английски, я по привычке отмечал на полях места, с переводом которых могли бы затрудниться мои студенты (материал для упражнений). Естественным образом возникла мысль: а что можно было бы предложить им как образец перевода? Для этого решил сверить ряд мест оригинального романа с его русской версией. Но очень скоро стало ясно, что анализом нескольких отрывков ограничиться невозможно. Так возникла эта рецензия.

Вдогонку за Умберто

Начну с характеристики оригинала. Напомню, что роман Д. Брауна – это интеллектуальный детектив-головоломка, замешенный на историко-религиозной символике и атрибутике. Нечто среднее между «Пляшущими человечками» Артура Конан Дойла и «Маятником Фуко» Умберто Эко.

Впрочем, это вещь далеко не такого высокого качества, как упомянутые творения классиков. В чисто литературном отношении роман Брауна – слабое произведение. Язык книги бледен, страдает тавтологиями и неуклюжим синтаксисом. Чтобы не быть голословным, приведу фразу с первой же страницы:

The curator froze, turning his head slowly.

Хранитель музея замер, медленно поворачивая голову [дословный перевод мой – Д.Е.].

Нет, всё-таки одно из двух: или замер (то есть стал неподвижен), или поворачивает голову (то есть как-то двигается). Почему было не написать хотя бы, что хранитель сначала замер, а уж потом повернул голову: The curator froze, then turned his head slowly (прошу прощения у носителей языка за дерзость править англоязычного писателя).

Некоторые литературные «приёмы» Брауна способны вызвать улыбку. Если в его романе вам встречается фраза вроде «И тут его осенила мысль» или «То, что она увидела, потрясло её» – не сомневайтесь: автор объяснит вам, какая мысль «его осенила» и что конкретно «она увидела», не раньше чем через десяток-другой страниц, а то и ближе к концу романа. Чтоб вы, читатель, были побольше заинтригованы.

¹ Браун Д. Код да Винчи / Перевод с английского Н. Рейн. – М.: АСТ, 2004.

Сюжетная фабула – кто от кого убежал, как герои перехитрили полицию, кто в итоге оказался плохим дяденькой – скроена по стандартно-безразмерным (one size fits all) выкройкам для массовой голливудской продукции. (Вероятно, на Голливуд и был расчёт, который оправдался: роман экранизирован.)

Повороты сюжета наивны до полного неправдоподобия. К примеру, молодой женщине удаётся подчинить своей воле охранника в Лувре (да ещё обезоружить и связать его) исключительно угрозой испортить картину-экспонат.

Написав это, я всё же не склонен придирается к литературным слабостям романа. Главное достоинство и причина успеха этой книги не во внешней, а во внутренней интриге. Её героями стали редкие в современной литературе, но, как оказалось, весьма привлекательные для читателя персонажи – интеллектуалы-эрудиты, хорошо знакомые с историей, археологией, математикой, литературой, языками, теологией и искусством. Внутренняя интрига сюжета, если очистить его от детективной шелухи, заключена в напряжённом поиске этими энтузиастами подтверждений гипотезе, которая их так увлекает. (При этом в задачи данной статьи никак не входит оценка самой этой гипотезы).

Популярность книги Брауна показала, что ещё многим интересно следить не за движением кулаков и пяток гангстеров и суперагентов, а за ходом мысли образованных людей. Читателю сообщается множество познавательных сведений из гуманитарных и точных наук, исторических фактов и апокрифических легенд. А заодно нас включают в разгадывание длинной цепочки загадок, построенных из символов и образов, цифровых и словесных кодов, подтекстов и ложных подсказок.

Итак, мы установили, что роман Д. Брауна «Код да Винчи» насыщен неординарной познавательной информацией, интерес к усвоению которой поддерживается словесными и образными головоломками. А значит, и перевод книги должен быть на высоте: и информацию не исказить, и ребусы не испортить. Надо разобраться, что из этого получилось.

Налетай, в Ватикане подешевело

Приступая к оценке перевода, посмотрим, как выглядит общая канва повествования, каково качество текста в среднем. И тут я не могу не признать, что при беглом чтении русский перевод романа оставляет

впечатление грамотного, довольно читабельного текста. Фразы строятся правильно, падежи и знаки препинания на местах, лексика далеко не убога, и глаз не «цепляется» за явные кальки, ставшие, увы, скорее правилом, чем исключением в современной переводной беллетристике. Короче говоря, первое впечатление таково: в среднем написано **кругло**.

Поймите правильно: кальки там есть (приведу для примера одну – *офицер таможенного контроля*), хотя их немного. Встречаются и стилистические шероховатости, и здесь я не удержусь от цитаты:

Пиктограммы богини Исиды... стали **образчиком образов** Девы Марии.

Но больше на подобных шероховатостях, не затрагивающих смысл, останавливаться не будем. У Дэна Брауна в английском тексте своих корявостей полным-полно, поэтому смешно было бы углубляться в стилистические недостатки перевода. Не Шекспир. А кроме того, в книге есть более важные пласты, заслуживающие анализа.

Такой анализ начнём с простого: того, как передано значение общелитературных слов и выражений, для понимания которых не нужно обращаться к специальным словарям и энциклопедиям. Первое, что замечаешь невооружённым глазом, – «ложные друзья» переводчика. Вот один пример:

The fundamental **irony** of Christianity!

Вот в чём кроется **ирония!** Вот что уязвляет христиан!

Нужно ли разьяснять, что вместо «иронии» должен быть *парадокс*? И ни о каком «уязвлении» нет и речи? Полагаю, вряд ли.

А вот отрывок, для правильного перевода которого желательно некоторое знакомство с заведениями современного общепита.

The doctrine has become **a buffet line**.

Сама доктрина превратилась в линию раздачи, как **в каком-нибудь дешёвом буфете!**

Даже тот, кто не выезжал никуда дальше Болгарии или Турции, мог заметить, что в ресторанах гостиниц завтраки и обеды для постояльцев обычно организованы по принципу шведского стола. Именно это и означает *buffet line*.

Кстати, откуда взялся эпитет *дешёвый*? Шведский стол бывает дорогим и обильным. Похоже, в переводе этого отрывка перепутано ещё что-то. Рассмотрим более широкий контекст предложения и его перевод:

The doctrine has become a **buffet line**. Abstinence, confession, communion, baptism, mass – take your pick – choose whatever combination pleases you and ignore the rest. [Учение церкви превратилось в **шведский стол**. Воздержание, исповедь, причастие, крещение, посещение службы – выбирайте из этого, что понравится, в любом сочетании, об остальном не беспокойтесь. [Перевод мой – Д.Е.]

Сама доктрина превратилась в линию раздачи, как **в каком-нибудь дешёвом буфете!** Чего желаете? На выбор: крещение, отпущение грехов, причастие, месса. Любая комбинация, **берите и проваливайте, на остальное плевать!**

В оригинале персонаж романа осуждает слишком мягкое, по его мнению, отношение Ватикана к пастве, освобождённой от строгих правил религиозной жизни. Люди соблюдают только те предписания, которые им по вкусу, – так же как, подходя к шведскому столу, каждый накладывает на свою тарелку то, что хочет.

В русском же переводе – видимо, под влиянием неувядающих воспоминаний о буфетах нашего прошлого – Ватикан уподоблён типичной советской буфетчице с её изменчивым настроением: то она вроде бы приветлива («чего желаете?»), то ни с того ни с сего хамит: «Берите и проваливайте!».

Этот «буфетный» метафорический ряд сопровождается в переводе не только добавлением отсебятины, но и выбрасыванием из текста существенных понятий ‘воздержание’ (abstinence) и ‘крещение’ (baptism). Без видимых причин.

Возьмём ещё пример:

Robert, perhaps this is the moment for the **symbolologist** to clarify?

Возможно, пришёл черёд **символиста** объяснить нам кое-что?

Слово *symbolologist* означает ‘специалист по символике (в мифологии, религии, искусстве)’. А у слова *символист* подобного значения нет: по-русски так называют представителей символизма, течения в литературе и искусстве конца XIX – начала XX вв. Может, такая ошибка в переводе и заслуживала бы снисхождения, если бы она встретилась однократно, но беда в том, что в книге Брауна это слово используется много раз – такова специализация главного героя, Лэнгдона.

Если бы в переводе было написано *эксперт по символам*, это и то было бы лучше, чем *символист*. Но есть и другие варианты. В эзотерических науках широко применяется термин *симвология*, поэтому можно было бы назвать Лэнгдона *специалистом по символогии*. А если ограничиться лексиконом официальной науки, то в ней изучением символов и знаковых систем занимается *семиотика*, она же

семиология. Корректнее всего было бы назвать главного героя семиологом.

Из других неверных соответствий по созвучию назову наиболее частотные: Grand Master (*Великий магистр* религиозного ордена) передано как «великий мастер», а curator (*хранитель фондов музея*) – само собой, как «куратор». Впрочем, это уже специальная лексика, а о ней будет дальше особый разговор.

На распродаже бесплатного

Ошибки, связанные с «ложными друзьями», можно считать ожидаемыми. Примерно в той же степени оправдалось и моё ожидание ошибок, связанных с непониманием значения слов.

"What happens to those people, Robert, if persuasive evidence comes out that the Church's version of the Chnst story is innacurate, and that the greatest story ever told is, in fact, the greatest story ever **sold**."

– Что происходит со всеми этими людьми, Роберт, если есть убедительные научные доказательства, по которым церковная версия истории Христа далека от истинной? И если величайшая из всех в мире историй превратилась просто в самую **распродаваемую**?

Не будем придираться к тому, что в переводе не сохранилась игра слов, основанная на рифме: the greatest story ever told – the greatest story ever sold. Как гласит пословица, тут не до жиру, а быть бы живу. Главная неприятность в другом: слово sell переведено как *распродавать*, то есть по первому значению, и остроумная реплика превратилась в бессмыслицу. (Создаётся впечатление, будто речь идёт о «распродажах» Нового Завета, что несуразно, поскольку эту книгу обычно распропаганяют бесплатно.)

На самом деле sell имеет здесь другое значение: 'заставить во что-то поверить'. И это не какой-то окказиональный смысл, а значение, чётко зафиксированное в англо-английских словарях с контекстуальными примерами: to sell an idea to the public (Random House), Will they be able to sell their ideas to the voters? (Longman). Да и слово story в сочетании с sold выступает здесь в одном из вторичных значений – 'ложь', 'выдумка'. Другими словами, смысл реплики таков:

Величайшая в мире история, которую людям поведали, – это на самом деле величайшая в мире **байка, в которую люди поверили**. [Перевод мой – Д.Е.]

Что ж, в данном примере по крайней мере понятны причины ошибки – трактовка смысла слова по первому значению. Но в тексте перевода обнаружились и десятки лексических искажений, объяснить которые трудно. Вчитайтесь:

Everyone loves a **conspiracy**. [Все обожают **заговоры**. – Перевод мой – Д.Е.]

Люди обожают **всё таинственное**.

Sophie **weighed** the information. [Софи **взвесила** информацию. – Перевод мой – Д.Е.]

У Софи **просто голова пошла кругом от обилия** информации.

Executive airfields make certain allowances. [На аэродромах для частных самолётов разрешаются некоторые отступления от правил. – Перевод мой – Д.Е.]

Маленькая хитрость. Здесь, в провинции, всё проще.

"The Temple Church is on Fleet Street?"

"Actually it's **just off** Fleet Street on Inner Temple Lane."

[«Церковь тамплиеров находится на Флит-стрит?» – «На самом деле она **совсем рядом** с Флит-стрит, в переулке Иннер-Темпл-лейн». – Перевод мой – Д.Е.]

– Так церковь Темпла находится на Флит стрит?

– Да нет, **довольно далеко** от Флит стрит.

Даже не сравнивая переводы с оригиналом, редакторы русского издания – если таковые были – должны были заметить их несвязность с контекстом. Хромает логика и в следующем отрывке:

When it came to **containing** gossip, no walls in the world were as porous as those surrounding Vatican City. [Когда следовало **пресечь** слухи, стены Ватикана оказывались самыми дырявыми в мире. – Перевод мой – Д.Е.]

А когда речь заходила о **распространении** слухов, не было в мире более тонких стен, нежели те, что окружали Ватикан.

Смысл слова contain ('сдерживать, пресекать') изменён в переводе на прямо противоположный (*распространять*). Получается, что для распространения слухов якобы необходимы тонкие стены. По здравом размышлении для такой цели они вообще не нужны.

В следующем высказывании излагаются мысли полицейского начальника.

He was about to make the most **high-profile** arrest of his career. [Сейчас он произведёт самый **громкий** арест за все годы своей службы. – Перевод мой – Д.Е.]

Он собирался произвести самый **профессиональный** арест за всё время карьеры.

Интересно, чем отличается более профессиональный арест от менее профессионального и почему это так важно для начальника полиции. Вероятно, во время предыдущих арестов задержанному случайно пробивали голову.

За что его в грязь-то?

В переводе романа подчас меняется не только логика, но и описываемая «картинка». Вот драматический момент сюжета: монах-альбинос Сайлас, обладающий недюжинной силой, пытается как-то помочь раненому епископу Арингаросе.

He [the bishop] could feel powerful arms holding him, **carrying** his limp body like a rag doll, his black cassock flapping. Lifting a weary arm, he mopped his eyes and saw the man holding him was Silas. The great albino was **struggling down a misty sidewalk**...

Изложу этот фрагмент кратко: монах поднимает епископа на руки и несёт его в больницу, тяжело ступая по тротуару. А вот какую картину рисует нам русский перевод:

Он чувствовал, как чьи-то сильные руки обхватили его за плечи, **тащат** куда-то его безвольное тело, точно тряпичную куклу, чёрные полы сутаны развеваются на ветру. С трудом подняв руку, он протёр глаза и увидел, что это Сайлас. Огромный альбинос **тянул его по грязному тротуару**...

Вместо того чтобы нести епископа на руках, Сайлас в русском переводе просто тащит несчастного по земле. Эх, Сайлас, уж лучше бы ты оставил раненого лежать, а то потянул волоком, да ещё по грязи! Между прочим, в «грязь» превратился лондонский туман, сгустившийся над тротуаром (misty sidewalk). Уж не выплеснулись ли в этот перевод наши тягостные впечатления от московских зимних тротуаров, усердно поливаемых реагентами?

Хорошо, что экранизация романа Брауна снималась не по его русской версии. А то, боюсь, киношникам сложно было бы изобразить, как у епископа, волочащегося по грязи, «развеваются на ветру» полы сутаны.

Случай с дилетантом

Мне всегда хочется разобраться, каким образом в переводе возникло неординарное соответствие. Возьмём следующий отрезок текста, в котором нас интересует последнее слово.

"Did you send one to the curator of the Paris Louvre?" – "...Your manuscript referenced his Louvre collection several times, his books are in your bibliography... Saunière was a **no-brainer**."

Лэнгдон спрашивает, почему издатель послал его книгу на рецензию Соньеру, хранителю фондов Лувра. Вот как переведён этот диалог:

– И одну копию ты послал в Париж, куратору Лувра?

– ...Ведь в твоей рукописи неоднократно упоминаются экспонаты его коллекции, его книги входят в библиографический список... Соньер **не какой-нибудь там дилетант**.

Слово *no-brainer* превратилось в выражение *не какой-нибудь там дилетант*, похожее на результат сложной переводческой трансформации. Могу предположить только следующий ход рассуждений, приводящий к такому результату: *no* – *нет*, *brain* – *мозг*, *er* – суффикс деятеля; значит, *no-brainer* – *безмозглый человек*. Назовём его из вежливости *дилетантом*. Правда, уважаемый искусствовед дилетантом всё-таки не был – ну, так и напишем. А что для подобной трактовки

не хватает ещё одного отрицания в оригинале – кто ж обращает внимание на такие мелочи!

В последнее время в книгах, которые я читаю, мне, как нарочно, всё время попадается это слово – *no-brainer*. Приведу его толкование из словаря Random House: *anything requiring little thought or effort; something easy or simple to understand or do* ('то, что не требует больших размышлений или усилий; нечто лёгкое или простое для понимания или выполнения').

Всё встанет на свои места, если понять, что *no-brainer* – это не человек, а идея или задача. Последняя фраза отрывка, о котором мы говорим, означает на самом деле следующее:

Чтобы обратиться к Соньеру, **не надо было долго думать**. (Или: Обращение к Соньеру **напрашивалось само собой**; Соньер был **естественным выбором**) [Перевод мой – Д.Е.]

Надо мне взять на заметку этот случай, чтобы почаще напоминать студентам-переводчикам: прежде чем применять лексические трансформации, загляните лишний раз в словарь.

Сумеречная зона перевода

Перехожу к фразеологии. Многие идиомы оригинала в переводе не распознаны и, как следствие, искажены. В следующем отрывке рядом оказались два идиоматических выражения.

"Quite to the point," Sophie said.

"As it were," Teabing added.

[– Это весьма **относится к делу**, – сказала Софи.

– **Некоторым образом**, – добавил Тибинг. – Перевод мой – Д.Е.]

Фраза *quite to the point* произнесена с иронией: Софи не понимает, относится ли сказанное к делу. Тибинг отвечает ей выражением *as it were*, которое, хоть и состоит из служебных слов и семантически непрозрачно, имеет чёткое, зафиксированное в словарях значение – 'некоторым образом, так сказать'. В переводе же не передана ни одна из двух идиом. Вместо них – приблизительная отсебятина:

– **Вот именно**, – согласилась с ним Софи.

– **Так оно и было**, – подтвердил Тибинг.

Вообще приблизительные, сделанные «на глазок» переводы идиом встречаются в русском тексте романа сплошь и рядом:

Just let it be over! [Скорей бы это кончилось! – Перевод мой – Д.Е.]

Пусть будет что будет!

Whatever the case, we plan **to act in good faith**. [Как бы то ни было, мы намерены вести себя **добросовестно**. – Перевод мой – Д.Е.]

Как бы там ни было, **расстаться мы хотим по-хорошему**.

Sophie felt as if the entire night had become some kind of **twilight zone** where nothing was as she expected. [У Софи было ощущение, будто всю прошедшую ночь она провела в какой-то **сумеречной зоне**, где всё было не так, как она ожидала. – Перевод мой – Д.Е.]

Весь этот вечер и ночь Софи **сталкивалась с неожиданностями и сюрпризами**, но ничего подобного увидеть здесь никак не думала.

Выражение **twilight zone**, по данным словарей, возникло ещё в начале XX века, но с конца 1950-х годов американцы ассоциируют его с популярным телесериалом “The Twilight Zone” об оккультных и мистических явлениях. Стивен Спилберг поставил в 1983 году и художественный фильм под таким названием, переведённым у нас как «Сумеречная зона». Нехитрый, но удачный и вполне прижившийся в русском языке вариант, который пригодился бы и в данном контексте.

Голоса из преисподней

Кстати, о мистике. Героине романа Софи в какой-то момент кажется, что с ней общается погибший дедушка.

Her grandfather's voice had called out **from beyond** with chilling precision. [Она так и похолодела от того, как ясно ей послышался голос **покойного** деда. – Перевод мой – Д.Е.]

Она вздрогнула: казалось, голос деда доносится до неё **из преисподней**.

Выражение **from beyond** значит ‘из загробного, потустороннего мира’. А **преисподняя** по-русски – это то же самое, что ад, обиталище грешников. Итак, в русском переводе любящая внучка, видимо, настолько не сомневается в грешности своего умершего накануне деда, что поселила его сразу к чертям в кипяток.

В русском переводе романа активизировался ещё один покойник – Уолт Дисней.

...he had learned not to underestimate **Disney's** grasp of symbolism. *The Little Mermaid* was a spellbinding tapestry...

...он с тех пор перестал недооценивать значение символов **в творчестве Диснея**. Его «Русалочка» являла собой совершенно завораживающий гобелен. .

Сопоставим факты: мультфильм «Русалочка» вышел в свет в 1995 году. Уолт Дисней умер почти за тридцать лет до этого, в 1966 году. Что значит «его „Русалочка“»? Дисней вышел «из преисподней», чтобы сотворить очередной шедевр?

Но не будем тревожить прах великого мультипликатора. Фильм «Русалочка» создал не он, а основанная им компания. В русский перевод следует внести незначительную внешне, но существенную по смыслу правку, и всё встанет на свои места:

...он с тех пор перестал недооценивать значение символов **в фильмах компании «Уолт Дисней»**. «Русалочка» являла собой завораживающий гобелен. . [Перевод мой – Д.Е.]

Мы ещё раз убедились в важности знакомства переводчика с историей кино. Однако для такой книги история кино – это цветочки. Чтобы перевести роман Дэна Брауна как следует, необходимо ориентироваться в истории вообще и в истории религии в частности. Как уже говорилось, книга насыщена научными экскурсами, из которых и складывается её содержательная ткань и внутренняя интрига. Поэтому научная информация, сообщаемая в тексте, не терпит искажений ни в том, как её понимать, ни в том, какие термины к ней применять.

Увы, читая русский перевод «Кода да Винчи», постоянно натываешься на смысловые и терминологические искажения, особенно в области религиоведения, математики и информатики.

Христиане всех стран, объединяйтесь!

Начнём с религиозной тематики. Вот показательный отрывок из романа и перевода:

As the prophesied Messiah, Jesus toppled kings, inspired millions, and founded new philosophies. As a descendant of the lines of King Solomon and King David, Jesus possessed a rightful claim to the throne of the **King of the Jews**. Understandably, His life was recorded by thousands of followers **across the land**.

Как и было предсказано Мессией, Иисус свергал царей, вдохновлял миллионы людей, явился родоначальником новых философий. Потомок царя Соломона и царя Давида, Иисус имел полное право претендовать на трон **властителя евреев**. Его жизнь была описана тысячами последователей **по всему миру**, что и понятно.

Здесь выделены те отрезки текста, которые оказались или неверно истолкованы, или неверно названы в переводе. Так, эпитет Иисуса Христа – the prophesied Messiah (‘Мессия, чей приход был предсказан пророками’) трансформировался в упоминание о некоем ином мессии-предсказателе. Кто бы это мог быть? И нужно ли объяснять, что никакого другого мессии, кроме Иисуса, в христианстве нет и быть не может?

Ещё один устойчивый эпитет Христа – King of the Jews – превращён в оборот «властитель евреев», что мало похоже на необходимую здесь библейскую формулу *Царь Иудейский*. Будь эта формула известна переводчику, она помогла бы ему избежать ещё одной ошибки: Иудея расширилась в переводе до масштабов «всего мира» – видимо, так было истолковано её контекстуальное обозначение the land (здесь – ‘страна’).

Если говорить об отходе от устоявшихся формул, не могу не отметить и следующую фразу:

... the hidden letter M... is emblazoned on the altar of **Our Lady of Paris** in London...

Замаскированная буква «М»... украшает алтарь **Матери нашей Богородицы** в Лондоне.

Английскому обороту «Our Lady of + название города» соответствует в русской традиции сочетание «*Богоматерь* (*Божья мать*) + прилагательное от названия города» (например, *Казанская Божья мать*, *Богоматерь Владимирская*). Это выражение обозначает образ Богоматери (икону или фреску). В честь такого образа и названа церковь, о которой говорится в романе; её более точное название – Notre Dame de France Church.

В переводе не только употреблена нестандартная формулировка, но и исчезло прилагательное *Парижская*. Неужели забылся «Собор Парижской Богоматери», великий роман Гюго, воплощённый в балетах, фильмах и мюзиклах? А может быть, у переводчика возникли сомнения в том, каким образом церковь Богоматери Парижской могла оказаться в Лондоне?

Читаем дальше. Как вам следующее заявление:

Церковь в стремлении защититься от власти Марии Магдалины объявила её **шлюхой**.

О нет, церковь никогда не пользовалась этим словом; whore в религиозном контексте – это, конечно, *блудница* (вспомним хотя бы the Whore of Babylon – *вавилонская блудница*).

Не было найдено в переводе «Кода да Винчи» и соответствие слову revelation: то оно передано как *открытие*, то как *разоблачение*... Вместо правильного *откровение*.

Впрочем, я не могу утверждать, что все историко-религиоведческие накладки русского перевода связаны с незнанием терминов. Выше, в подразделе «Налегай, в Ватиканс подешевело», приводился страдающий искажениями и отсебятиной перевод суждения о церковных таинствах и обрядах. Несмотря на неточности, название одного из таинств – communion – было передано верно: *причастие*. И тем не менее в другом месте перевода тому же обряду крупно не повезло – он превратился в призыв к объединению всех христиан:

Jesus passed a single chalice of wine, just as modern Christians do at **communion**. [Иисус дал всем отпить вина из одной чаши, и именно так поступают современные христиане во время **причастия**. – *Перевод мой – Д.Е.*]

Христос передавал из рук в руки один-единственный сосуд с вином, как бы подчёркивая тем самым, что все христиане **должны объединиться**.

Небрежность? Невнимательность? Трудно сказать.

Кое-где термины, относящиеся к истории религии, просто выброшены из перевода:

Constantine needed to strengthen the new Christian tradition, and held a famous ecumenical gathering known as the **Council of Nicaea**. Sophie had heard of it only insofar as its being the birthplace of the **Nicene Creed**.

"At this gathering," Teabing said, "many aspects of Christianity were debated and voted upon..."

Константину нужно было укрепить новую христианскую традицию, и он созвал знаменитый Вселенский собор. На этом собрании обсуждались, принимались и отвергались многие аспекты христианства...

Выделенное полужирным шрифтом просто не переведено – вероятно, из-за заковыристых терминов the Council of Nicaea (*Никейский собор*) и the Nicene Creed (*Никейский*, или, точнее, *Никео-Константинопольский*, *символ веры*). Не хочется верить, что переводчику негде было справиться об их передаче. Но пусть уж с вероятной причине такой небрежности читатель судит сам.

В картишки дуемся

Я вполне могу понять тех людей, кто не любит играть в карты и плохо в них разбирается. Однако, если уж приходится делать перевод на эту тему, особенно об экзотических для нас картах таро, имеет смысл сначала что-то о них разузнать. Это не так сложно в наши дни, когда существует обильная литература на сей счёт, а из Интернета можно скачать не только изображения карт, но даже методику гадания по ним.

В русском «Коде да Винчи» почти всё, что касается карт таро, перепутано и превратилось в бессмыслицу. Не утомляя читателя длинными цитатами, приведу лишь несколько предложений.

We used to play Tarot cards for fun, and my **indicator card** always turned out to be from the **suit of pentacles**. I'm sure he **stacked the deck**, but **pentacles** got to be our little joke. ... The **game's twenty-two cards** bore names like *The Female Pope*, *The Empress*, and *The Star*.

Мы играли в карты таро, и моя **указующая карта** всегда оказывалась из **набора пентаклов**. Уверена, дед мне **подыгрывал**, но с тех пор **пентакл** имел для нас особый смысл. ... **Игры в двадцать две карты** назывались «Женщина-папа», «Императрица» и «Звезда».

Не рассчитывая, что все читатели данной статьи – эксперты по таро, поясню, что именно здесь не так. Suit – не «набор», а *масть*. Indicator card – не «указующая», а *базовая карта* (на которую в стопку выкладываются другие карты при гадании или пасьянсе). Pentacles – не «пентаклы», а *денарии* – одна из мастей таро, наряду с жезлами, мечами и кубками. (Любопытно, что далее в тексте перевода «пентаклы» заменены на «пятиконечные звёзды»).

Stack the deck – не «подыгрывать», а *подтасовывать колоду*. The game's twenty-two cards – это не «игры в 22 карты», а те двадцать две карты колоды таро, которые пронумерованы римскими цифрами от I до XXII (так называемые *Старшие арканы*). У этих карт нет мастей, на них нанесены аллегорические образы, которыми карты и называются. The Female Pope (синоним: The High Priestess), The Empress, The Star и прочие – это названия не карточных игр, как получилось в русском переводе, а самих карт. Ну и, конечно, The Female Pope – это не «женщина-папа», а *папесса* (карта связана с легендой о папессе Иоанне – женщине, выдававшей себя за мужчину и якобы занявшей папский престол). Впрочем, это не столько карточный, сколько религиозный термин, а мы уже убедились, что религиозная лексика не относится к сильным сторонам перевода.

Новый терминатор

Не блещет русский перевод и познаниями в области точных наук, особенно математики и информационных технологий. А математических экскурсов в романе предостаточно. Ведь одним из ключей к разгадке кода является важная для математики величина, которая в оригинале романа обозначается как РНІ.

Как ни странно, таким же образом – прописными латинскими буквами – это число обозначено и в русском переводе. А ведь это не что иное, как греческая буква ϕ , и если уж использование греческого символа вызвало какие-то затруднения, то почему было не назвать её в переводе по-русски – *фи*?

Беда с этими греческими буквами в англо-русском переводе: их почти никто не узнаёт! Вспоминаю начало 80-х годов прошлого века, когда была популярна американская компьютерная программа CHI-WRITER. Как вы, должно быть, догадались, программа была так названа «в честь» греческой буквы χ («хи»), которую американцы на латинице обозначают CHI, а произносят, в соответствии с правилами чтения английского языка, как [kaɪ].

Общаясь с отечественными компьютерщиками, я как-то назвал эту программу по-американски – «*Кай*-райтер». Никто не понял, о чём речь. Я поправил себя, прибегнув к этимологическому принципу, – «*Хи*-райтер». Мои собеседники пожалы плечами. И лишь после дополнительных пояснений спецы догадались, посмеялись, снисходительно похлопали меня по плечу и назидательно сообщили мне, что надо

говорить «Чи-райтер» (как, по их мнению, должно было читаться название программы).

Вот и букву ϕ в оригинале романа произносят по-разному. В переводе же случились, как сейчас говорят, «непонятки»:

"That's the number PHI." He pronounced it *fee*.

– Это число PHI. – Произносит он его как «фи-и».

Поясню смысл авторской ремарки "He pronounced it *fee*". Дело в том, что греческую букву ϕ американцы обычно называют [faɪ]. Однако студент, о котором идёт речь, придерживается иного варианта, более близкого греческому произношению – [fi:].

А в русском переводе получается, что, говоря о букве *фи* (а по-русски её название не может звучать иначе), студент просто тянет последний звук: «фи-и». К чему бы это? Одно из двух: или он как-то связывает это с пренебрежительным междометием «фи!»), или он просто кривляка.

Конечно, в переводе следовало эту ремарку опустить. Во-первых, она построена вокруг чисто языкового явления, которое непереводимо и требует пространных комментариев. Во-вторых, она не играет роли в структуре повествования, и опустить её – меньшее зло, чем нагружать читателя примечаниями об экзотических речевых феноменах. Невнятица, которую мы обнаруживаем в русском тексте, – худшее, что можно здесь придумать.

Ещё фрагмент на математическую тему:

"But it appears their reality is false."

"No more false than that of a **mathematical cryptographer** who believes in the imaginary number 'i' because it helps her break codes."

– А тут вдруг выяснится, что эта их реальность – фальшь. Что они заблуждались...

– Ну, заблуждались они не больше, чем какая-нибудь **помешанная на математике шифровальщица, свято верящая в воображаемое число "i"** лишь на том основании, что оно помогает разгадывать коды.

По-моему, даже в программу средней школы входят сведения о мнимом числе i , представляющем собой квадратный корень из минус единицы. *Мнимое число, мнимая единица* – это термины, которые ничем нельзя заменить. В рецензируемом же переводе число i названо не мнимым, а «воображаемым» и, видимо, сочтено настолько большой глупостью, что математик-криптограф превращён в «**помешанную на математике шифровальщицу, свято верящую**» в это число. (Замечу в скобках, что в оригинале вовсе не идёт речь именно о женщине,

а местоимение her употреблено здесь в политкорректном обобщённом смысле.)

Когда доходит до компьютерных терминов, то тут в русском переводе полная катастрофа. Чего стоит следующий пассаж:

For your own security, if the computer does not recognize your account number, this system will automatically shut down.

"Fonction terminée," Sophie said, frowning.

В случае отказа компьютера принять номер вашего счёта в целях вашей же безопасности система автоматически блокируется.

– Да тут у них **функциональный терминатор**, – хмурясь, заметила Софи.

Так и представляю себе Арнольда Шварценеггера в знаменитой роли робота-терминатора. Камнем преткновения стало, вероятно, и то, что Софи повторила сообщение на французском языке, появившееся на экране монитора. Сообщение это означает: «Операция завершена».

Чем дальше, тем больше усиливается впечатление о компьютерной безграмотности русского перевода. Не буду утомлять читателя полными контекстами, а приведу лишь некоторые термины с правильным переводом и теми, так сказать, «эквивалентами», которые мы находим в русской версии «Кода да Винчи».

<i>Английский термин</i>	<i>Правильный перевод</i>	<i>Как это переведено в «Кода да Винчи»</i>
to digitize and catalog texts	оцифровка и каталогизация текстов	обработка и систематизация текстов
keyword hits along with mono prelogs and triple postlog for context	найденные ключевые слова в контексте из одного предшествующего и трёх последующих слов	отдельные строки из общего контекста, где встречаются выделенные ключевые слова
hypertext title	название с гипертекстовой ссылкой	название
flatbed scanner	планшетный сканер	сканер
optical character recognition software	программа оптического распознавания символов	компьютерная методика поиска
a straight Boolean	простое булево (или логическое) выражение	поисковая система

Как и в рассуждениях на религиозную тему, многие «трудности перевода» здесь просто оставлены без перевода. Примеры такого переводческого «метода» будут приведены и дальше.

Как они ёрзали на могилах

Никак не могу пройти мимо многочисленных искажений имён и названий в русском переводе романа Брауна. Так, Seracini (*Серачини*) превратился в «Серазини», Legaludec (*Легалюдек*) – в «Легалудек», St. Thurial (*Сен-Тюрьяль*) – в «Сен-Туриал». Знаменитый французский художник XVII века *Жорж де ла Тур* (Georges de la Tour), картины которого висят и в российских музеях, обангличился и стал «Джорджем».

Хотя ошибки допущены в основном в именах из третьих языков – французского, итальянского, немецкого, не избежали ущерба и английские имена. Один из главных персонажей – Leigh Teabing (*Ли Тибинг*) – перекрещён в переводе в «Лью Тибинга».

Перечисленным персонажам и объектам ещё повезло: они пусть и на глазок, но хоть как-то названы в русском переводе. А многие просто-напросто выброшены. Например, в романе упоминается баварский город Bayreuth, где находится могила Рихарда Вагнера. Город известен также театром и ежегодным музыкальным фестивалем, основанными по инициативе композитора. Название звучит по-немецки как «Байройт», но в русской музыковедческой традиции закрепилось в форме *Байрейт*. В переводе же в этом месте читаем: «могила Вагнера находится в Германии». Очень точное указание, ничего не скажешь.

Та же участь постигла и другие известные города – французские Амьен и Шартр, а заодно с ними и английский Кентербери:

Designed in the style of the great cathedrals of **Amiens, Chartres and Canterbury**, Westminster Abbey is considered neither cathedral nor parish church.

Построенное в стиле **других** величественных соборов Европы, Вестминстерское аббатство не считается ни кафедральным собором, ни просто церковью для прихожан.

Благодаря «методу» выбрасывания из перевода трудных для передачи имён получилось, будто и другие величественные соборы Европы построены в одном стиле с Вестминстерским аббатством. Это очевидная бессмыслица.

Раз уж мы упомянули Вестминстерское аббатство, процитирую фрагмент перевода, из которого можно заключить, что там происходят странные радения каких-то фанатиков:

Лэнгдон увидел нескольких человек, стоявших на четвереньках. Он знал, что подобные сцены в Уголке поэтов не редкость, и всё равно **позы этих людей неприятно поразили его. Ёрзают, как полотёры, только вместо обычного пола под плитами тела усопших.**

Думаю, что данный фрагмент задаёт русскому читателю загадку, не предусмотренную Дэном Брауном, – несмотря на то, что в примечании к русскому переводу поясняется: Уголок поэтов – это «часть Вестминстерского аббатства, где похоронены... известные поэты и писатели». Так, хорошо. Но что же это за маньяки, которые «ёрзают, как поло-тёры» над телами усопших писателей, принимая неприятные взору позы? Эту загадку невозможно отгадать, не заглянув в оригинальный текст. А там сказано:

Langdon saw several people crawling on their hands and knees. This prostrate pilgrimage was a common occurrence in Poet's Corner, although it was far less holy than it appeared. **Tourists doing grave rubbings.**

Последняя – ключевая – фраза этого отрывка оказалась выброшенной из перевода. *Tourists doing grave rubbings* – это туристы, снимающие копии с каменной резьбы (или барельефов) надгробных плит методом *притирания*. Вспомните, вы наверняка в школьные годы пользовались этим методом: когда на монетку накладывается листок бумаги и заштриховывается мягким карандашом, на листке проступает точная копия рисунка монеты.

* * *

Можно привести ещё много ошибок и несуразиц, которые подстерегают читателя русского перевода «Кода да Винчи». Однако рецензия и без того получилась длинновата, так что на этом остановлюсь и попробую резюмировать своё общее впечатление от этой переводческой работы. Нет, несмотря на все огрехи, я не стану однозначно ставить ей «двойку»: встречаются переводы намного хуже, а здесь, как я уже говорил, текст читабелен, с грамматикой всё в порядке, лексическая палитра отнюдь не бедна.

Однако из-за многочисленных смысловых и терминологических искажений рецензируемый перевод ассоциируется у меня с автомобилем «Жигули», только что сошедшим с конвейера: ездить-то он кое-как ездит, но болты и гайки в нём не довинчены, и разумный автовладелец обязательно отправит его на «инструментальную доводку».

Вот и этот перевод явно не довинчен – он требует огромного объёма доводки в виде тщательного редактирования.

Кстати, о конвейере. Может быть, это слово кое-что объясняет?

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД

ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «РАЗМАЗНИ» В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Важнейшее качество профессионального устного перевода (как и перевода вообще) – это, конечно, верная передача смысла сказанного. Вторым по важности качеством является, пожалуй, грамотность и культура речи переводчика. Но даже грамотная речь может страдать многословием и усложнённостью. Поэтому третьим отличительным признаком хорошего последовательного перевода я считаю лаконизм – умение выразить мысль чётко, без лишних слов и по крайней мере не более сложно, чем это сделал оратор.

Пожиратель времени

До чего же трудно последовательному переводчику быть лаконичным! Сколько раз приходилось наблюдать, как переводчик будто упражняется в многословии, неоправданно затягивая общее время доклада (диалога) и испытывая на прочность внимание и терпение слушателей.

В принципе переводчик должен, как мне кажется, стремиться к такому переводу, который в целом не превышал бы оригинал по длительности звучания, исходя из нормального темпа речи. Это обычно достигается компрессией и использованием идиоматических средств.

Но даже если перевод, скажем, с английского на русский язык длиннее оригинала на 10–30 процентов, это можно считать допустимым. Известно, что в русском языке слова в среднем длиннее, а многие короткис английские термины и сокращения передаются по-русски двух-трёхсловными соответствиями. Кроме того, перевод подчас получается длинным потому, что требует развёрнутой передачи тех смысловых компонентов оригинала, которые или вообще не выражены в нём явно, или выражены более экономными языковыми средствами.

Однако сейчас я веду речь о тех случаях, когда последовательный перевод резко превышает оригинал по длительности звучания без объективных причин. Причём раздувается не на какие-то пару десятков процентов, а бывает, даже в разы. Вот пример болсе чем трёхкратного, согласно хронометражу, превышения:

Оратор. It has a lot to do with depleted reservoirs. The well stability is an issue but also, where you want to have the properties of the formation, you need to drill deeply into the formation with your logging instruments. (*Длительность звучания – 14 сек*)

Переводчик. И, очевидно, вот следующие два вопроса, они являются как бы даже взаимозависанными. Здесь в том и в другом случае мы говорим с вами о месторождениях, которые вышли уже на последний, заключительный этап разработки, о старых месторождениях. Здесь очень важно подчеркнуть, это очевидно всем, что исследование пласта в этом случае просто приобретает категорически важное значение. Нужно найти такие способы, такие инструменты геофизические, которые позволили бы, так сказать, глубже изучать пласт и составлять более чёткое представление о том, где он выработан, где ещё что-то можно, так сказать, добыть. (*Длительность звучания – 45 сек*) (1)

Когда я слышу подобную манеру последовательного перевода речи, я не нахожу для неё другого обозначения, кроме как словесная **размазня**.

Давно хотелось разобраться в этом явлении. В чём дело? Переводчику трудно? Ему не хватает опыта? Но размазнию «производят» отнюдь не только новички или неспециалисты, а и немалое число людей, давно и профессионально занимающихся последовательным переводом. Способен ли их опыт заменить им специальную переводческую подготовку? (Известно, что среди тех, кто зарабатывает на жизнь последовательным переводом, немало людей, никогда не обучавшихся этому ремеслу и даже не имеющих лингвистического образования.) А может быть, они считают многословие достоинством, а не недостатком?

Задумываясь над этими вопросами, я, конечно, сделал для себя какие-то общие выводы из впечатлений, накопившихся за многие годы. Однако для того чтобы обдумать проблему предметно, не хватало конкретных примеров. Память – вещь ненадёжная, а для фиксации интересных образчиков перевода в процессе работы не было ни времени, ни условий.

Но вот представился случай. На одном из симпозиумов, где я работал переводчиком-синхронистом, часть выступлений переводилась другими переводчиками последовательно (таково было желание организаторов). В периоды вынужденного простоя я получил и физическую, и техническую возможность записать фонограмму одного из заседаний. И оказалось, что длительность общего звучания перевода превышает длительность оригинальных докладов более чем в два раза (приведённый выше пример взят как раз из этой записи).

Хочу сделать специальную оговорку, чтобы избежать обвинений в поверхностном подходе. В этой статье я не делаю обобщений на основе единичной записи (которая сама по себе, разумеется, не имеет статистически доказательной силы). Я лишь использую записанный текст как источник наглядных примеров для иллюстрации мыслей, вытекающих из гораздо более обширного опыта наблюдений.

Собирательный образ

В дальнейшем в этой статье слово *Переводчик* (с прописной буквы) употребляется собирательно, обозначая всех авторов записанных мною переводов без уточнения их числа и пола. Однако необходимо указать на некоторые характеристики этого собирательного образа, свойственные всем его прототипам.

Во-первых, наш Переводчик – не новичок, он солидного возраста и работает в этом качестве много лет. Во-вторых, он имеет филологическое образование – но не переводческое, а педагогическое, и переводу учился на практике, по-спартански. В-третьих, он владеет обсуждаемой темой и её терминологией, проработав ряд лет на совместном предприятии. (Отмечу попутно, что темами симпозиума были геологоразведка, добыча углеводородов, эксплуатация скважин.) В-четвёртых, он хорошо знаком с переводимыми лекторами, поскольку сотрудничает с ними на работе.

Знание этих особенностей позволяет отсеять некоторые сопутствующие факторы, напрашивающиеся как самое лёгкое объяснение размазни: неопытность переводчика, незнание им темы или плохое понимание им оригинала из-за непривычного стиля или акцента оратора. Все эти обстоятельства ухудшают качество перевода в целом, во всех его аспектах, а нас интересует специфика именно размазни. Отсутствие в данной ситуации перечисленных факторов – в интересах нашего небольшого исследования.

Кроме того, я сознательно не рассматриваю в качестве возможной причины размазни индивидуальные психофизиологические нарушения, мешающие человеку изъясняться (а не только переводить) грамотно и толково. По-моему, люди, страдающие дислексией, вообще не должны стремиться в нашу профессию и тем более заниматься ею. Да и разговор с Переводчиком показал, что в бытовом общении он непринуждён, уверен в себе, не лезет за словом в карман и особенным многословием не страдает.

Вообще следует признать, что наш Переводчик в принципе способен переводить правильно, ясно и коротко. Вот пример практически идеального перевода, прозвучавшего из его уст:

Оратор. There is another one in Argentina, it's more simple but it is also a smaller storage.

Переводчик. И ещё одно хранилище в Аргентине, оно попроще и поменьше размером. (2)

Увы, подобные удачные примеры в нашей записи – редкость.

Слова-паразиты

Из чего же складывается переводческая размазня? Первое, что бросается в глаза, – это **слова и выражения-паразиты**:

Оратор. And as you can see it's quite an unusual combination of companies that worked together here.

Переводчик. И, как вы можете видеть, **вот**, по списку этих компаний, которые перечислены, **значит**, это, **в общем-то**, довольно **такая** неоднородная, **можно сказать**, группа компаний, которые работают вместе. (3)

Оратор. I'll first talk about some of the theory behind the development of the tool...

Переводчик. **Очевидно**, мне нужно немножечко, **так сказать**, рассказать о теории, которая явилась **как бы** основой, **что ли**, для разработки **вот** этого устройства. (4)

Причина возникновения слов-паразитов в переводе (как и вообще в речи) более или менее известна: говорящий ещё не сообразил, что сказать дальше, но боится допустить паузу и поэтому заполняет её либо «эканьем», либо словами-паразитами. Наш Переводчик почти не «экал»; зато словами-паразитами сдабривал свой перевод сверх всякой меры.

Неоправданная боязнь паузы свидетельствует о волнении или неуверенности, вызванными тем, что Переводчик находится в трудном, порой мучительном поиске подходящего варианта:

Оратор. A *switch* to fuels with a lower carbon content, for example, natural gas, as we have seen in the previous slides.

Переводчик. **Значит**, *переключение*, **как бы**, **что ли**, *переход* на использование топлив с меньшим содержанием углерода, например, как я уже говорил, природный газ вместо угля. (5)

Здесь Переводчик споткнулся о передачу слова *switch*, сначала сказав *переключение*, а затем поправившись – *переход*. На самом деле можно было не поправляться: и первый вариант совсем не плох. Но колебания Переводчика оказались отмечены словами-паразитами, как флажками.

Подводка

Рассмотрим ещё один пример:

Оратор (*заканчивая предыдущую реплику*): ...and trouble avoidance – that's the last one

Переводчик. **И также ещё одна сфера, которая позволяет работать над тем...** **как бы сказать...** избежания всяких неприятностей в процессе строительства скважин. (6)

Перед слушателями разворачивается ход мыслей Переводчика: он думает над тем, как бы ему лучше выразиться, и прямо так и заявляет: *как бы сказать*. Вдобавок Переводчик пытается выиграть время, предваряя свою реплику длинной, ничего не значащей фразой: *И также*

ещё одна сфера, которая позволяет работать над тем... Он мог бы с таким же успехом начать с одного из следующих оборотов, годных для «приклеивания» практически к любому высказыванию:

И ещё один существенный момент, о котором следует сказать, – это...

Важно также не упускать из виду, что...

Другим заслуживающим внимания вопросом является вопрос о...

Я бы назвал этот нехитрый приём **подводкой**. Подводка действительно способна дать переводчику какое-то дополнительное время, чтобы подумать над трудным элементом текста. Однако я не считаю подводку таким уж изобретательным или полезным приёмом. Подумаем: выигрыш от этой словесной пустышки составляет 4–5 секунд. Почему бы просто не взять эту паузу и не начать затем сразу переводить по существу?

Ведь переводчику совершенно необязательно раскрывать рот в то же мгновение, когда его закрыл оратор. Пауза до 5 секунд перед началом перевода вполне допустима и не только не вызовет раздражения у слушателей, но, напротив, даст им небольшой отдых от звукового шума, освежит их внимание.

Но наш Переводчик, видимо, считает, что не должен давать слушателю никакого отдыха, и заполняет возможную паузу ничего не значащими фразами. Может быть, он даже считает, что это дело его чести – не закрывать рта, даже когда он ещё не сообразил, что сказать по существу. В результате перевод замусорен, а аудитория замучена, потому что на неё возложена утомительная работа по вычленению существенного содержания из безостановочного речевого потока.

Самое огорчительное в том, что в обсуждаемом нами случае Переводчик так и не достиг цели. Видно, что ему не хотелось переводить *trouble avoidance* неуклюжим дословным оборотом *избежание неприятностей*, но ничего лучшего (например, *предотвращение* или *профилактика сбоев*) так и не пришло в голову. Громоздкая вводная фраза только засорила и без того малоудачный перевод. Подводка не помогла.

Ниже, в подразделе «Потери от многословия» будут приведены примеры ещё более неприятных последствий подводки – смысловых потерь.

Торможение

Торможением можно назвать порождение Переводчиком информативно пустого отрезка речи в конце своей реплики. Вроде бы всё необходимое сказано, но переводчик продолжает говорить, проделывая

некий «тормозной путь», прежде чем остановиться, как в следующем примере:

Оратор. This was really to illustrate the issue a little bit.

Переводчик. Я хотел вот такими примерами, что ли, немного проиллюстрировать те задачи, те проблемы, которые стоят перед нами. (7)

Если подводка объясняется стремлением Переводчика выиграть время для обдумывания варианта, то есть преодолением некоторых внешних трудностей, то у торможения причины скорее внутренние. Оно возникает, когда Переводчик не продумал как следует речевую конструкцию, создаёт её на ходу. При этом получается, что в смысловом отношении Переводчик завершил свою реплику раньше, чем синтаксически. Из-за этого фраза выходит несбалансированной, отсюда и необходимость в чисто формальном довеске к ней, не несущем смысловой нагрузки.

Кроме того, в интонационном рисунке речи нашего Переводчика довольно редки нисходящие интонации, выражающие спокойную категоричность. Стресс и неуверенность порождают в ней слишком много восходящих тонов. Переводчик, повышая тон на последнем слове синтагмы, оставляет себе возможность поправиться, добавить какое-то уточнение, но из-за этого у него не получается поставить точку в нужном месте. Пример:

Оратор. ...and also some of the field results that we have seen as a result of using it.

Переводчик. И также позволю себе рассказать о результатах, которые были получены непосредственно при использовании этого устройства... (*последнее слово произнесено с восходящей интонацией, предполагающей продолжение, но, поскольку всё уже сказано, наступает пауза, так как переводчик ищет, что бы добавить*) э-э... э-э... на бурильных колоннах. (8)

Перебор синонимов

Расползанию перевода способствуют не только слова-паразиты, знаменующие собой неуверенность Переводчика в возможных вариантах, но и сами эти варианты, если Переводчик перебирает их не в уме, а вслух. С этим явлением мы познакомились на примере со словом switch, которое было переведено два раза – сначала как *переключение*, потом как *переход*. Вот ещё более показательный образчик **перебора синонимов**:

Оратор. What are the sources of CO₂ emissions?

Переводчик. Ну, и надо теперь, наверно, посмотреть на то, кто же является, так сказать, ответственным за вот эти все негативные явления, откуда берутся эти газы, что за источники мы имеем. (9)

Здесь снова наличествуют такие ингредиенты размазни, как слова-паразиты (*ну, так сказать, вот эти все*) и подводка (*надо теперь, наверно, посмотреть на то...*). Это маркеры поиска эквивалента для слова sources. Простое вроде бы слово, но русский вариант Переводчику почему-то не даётся. Начинается перебор: сначала идёт длинный описательный парафраз: *кто же является, так сказать, ответственным за вот эти все негативные явления*; потом более краткая глагольная конструкция: *откуда берутся эти газы*; и только после этого к переводчику наконец приходит самый точный и естественный эквивалент – *источники*.

Сам того не подозревая, Переводчик завёл слушателей на свою профессиональную кухню и заставил их наблюдать за процессом приготовления блюда. В итоге простая фраза из 7 слов вылилась в пассаж из 29 слов, удлинившись более чем в четыре раза.

Приведём ещё один пример:

Оратор. So the challenge is to reduce CO₂ in the atmosphere.

Переводчик. Итак, самая главная наша задача, самая главная проблема, вызов нашего времени – это сократить уровень выбросов CO₂ в атмосферу. (10)

Тут ситуация иная. Отсутствие слов-паразитов и подводки говорит о том, что Переводчик не испытывает колебаний. Он знает, как можно перевести слово challenge, но не ограничивается одним вариантом, а выдаёт целых три (*задача, проблема, вызов времени*), да ещё с усиительными атрибутами.

А вот пример, где из двух однородных членов каждый был передан двумя синонимами:

Оратор. So the challenge is to increase the efficiency of energy conversion and use.

Переводчик. Также очевидна необходимость увеличения эффективности превращения, конверсии энергии и её утилизации, использования. (11)

Встретились и случаи, когда наш Переводчик прибегает не только к синонимии на уровне слова, но и к повтору-парафразу на уровне предложения:

Оратор. So it will be wise if you can make things simpler there.

Переводчик. И очевидно, вот, простота обустройства скважины – она будет вызывать и простоту обслуживания. Чем проще мы её построим, обустроим, тем проще будет работать дальше с ней. (12)

Фактически одна и та же мысль высказана дважды разными способами. Нельзя сказать, что Переводчик перебирает варианты, потому что не удовлетворён ими, – различные формулировки приемлемы в

более или менее одинаковой степени. Тогда в чём дело? Одной из причин может быть торможение, о котором говорилось в предыдущем разделе. Но можно усмотреть в этом и другую причину – отсутствие самодисциплины и культуры речи. Возможно, переводчик полагает, что кашу маслом не испортишь, и сообщает все известные ему варианты.

Конечно, это неверный подход. Если есть варианты – выбери любой приемлемый и ограничься им: уважай время тех, для кого работаешь.

Сохранение избыточного

Словари обычно стремятся дать такое соответствие слову и особенно словосочетанию, в котором были бы максимально учтены все нюансы его значения. Такое соответствие иногда намного длиннее оригинала. В реальном же контексте, где часто возникает информационная избыточность, его можно или даже нужно сократить или модифицировать так, чтобы передать только актуальные смысловые и формальные элементы, а несущественные – отсечь. В противном случае перевод, естественно, получается многословным. Сравним:

Оратор. And, **last but not least**, there are questions about how easy or difficult it is to install.

Переводчик. И **последний по, так сказать, перечислению, но не последний по значению** вопрос состоит в том, насколько просто можно устанавливать такое оборудование. (13)

Действительно, популярное английское выражение *last but not least* можно перевести на русский оборотом: *последний по порядку, но не по значению (важности)*. Однако в переводе конкретных высказываний такой громоздкий и несколько искусственный эквивалент бывает не уместен. Ведь *last but not least* – разменная монета, ораторы часто вставляют это словосочетание автоматически перед последним пунктом перечисления. Употребление же «полновесного» эквивалента (*последний по порядку, но не последний по значению вопрос состоит в том, насколько...*) создаёт на нём избыточный акцент, неоправданно привлекает внимание читателя к не очень важному элементу высказывания. Функционально более удачными соответствиями здесь могут быть обороты *не в последнюю очередь; немаловажно и то, как...* или даже просто вводное слово *наконец*.

Нельзя сказать, что наш Переводчик вообще не умеет пользоваться контекстуальными соответствиями: в другой части перевода он просто и изящно перевёл *last but not least* коротким русским выражением *и ещё* (см. ниже пример 15). Но в рассмотренном случае он перегрузил перевод, не сообразуясь с контекстом.

Смысловая разделка

Ещё один приём, к которому нередко прибегает наш Переводчик, – это **смысловая разделка** фразы. Суть приёма в том, что опорные смысловые элементы высказывания искусственно отрываются друг от друга формальными выделительными оборотами. Переводчик раздробляет смысловые комплексы, очевидно, полагая, что так ему будет легче справиться с составляющими их компонентами. «Разделяй и властвуй». Чаще всего происходит отрыв подлежащего от сказуемого, но это могут быть и другие тесно связанные между собой члены предложения.

При этом используются унаковочные обороты типа: *что касается...*, *то*; *говоря о...*, *следует отметить, что*; *если речь идёт о...*, *то* и т.п. Вроде бы грех невелик: выделительные обороты не так уж сильно удлинняют фразу, да и вообще не кажутся столь же избыточными, как, например, слова-паразиты. Но смысловая разделка фразы таит в себе другую опасность: она ослабляет логическую связь компонентов высказывания. Из-за этого структура перевода становится рыхлой, его смысл – менее прозрачным.

Вот как это выглядит у нашего Переводчика:

Оратор. And, at last, aquifers have a tremendous potential capacity of about 400–10,000 gigatons.

Переводчик. *Что касается* водоносных горизонтов, *то они представляют собой* ещё более мощный, так сказать, объём... дают возможность хранения гораздо большего объёма, то есть от 400 до 10000 гигатонн. (14)

В этом примере Переводчик, отдельно препарировав подлежащее (*что касается водоносных горизонтов*), только затем задумывается о передаче предикативной группы. В итоге он «въезжает» в неуклюжую конструкцию, в которой получается, что *они представляют собой... объём*, и затем долго и безуспешно корректирует себя (*«горизонты... дают возможность хранения... объёма»*).

Вот ещё отрывок:

Оратор. And, last but not least, for high-pressure high-temperature applications you need a much more reliable equipment.

Переводчик. И ещё: *если мы говорим об* аномально высоких давлениях и температурах, *то, очевидно, нужно* более надёжное оборудование, которое могло бы долго и надёжно служить в скважине. (15)

Здесь же оборот *«если мы говорим о..., то нужно...»* затуманивает главный смысл фразы. Чтобы понять из перевода, в чём связь между

давлением и температурой, с одной стороны, и надёжным оборудованием, с другой, требуется дополнительное усилие мысли. Не сразу и сообразишь, что более надёжное оборудование требуется не тогда, когда мы просто «говорим» о повышенном давлении и температуре, а **для работы в условиях** таких показателей.

Впечатление гаково, что нашему Переводчику трудно «переварить» целостный логико-смысловой комплекс высказывания. Когда же он прибегает к смысловой разделке предложения, страдает адекватность его перевода (не говоря о краткости). Вместо «разделяй и властвуй» получается «разделил – собери осколки».

Комментаторство

Наш Переводчик не всегда правильно осознаёт свою роль и функции. Забывая, что его задача – переводить и только переводить, он иногда входит в другую роль, роль комментатора. Рассмотрим пример:

Оратор. And of all the new challenges for our business, reducing downhole failure, getting a longer bit life and increasing the rate of penetration are among the greatest.

Переводчик. И вот эти, **как их сейчас модно называть**, вызовы, или сложные задачи, которые стоят перед буровиками, заключаются в том, чтобы можно было, значит, уменьшить время, которое, так сказать, тратится на удаление долот, сократить затраты, естественно, и увеличить время жизни долота, фактически говоря. И увеличить также скорость... механическую скорость проходки. (16)

Читатель обнаружит в приведённом отрывке многие из уже рассмотренных элементов размазни. Но сейчас нас интересует новый элемент, выделенный полужирным шрифтом. Переводчик снова споткнулся об английское слово *challenge* и приводит дословное соответствие, которое ему явно не нравится (*вызовы*). Предполагая, что и для слушателей это слово звучит не совсем естественно, он вводит в свою речь «оправдательный» комментарий: *эти, как их сейчас модно называть, вызовы*.

Смысл комментария примерно таков: «я использовал в переводе слово, которое мне на самом деле не нравится, но другие языковые посредники – переводчики и журналисты – его употребляют, так что я следую не только за оратором, но и за нынешней модой в словоупотреблении, поэтому не судите меня строго».

А «для надёжности» далее в переводе даётся и более естественный эквивалент – *сложные задачи, которые стоят перед...*

Комментаторство в устном переводе, конечно, недопустимо. Ведь слушатель воспринимает перевод как воспроизведение оригинала и

может подумать, что замечания по поводу терминов принадлежат именно выступающему, а не добавлены переводчиком. Аудитория не в состоянии отделить сказанное оратором от сказанного переводчиком, определить, где кончается перевод и где начинается комментарий.

Ссылка на оратора в третьем лице

Комментаторство, как уже отмечалось, приводит к путанице ролей. Как следствие, вставляя свои комментарии, Переводчик позволяет себе упоминать о выступающем в третьем лице:

Оратор. So we have contrasted the situation.

Переводчик. Мы сталкиваемся здесь с довольно-таки таким... такой контрастной ситуацией, как выражается докладчик. (17)

В этом примере, как и в предыдущем, Переводчик не уверен в выбранном варианте перевода. На сей раз трудность вызвало выражение *to contrast the situation* (*сопоставить положение дел, провести сравнение*). Перевод по созвучию корней слов – *мы сталкиваемся с контрастной ситуацией* – не нравится ему самому, и он перекладывает ответственность за такую формулировку на оратора: *как выражается докладчик*. Одновременно происходит смена роли: Переводчик ведёт речь уже не от имени оратора, а комментирует сказанное последним со стороны.

Иногда Переводчик дистанцируется от оратора, даже ничего не комментируя:

Оратор (*просит поднять руку тех слушателей, кто является специалистом по бурению*). It's good there are not too many drilling engineers here because I've promised to keep life very simple for my interpreter.

Переводчик (*смеётся*). Слава богу, немного буровиков, потому что, говорит, я переводчице пообещал категорически облегчить ей жизнь, слишком в детали не лезть никакие (*снова смеётся*). (18)

Реплики типа «он говорит» (об ораторе) – как и смех – недопустимы и являются признаком непрофессионализма. Переводчик должен помнить: его перевод – воспроизведение сказанного на ином языке, поэтому «я» в речи переводчика – это «я» оратора, а собственного «я» у переводчика в процессе перевода нет и не может быть. По той же причине и местоимение «он» в переводе не должно относиться к оратору.

Отсебятина

Наш Переводчик считает себя вправе не только вставлять в перевод свои комментарии, но и заявить что-то вместо оратора. Так рождается ещё один порок перевода – **отсебятина**.

Оратор. And these are probably some of the areas where cooperation with Russian companies or institutes can be of interest as well.

Переводчик. Я думаю, что это как раз та сфера, в которой мы можем сотрудничать с российской стороной и приглашаем к такому сотрудничеству все заинтересованные организации – и научные, и практические, так сказать... компании. (19)

Из этого примера видно, что Переводчик берёт на себя роль оратора, выступая от его имени с заявлениями, которых тот не делал. Далее он берёт на себя ещё большую ответственность:

Оратор. I'll be here in the coming two days, if you feel you can come to this place, contact me.

Переводчик. Я вас очень прошу, поскольку в течение этих двух дней мы можем с вами общаться на самых разных, так сказать, уровнях, подходите, пожалуйста, ко мне, и если вы считаете, что есть такая возможность участия, я буду рад помочь вам, чем могу. (20)

Если в исходном тексте содержится весьма вялое приглашение к контактам, то в переводе получается, что оратор якобы «очень просит» слушателей обращаться к нему и будет «рад помочь им чем может».

Возможно, Переводчик в силу тесного сотрудничества с ораторами просто хорошо знает положение дел и озвучивает хотя и невысказанные, но действительные их намерения. Но и в этом случае Переводчик не имеет права на подобную самостоятельность. Кто знает, какие у выступающего причины не приглашать слушателей к сотрудничеству, а ограничиться осторожным заявлением о возможной заинтересованности. Получается, что Переводчик принимает решения за оратора и представляемую им фирму, а это недопустимо.

Иногда Переводчик делает самостоятельные выводы и за слушателя. Вчитаемся в перевод:

Оратор. I think that tells you of what the European community with its initiatives can accomplish.

Переводчик. Ну, это опять же, в свою очередь, говорит за то, насколько мощной организацией является Европейский Союз, что он даже может объединить таких конкурирующих, так сказать, представителей. (21)

Выделенное полужирным шрифтом – это то, что, может быть, подразумевалось в оригинале, но сказано не было. Оратор сдержанно похвалил Европейский Союз, предоставив слушателю самому сделать вывод о его мощи и достижениях. Переводчик же не счёл слушателя достаточно понятливым. Скромное указание на заслуги превратилось в переводе в бахвальство, были искажены модальность и стиль высказывания. Поэтому и такой перевод следует признать отсебятинной.

Вот ещё одно свидетельство того, что подход Переводчика требует коррекции:

Оратор. I would like to thank my translator and co-presenter for all her help and effort.

Переводчик. Я хотел бы поблагодарить своего содокладчика и **трусливого** переводчика, **который трясся и боялся.** (22)

Итак, выступающий благодарит Переводчика, в шутку называя его своим «содокладчиком» (кстати, в этом комплименте может быть скрыта ирония – оратор не мог не заметить, что перевод отнимает намного больше времени, чем его собственная речь, и наверняка понял, что без «сотворчества» переводчика не обошлось). Переводчик воспроизводит эти слова, но считает возможным добавить собственную оценку ситуации. Он желает скромно признаться слушателям в том, что нервничал во время работы. Но выходит, будто это оратор назвал Переводчика «трусливым» – получается какая-то неразбериха.

Ещё несколько примеров отсебятины я приведу в следующем разделе.

Потери от многословия

Многословная, усложнённая тирада приводит к тому, что внимание переводчика смещается на то, как выкрутиться из начатой, но синтаксически не продуманной конструкции. А время идёт и звуковой образ исходного текста быстро тает в памяти. Из-за этого переводчик может упустить не только нюансы, но и важные смысловые элементы исходного текста.

Пример ниже показывает, как, увлечшись многословными подводками, перебором вариантов и смысловой разделкой текста, Переводчик оставляет важную часть сообщения без перевода:

Оратор (*завершая предыдущую реплику*). . . also for stimulating the sand face and **abandoning and plugging the wells quickly.**

Переводчик. И ещё, значит, нужно обязательно, так сказать, работать над тем, чтобы воздействие на пласт происходило правильно для того, чтобы можно было впоследствии очень, **ну как сказать, рационально использовать вот это выработанное хранилище, выработанный пласт.**

В финале короткой реплики докладчика говорится о быстрой ликвидации (abandoning) и тампонаже (plugging) скважин. Но в поисках удобоваримого соответствия для выражения stimulating the sand face Переводчик успел забыть концовку. Он знает, что в оригинале было что-то ещё, и «восполняет» пропущенное отсебятиной: *чтобы можно*

было рационально использовать вот это выработанное хранилище, выработанный пласт.

Рассмотрим другой пример потери важной информации в переводе:

Оратор. You need also to optimize performance, and design new wells, and find new rules, for example, of computing the gas flow velocities in the tubing.

Переводчик. Нужно также... э-э... осовременить, так сказать, подход к проект... проектированию скважин, сделать более, так сказать, дружественными в отношении экологии вот эти стволы скважин.

Пока Переводчик думал над передачей выражения *to optimize performance and design new wells* (*оптимизировать эксплуатационные характеристики и проектировать новые скважины*), остаток фразы, видимо, забылся. А в нём содержатся весьма существенные для профессионалов вещи: *поиск новых методов для расчёта скорости газового потока в лифтовой колонне*. Увы, эта информация утрачена, а вместо неё аудитория слышит из уст переводчика какие-то общие слова об экологии.

Словесной размазнёй переводчик нередко «забалтывает» сам себя:

Оратор. The right-hand bar represents CO₂ emission reduction with the use of natural gas with capture.

Переводчик. Значит, когда мы говорим о природном газе, мы ещё имеем в виду, что, вот, красными вот этими квадратиками или кубиками, лучше сказать, показана, значит, такая система, которая позволит улавливать, собирать CO₂.

Переводчик прибег к приёму подводки – видимо, чтобы дать себе время подумать, как перевести *bar* (‘цветной столбец на диаграмме’). Несмотря на это, так ничего и не придумал и творит на ходу: *вот этими квадратиками или кубиками, лучше сказать*.

Всё равно перевод слова *bar* не удался. А между тем в муках творчества упущен основной смысл. Ведь самое важное в сказанном – *снижение выбросов углекислого газа от электростанций*. В переводе же осталась только «система, которая позволит улавливать, собирать CO₂». Недоразумение продолжается и при переводе следующей реплики:

Оратор (*демонстрирует другой столбец на схеме*): The same for the coal gas.

Переводчик. То же самое касается и газа, который выделяется из угля.

Выступающий опять говорит о проценте снижения выбросов. Но поскольку ключевое понятие «снижение» Переводчиком упущено, он не может восстановить логическую отсылку к предыдущей реплике и точно передать смысл новой фразы.

Приведу и самый разительный пример, в котором информация оригинала не только теряется, но и заменяется на диаметрально противоположную:

Оратор. As I illustrated with the example, they had to work with **low** pressure windows.

Переводчик. Как я уже говорил, приводил вот такой пример вот этого месторождения, иногда бурение выходит на такие... в такие, вернее, условия, когда рамки как бы сужаются у него, то есть возможности его становятся, ну, очень такими сомнительными иногда даже, то есть, скажем, переходим на бурение пластов с **аномально высоким** давлением.

Итак, вместо *низкого* давления речь зашла об *аномально высоком*. Почему? Ведь объективно в оригинале – короткая, простая по структуре и смыслу фраза. Казалось бы, её легко перевести. Нет сомнений, что причиной ошибки стала именно привычка Переводчика к словесной размазне. Когда текст перевода в четыре раза длиннее оригинала, не стоит удивляться, если в его концовке смысл окажется переданным «с точностью до наоборот».

Что из всего этого следует

Подведём итоги. Словесная размазня в переводе – это «детская болезнь», вызванная отсутствием целенаправленной профессиональной подготовки. Я уже отмечал, что наш Переводчик неплохо знает иностранный язык, сведущ в обсуждаемой теме, владеет её терминологией, накопил немалый опыт. У него нет боязни публичного выступления (он даже позволяет себе иногда посмеяться над сказанным), а фактор хорошего знакомства с ораторами и их лекциями наверняка ему даже помогает. И всё же его перевод крайне несовершенен. В профессиональном переводе он – ребёнок и может оставаться таковым сколь угодно долго.

Демонстрируя недостатки, записанные мной за Переводчиком, я меньше всего хотел кого-то раскритиковать. Цель этих записок в другом – разобраться в природе переводческой размазни. Кроме того, эти примеры лишней раз свидетельствуют о том, что мастеров устного последовательного перевода нужно обучать специально и что профессионализм переводчика не формируется сам собой даже с накоплением практического опыта.

Профессиональная подготовка устных последовательных переводчиков должна быть нацелена в том числе и на устранение многословия в их речи. Переводчику нужна специальная тренировка, для того чтобы он:

- не бросался переводить, едва дослушав оратора, а завершил определённую мыслительную работу по восприятию звучащей речи, фиксации в памяти опорных содержательных компонентов сообщения и её воспроизведению на основе мысленно составленного плана;
- формировал навык компрессии, выделения важного и устранения избыточного в информационной структуре сообщения;
- избегал слов-паразитов, доморощенных приёмов подводки и смысловой разделки текста;
- отрабатывал интонационный рисунок перевода во избежание пустословного «торможения»;
- отучался от перебора синонимов;
- избавлялся от комментаторства, ссылок на оратора в третьем лице и отсебятины;
- в целом дисциплинировал себя по длительности звучания перевода и не допускал «мыслей вслух», то есть проводил черновую переводческую работу **про себя**, а не на глазах у почтеннейшей публики.

Надеюсь, что эта статья подкрепит точку зрения, согласно которой нельзя рассчитывать на стихийное формирование устных переводчиков высокого уровня только через расширение их языковых познаний, опыта и знакомства с темой.

Профессиональному устному последовательному переводу (как, впрочем, и другим видам перевода) нужно учить специально. И, может быть, уделять чуть больше внимания искоренению переводческой размазни. Ибо эта «детская болезнь» не проходит без правильного «лечения».

СКАЗОЧНОЕ ПОСОБИЕ ПО УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ

О переводе и переводчиках пишут не только журналисты. Иногда – хотя и довольно редко – эта тема достаивается внимания беллетристов. Небезынтересно посмотреть в это литературное зеркало, чтобы понять, какими нас и нашу профессию видят писатели, а благодаря им и те, кто читает их книги. В этой публикации представлен фрагмент из сказки-комедии «Умные вещи» Самуила Яковлевича Маршака (1887–1964). В детстве я неоднократно видел этот спектакль, и ещё тогда сцена беседы царя с послом через переводчика запомнилась мне как одна из самых ярких. Перечитывая эту сцену сегодня, я испытываю не меньшее удовольствие, но к моему прежнему читательскому и зрительскому восприятию добавляется чисто профессиональный взгляд. Своими соображениями в связи с предлагаемым вашему вниманию фрагментом я поделюсь в конце публикации.

С.Я. Маршак «УМНЫЕ ВЕЩИ»

(Из действия II, картины I)

ЦАРЬ. Что нового?

КАНЦЛЕР. Осмелюсь доложить вашему величеству...

У царя благодушное настроение сменяется хмурым.

ЦАРЬ. О чём доложить?

КАНЦЛЕР. О том, что посол иностранной державы прибыл во дворец и всепокорнейше просит аудиенции у вашего величества!

ЦАРЬ. В такую погоду принимать послов!.. Я только собирался проехаться верхом.

КАНЦЛЕР. Осмелюсь напомнить, что ваше величество сами изволили назначить послу день приёма.

ЦАРЬ. Ну, пусть войдёт, да долго не задерживается. А какой посол? Из какого царства?

КАНЦЛЕР. Из тридевятого царства, тридесятого государства, ваше величество!

ЦАРЬ. Что-о?.. А далеко ли это царство?

КАНЦЛЕР *(на мгновение задумывается)*. За тридевять земель, ваше величество!

ЦАРЬ. По-нашему говорит?

КАНЦЛЕР. При нём переводчик, ваше величество! [...]

Входит Посол, небольшого роста, коренастый, загорелый, с длинной седой бородой. За ним – Переводчик, молодой, с чёрной бородкой. Оба в халатах с узорами. Последним входит Канцлер.

ПОСОЛ *(низко кланяясь)*. Амирэм алидан, чер-чер алинон!

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол изволит сказать, что его величество могущественный властитель тридевятого царства, тридесятого государства сердечно приветствует ваше величество, справляется о вашем здоровье и шлёт вам самые добрые, или, по-нашему, самые сладостные пожелания.

ЦАРЬ *(про себя)*. А по-ихнему это гораздо короче выходит! *(Громко)*. Сердечно благодарю и прошу передать его величеству мои самые лучшие пожелания.

ПЕРЕВОДЧИК. Таратэн алидан тара-тара алинон!

ЦАРЬ. Прошу садиться!

Все усаживаются.

Господин посол, сказать правду, я знаю о вашем тридевятиом царстве только по сказкам... Что хорошего в вашем государстве?

Переводчик вполголоса переводит слова Царя.

ПЕРЕВОДЧИК. Дэйнга каратум дэм?

ПОСОЛ (*добродушно*). Азамэн алибан блямс шершне-ра кардан чер.

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол говорит, что страна, откуда он изволил прибыть, изобилует птицей и рыбой, богата корицей, перцем и миндалём, изумрудами и бирюзой, славится на весь мир своими великими победами над тридцатью девятью островами и полуостровами...

ЦАРЬ (*вполголоса*). Ну, мы тоже одержали не меньше побед... (*Громко*.) А чем ещё знаменито ваше царство-государство?

ПЕРЕВОДЧИК. Коста трэн эчерэн?

ПОСОЛ. Эчерэн гейго-лейго – трэнта-варэнта сэтэн бумбуркас.

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол изволит сказать, что его страна достопримечательна также своими конями и колесницами, но более всего гордится необыкновенными, единственными в мире семью чудесами.

ЦАРЬ (*хмуро*). Какие же там у вас чудеса?

ПЕРЕВОДЧИК. Калитэн бумбуркас?

ПОСОЛ. Аминам бумбуркас чентра-лентра кускус лино-кут дарэн.

ПЕРЕВОДЧИК. Чудеса эти таковы: скатерть, которая сама готовит и подаёт лучшие в мире яства и превосходнейшие напитки, семимильные сапоги, шапка – спрячь меня, волшебное зеркало, летающий ковёр...

ЦАРЬ. Постойте, постойте! Слишком уж быстро вы говорите, господин переводчик. Не сразу уразумеешь! (*Канцлеру*.) Сколько же это он чудес назвал?

КАНЦЛЕР. Насколько я расслышал, всего пять, ваше величество.

ПЕРЕВОДЧИК. Совершенно точно, пять.

ЦАРЬ. А какие же остальные два чуда?

ПЕРЕВОДЧИК. Калитэн ду дэнта бумбуркас?

ПОСОЛ. Чентра фью-фью эд зинг-зенг каюк дара.

В это время появляется Царица, тощая и бледная, слегка подрумяненная женщина с лентой через плечо, и Наследник, очень юный, но ростом выше матери, в коротких штанах и длинных чулках.

КАНЦЛЕР (*вставая, громко*). Её величество государыня-царица и его высочество наследник-цесаревич!

ПЕРЕВОДЧИК. Алинон царина эд алитон принцен чемерэн!

Посол встает и низко кланяется.

ЦАРЬ (*Царице*). Ваше величество, позвольте представить вам господина посла треклято... Виноват, как, бишь, его?

КАНЦЛЕР (*тихо*). Тридевятого царства, тридесятого...

ЦАРЬ. Тридесятого государства. Жаль, что вы опоздали, ваше величество. Тут господин посол рассказывал нам о семи чудесах, которыми славится его царство.

ЦАРИЦА. Это очень интересно. Но прошу вас садиться, господин посол.

ПЕРЕВОДЧИК. Алинон царина сэдэт чадан.

Посол ещё раз кланяется и садится.

ЦАРЬ. Вот только я не все пять чудес запомнил.

КАНЦЛЕР. У меня всё записано, ваше величество!

ЦАРЬ. Это хорошо. (*Переводчику.*) А про шестое и седьмое чудо вы, кажется, ещё не успели нам перевести. Как это господин посол сказал? Фью-фью...

КАНЦЛЕР. У меня записано, ваше величество. Что-то вроде "фью-фью" и "зинг-зенг".

ПЕРЕВОДЧИК. Совершенно верно, ваше превосходительство. Фью-фью – это волшебная флейта или дудка. Тот, кому довелось её слышать, никогда не забудет сладостных, ласкающих слух звуков. А зинг-зенг – это...

ЦАРИЦА. Ах, я так бы хотела послушать волшебную флейту! Я очень люблю музыку. А как ваша флейта играет – сама или ей нужен музыкант?

ПЕРЕВОДЧИК. Сюю минуту, ваше величество! (*Послу.*) Акамэн фью-фью люлин ули драдан азандар?

ПОСОЛ. Драдан азандар. Лей азандар каюк. Кутуз батар турмата!

Переводчик некоторое время молчит.

ЦАРИЦА. Что же вы не переводите?

ПЕРЕВОДЧИК (*смущённо*). Это, ваше величество, не так-то легко перевести...

ЦАРИЦА. Почему нелегко? Переведите, пожалуйста!

ПЕРЕВОДЧИК. Извольте, ваше величество. Господин посол говорит, что музыкант этой дудке нужен, хоть она и волшебная. У них был музыкант, да недавно помер. Стар был очень. А говорят, будто такой музыкант, ваше величество, имеется у вас, но он, не во гнев вам будь сказано, в тюрьме сидит.

ЦАРИЦА. У нас? В тюрьме?

ЦАРЬ (*нахмурившись*). Верно, не за музыку сидит!.. Впрочем, я ничего об этом не знаю. А вы, господин канцлер?

КАНЦЛЕР. Простите, ваше величество, и я ровно ничего не знаю.

ЦАРЬ. Вы никогда ровно ничего не знаете!.. Расследуйте это дело и доложите мне.

ЦАРИЦА. Да поскорее расследуйте!

КАНЦЛЕР. Слушаю-с, ваше величество!

ПЕРЕВОДЧИК. Так вот, господин посол ещё изволил сказать, что ему поручено осведомиться, не угодно ли вашему величеству отпустить этого музыканта в наше царство? Он и у нас может в тюрьме сидеть, а когда понадобится, на дудке играть будет.

ЦАРЬ. Ну, это мы ещё посмотрим, подумаем... А пока скажите, что за седьмое чудо?

НАСЛЕДНИК. Да, да, зинг-зенг!

ПЕРЕВОДЧИК. Зинг-зенг, ваше величество, – это волшебный меч. Он, если это потребуется, рубит головы направо и налево. Его так и зовут «Меч – сто голов с плеч».

ЦАРЬ. Сам рубит?

ПЕРЕВОДЧИК. Сам. Господин посол говорит, что с помощью этого меча его царство одержало величайшую победу – тридцать девятую...

ЦАРЬ (*задумчиво*). Вот это и в самом деле полезная и ценная вещь!.. Из всех чудес я, пожалуй, выбрал бы волшебную скатерть да этот зинг-зенг.

НАСЛЕДНИК. И я бы выбрал меч – сто голов с плеч. С ним бы я все царства покорил! (*Рубит рукой.*) Зинг! Зенг!

ПЕРЕВОДЧИК (*Послу*). Алитон принцен...

ЦАРЬ (*перебивая его*). Этого переводить не надо. Наш наследник по молодости своей иной раз говорит лишнее... В его годы это вполне простительно.

Посол чуть заметно усмехается в бороду.

А где же ваш царь эдакие чудеса раздобыл?

ПЕРЕВОДЧИК. Простите, ваше величество, но это, как говорится, государственная тайна. Известно только, что за свои семь чудес наш царь полцарства отдал.

ЦАРЬ. Да и я бы за них полцарства не пожалел!

ПОСОЛ (*встаёт с места и низко кланяется*). Амилам алинон малем-малем тара!

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол сердечно благодарит ваши величества за милостивый приём и желает вам прожить на свете тысячу счастливых лет и увидеть правнуков своих правнуков!

ЦАРЬ. Да неужто он это всё тремя-четырьмя словами сказал?

ПЕРЕВОДЧИК. Такой уж у нас короткий язык. Где у вас, ваше величество, десять слов, у нас одно.

ЦАРЬ. Ах, вот как! Ну, поблагодарите господина посла за посещение.

ПЕРЕВОДЧИК. Амилам чер!

ПОСОЛ. Чер амилам!

ЦАРЬ. Только и всего?.. Замечательно!..

Посол и Переводчик с поклонами удаляются.

Сцена, которую вы только что прочитали, появилась в сказке-комедии С.Я. Маршака не случайно – ведь Самуил Яковлевич был выдающимся профессиональным переводчиком. Широко известны его поэтические переводы сонетов Шекспира, за которые он в 1949 году получил Сталинскую премию, переводы из Роберта Бернса, Уильяма Блейка, Джорджа Байрона, Редьярда Киплинга и других английских поэтов, а также переводы детских народных стихов и песенок (так называемых *nursery rhymes*). Но приведённая выше сцена из пьесы «Умные вещи», написанной в 1945 году (вторая редакция – 1964 год), показывает, что С.Я. Маршаку был весьма близок и опыт устного переводчика.

По сюжету сказки и «посол», и «переводчик» не являются таковыми и обманывают царя, изъясняясь на придуманном языке. Казалось бы, автор пьесы имел полное право вложить в уста лжеиностранцам какую-нибудь бессвязную тарабарщину (наподобие знаменитого «киргуду бамбарбия» из фильма «Кавказская пленница»). Но Маршак подошёл к задаче изображения их речи как настоящий лингвист. Он весьма тщательно продумал фразы на их фантастическом языке. Например, слову *царица* неизменно соответствует в переводе *царина* (ср. английское *szarina*), слову *цесаревич* – *принцен*, числительному *два* – *ду* (ср. итальянское *due*, французское *deux*), *семь* – *сэтэн* (ср. испанское *siete*, болгарское *седем*). Выдуманное слово *алинон* соотносится с титулом *величество*, а *алитон* – с титулом *высочество*. Слову *музыкант* соответствует *азандар*, и выражение «музыкант умер» переведено весьма логичным «азандар каюк».

У весёлого сказочного повествования для детей обнаруживается второй слой, предназначенный для умудрённой опытом взрослой аудитории, в том числе для нас, переводчиков. В частности, приведённая сцена – это пародия на некоторые типичные казусы, возникающие в реальной ситуации последовательного перевода.

Один из таких казусов – то, что отрезки переводного текста оказываются значительно длиннее оригинальных. Это вызывает недоумение у слушателя («Да неужто он это всё тремя-четырьмя словами сказал?»). Как и в реальной жизни, недоумение граничит с подозрением: а точно ли перевёл переводчик, не добавил ли чего-нибудь от себя? Чтобы оправдаться, переводчик вынужден пояснить: «Такой уж у нас короткий язык. Где у вас, ваше величество, десять слов, у нас одно».

Впрочем, Маршаку наверняка было хорошо известно и то, что как более длинный, так и более короткий, чем оригинал, перевод может объясняться не только различиями в строе языков, но и неопытностью переводчика, который то не способен подобрать сжатую конструкцию для выражения мысли говорящего, то что-нибудь забудет, а то и присочинит лишнее. Такая трактовка роли переводчика даёт актёрам, играющим эту пьесу, широкие возможности для игровых нюансов.

Другой казус связан с молчанием переводчика, также вызывающим нетерпеливую реакцию: «Что же вы не переводите?». «Это... не так-то легко перевести», – отвечает переводчик. Он осторожен, потому что подлежащая переводу реплика включает в себе скрытую просьбу, а неизвестно, как отнесётся к ней царь. Эта ситуация легко проецируется на реальные трудности перевода, вызванные прагматическими факторами: оратор сказал нечто, что при точном переводе может быть неадекватно воспринято слушателем. И перед каждым, кому приходилось много переводить переговоры, наверняка вставала дилемма: если перевести точно, можно вызвать нежелательную реакцию адресата, а если «смодулировать» высказывание, то отправитель (в случае знания им языка) может возмутиться тем, что его перевели неправильно.

Кстати, говоря о прагматической модуляции сказанного в переводе, нельзя не отметить интересное с профессиональной точки зрения решение переводчика. Переводя приветствие посла, он сообщает царю: «Властитель тридевятого царства... шлёт вам самые добрые, или, по-нашему, самые сладостные пожелания». Мы видим, что переводчик выступает как опытный межъязыковой посредник, хорошо понимающий различия в привычных для каждого из собеседников формулах речи. С одной стороны, он дословно воспроизводит образный речевой

оборот («сладостные пожелания»), сохраняя приличествующий случаю высокопарный стиль, но с другой – предваряет его более понятным и ситуационно более точным, хотя и стилистически обеднённым, эквивалентом («добрые пожелания»).

Наконец, метко отражён С.Я. Маршаком и такой казус устного перевода, когда кто-то из собеседников говорит нечто совершенно неуместное, а другой представитель той же стороны даёт переводчику поспешное указание: «Этого переводить не надо!». Снова переводчик оказывается в трудном положении: он ведь для того и приглашён, чтобы держать своего «клиента» в курсе происходящего. Если он послушается указания не переводить какой-то отрезок текста, то нарушит эту свою обязанность. Если же не послушается, то окажется как бы виноват в неизбежном конфузе другого собеседника.

Не рискуя давать на этот случай рекомендации коллегам, но в своей личной практике в подобных случаях, несмотря на «запрет», я всё же считал своим долгом «выдать» иностранцу некий перевод, в котором пытался максимально смягчить все резкости или нелепости сказанного. Впрочем, допустимо иногда и другое решение, а именно – сообщить «клиенту», что его контрагенты по переговорам дезавуировали своё последнее высказывание и просят не переводить его. В любом случае наилучшим выбором, с моей точки зрения, было бы просто промолчать. (Правда, в сказке переводчик может себе это позволить, потому что он знает, что «посол» на самом деле понимает всё сказанное.)

Наконец, удачно подметил С.Я. Маршак и то, что адресат не всегда адекватно воспринимает произносимое переводчиком: «Слишком уж быстро вы говорите, господин переводчик. Не сразу уразумеешь!». И, как бы ни был глуп царь (читай – адресат сообщения), в подобных случаях вина уж точно лежит на переводчике, не сообразующем свою дикцию, темп и структуру речи со способностью аудитории адекватно воспринять и понять текст перевода, тем более если этот текст насыщен чуждыми её культуре реалиями (роль последних в данном контексте играют волшебные предметы).

Итак, несмотря на свою сказочность и гротескность, сцена беседы через переводчика в «Умных вещах» Маршака – яркое и меткое описание целого ряда ситуаций устного последовательного перевода, чётко соотносимых с реальностью. Я хотел было написать: «одно из самых ярких и метких описаний последовательного перевода в художественной литературе», но не знаю, есть ли другие. Возможно, оно же и единственное.

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД С АНГОЛЬСКОГО

Дарья Донцова – самый популярный в нашей стране автор детективных романов для лёгкого чтения. Её книжки берут с собой, чтобы почитать в поезде, самолёте, на курорте. Написаны они без претензий на высокую литературу, но живо, грамотно и интересно. Загадочные истории, в которые попадает главная героиня – любительница частного сыска (а таких героинь у Донцовой несколько), складываются в такие хитросплетения, что даже сообщаемый в конце романа ответ на вопрос «кто убил и почему?» ничего не проясняет. Многочисленные персонажи – тридцати-, сорока- и пятидесятилетние Ленки, Володьки, Серёжки, Гарики, Коли, Милы, Кеши и Аси, живущие в Москве и подружившиеся между собой, но находящиеся на разных этапах пути из советских коммуналочек через панельные хрущобы в элитные квартиры и особняки, – уже перепутались в голове и кружатся в ней шумным хороводом, внушающим читателю: не забивай себе голову лишними вопросами! Ты скоротал время? Вот и хорошо, можешь взять в руки следующий роман, а этот оставь в аэропорту или гостинице – вдруг кому-то ещё будет нечем заполнить время.

Роман Донцовой «Гарпия с пропеллером» именно так и попался мне на глаза: он лежал на столике гостиничного холла, где туристы оставляют прочитанные книги. Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, я взял эту книжку почитать. Сюжет не оставил следа в сознании, как и прежде (до этого я читал один роман Донцовой), но я знал, что, читая историю следователя-любительницы Даши Васильевой, снова окажусь в компании неглупой и не лишённой чувства юмора сверстницы, вышедшей из близкой мне среды московских студентов-гуманитариев конца 1960-х – начала 1970-х годов. И это не самое плохое времяпрепровождение.

Васильева – девичья фамилия Агриппины Аркадьевны Донцовой, ныне пишущей под псевдонимом Дарья Донцова. Будущая писательница училась на факультете журналистики МГУ, а после окончания вуза приобщилась и к нашей профессии – два года работала переводчиком с французского в советском консульстве в Сирии. Но своё истинное призвание она нашла не в журналистике и не в переводе, а в литературном ремесле.

В одном радиointервью Донцова сказала примерно следующее: «У меня есть талант в одном – я умею складно врать». Она имела

в виду, конечно, талант придумывать и рассказывать истории. Донцова издала более сотни романов в жанре «иронический детектив». Свою героиню Дашу Васильеву писательница наделила не только собственной девичьей фамилией, но и сходной биографией. По роману, Васильева училась в Московском институте иностранных языков.

Ага, вот, наконец, и то место в книге, к которому вёл меня внутренний импульс, – рассказ о работе переводчика-синхрониста. Ну что ж, читаем, а потом прокомментируем.

Дарья Донцова. Гарпия с пропеллером

(Из главы 5)

Едва окончив институт, я устроилась на работу в бюро переводов, помните, раньше молодых специалистов обязывали отработать два года по распределению? Вот мне и досталась служба при министерстве обороны. Особо там, правда, не напрягали, но в начальниках ходил майор Маркин, не знавший языков, но в полной мере овладевший военной выправкой.

Как-то раз я тосковала за письменным столом, проклиная злую судьбу, забросившую меня в это отвратительное заведение. Работы нет, а домой раньше шести не отпускают. По магазинам тоже не пробежишься, потому что нужно иметь пропуск на выход. Одним словом, жуть.

Но тут появился майор и заявил:

– Васильева, поедешь на дачу к нашему генералу. День рождения у него, гости ждут. Киноим привезли, будешь переводить с ангольского.

Я попыталась было объяснить чурбану в военной форме, что ангольского языка не существует, в Анголе говорят на португальском.

– Один шут, – отмахнулся солдафон, – собирайся живей.

– Но у меня французский и немецкий, другими языками я не владею, – слабо сопротивлялась я.

Маркин покраснел:

– Васильева, шагом марш к машине. Больно умная, французский-немецкий... Велено перевести фильм, вот и действуй. Других никого нет, отставить разговорчики!

Сами понимаете, в каком настроении я прибыла на мероприятие. Меня провели в кабинку, дали в руки микрофон, в зале расселись гости. Я шумно вздохнула и решила: ну выгонят меня с позором, и что? Даже лучше, избавлюсь от противного Маркина.

Экран засветился, на нём появилось изображение степи. «Может, и обойдётся, – подумала я, – португальский язык похож, правда, весьма отдалённо, на французский, кое-что я пойму, а остальное додумаю». Но не успела я успокоиться, как перед глазами возникла юрта, затем два всадника, начавших гортанный диалог, и до меня дошло, что лента на... монгольском языке. Очевидно, в нашем отделе барахлит телефон, или у Маркина в ушах два банана – у него попросили специалиста с монгольским языком.

И куда было деваться? Схватив микрофон, я понесла чушь:

– Здравствуй, батыр!

– Привет, друг!

– Зачем приехал?

Тут камера дала общий план, я увидела у юрты несколько женских фигур и в порыве вдохновения продолжила:

– Жениться хочу на твоей сестре.

– Заходи, договоримся.

Всадники рядом поскакали к юрте. Я обрадовалась. Неужели угадала и дело катит к свадьбе? На всякий случай добавила:

– Твоя сестрица красавица, я влюблён в неё...

Хотела было далее развить тему, но тут вдруг один из всадников резко взмахнул рукой, и откуда ни возьми появилась целая армия людей на коротконогих конях. Началась битва, в разные стороны полетели отрубленные головы, полились реки крови. В полном ужасе уставившись на смертоубийство, я обречённо пробормотала:

– Не договорились о калыме за невесту, из-за этого и возникла великая битва.

От позора меня спасли два обстоятельства. Во-первых, генерал и его гости сильно поддали, и им, очевидно, было всё равно, что показывают. А во-вторых, киномеханик, сержант лет сорока, засмеялся, и тут же сеанс прервался.

– Что случилось, Сергей? – спросил генерал.

– Ща, Пётр Иванович, налажу! – крикнул механик. – Копию плохую прислали, плёнка рвётся, зараза.

Потом сержант повернулся ко мне и подмигнул:

– Значитца, так, главное, не тушуйся, Пётр Иванович минут через пять заснёт, он, когда на грудь примет, всегда кемарит. Только он захрапит, остальные разбредутся, оно и правильно, смотреть эту нудятину невозможно, нет бы чего хорошего заказал, так подавай ему войну обязательно. На всякий случай запомни: ни о какой свадьбе тут и речи нет, сплошная драка. Тот, который в синем халате, – плохой, в красном – хороший.

И он снова включил аппарат. Очевидно, Сергей хорошо знал Петра Ивановича, потому что вышло, как он обещал. Спустя полтора часа генерала разбудили. Он открыл красные мутные глаза и спросил у меня:

– Тебе чего?

– Я переводчица, распишитесь, пожалуйста, в наряде.

– А, – протянул генерал, – давай, конечно, молодец, хорошо всё объяснила, одно не понял, кто из них за красных, а кто за белых дрался!

– Тот, который в синем халате, самый главный белогвардеец, а в красном – наш, чапаевец, – нашлась я.

На следующий день Маркин, притормозив около моего стола, заявил:

– Молодец, Васильева Пётр Иванович очень тобой доволен остался, говорит, три раза до этого фильм смотрел и ничегошеньки не понял, а ты всё точно перетолковала. А ведь кривлялась: «Не знаю ангольский!» Теперь, если кто из Анголы приедет, только тебя отправлю.

Комментарий

В этом забавном вставном эпизоде (он не играет никакой сюжетной роли в ироническом детективе), можно, в принципе, ко многому придраться. Не будем придавать значения таким мелочам, как то, что в советские времена срок обязательной работы выпускников вузов по распределению составлял не два года, как пишет автор романа, а три. Но есть и более серьёзные неточности. Например, сомнительно, чтобы

в министерстве обороны существовало некое универсальное бюро переводов, куда на три года по распределению брали бы девушек из гражданских вузов, но при этом не находили для них достаточного объёма работы.

В центральный аппарат военного ведомства (где переводчикам обычно давали допуск к секретным материалам) принимали кадровых военных, тем более что кузницей таких кадров в переводческой профессии был Военный институт иностранных языков.

Невозможно представить себе, чтобы работой военных переводчиков непосредственно руководил человек, не знающий специфики их профессии, не владеющий языками и уверенный в существовании «ангольского языка». Такой руководитель мог быть солдафоном, но не лингвистическим бездарем – в советских военных вузах преподавание языков было поставлено на высокий уровень, и в компетентных людях, способных работать на таких должностях, не было недостатка. В любом случае начальник не стал бы посылать на ответственный перевод сотрудника, не владеющего нужным языком, – такому начальнику первым пришлось бы отвечать за провал подчинённого.

Теперь несколько слов о переводе фильмов на правительственных и генеральских дачах. Да, такое практиковалось, но уж заказывали для этих частных просмотров никак не ангольскую или монгольскую кинопродукцию, а фильмы «загнивающего» Запада, в основном не допущенные к широкому показу. Никаких «нарядов» переводчикам заказчики не подписывали.

Заказывали же эти фильмы в особом отделе Госкино (Государственного комитета по кинематографии), который присылал на дачу к высокопоставленному лицу машину с киномехаником, кинолентой в кассетах и переводчиком. Этими переводчиками были опытные синхронисты высокого уровня, давно специализировавшиеся на переводе фильмов, в том числе на устраиваемых в Советском Союзе кинофестивалях. Они числились в переводческой картотеке Госкино, хотя основным местом их работы могли быть любые учреждения – от вузов до издательств.

По понятным причинам круг переводчиков, работавших «на дачах», был немногочислен. Чтобы в этой роли оказалась недавняя выпускница вуза, почти невероятно. Для синхронного перевода фильмов необходимы навык и опыт. Такую работу никак не могли поручить непроверенному человеку, изнывающему от безделья за письменным столом конторы.

И всё же, если отвлечься от фактических и логических нестыковок, в сочинении Донцовой есть и определённая правда – не по букве ситуации, но по её духу. Думаю, каждый синхронист когда-нибудь попадал в подобный переплёт: или язык фильма оказался не твоим первым, а твоим третьим иностранным, или по ошибке привезли другой фильм, или в наушниках то не слышно ничего, то звучит неразборчивый сленг – но деваться некуда, приходится выдавать отсебятину, мучительно сознавая свою «неполноценность» и думая только о том, когда же кончится этот ужас и позор. Чтобы хорошо перевести фильм, надо иметь монтажные листы и лучше предварительно его просмотреть, – только кто и когда давал нам такую возможность?

Так что с психологической стороны ситуация описана верно. Но здесь я осмелюсь предположить, что в этом автору помог другой литературный источник. Вот о какой истории рассказывает в своих воспоминаниях выдающийся советский синхронист и теоретик перевода Александр Давыдович Швейцер:

В <...> отчаянном положении оказался мой однокашник по Военному институту иностранных языков писатель Сергей Львов, переводивший в первые послевоенные годы немецкие трофейные фильмы начальнику Главного управления кадров Министерства обороны генералу Ф.И. Голикову. Как-то раз, к своему удивлению, он обнаружил, что вступительные титры фильма – не на немецком, а на французском языке, который он знал очень плохо. Тем не менее он не растерялся и кое-как их перевёл. Но вот начался фильм, и на него обрушилась французская речь, которую он совершенно не понимал. «Как быть? – думал он. – Сознаться генералу, что он не знает французского языка? Но тогда генерал спросит: „Что же вы до сих пор переводили?“». И тогда Серёжа пошёл ва-банк. Он решил создать свою версию фильма. В это время на экране метались взволнованные люди, а на полу лежал завёрнутый в одеяло человек. «Что случилось? – импровизировал Серёжа. – Он умер? Может быть, убит? Надо вызвать скорую помощь и полицию». В конце фильма произошла неувязка: человек, которого он принимал за брата героини, пошёл с ней под венец. Серёжа сочинил историю о том, что этот человек оказался на самом деле не братом героини, а усыновлённым подкидышем. И поэтому препятствий к браку не было.

Эта история имела неожиданное продолжение. Генералу так понравился фильм, что он захотел посмотреть его ещё раз. Но Серёжа был болен, и вместо него послали его коллегу, владевшего не только немецким, но и французским языком. Фильм был несложный, и он спокойно и уверенно переводил. Вдруг генерал велел прекратить показ фильма. «Уберите этого халтурщика! – приказал он. – Он какую-то чушь несёт. Вот тот, который до него переводил, – тот был молодец!».

[Швейцер 1996. С. 83]

Трудно отделаться от впечатления, что на сочинение истории про перевод на генеральской даче Д. Донцову вдохновили именно эти строки. Если это так – ясно, почему достоверные штрихи уживаются

в романе с не очень правдоподобными. Те детали, что навеяны рассказом Швейцера (закрытый просмотр фильма у генерала, путаница с языком перевода, изобретательность переводчика, легковёрность генерала, не знающего языков, и другие), звучат убедительно, а те, что, скорее всего, придуманы от себя (безделье в «отделе переводов» минобороны, привоз монгольского фильма, подписание «наряда» и т.п.), в глазах профессионала, увы, «провисают».

Кажется, мы узнали ещё об одной составляющей успеха популярной беллетристики. Чтобы хорошо «врать» (в упомянутом позитивном смысле), нужно прежде поработать с достоверными источниками!

ПЕРЕВОДЧИК В ЭПИЦЕНТРЕ МИРОВОЙ КАТАСТРОФЫ¹

Среди многочисленных воспоминаний о ключевых событиях Второй мировой войны не последнее место принадлежит мемуарам Пауля Шмидта, переводчика германского министерства иностранных дел, бывшего с 1935 года личным переводчиком Гитлера. Свои воспоминания Шмидт опубликовал в 1949 году, через два года они были опубликованы по-английски в Лондоне, а ещё через пятьдесят лет вышли и в русском переводе [Шмидт 2001], сделанном почему-то не с немецкого оригинала, а с английского издания.

Свою книгу Пауль Шмидт построил в меньшей степени как личные мемуары, а в большей степени как анализ предвоенной и военной политики Германии и других стран Европы. Конечно, уникальные свидетельства Шмидта, с близкого расстояния наблюдавшего как немецких лидеров, так и другие важнейшие фигуры мировой политики и дипломатии, бесценны для историков XX века. В том числе с помощью этих свидетельств исследователи пытаются понять, могла ли история пойти по иному пути, существовала ли возможность избежать самой разрушительной войны двадцатого столетия и если она существовала, то кем, когда и почему была упущена.

Но оставим эти вопросы политологам и историкам. Для моих читателей, я думаю, представляют особый интерес те детали в воспоминаниях Шмидта, которые относятся к его переводческой работе. Правда, этим деталям Шмидт уделяет не очень много места, они разбросаны по книге крупными. Поэтому я попытаюсь свести вместе его чисто профессиональные воспоминания – это поможет нам лучше представить себе, как работал высокопоставленный дипломатический переводчик в ту мрачную и теперь уже далёкую эпоху, составить психологический портрет этого человека, понять, какую линию профессионального и человеческого поведения он выбрал для себя, находясь, по сути дела, в очаге страшной мировой катастрофы.

Первое задание у Гитлера

Пауль Шмидт очень скупно рассказывает о раннем периоде своей жизни и карьеры. Из его книги мы узнаём лишь, что за плечами у него была Первая мировая война, на которой он воевал артиллеристом. Как

¹ Пояснение к использованию слова *эпицентр* в заголовке – возможно, необходимое некоторым читателям – дано в разделе «Справочные сведения» на с. 392.

профессиональный переводчик он с 1923 года работал в МИДе Германии и Лиге Наций в Женеве и переводил для целого ряда германских канцлеров и министров иностранных дел. Впервые перевести для Гитлера Шмидту пришлось 25 марта 1935 года, когда на переговоры в Берлин прибыли британский министр иностранных дел Энтони Иден и секретарь министерства иностранных дел Джон Саймон. Присутствовали также Нейрат, министр иностранных дел Германии, и Риббентроп, бывший в то время специальным уполномоченным по вопросам разоружения. Шмидт пишет:

Я удивился, когда получил приказ присутствовать... Гитлер недолюбливал министерство иностранных дел Германии и всех связанных с ним. В предыдущих беседах между ним и иностранцами переводом занимались Риббентроп, Бальдур фон Ширах или кто-то ещё из национал-социалистов. Наши официальные лица в министерстве иностранных дел пришли в ужас, когда услышали, что Гитлер не позволил присутствовать даже государственному секретарю фон Бюлову на этих чрезвычайно важных переговорах с Саймоном и Иденом. Пытаясь обеспечить присутствие хотя бы одного представителя министерства иностранных дел, кроме Нейрата, они решили выдвинуть меня как переводчика. Когда Гитлеру сказали, что я долгое время хорошо справлялся с работой в Женеве, он заметил: «Если он был в Женеве, значит, ничего хорошего из себя не представляет – но что касается меня, мы можем взять его на испытательный срок».

Гитлер, по словам Шмидта, довольно приветливо принял его в своём кабинете. Начались переговоры с Иденом и Саймоном. С языковой точки зрения перевести выступления Гитлера оказалось несложно:

Его фразеология была самой обычной. Он выражался чётко и прямолинейно, был явно очень уверен в своих аргументах, его легко можно было понять и нетрудно переводить на английский язык. Казалось, всё, что он хотел сказать, очень ясно складывалось в его мозгу. На столе перед ним лежал чистый блокнот для записей, который остался неиспользованным на протяжении всех переговоров. Он не делал там записей. Я пристально наблюдал за ним, когда время от времени он делал паузу, задумываясь о том, что сказать дальше, поэтому у меня была возможность поднять глаза от моего блокнота... Единственной необычной особенностью в нём была продолжительность его речи. Во время всего утреннего заседания говорил практически он один, Саймон и Иден лишь время от времени вставляли замечание или задавали вопрос. Иногда Гитлер, казалось, замечал, что их интерес ослабевал, они, конечно, не понимали многого из того, о чём он говорил. Тогда он, обычно с интервалами в пятнадцать-двадцать минут, давал мне знак переводить.

Перевод длинными отрезками

Из сказанного выше можно заключить, что задача Шмидта была всё-таки не из простых. Он переводил выступления огромными отрезками продолжительностью до двадцати минут. Пока говорил оратор, переводчик запоминал и записывал то, что слышит, и затем должен был точно воспроизвести сказанное.

Впрочем, для такого режима работы у Шмидта была необходимая тренировка: он ранее работал в Женеве, а в те времена в международных организациях выступления также переводились либо после произнесения их полностью, либо очень крупными частями. Согласно правилам последовательного перевода, выработанным переводчиками Лиги Наций, переводчик не имел права перебивать оратора. Г.В. Чернов упоминает, со ссылкой на Эдмона Кари, о речи Андре Франсуа Понсе, которая продолжалась два с половиной часа и затем столько же переводилась [Чернов 1978. С. 5].

В наши дни ситуация в целом изменилась: прежнее правило «не перебивай» уже не действует. Во-первых, на переговорах и совещаниях, где осуществляется последовательный перевод, сформировалась иная культура выступлений. Большинство ораторов понимает, что аудитории интереснее слушать речь короткими отрезками, чем скучать, пока докладчик не соизволит сделать паузу для перевода. При коротких периодах лучше воспринимается и точнее накладывается на перевод эмоциональный настрой оратора, его мимика и жесты.

Во-вторых, теперь переводчику не возбраняется и деликатно остановить говорящего, если тот забылся и говорит слишком долго. Всё-таки главное предназначение переводчика – переводить точно и грамотно, а не демонстрировать чудеса мнемотехники или скорописи.

И всё же нельзя не отдать должное мастерству Пауля Шмидта: он терпеливо ждал знака от выступающего, а затем выдавал полный и высококачественный перевод сказанного. Оценили его работу и участники переговоров. По окончании встречи Гитлер обернулся к переводчику и, пожимая ему руку, сказал:

«Вы великолепно справились со своей работой. Я не имел понятия, что можно так переводить. До сих пор мне всегда приходилось останавливаться после каждого предложения, чтобы его перевели».

Иден, знакомый со Шмидтом по многим трудным совещаниям в Женеве, тоже сделал ему комплимент: «Вы сегодня были в хорошей форме».

Обстановка под контролем

Хотя Шмидт терпеливо дожидался паузы в речи оратора, но, начав перевод, он не давал даже высокопоставленным персонам перебивать себя.

Мне удавалось восстанавливать порядок, указывая Гитлеру или какому-нибудь другому оратору, в запальчивости прерывавшему меня, что я ещё не закончил перевод.

Во время Мюнхенской конференции 1938 года (той самой, что санкционировала раздел Чехословакии) Шмидт работал на четырёх языках – немецком, английском, французском и итальянском. Участники конференции часто вступали в споры и пытались что-то сказать, не дожидаясь окончания перевода.

Во время этих споров между Гитлером, Чемберленом и Даладьё меня часто прерывал тот, к кому я обращался, переводя сделанное для него заявление на одном из трёх языков конференции – немецком, английском и французском. «Я должен немедленно сказать об этом», – перебивал меня один из них, но каждый раз я просил разрешения закончить перевод, так что остальные участники не упускались из виду.

Шмидту, обладавшему большим опытом проведения конференций, было хорошо известно, какая бывает путаница, если из-за прерванного перевода кто-то из участников больше не может следить за спором. И переводчик брал в свои руки бразды правления совещанием, добиваясь того, чтобы речи и ответные реплики переводились полностью и в должном порядке.

Друзья, наблюдавшие за заседанием Большой четвёрки [Гитлера, Муссолини, Чемберлена и французского премьера Даладьё – Д.Е.] через стеклянные двери, рассказывали мне, что когда я добивался того, чтобы мой перевод был услышан, то был похож на школьного учителя, пытающегося навести порядок в недисциплинированном классе. После этого мы стали называть конференции Большой четвёрки кодовым названием «класс», особенно во время кризиса 1939 года. Даже моя «клиентура», например Геринг, пользовалась этим названием.

Как есть, где сидеть

Несмотря на свою опытность в работе на переговорах, Шмидт не сразу приобрёл полезные навыки в переводе официальных банкетов. Вот что он рассказывает о первом ужине, на котором ему пришлось работать в качестве переводчика Гитлера:

Я сидел рядом с Гитлером, но вынужден был всё время говорить, тогда как самые лакомые блюда уносили нетронутыми, и в результате я встал из-за стола голодным. Тогда я ещё не овладел приёмами, позволяющими одновременно есть и работать: когда мой клиент прекращал есть, чтобы дать мне свой текст, я должен был бы есть, а затем переводить, пока он ест. Такая процедура была признана *chefs de protocole*, начальниками протокола, изобретательным решением для переводчиков на банкетах.

Этот приём неплохо взять на вооружение и современным переводчикам – в тех случаях, конечно, когда их сажают за стол. Иногда (обычно за рубежом) приходится сталкиваться с ситуациями, когда еда для переводчиков не предусмотрена и их либо сажают на стульчики за спинами главных клиентов, либо вообще где-нибудь в уголке с микрофоном.

В работе переводчика имеют значение многие малосущественные, на взгляд посторонних, детали. Например, занимаемое место. Шмидт отмечает в своей книге:

Если верно, что одежда определяет положение человека, то можно также сказать, что расположение стула определяет положение переводчика. В ходе переговоров по военноморскому флоту [в здании британского Адмиралтейства – Д.Е.] я занимал доминирующее положение между двумя сторонами и благодаря выгодному пункту наблюдения ни разу не терял нить разговора даже в самых трудных технических вопросах, касавшихся типов судов, водоизмещения и так далее.

Нельзя не согласиться с Паулем Шмидтом. В данном случае он, возможно, и не выбирал своё место сам. Но бывает, что место переводчика не определено заранее и его выбор зависит от самого переводчика. Плох тот последовательный переводчик, кто, прибыв заранее в зал переговоров, не подготовил себе места так, чтобы находиться в зоне оптимальной досягаемости звука от основных его источников. Если кто-то из выступающих (особенно председательствующий и докладчики) расположится слишком далеко, будет кем-то или чем-то загорожен, окажется спиной к переводчику или будет смотреть в сторону от него, то трудности перевода многократно возрастут. Даже незначительное ухудшение слышимости резко усиливает дискомфорт в работе и создаёт для переводчика дополнительный стресс.

Переводчик-марафонец

Шмидт без возражений принимал на себя всю переводческую нагрузку, которую на него возлагали. Спешные переводы документов в самолёте и гостиничном номере, переводческие марафоны во время многосторонних мероприятий – всё это рассматривалось им как неизбежный атрибут профессии. Так, во время Олимпийских игр 1936 года ему пришлось переводить сотни бесед Гитлера, Геринга, Геббельса и других немецких лидеров с королями, наследниками, политиками и прочими иностранными гостями. По словам Шмидта, запись этих бесед составила бы объёмистую книгу. Нередко ему приходилось буквально разрываться на части между официальными мероприятиями, где высшие чиновники рейха нуждались в его услугах:

Адъютант Геринга сказал адъютанту Гитлера: «Геринг склоняется к тому, чтобы пригласить Олимпийский комитет в Старый музей, только если заручится услугами старшего переводчика министерства иностранных дел». «Шмидт нужен самому Гитлеру, поэтому он не может работать с Герингом», – последовал ответ. «Я дам вам полицейскую машину, которая пройдёт без задержек повсюду, – сказал Майснер, который всегда находил выход из положения. – Тогда вы вовремя вернётесь в канцелярию». В одиннадцать часов я про-

изнёс в микрофон заключительные слова приветствия Олимпийскому комитету в Старом музее. Как только я оказался вне поля зрения этого торжественного собрания, то перешёл на несолидную рысь, устремившись к полицейской машине, и добрался до канцелярии, как раз когда последняя из иностранных делегаций, приглашённых на приём к Гитлеру, входила в его кабинет. Майснер был прав, я успел вовремя.

Помимо официальных речей и тостов, Шмидту приходилось переводить на приёмах и банкетах, а также бесчисленные частные беседы, то есть, по сути дела, выполнять функции переводчика сопровождения – «линейки», как мы иногда это называем:

На следующий день я ехал с красочного вечернего приёма в замке Шарлоттенбург на «Итальянскую ночь» на Павлиньем острове. Геббельс пригласил около ста человек, из которых более половины были иностранцы, на ужин на открытом воздухе. Над большим лугом в центре острова горели бесчисленные китайские фонарики. Ужин, танцы... и перевод. Речи после ужина, тосты и личные просьбы, вопросы: «О, герр Шмидт, помогите мне, я хотел бы поговорить с лордом Лондондерри», «Месье Шмидт, всего два слова с доктором Геббельсом», «Вы не знаете, где Геринг?» Один за другим. Я не охрип, так как не было недостатка в «подходящем лекарстве», чтобы смочить горло, но проспал два дня после того, как погасли олимпийские огни.

Поражаешься работоспособности и выносливости Шмидта. Так, заключительный этап Мюнхенской конференции 1938 года длился почти тринадцать часов без перерыва, и переводить надо было в том числе за обедом и ужином. Шмидту постоянно приходилось переводить почти всё, что говорилось, на три языка. Он произнёс в несколько раз больше слов, чем вся Большая четвёрка вместе взятая. Тут нельзя не отметить, что умение работать долго без заметной потери в качестве – черта, отличающая действительно высококлассных переводчиков.

Уважаемая обслуга

Уважение высокопоставленных «клиентов» к Шмидту сказывалось не только в их похвалах, но даже в определённой заботе о нём. Так, в мае 1935 года Шмидт получил указание отправиться с Герингом в Польшу на похороны маршала Пилсудского.

В то время будущий рейхсмаршал не путешествовал специальным поездом, а довольствовался тем, что его вагон прицепляли к обычному поезду. Только я удобно устроился в моём купе, чтобы послушать новости по моему портативному приёмнику, как на пороге неожиданно появился Геринг. Я чрезвычайно удивился, когда он сказал: «Я должен извиниться перед вами за то, что вас разместили в этом тесном купе, обычно я более гостеприимный хозяин, но мои люди проявили небрежность. Виновный за это поплатится». Я ответил, что не имею никаких жалоб относительно моего размещения и, разумеется, великолепно выплещу. Но он со смешком указал, что меня поместили в кухонный отсек его вагона, искусно скрытый за задвигающейся панелью.

Ещё одним косвенным свидетельством уважения к профессионализму и эрудированности Шмидта было то, что Геринг в частной обстановке интересовался впечатлениями Шмидта о проведённых переговорах, задавал ему вопросы о политике и истории. Впрочем, Шмидту не всегда сопутствовали комфортные условия. Он вспоминает, как сопровождал Геринга в Италии:

После обеда вместе с Герингом я впервые вошёл в знаменитый дворец Венеция. Небольшой лифт, предназначенный лишь для двоих, забрал Геринга и итальянского начальника протокольного отдела, *chef de protocole*, на второй этаж, так что мне пришлось поспешно подняться по исторической лестнице, шагая через две ступеньки, чтобы, запыхавшись, встретить своего начальника у двери лифта. Это представление мне потом пришлось повторять часто.

Шмидта неоднократно вызывали на работу из отпуска, высылая за ним специальный самолёт министерства иностранных дел. При этом Шмидт не забывает с иронией отметить, что для продолжения отпуска никакого самолёта уже не предоставляли.

Читая воспоминания, понимаешь, что Шмидт осознавал и полностью принимал двойственный характер своей профессии. Как ни крути, переводчик имеет статус обслуживающего лица и не должен удивляться, когда ему приходится прыгать через две ступеньки по лестнице, чтобы вовремя оказаться там, куда «клиенты» поднимаются на лифте, или когда по окончании работы никто не везёт его домой. С другой стороны, готовность соответствовать своему статусу и добросовестность в работе сочетались в Шмидте с умением держать себя с большим достоинством – такое впечатление сложилось у меня при чтении его книги. Это чувство достоинства опиралось на осознание своего профессионализма, опыта, эрудиции и мастерства, но не переходило в повышенное самомнение или зазнайство (ни тени таких качеств в книге не чувствуется).

Думаю, что умение достойно держать себя помогло Шмидту не только заслужить уважение окружающих, но и сохранить определённую степень свободы в отношениях с лидерами. Он даже позволял себе давать им иногда профессиональные советы. Например, многих удивляло, что Риббентроп, хорошо владевший английским языком, никогда не ведёт своих переговоров по-английски. Шмидт как-то поднял этот вопрос в разговоре с Риббентропом и даже посоветовал ему предварительно писать по-английски основные пункты своего выступления, если он желает говорить на переговорах по-английски. Тот ответил:

«Я вполне мог бы сам вести переговоры на английском языке, но хочу полностью сосредоточиться на главном и не отвлекаться на английский синтаксис или фразы».

Данный эпизод говорит о том, что советы Шмидта воспринимались высокопоставленными персонами без раздражения.

Костюмы и мундиры

Независимость Шмидта проявлялась и в том, что он долгое время являлся на работу в штатской одежде, тогда как официальные чины нацистской Германии почти поголовно носили военную форму. Переводчик привлекал к себе внимание фотографов и публики во время германо-итальянских встреч, где все должностные лица «Оси» были в мундирах, а он выделялся на их фоне своей «плутократической» шляпой и плащом-макинтошем.

Шмидт пишет, что чувствовал себя вполне комфортно в штатском костюме и не придавал значения шуткам вроде «Вы похожи на президента республики» или «Вы похожи на хозяина поля боя, оценивающего нанесённый его земле ущерб». Однако в 1937 году Гитлер, увидев в прессе фотографии, сделанные в Мюнхене во время визита Муссолини, выразил недовольство внешним видом переводчика. Шмидту наконец сказали, что его костюм «невозможен» и что отныне он должен носить форму, когда переводит для Гитлера в присутствии публики. Гитлер снабдил переводчика мундиром СС, а Геринг – формой военно-воздушных сил.

Некоторое время спустя смущённый директор по личному составу министерства военно-воздушных сил спросил меня: «О чём только думал фельдмаршал, когда давал вам униформу военно-воздушных сил? Официально это не разрешается».

Однако в дальнейшем Шмидт, по его словам, так и не надел формы, назначенной ему Гитлером. В 1938 году состоялся визит многочисленной (примерно из 500 человек) германской делегации в Италию, и специально к этому визиту для сотрудников министерства иностранных дел пошили тёмно-синюю униформу, фасон которой был одобрен самой фрау фон Риббентроп. В этой форме Шмидт и отправился в Италию. Он рассказывает:

Когда итальянцы видели меня, то кричали: «А вот идёт Amiranti! [адмирал – Д.Е.]»... Кроме моего «адмиральского» обмундирования, я взял с собой полную форму военно-воздушных сил на случай, если придётся работать только для одного Геринга. Начальник по протоколу заранее расписал нам, какой костюм следует надевать в определённый час дня. На протяжении всего путешествия от одного итальянского города до другого нам приходилось постоянно менять форму на гражданскую одежду, потом на смокинги, затем на другую униформу с саблей или кинжалом в зависимости от ситуации, так что наши купе

походили на актёрские гримуборные. Самым изнурительным было надевание и стаскивание тяжёлых сапог для верховой езды. «Никогда не думал, что придётся путешествовать по Италии в гардеробе», – заметил один из моих коллег. «Вы неправильно надели ремень», – сказал один из адъютантов Гитлера, на которого я наткнулся на платформе.

Во время того визита Шмидту пришлось переводить мало: праздничная программа, состоявшая из непрерывной череды дворцовых приёмов, официальных банкетов и церемоний, не оставляла времени для переговоров. Отсутствие переводческой работы объяснялось тем, что Муссолини старался избежать любой серьёзной политической дискуссии. Визит превратился в шоу, и Шмидт иронически замечает:

Главной трудностью для меня и всех остальных была постоянная смена униформы. К концу поездки любой из нас мог бы получить работу в каком-нибудь среднего уровня мюзик-холле в качестве артиста жанра быстрого переодевания. Очень изнурительной была также необходимость по десять – двенадцать часов в день сохранять подобающее случаю торжественное, величественное или радостное выражение лица. При прохождении помпезных процессий по густонаселённым итальянским городам мы находились перед глазами внимательной публики, а на приёмах элита критически поглядывала на «варваров с севера».

Позднее, на переговорах с Герингом, Шмидту пришлось надеть и форму ВВС, из-за чего итальянцы обращались к нему «Colonello» (полковник).

Нейтральный статус и его отмена

На встречах государственных лидеров Шмидт часто был единственным переводчиком и переводил «во все стороны», то есть со всех рабочих языков на все остальные. Современный протокол переговоров на высоком уровне обычно предполагает участие переводчиков с каждой стороны, причём каждый переводит «для своих». Однако в те времена гости из других стран вполне полагались на работу немецкого переводчика, причём не только на его устный перевод, но и на составляемые им по итогам переговоров отчёты. Это свидетельствует о том, что они воспринимали переводчика Шмидта (а, возможно, и переводчиков вообще) как нейтрального участника переговоров, от которого никто не ожидал подтасовок или искажений, вызванных влиянием на него политики или идеологии либо продиктованных ему начальством. В сентябре 1938 года, во время чехословацкого кризиса, британский премьер-министр Невилл Чемберлен потребовал, чтобы Гитлер принял его в Германии для срочных переговоров. На встрече в Берхтесгадене Чемберлен спросил, желает ли Гитлер говорить наедине или хочет воспользоваться поддержкой своих советников.

«Разумеется, герр Шмидт должен присутствовать..., – сказал Гитлер, – но как переводчик он нейтрален и не входит ни в какую группу».

Таким образом Шмидт получил ещё одно подтверждение своего нейтрального статуса. Как уже отмечалось, обе стороны по переговорам доверяли ему и составление письменных отчётов.

Как всегда после таких дискуссий, тем же вечером я продиктовал отчёт... Я всегда давал второй стороне, участвовавшей в переговорах, копию отчёта, если она этого хотела. Впервые я сделал это на Гаагской конференции 1929 года, когда передал Артуру Гендерсону английский перевод моего отчёта о переговорах между министрами иностранных дел Германии, Франции, Великобритании и Бельгии. Меня всегда интересовали дополнения, которые пожелали бы сделать иностранцы, – иногда чисто стилистического характера. Никто никогда не высказывал возражений по существу вопроса. Исправления, вносимые Гитлером и Риббентропом, обычно состояли в устранении некоторых абзацев из их заявлений, но их корректировка также никогда не вносила никаких существенных изменений.

Однако именно в тот вечер ситуация изменилась. Риббентроп, рассерженный тем, что Гитлер фактически отстранил его от участия в переговорах, явился в номер к переводчику и заявил:

«Вы всё ещё думаете, что находитесь в Женеве! Тогда любые секретные документы свободно раздавались всем подряд. У нас в национал-социалистской Германии так не делается. Этот отчёт предназначен только для одного фюрера».

Перед Шмидтом встала неприятная задача сообщить Гендерсону и Чемберлену, что он не сможет предоставить им свой отчёт. Пришлось воспользоваться малоубедительным предлогом, что это противоречило бы конфиденциальному характеру бесед, о котором условились стороны. Чемберлен подчёркнуто выразил своё недовольство и заявил, что в таком случае на следующую встречу ему нужно будет привезти своего собственного переводчика или по крайней мере того, кто составит для него отчёт.

Впервые я оценил, каким знаком доверия было то, что никто из иностранцев, для которых я переводил, от Эррио и Бриана до Гендерсона, Макдональда и Лавала, за все эти годы ни разу не привёз своего переводчика, всегда пользовались моими услугами... Впоследствии у меня постоянно возникали трудности с Риббентропом относительно передачи моих отчётов о таких беседах иностранцам. Даже Муссолини каждый раз приходилось выпрашивать мои отчёты. Дуче никогда не находил огрехов в моей работе – даже часто поздравлял меня с тем, как точно мне удалось передать его слова.

В дальнейшем Риббентроп внедрил практику составления двух вариантов отчёта, причём обоих за подписью Шмидта: одного для внутреннего, а другого для внешнего потребления. По словам Шмидта, в дальнейшем он в большинстве случаев мог различить их, лишь

сравнивая с оригинальными документами, продиктованными с рукописных записей переводчика. Для иностранного собеседника готовился сокращённый вариант, а ещё одна копия корректировалась Риббентропом для немецких архивов.

Переводчик-дипломат

Во время переговоров Гитлера и Чемберлена по Чехословакии, состоявшихся в 1938 году в Годесберге, роль Шмидта как переводчика довольно естественным образом переросла в дипломатическое поручение. В ответ на письмо Чемберлена Гитлер продиктовал письмо на четырёх или пяти страницах и, так как времени для письменного перевода не было, дал Шмидту указание вручить это письмо лично Чемберлену и перевести его устно. После перевода с листа Шмидт задержался, чтобы дать дополнительные устные разъяснения. Между тем у входа в отель, где находились англичане, собралась толпа журналистов.

Чтобы избежать расспросов журналистов, осаждавших вестибюль, я вызвал нашего начальника протокольной службы Фрайхерра фон Дернберга и подкрепился несколькими каплями «верного средства», чтобы устоять при «прорыве» вниз. Потом приступил к тому, что скоро превратилось в настоящее бегство. У меня было так много друзей среди журналистов, что ускользнуть от их вопросов я мог, только побежав так, что пятки сверкали.

Шмидт понимал, что историки составят своё мнение о событиях тех лет в том числе и по отчётам, которые он составлял. Очевидно, это получалось у него настолько хорошо, что ему стали поручать составление отчётов даже по тем переговорам, которые он сам не переводил. Впервые это случилось в 1939 году.

Я получил указание лететь в Москву с Риббентропом, чтобы присутствовать на его встрече со Сталиным. В этом случае я ехал не в качестве переводчика, так как я не говорил по-русски. В мои функции входило составление отчёта о ходе переговоров и запись любых соглашений, которые могут быть достигнуты. Этого я ожидал меньше всего. Переводчик по сути своей профессии вряд ли не найдёт слов, но в этом случае все слова вылетели бы у меня из головы, если бы я попытался выразить своё изумление.

Иногда Шмидту приходилось даже замещать высокопоставленных дипломатов. Так, после вторжения Германии в Польшу, положившего начало Второй мировой войне, в ночь на 3 сентября 1939 года английский посол Гендерсон запросил о встрече с Риббентропом, чтобы передать ему ноту английского правительства. Риббентроп заявил Шмидту:

«На самом деле Вы вполне могли бы принять британского посла вместо меня... Просто спросите англичан, устроит ли их это, и скажите, что министр иностранных дел не может

принять их в 9 часов». Англичане согласились, и я получил указания принять Гендерсона наутро, то есть через пять часов, так как было уже 4 часа утра.

После напряжённой работы предыдущих дней Шмидт едва не проспал эту встречу – ему пришлось взять такси, чтобы добраться до МИДа. Пересекая площадь, он видел, как Гендерсон входит в здание. Шмидт воспользовался боковым входом и ровно в 9 часов стоял в кабинете Риббентропа. Войдя в кабинет, Гендерсон обменялся со Шмидтом рукопожатиями и зачитал британский ультиматум об объявлении войны в случае невывода германских войск из Польши.

Гендерсон передал мне ультиматум и попрощался со словами: «Мне искренне жаль, что я должен вручить такой документ именно вам, так как вы всегда старались помочь как можно лучше».

(Приводя эту цитату, оставляю формулировку «помочь как можно лучше» на совести русского переводчика книги).

Нюансы перевода

Стремление Шмидта к точности не мешало ему исправлять в переводе стилистические огрехи, случавшиеся в выступлениях германских лидеров. Об этом свидетельствует его ироничный рассказ о переговорах Риббентропа в Англии в 1935 году:

Риббентроп по праву гордился успехом своих переговоров. Его неловкость в общении с англичанами сменилась почти дружескими отношениями... Комплекс неполноценности, который он пытался преодолеть нарочитой резкостью, теперь исчез, проявляясь лишь в ошибках. Например, к концу переговоров, когда англичане случайно спросили его, как долго продлится это соглашение, он напыжился и с самым торжественным выражением лица произнёс только одно слово: «Ewig» (вечно). Мой коллега Кордт усмехнулся, заметив моё изумление. Высказывание Риббентропа в переводе на английский можно было бы лишь пропеть под аккомпанемент церковного органа. Я задумался, как перевести это, избежав комического эффекта. Но вскоре нашёл выход. «Это будет постоянное соглашение», – перевёл я с облегчением, и эта фраза вошла в текст соглашения.

Вскоре после начала Второй мировой войны Шмидт поступил в распоряжение Риббентропа, и ему пришлось заниматься «прагматической адаптацией» сказанного с немецкого на немецкий:

Выговоры министра второму секретарю в Берлине вроде «Скажите этому быку ..» следовало перевести по телефону на более приемлемый язык. Поток негодующих восклицаний «труссы», «лентяи», «болваны» и «люди, которые, кажется, не знают, что идёт война» изливался из вагона министра, и ему следовало придать другой вид, прежде чем он достигнет места назначения. Всё это очень выматывало.

Судя по воспоминаниям Шмидта, он успешно справлялся с выпадавшими на его долю трудностями перевода. Однако не все переводчики работали так же безупречно. Шмидт рассказывает о любопытном

переводческом курьёзе. В начале 1943 года Рузвельт и Черчилль запланировали встречу в Касабланке (Марокко), и эти планы, конечно, держались в секрете от Германии. Тем не менее немцы получили по своим каналам сообщение о предстоящем совещании. Однако, переводя это сообщение, переводчики германского МИДа допустили вопиющую ошибку.

Они не поняли, что Касабланка – название города, и перевели его правильно, но не к месту как «Белый дом». Наш оратор министерства иностранных дел похвалялся на пресс-конференции, что нам известно о предстоящей в скором времени встрече Рузвельта и Черчилля в Вашингтоне. Для нашего пресс-секретаря стало неприятным сюрпризом начало той конференции в Касабланке несколько дней спустя.

Переводчик вне политики, но не вне морали

В предвоенный период, по словам Шмидта, он понимал, какую угрозу миру создавал курс Германии и насколько неадекватной была политика западноевропейских держав. Он сочувствовал любым дипломатическим усилиям по предотвращению войны, но его возможности внести в них какой-то вклад были, естественно, очень малы. Тем не менее он видел и, по его словам, пытался использовать такие возможности, заключающиеся в акцентах, намёках и других нюансах работы и поведения переводчика. Перед визитом в Германию министра иностранных дел Италии Чиано в августе 1939 года у Шмидта состоялся разговор с итальянским послом Аттолико, которого Шмидт называет «другом мира»:

«Помяните моё слово, – сказал мне Аттолико, – Англия и Франция решились вступить в войну, если Германия выступит против Польши, как она это сделала в отношении Чехословакии». Я согласился без колебаний: «Меня в этом не нужно убеждать. Если ваш министр иностранных дел выразит это мнение в разговоре с Гитлером, можете положиться на меня – я переведу то, что он скажет, самым убедительным образом и очень подчёркнуто».

Впрочем, попытки Шмидта «убедительно» перевести предупреждения Гитлеру вряд ли достигли бы результата: нападение на Польшу было уже предрешено. Для отвода глаз Гитлер сделал некие предложения Лиге Наций по урегулированию польского вопроса. На встрече с английским послом Гендерсоном Риббентроп зачитал их по-немецки, но тут последовал настоящий сюрприз. На вопрос Гендерсона, может ли он получить текст этих предложений для передачи своему правительству, Риббентроп ответил отрицательно и швырнул документ на стол со словами: «Он просрочен, потому что не явился польский представитель». Как пишет Шмидт, это был редкий случай, когда он пожалел, что, будучи лишь переводчиком, не может вмешаться в разговор.

Говорить что-либо от себя лично является смертным грехом для переводчика. Так он может создать путаницу. И мне не оставалось ничего иного, кроме как сидеть, скрипя зубами, в то время как шанс добиться мира преднамеренно саботировался у меня на глазах.

И всё же Шмидт попытался повлиять на ситуацию. Он стал пристально глядеть на Гендерсона, стараясь дать ему понять, что следует попросить английский перевод предложений Германии.

Едва ли Риббентроп смог бы отказать ему в этом, а я стал бы переводить так медленно, чтобы Гендерсон успевал делать заметки. Но британский посол никак не реагировал, и мне не оставалось ничего иного, как поставить толстую красную отметку в моём блокноте в том месте, где я кратко записал отказ Риббентропа как знак того, что в этот час был сделан выбор в пользу войны.

Конечно, искренность утверждений Шмидта о его внутреннем стремлении помочь делу мира нельзя проверить. Возможно, говоря так, он лишь пытался дистанцироваться от нацистских лидеров. Но я допускаю, что, рассказывая о своём молчаливом пацифизме, Шмидт не лукавил. Как просвещённый и космополитичный интеллеktуал-полиглот, Пауль Шмидт вряд ли позитивно воспринимал фанатичную идеологию геополитического господства, которой были одержимы фюрер и его подручные.

Кто, как не переводчик, способен трезво оценить разумность высказываний и поведения тех, кого он переводит? Да и то, что Шмидт, несмотря на своё особое положение, вступил в нацистскую партию лишь под нажимом в 1943 году, подтверждает его слова. Двадцать пять лет Шмидт провёл на дипломатической сцене и знал, что происходит за её кулисами. Смотреть на вещи объективно ему помогли некие универсальные принципы:

Я имею в виду законы морали, которые родители и учителя внушали каждому представителю моего поколения: уважение к личности человека, его жизни, мыслям и собственности, а из этого уважения проистекало естественное право народа на независимость... Выполняя свою работу, я видел, как отход от этих принципов привёл и государственных деятелей, и народы к крушению.

* * *

Работа Пауля Шмидта в министерстве иностранных дел закончилась с капитуляцией Германии 8 мая 1945 года. Он был подвергнут временному аресту американской контрразведкой и выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе. В его действиях суд не нашёл никакой вины. Шмидт продолжил работать переводчиком – уже не на дипломатической арене. Но этот период своей жизни и работы автор оставил за рамками книги.

В ГОСТЯХ У ЛУЧШЕГО ДРУГА ПЕРЕВОДЧИКОВ ВСЕХ ВРЕМЁН И НАРОДОВ

Как известно, товарищ Сталин был лучшим другом пионеров, физкультурников, хлопкоробов и так далее. Был он и выдающимся языковедом – читателю, вероятно, знакома диссидентская поэма Юза Алешковского, в которой нашла отзвук дискуссия по языкознанию, неожиданно начатая Сталиным в 1950 году («Товарищ Сталин, вы большой учёный; в языкознании знаете вы толк...»). Но вот об отношении Сталина к переводчикам ничего не известно. Поэтому лучшим другом переводчиков был всё-таки не он.

А лучшим другом переводчиков среди политических лидеров – возьму на себя смелость заявить – был «любимый руководитель корейского народа, дорогой товарищ» Ким Чен Ир. Узнал же я об отношении этого человека к нашей профессии, как и многие другие советские переводчики, в июле 1989 года, во время Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Пхеньяне.

Это был последний всемирный фестиваль коммунистической молодёжи, состоявшийся до распада Советского Союза и проведённый, как и все предыдущие, в основном на деньги нашей страны. (Потом состоялся ещё один – уже без наших денег и с очень малочисленной делегацией российских комсомольцев – в Гаване, про который я ничего рассказать не могу.) К 1989 году я давно вышел из комсомольского возраста, но сходил на фестиваль не делегатом, а синхронистом в составе большой группы советских переводчиков. Заседаний и форумов на фестивале было намечено множество, и везде требовался многоязычный синхронный перевод.

КМО

Подбором переводчиков для фестиваля занимался Комитет молодёжных организаций СССР. КМО был фактически отделом внешних связей ЦК комсомола, но его формальная автономность должна была создавать за рубежом впечатление, что, кроме комсомола, в Советском Союзе есть и другие молодёжные организации. КМО с давних пор был крупным работодателем как линейных, так и синхронных переводчиков. Меня, как и многих других моих однокашников, стали привлекать на работу с делегациями и на конференциях КМО со второго курса инъяза, что оказалось прекрасной переводческой школой.

Кроме того, работа от КМО была интересной и в человеческом плане. В самом комитете и «при нём» работало много интересных, нестандартных и весьма симпатичных мне людей, большинство из которых были выпускниками родного инъязы. К их числу принадлежал и ответственный за набор синхронистов на фестиваль – Алексей Ананьев, возглавивший нашу многочисленную бригаду в Пхеньяне.

Пересекаем границу

Летели мы в Пхеньян долгим рейсом с посадкой в Хабаровске. Рейс был смешанным: внутренне-заграничным. До Хабаровска всё было по-советски уныло: от мрачных стюардесс до малосъедобных цыплячьих крылышек с костями, после которых руки становились жирными, а вытереть их было нечем, так как бумажных салфеток в ту пору в самолётах не выдавали.

В Хабаровске самолёт покинули внутренние пассажиры и нас тоже выгнали на улицу, где мы протоптались около часа под каким-то навесом. Зато, когда мы вернулись в самолёт, всё переменялось – начался международный отрезок полёта. Экипаж сменился на другой, «заграничный»: стюардессы надели на руки белые перчатки, а на лица – улыбки и после взлёта сразу стали развозить шампанское и другие напитки, которыми на внутренних рейсах в ту пору приходилось запастись самостоятельно. (Что, кстати, и сделали многие мои коллеги: ещё в Шереметьево они поднялись на борт с увесистыми портфелями. Сразу после взлёта портфели были вскрыты, и весело засверкавшие в них бутылки с красивыми наклейками были пущены в дело.)

Гостиница

Часа через три после вылета из Хабаровска мы приземлились в Пхеньяне. Формальности не заняли много времени, и нашу многочисленную группу стали развозить по разным гостиницам. Конечно, тогда ещё об отдельных номерах для каждого переводчика не было и речи. Нам предложили разбиться на пары. Я поселился в одном номере с Александром Михеевым: мы с ним объединились прежде всего как некурящие люди (коих в нашей синхронистской среде, увы, немного). Когда я зашёл в номер, вспомнилось детство: комната была обставлена в стилистике 1950-х годов. Особенно характерным оказался телевизор – он напоминал советский телевизор второго поколения «Знамя», сменивший первый «КВН», который стоял у нас дома, когда семья жила ещё в одной комнате в огромной московской коммуналке.

Но на следующий день, когда мы вернулись в номер вечером, старого телевизора там уже не было, а на его месте стоял новенький «Сони». Гостиница аврально модернизировала номера иностранцев. Кстати, к нам, синхронистам, тоже были приставлены переводчики из числа корейцев для помощи и сопровождения. Корейцы жили по другую сторону гостиничного коридора, но в других условиях: по четверо, без удобств и без всяких телевизоров.

Телевидение

Впрочем, и наш «Сони» нельзя было смотреть без смеха или без слёз: программ было всего две, и по ним шла сплошная пропаганда. Я, конечно, не понимал корейского, но из интереса смотрел новостную программу – аналог нашей программы «Время». Так вот, северокорейское «Время» состояло только из двух блоков информации: Ким Ир Сен и погода. Сначала долго показывают Ким Ир Сена, принимающего какую-то африканскую делегацию. Потом идут кадры о том, как эта делегация посещает музей подарков «великому вождю» и другой музей – дом, в котором он родился. Дальше опять долго показывают Ким Ир Сена, принимающего уже другую иностранную делегацию. Затем вторая делегация посещает музей подарков и дом-музей. Вслед за этим – приём третьей делегации... ну, и так далее до упора. В конце выпуска – сообщение о погоде.

Прочие телепрограммы были посвящены, судя по видеоряду, производственным успехам города и села. Однако надо отдать должное: в дни фестиваля корейцы, видимо, решили продемонстрировать, что они всё же не лыком шиты и знакомят свой народ с мировой культурой. По телевизору периодически показывали иностранные фильмы 1950-х годов, в основном французские на исторические и сказочные сюжеты. Попадались и старые советские фильмы. Естественно, дублированные. А один раз была даже трансляция концерта Аллы Пугачёвой, которая тоже приехала на фестиваль и шокировала северных корейцев сверканием оголённых ножек под неприлично короткими балахонами. И это в стране, где девушки все сплошь ходили в одинаковых закрытых платьях до щиколоток и с длинными рукавами до запястий.

Модернизация

К фестивалю в Корею было многое построено и осовременено. По крайней мере там оказалось некоторое число вполне современного вида гостиниц. Для перевозки участников было закуплено много

машин и автобусов. Впрочем, не всё продумали как следует: часть автомобилей купили в Японии, и они были с правым рулём, несмотря на то что в Корее движение правостороннее. В результате у того микроавтобуса, на котором нас возили на работу, дверь для пассажиров была с левой стороны, и выходить из неё надо было на проезжую часть.

Нам сказали, что до фестиваля в Пхеньяне не существовало светофоров. В них, видимо, и не было нужды, поскольку частных машин в Корее нет, а государственных немного, так что уличное движение очень слабое. Ну, а там, где всё же возникает необходимость регулировать перекрёстки, роль светофоров выполняют милые девушки-регулирущицы. Многие из них стоят на высоких тумбах посередине перекрёстка и, как автоматы, беспрерывно машут жезлами, свистят в свистки и поворачиваются, пропуская машины в нужном направлении. Когда темнеет, на спине у девушек загорается лампочка. Если же идёт дождь, они надевают прозрачные плащи с капюшонами, но продолжают без усталости крутиться и манипулировать жезлами. Впрочем, несколько автоматических светофоров к лету 1989 года в Пхеньяне всё же установили, но они ещё не были подключены и не работали.

На улице

Гуляя по улицам, мы чётко ощущали свою инородность. Большинство иностранных делегатов фестиваля одевались по-летнему, то есть расхаживали по Пхеньяну в шортах и футболках, а некоторые (кажется, немцы) иной раз ходили вообще раздетыми до пояса. Корейцы же все были одеты очень строго. О девушках и женщинах я уже сказал, а мужчины носили длинные брюки и либо лёгкие пиджачки, либо рубашки, из-под которых просвечивала нательная майка. А как же ещё одеваться, если носишь на груди значок с портретом Ким Ир Сена! Ношение такого значка у них – дело обязательное всегда и везде, а если ты его забыл дома, то тебе обязательно влепят выговор по партийной, комсомольской или пионерской линии.

Портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира являлись обязательным элементом всех без исключения интерьеров как общественных зданий, так и жилых квартир. Они должны были висеть в каждой комнате. Красовались такие портреты и у нас в номере. Когда же мы шли вечером по улице мимо многоквартирных домов, то эти портреты были видны в каждом окошке, потому что вешать на окна занавески северным корейцам не полагается – у них не должно быть секретов от партии и

страны. Через незанавешенные окна видно было и то, что семьям разрешается иметь в комнате только один вид светильника – потолочную люминесцентную трубку.

Отношение обычных прохожих к иностранцам, которые, естественно, резко отличались от местного населения, было как к инопланетянам. Помню, я как-то шёл по тротуару, а навстречу мне двигалась, глядя в землю, старушка. До поры до времени она меня не замечала, но в какой-то момент подняла глаза. Её взгляд пересёкся с моим, и на лице кореянки отразился неопишуемый ужас оттого, что она оказалась на линии моего пути, хотя я был ещё на расстоянии метров десяти. Словно кошка, женщина отпрыгнула метра на полтора в сторону и дальше уже огибала пришельца на «безопасном», по её мнению, расстоянии.

В троллейбусе, которым мы с Сашей Михеевым однажды воспользовались, граждане в смятении повскакали со своих мест, чтобы освободить их для нас, чем поставили нас в крайне неловкое положение. Юные пионеры на улицах, правда, вели себя увереннее: они деловито отдавали рукой салют, встречая делегатов фестиваля. Если по улице проезжал грузовик со школьниками (а их возили именно в открытых грузовиках), то салют был коллективным. Видимо, школьникам заранее разъяснили, что молодёжь всего мира съехалась Пхеньян на фестиваль, чтобы заявить о своей поддержке политики их великой страны.

Сибаритство

К нашим услугам было множество удовольствий. В один из первых же дней нашего пребывания в Пхеньяне нас повезли в только что отстроенный парк развлечений со всякими аттракционами. Правда, парк оказался безлюдным – кроме нас, там никого не было, но на аттракционах можно было кататься совершенно бесплатно. Впервые я увидел там и современный аквапарк с водяными горками. В тот же день все убедились, что даже под открытым небом аквапарк – сооружение опасное: одна наша молодая коллега, съезжая с водяной горки, на большой скорости столкнулась с парнем, стоявшим у подножия, и сломала себе ногу. В итоге фестиваля она так и не увидела, пролежав несколько недель загипсованная в пхеньянской больнице. Мы ходили её навещать, но можно себе представить, как тяжело ей было там в одиночестве! Домой она вернулась значительно позже всех нас, когда сняли гипс.

Саша Михеев быстро сориентировался и выяснил, что мы можем ходить в лучший городской бассейн, предназначенный для подготовки олимпийцев. Режим работы у нас был не очень напряжённый, и мы почти ежедневно наведывались в этот спорткомплекс. Когда мы туда ходили, кроме нас в 50-метровом бассейне практически никого больше не было. Мы получали большое удовольствие от плавания, и вот тогда-то Михеев изрёк своё кредо сибарита, состоявшее из двух пунктов:

Красиво жить не запретишь;

Как правильно мы живём!

Потом он неоднократно повторял эти слова в компании других переводчиков, и они получили определённую популярность. Кое-кто из коллег подхватил их как шуточный девиз. Мне, правда, эти сентенции казались не вполне удачными с точки зрения логики: если первая фраза действительно может сойти за какое-то правило жизни, то вторая есть лишь некая констатация, но никак не принцип. Но факт остаётся фактом: и спустя многие годы кто-то из моих коллег с удовольствием цитирует «принципы Михеева».

Подарки

После бассейна мы ходили на корейский массаж. Его выполняли опытные профессионалы, внушавшие доверие. Самочувствие после такого массажа было превосходным. Эта услуга была, как и бассейн, бесплатной, но во время последнего сеанса мы в знак признательности подарили нашим массажистам традиционные русские сувениры (сами догадайтесь, какие – но не матрёшки). Массажисты не стали проявлять коммунистической принципиальности и отказываться от подарков: напротив, они приняли бутылки совершенно невозмутимо и отработанным жестом убрали их в укромные места.

В связи с темой подарков упомяну ещё один эпизод: я решил отблагодарить паренька-корейца, который был к нам приставлен в качестве гида и помощника и действительно во многом помогал. Подарком была мужская сумочка-«визитка», как их тогда называли, приобретённая мной накануне поездки в специальном отделе ЦУМа, где нас и всех членов советской делегации «экипировали» к фестивалю по талончикам КМО.

В Союзе такие сумочки уже почти вышли из моды, а вот в Северной Корее мода на них была на самом пике, и я думал, что парень обрадуется сувениру. Однако он стал отнекиваться, не хотел брать подарок,

а когда я наконец настоял, принял его с видом мученика. И в дальнейшем страдальческое выражение не сходило с его лица. Такое поведение показалось мне странным, но потом я догадался, в чём дело: свой подарок я сделал парню в людном месте, и он, видимо, испугался, что кто-то увидит это и сообщит куда следует. Так что потом ему явно пришлось сдать эту «визитку» в какой-нибудь фонд комсомола или партии. Да, хорош я: не сообразил сделать это в более укромном месте.

Открытие фестиваля

Весьма впечатлял праздник на стадионе, посвящённый открытию фестиваля. Он напоминал церемонии открытия Олимпийских игр. Главным его акцентом был «живой экран» – трибуна с обученными людьми, которые по определённом сценарию выкидывали флаги и надевали шапочки разных цветов, так что перед зрителями представляли красочные изображения, надписи, а то и мини-фильмы. На поле стадиона, сменяя друг друга, выступали многолюдные колонны физкультурников, труппы циркачей и ансамбли танцоров.

Ударным танцевальным номером в большинстве церемоний и концертов были женские ансамбли, которые по ходу танца удивительным на первый взгляд образом демонстрировали мгновенные переодевания. Вот девушки идут хороводом, который скручивается в спираль, а потом спираль раскручивается, и оказывается, что платья на них превратились из жёлтых в розовые. Темп музыки убыстряется, девушки резко оборачиваются вокруг своей оси и, выходя из поворота, предстают перед изумлённой публикой уже в зелёных нарядах. И так шесть или семь раз за танец. Посмотрев подобные танцы несколько раз на разных концертах, я, наконец, разгадал секрет фокуса. Он несложен, и читатель тоже смекнёт, в чём дело, если я скажу, что после каждого «превращения» платья на девушках становились чуть длиннее, а их верхняя блузочная часть – чуть менее пышной.

Бурные, продолжительные...

В 1989 году были живы и «великий вождь» корейского народа Ким Ир Сен, и его сын и официальный преемник Ким Чен Ир, «дорогой товарищ» и «любимый руководитель» (эти титулы неизменно сопутствовали любому упоминанию их имён). Впервые мы увидели отца и сына воочию на церемонии открытия. Написав «отца и сына», я подумал: не хватает только духа святого. Впрочем, эту функцию выполняют в Северной Корее идеи «чучхэ»: идеология коммунистического

воспитания населения, суть которой сводится к культуре личности вождей. Нет нужды и говорить, что колоссальные статуи Ким Ир Сена (некоторые из них – золотые) стоят в стране повсюду. На каждом шагу висят и красочные портреты лидеров, а также картины, изображающие встречи вождей с народом, во время которых они своими ценными указаниями вдохновляют людей на новые свершения.

Так вот, как только два северокорейских лидера появились в правительственной ложе, весь стадион взревел, заплодировал и повскакал со своих мест. В Северной Корее так полагается – приветствовать вождей бурным ликованием. Конечно, иностранцы встали из вежливости, а корейцы – те не просто ликовали, а во весь голос кричали приветственные возгласы, бешено размахивали флагами и прыгали на месте. Мы, советские переводчики, размещённые на гостевой трибуне более или менее компактно, тоже поднялись и похлопали. Ликование стадиона продолжалось. Шли минуты. Мы уже устали хлопать и приняли позу «вольно». Стадион продолжал реветь. Вот ещё проходят минуты и минуты, а общий энтузиазм не иссякает. Мы начинаем переглядываться.

Спустя минут десять Алексей Ананьев, наш старший, демонстративно садится на своё место. Молодец, поддержал я его мысленно и тоже сел, вместе со многими переводчиками. Должно же всё иметь разумные пределы! Но нелегко, скажу я вам, оставаться в сидячем положении, когда все вокруг стоят и беспрерывно аплодируют. Я заметил, что кое-кто из севших не выдержал и снова встал. Всеобщее ликование продолжалось в общей сложности минут пятнадцать или двадцать. Впоследствии я был свидетелем чего-то подобного, когда мы были в Пхеньянском цирке. Представление тоже внезапно посетил кто-то из вождей – я, честно сказать, не разглядел, кто именно из двоих. При его появлении в правительственной ложе выступления прервались и повторилась длительная демонстрация народной любви, причём цирковые артисты на арене буквально ходили на головах от радости пред ликом одного из своих великих кормчих.

Работа

Собственно работа синхронистов на фестивале была нелёгкой. Как известно всем переводчикам, чья карьера началась в советский перевод, самая лёгкая тема для перевода – борьба за мир. Именно ею мы там и занимались: клеймили позором империализм и укрепляли солидарность прогрессивной молодёжи мира.

Кроме многочисленной советской бригады, на ниве синхронного перевода трудились также ребята из Болгарии, ГДР и с Кубы. В этих странах были очень сильные школы синхронистов, и мы моментально нашли с ними общий профессиональный язык, быстро и чётко договариваясь, какой язык делать осевым так, чтобы всем это было удобно.

Я помню, как меня восхитили кубинские переводчики, с которыми пришлось работать вместе на одном из форумов. Испанский язык занимал важное место на фестивале, так как приехало много делегаций из Латинской Америки. Кубинцы просто блестяще переводили с испанского на английский, который мы сделали осевым. А мы в нашей кабине, естественно, переводили с английского на русский и обратно.

Корейская кабина на всех мероприятиях тоже присутствовала, однако вузы КНДР синхронных переводчиков не готовили, и те корейцы, которых определили в синхронисты, были явно не в своей тарелке. То, что они переводили с корейского на русский, было почти невозможно понять. Впрочем, необходимость «брать» их перевод возникала редко.

Банкеты и еда

Ну, а сейчас я объясню, почему я назвал Ким Чен Ира лучшим другом переводчиков-синхронистов. Дело в том, что помимо обширной культурной программы, предложенной во время фестиваля всем участникам, специально для синхронистов были организованы многочисленные увеселительные поездки и экскурсии, а самое главное – целых три роскошных банкета.

Первый банкет проводился в плавучем ресторане под названием «Золотой дракон» или что-то в этом роде. Там-то нам и объявили во время специального приветствия, зачитанного представителем корейской стороны, что приём даётся от имени любимого руководителя, дорогого товарища Ким Чен Ира в честь синхронистов, поскольку он очень высоко ценит и уважает их труд.

Несколько слов о корейской кухне. Свидетельством уважения к гостю считается в Корее частая смена блюд. На обеды и ужины нам подавали по шесть-семь блюд, перемежая довольно пресные блюда невообразимо острыми. Один раз по неосторожности я попробовал какое-то острое блюдо, и от него у меня чуть не выпали глаза из орбит. Но потом я научился разбираться в кушаньях и употреблял только неострые яства. Мне и этого было более чем достаточно.

Мы не могли не заметить, что корейские коллеги, питавшиеся за отдельными столами, получали куда более скромное питание: одно-два

блюда. Нам было неловко, тем более что мы понимали: стране далеко до продовольственного изобилия. Население живёт по карточной системе. В продовольственных магазинах чисто и красиво, но товар на полках скудный, а покупателей почти нет: купить продукты можно только по карточкам, а если ты выкупил свою месячную норму, то тебе и в магазине нечего делать.

Деньги и покупки

Кстати, в стране ходят три вида денег (корейская денежная единица называется «вон»). Первый вид – воны грязно-коричневого цвета, ими платят зарплату рядовым гражданам, и на них почти ничего нельзя купить. Другой вид – розовые воны: на них можно отовариваться в спецмагазинах (типа существовавших в Союзе «Берёзок»), но продаются за них не все, а лишь не самые дефицитные товары. Наконец, третий вид – синие воны – равноценны твёрдой валюте, и на них можно купить в корейской «Берёзке» любой импортный товар. Розовыми и синими вонами платят зарплату привилегированным лицам – очевидно, нерядовым чиновникам и партийному начальству. Членам «внутренней партии», если использовать терминологию Оруэлла.

Нам, переводчикам, заплатили деньги за работу розовыми вонами, которые, хоть и не были полноценной валютой, всё же позволили нам купить очень приличные вещи себе и всем близким. В те годы каждому советскому человеку, выезжающему за границу, было просто стыдно не привезти из-за кордона подарки всем своим родственникам и близким друзьям. Кроме того, для участников фестиваля устроили что-то вроде рынка народных ремёсел, где тоже было много интересного. Я, например, купил себе рюмочку из нефрита. Говорят, нефритовая посуда обладает особыми энергетическими или даже целебными свойствами. В любом случае это очень красивое изделие, и мне жаль, что я не купил тогда целый набор.

Один из моих друзей и коллег Илья решил купить себе в пхеньянской «Берёзке» огромный импортный телевизор (кажется, японский). Лично я не стал бы этого делать, просто чтобы не возиться с такой тяжёлой громадиной, но тогда у нас хорошая электронная техника была в дефиците, и понять его желание порадовать семью было можно. Он, бедняга, намучился с этим ящиком на обратном пути: когда мы прилетели в Шереметьево, была уже глубокая ночь. О доставке переводчиков в город из аэропорта КМО не позаботился. Везти телевизор можно было только на такси, но таксисты из шереметьевской

мафии среди глухой ночи стали заламывать цену чуть ли не в треть стоимости самого телевизора. Это при том, что Илье надо было ехать недалеко – в район Ленинградского проспекта.

Илья уже собрался было сидеть в аэропорту до утра, но тут сами таксисты-мафиозники подтолкнули к нам робкого паренька. Тот явно не входил в их «группировку», а был просто наивным леваком, решившим подзаработать. Он запросил вполне разумную цену, и нас даже удивило, почему таксисты позволили ему взять пассажиров и сбить им рынок. Причину я понял позднее. Машина у него оказалась вдрызг разбитой «волгой». Делать нечего, мы с Ильёй взяли эту машину на двоих, так как нам было по пути. Доставив Илюшу с его телевизором и парой огромных чемоданов домой, парнишка-левак повёз домой и меня. Когда я расплачивался с ним, он сказал: «Добавить надо бы». – «За что? – спрашиваю. – Уговор дороже денег». – «А за то, – отвечает паренёк, – что у меня в машине тормоза не работают, а я вот довёз же вас обоих до дому и не угробил». Меня бросило в холодный пот. «У тебя тормоза не работают? – возмутился я. – Так это ты нам должен заплатить, что мы своей жизнью в твоём драндулете рисковали!».

Женьшеневка

Но вернёмся к нашему пребыванию в Пхеньяне. Один из товаров, который имелся там в изобилии и продавался почти в каждом магазине, – настой женьшеневого корня, или женьшеневая водка. Она была разных сортов – подешевле и подороже, но и самая дешёвая «женьшеневка» вполне устраивала тех из моих коллег, у кого постоянно «горела душа». Чего греха таить, среди представителей нашей профессии таких людей немало, и они ежевечерне отдавали дань женьшеневой настойке, тем более что наличие в напитке знаменитого «корня жизни», пусть и искусственно разводимого на плантациях, создавало иллюзию медицинской полезности продукта.

Второй приём для синхронных переводчиков состоялся в ресторане одной из гостиниц, где мы жили. Там тоже рекой лились спиртные напитки и подавались обильные угощения. Данный приём считался прощальным и был устроен накануне нашего отлёта. На следующее утро нас должны были отвезти в аэропорт около девяти утра.

Понятное дело, что, раз работа закончилась, следовало хорошо отметить её окончание, как и завершение нашего пребывания в гостеприимном Пхеньяне. Многие коллеги уже не видели никаких причин

ограничивать себя в потреблении «женьшеневки». В номера многие вползали кто в три, а кто и в четыре утра.

В бункере вождей

И вот представьте себе: любовь Ким Чен Ира к синхронному переводу и представителям нашей профессии оказалась столь сильным чувством, что он приказал устроить уже не для всех, а на сей раз только для советских синхронистов ещё один, самый роскошный приём. Когда же найти для него время? Решение было найдено просто. Вылет самолёта «Аэрофлота» задержали, а нас корейцы-сопровождающие стали будить и выволакивать из номеров аж в семь часов утра.

Можно было наблюдать, как некоторых коллег, находившихся в полубесчувственном состоянии, буквально под руки выводят из номеров и заталкивают в автобус. У некоторых ещё не были собраны вещи, и поскольку сами они были совершенно не в состоянии не только их собрать, но и сообразить, чего от них хотят, их соседи по номеру, чуть лучше держащиеся на ногах, слабо скоординированными движениями распахивали как попало вещи и покупки друзей по их чемоданам.

Наконец всех загрузили в автобусы и повезли к месту торжественного приёма. Везли нас долго, а затем в окошко автобуса я увидел, что мы проезжаем сквозь блок-посты и массивные ворота с отъезжающими в сторону бетонными стенами. Таких блок-постов и ворот оказалось несколько, штук пять, и в какой-то момент дорога ушла в тоннель. Мы поняли, что нас везут в подземный бункер.

Когда нас высадили, мы оказались во дворце. Окон в этом дворце не было, что и понятно, поскольку он находился под землёй. Вместо них в стенах были огромные фотовитрины, подсвеченные сзади, с изображениями величественных горных пейзажей. Потолки были высокие, и никакого ощущения подземелья не возникало. Какое-то время мы ходили, восхищённо осматривая роскошный декор холлов и коридоров дворца, и даже фотографировались, в чём нам никто не препятствовал. Затем нас пригласили пройти в банкетный зал.

Лукуллов пир

Зал имел форму правильного шестистороннего многоугольника. В нём было расставлено 32 стола, каждый на восемь человек (сообщаю эти сведения так точно потому, что у меня сохранился вручённый мне при входе билетик с планом рассадки и указанием номера стола). Рассевшись, мы обнаружили, что перед каждым прибором стоит батарея

из восьми рюмок разных размеров, выстроенных «по росту». Каждая предназначалась для определённого вида напитка, который полагалось пить вместе с той или иной сменой блюд. Официанты тут же и приступили к разливу горячительного. И это ранним утром, когда не было ещё и восьми часов!

Мы ожидали, что, может быть, сам «дорогой товарищ» почтит приём своим присутствием. Но нет, вместо него к микрофону подошёл менее дорогой, но тоже важный товарищ и зачитал приветствие второго лица государства нам, советским синхронистам. Да, всё это было организовано специально для нас, да ещё и в таком месте, куда, я уверен, попадают немногие из приезжающих в КНДР иностранцев.

Не буду перечислять тех лукулловых яств, которыми были уставлены столы. Скажу только, что они производили совершенно убийственно впечатление, особенно потому, что в такую рань никакая еда не шла в горло. Я, кажется, не удержался только от крабов – деликатеса, который обожал всегда.

Стена исчезает

А когда мы начали есть, одна из стен многоугольного зала непостижимым образом исчезла, и вместо неё под звуки фанфар нашему взору открылась залитая огнями сцена. Из темноты на сцене проявился оркестр, который тут же ударил какую-то энергичную западную поп-музыку. Впрочем, тогда ещё термин «поп-музыка» не был в ходу, говорили «эстрадная музыка». Подобная музыка не была для нас чем-то необычным, она широко исполнялась в Союзе. Но в Северной Корее, после того, как мы на протяжении десяти дней слышали только сладкозвучные и неторопливые народные мелодии, эти синкопические дискотечные ритмы показались уже полным буржуазным упадничеством.

Ага, подумал я, так вот чем развлекает себя местная высшая элита, кормящая свой народ исключительно фольклором да революционными операми. Но это было ещё не всё. В какой-то момент платформа, на которой сидел оркестр, совершила поворот на 180 градусов и оркестр «усхал», а на сцену вырвалась группа танцовщиц. Платья у них были выше колен, что, по корейским меркам, граничило с неприличием, потому что, как я уже писал, обычный наряд девушек и женщин в этой стране достигал чуть ли не щиколоток. И вот эти девушки стали отплясывать какой-то ну совершенно не народный танец – с резкими и даже, я бы сказал, эротичными движениями, от которых по контрасту со всем ранее виденным у меня по коже поползли мурашки.

Правда, фокус с многократной сменой платьев был продемонстрирован и на этот раз, что внесло национальную ноту в подражание «разлагающемуся» Западу. Короче говоря, мы посмотрели концерт из числа тех, которыми, как можно предполагать, тешат себя высшие северокорейские руководители, да ещё и в одном из бункеров, где они сохраняют себя в безопасности от происков американских империалистов. Я думаю, каждый из нас, переводчиков, осознавал, что такой опыт выпадает далеко не каждому.

Сегодня многие коллеги вспоминают эту поездку как не сравнимую ни с одной другой. Большинство из них с тех пор поехали по многим странам и накопили огромный багаж впечатлений. Но воспоминания о десятидневном пребывании в Северной Корее не меркнут перед другими. От одного коллеги я услышал: «Если бы сегодня мне представился шанс повторить эту поездку, я бы отправился в неё даже бесплатно».

Отчасти это можно объяснить тем, что мы находились там в кругу коллег-синхронистов, среди которых было столько старых друзей и появилось столько новых. Но во многом яркость воспоминаний обязана и тому уникальному гостеприимству, с которым нас принимали, и осознанию того, что мы наяву побывали в оруэлловской антиутопии. В этой стране тоталитарный строй чувствуется кожей везде – ходишь ли ты по улице (где вдоль трассы автобусного маршрута через каждые двести метров выглядывают из кустов сотрудники безопасности в штатском), смотришь ли в окно (под которым на комсомольскую пятиминутку уселись в кружок на корточках сопровождающие тебя корейцы) или смеёшься над клоунами в цирке (понимая при этом, что даже цирковой юмор у них – партийный).

А подсознательно тебя греет мысль, что ты, хоть и находишься в этой сюрреалистической антиутопии, наблюдаешь её как экскурсант. Что ты-то сам в безопасности, что ты, в отличие от несчастных корейцев, вроде бы свободный человек, который через короткий срок вернётся в свою страну, окрылённую идеалами перестройки и ускорения...

НОСИТЕЛИ СОВЕРШЕНСТВА

В советских художественных фильмах переводчики (в качестве действующих лиц) почти не фигурировали, да и вообще темы перевода по сюжету затрагивались крайне редко. Тем не менее в каких-то кинокартинах, в основном комедиях, всё же были то маленькие сценки, то реплики на эту тему. Они любопытны: по ним можно судить, как советские кинематографисты представляли нашу профессию себе и зрителям, что они в ней видели и как они её трактовали. Не претендуя на полноту обзора, я расскажу в этой статье о некоторых запомнившихся эпизодах.

Совет Варвары Капитоновны

В 1960 году вышел на экраны фильм «Русский сувенир» – последний опыт в жанре комедии-ревю кинорежиссера Григория Александрова (постановщика классических фильмов «Весёлые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Весна»). Сюжет сводится к тому, что молодой советский инженер Варвара Капитоновна (актриса Любовь Орлова) демонстрирует скептическим иностранцам-капиталистам достижения Страны Советов. Она не только успешно доказывает им преимущества советского образа жизни, но и попутно влюбляет в себя почти всех членов делегации (не доводя, разумеется, дела до «аморалки»).

Фильм оказался на редкость слабым. Он с треском провалился и даже был раскритикован в журнале «Крокодил». Просматривая этот фильм сегодня, поражаешься нелепости и фальши, которыми пронизан практически каждый диалог, каждая мизансцена. Участие в фильме выдающихся актёров не только не спасает положения, но заставляет сочувствовать мастерам экрана, вынужденным разменивать свой талант на бездарную пропаганду.

Впрочем, нас интересует не фильм в целом, а что в нём было о переводе. «Порадую» читателей одним из перлов. Молодой и красивый Валентин Гафт изображает французского певца, который, изнывая от любви к строителям коммунизма, на запруженной народом площади какого-то сибирского города исполняет под аккомпанемент рояля песню со следующими словами:

«Я очень, очень рад, что русское *товарищ*
легко перевести на слово *камарад*».

Эти вирши, конечно, достойны занесения в какую-нибудь книгу рекордов глупости и косноязычия.

Заслуживает упоминания и диалог между Варварой Капитоновной и молодой переводчицей Ларисой Курлычкиной, приглашённой провести для иностранцев экскурсию по сибирскому городу. Лариса взволнована.

Варвара Капитоновна. Почему вы так волнуетесь, девушка?

Переводчица Лариса. Я институт ещё не закончила. Я боюсь, что не смогу вспомнить, что надо говорить.

Варвара Капитоновна (проникновенным, но несколько менторским тоном). Не надо бояться, Лариса. **Если будете говорить правду, ничего не придётся запоминать.**

Вот так, дорогие товарищи гиды-переводчики. А вы-то всё боитесь чего-нибудь не вспомнить. Следуйте совету незабвенной Любви Орловой в роли Варвары Капитоновны, и всё будет хорошо! Кстати, кусочек самой экскурсии в фильме тоже показан. Мы не видим того, что именно демонстрируют экскурсантам, но можем наблюдать их самих и переводчицу в интерьере автобуса:

«Посмотрите налево. (Все сидящие в автобусе одновременно поворачивают головы налево). Это новые, строящиеся кварталы города. Посмотрите направо. (Все так же дружно поворачивают головы направо). А это следы уходящей жизни».

Молодец, Лариса, полезную экскурсию провела.

Доживём до совершенства

В 1968 году вышел на экраны фильм «Доживём до понедельника» режиссёра Станислава Ростоцкого по сценарию Георгия Полонского. Эта картина имела огромный успех и, кроме прочего, стала удачным дебютом актрисы Ирины Печерниковой, сыгравшей роль учительницы английского языка Натальи Сергеевны.

Главный сюжетный конфликт фильма заключается в неспособности ещё молодой и резковатой Натальи Сергеевны найти общий язык с учениками. В какой-то момент учительница задумывается над тем, не лучше ли ей уйти из школы и подыскать себе другое место. Какую же другую работу считает достойной себя учительница английского, потерпевшая фиаско на педагогическом поприще? Ну, сами понимают, – работу переводчика!

Зайдя в учительскую, когда там никого нет, Наталья Сергеевна поднимает трубку телефона и набирает номер. Она звонит в некую организацию, которой предлагает свои услуги. На другом конце провода, видимо, спрашивают: «Какими языками владеете?».

Ответ Натальи Сергеевны обезоруживает:

– Английским, французским – в совершенстве.

Вот это да! И какой только вуз кончала эта девушка? Где её этому научили или, точнее, где её **не отучили** от выражения *владеет языком в совершенстве*?

При всем уважении к сценаристу фильма думаю, что этот прокол следует отнести на его счёт (если только он не хотел выставить свою героиню самовлюблённой зазнайкой). Не знал он, видимо, что среди профессиональных переводчиков, педагогов и лингвистов **не принято** говорить о себе, что знаешь язык «в совершенстве». Употреблять это выражение, расхожее среди дилетантов, считается у нас дурным тоном. Нужно ли доказывать, что «в совершенстве» никто не знает ни один язык, включая родной? Даже синхронисты высшего класса скажут о себе только, что они владеют иностранным языком «свободно». А школьная «англичанка» должна была постыдиться заявлять о владении «в совершенстве» аж двумя иностранными языками сразу. Всем известно, с каким «совершенным» знанием языков покидали (да и сейчас покидают) у нас стены вузов их выпускники и как быстро эти «совершенные» знания деградируют у школьных педагогов.

Но с другой стороны, в этом выражении – «владеет в совершенстве» – просвечивает обывательски-наивное отношение к переводчику. С точки зрения не искушённых в языках людей (включая и многих кинематографистов), мучившихся много лет в школе над проклятым «инглишем» или «дойчем» и не запомнивших в итоге и десятка иностранных слов, – переводчик, умеющий не просто связать два слова, а и **общаться** на иностранном языке, уже почти небожитель. А небожителям полагается обладать совершенными знаниями.

Много ли нужно, чтобы стать переводчиком

С эпизодом из «Доживём до понедельника» хорошо коррелирует – только в пародийном ключе – сценка из комедии «Джентльмены удачи» режиссёра Александра Серого по сценарию Виктории Токаревой и Георгия Данелии, вышедшей три года спустя после «Доживём до понедельника» (в 1971 году).

Георгий Визин и Савелий Крамаров играют в этом фильме роли беглых уголовников Хмыря и Косого. Им велено учить английский язык, потому что человек, которого они принимают за вора в законе по кличке Доцент (Евгений Леонов), якобы планирует «брать посольство». Усевшись в саду – Хмырь на раскладном стуле с учебником

английского языка, Косой на качелях, – эта парочка занимается английским. Хмырь проверяет Косого на знание выученных слов.

Хмырь. Карандаш?

Косой. Э пенсил.

Хмырь. Стол?

Косой. Э тейбл.

Хмырь. Девушка?

Косой. Чувиха.

Хмырь. Да нет же! Гёрл!

Косой. Оу, йес, гёрл!

Хмырь. Йес, йес... ОБХС!

А спустя несколько дней Хмырь спрашивает Косого, чем бы тот занялся, если бы завязал с воровским ремеслом. Косой отвечает гениальной репликой:

Могу снег чистить, кирпичи класть... или переводчиком. Английский я знаю.

Эта фраза недаром стала крылатой. В заявлении Косого «английский я знаю» не хватает только добавки «в совершенстве», какую мы слышали из уст героини Ирины Печерниковой. Мудрые авторы сценария очень здорово посмеялись над некоторыми выпускниками краткосрочных курсов, которые до того чугунные батареи перетаскивали. Почитал учебник, подучил слова – и пожалуйста, вот вам переводчик, может по роману в месяц переводить, да ещё примерно по тем же ставкам, какие платят за укладку кирпичей. Вот только, в отличие от Косого, снова чистить снег и класть кирпичи такие люди не готовы. Им надо по-быстрому справочку получить, насчёт владения в совершенстве.

Как переводить тарабарщину

По поводу перевода шутил в своих комедиях и режиссёр Леонид Гайдай. В «Кавказской пленнице» (1967, сценарий Л. Костюковского, М. Слободского, Л. Гайдая) знаменитая троица Бывалый, Балбес и Трус (Евгений Моргунов, Юрий Никулин и Георгий Вицин) в одном из эпизодов изображала «горцев», говорящих на экзотическом языке. Джабраил (актёр Фрунзик Мкртчян) знакомит с ними Шурика (Александр Демьяненко), чтобы привлечь его к «похищению невесты». Троицу представляют как «кунаков влюблённого джигита», коим следует передать невесту.

Встреча происходит в ресторане. У столика, за которым сидят Шурик и Джабраил, появляется комическая троица. Их папахи, черкески с газырями и кинжалы производят большое впечатление на Шурика – собирателя фольклора и экзотических обрядов.

Джабраил. Знакомьтесь! Они, к сожалению, совершенно не говорят по-русски. Но... всё понимают!

Кунаки приветствуют *Шурика* и присаживаются к столу.

Бывалый. Барда варпы. Курзал!

Шурик. Что он говорит?

Джабраил (в замешательстве). Он говорит... (Обрадованно – придумав, как «перевести» сказанное). «Приятного аппетита». Кушайте, кушайте! (Гневно сверкает глазами на *Бывалого*, поставившего его в тупик своей тарабарщиной).

Балбес (достаёт из газырей два патрона, один из которых оказывается папиросой, а другой зажигалкой. Закурив, подмигивает *Шурику*). Бамбарбия. Кергуду!

Шурик. Что он сказал?

Джабраил (уже войдя в роль «переводчика»). Он говорит: если вы откажетесь, они вас зарежут. (После паузы.) Шутка!

Эта смешная сценка ярко показывает, что иллюзия общения может возникать и тогда, когда исходный текст непонятен, а перевод является плодом воображения посредника. В реальной практике перевода действительно бывает, что переводчик вынужден импровизировать, сообразуясь с обстановкой, и если это у него получается, то адресат перевода может ничего не заметить.

Иногда она не переводится

В другой знаменитой комедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» (1969) представлен шуточный киноперевод. В те времена почти все иностранные фильмы для советского проката дублировались, но приём закадрового перевода обычно применялся в отечественных фильмах, где были эпизоды про иностранцев.

В отличие, например, от «Русского сувенира», где все «заграничные» персонажи общались между собой на идеальном русском языке, во многих других фильмах «иностранцев» для вящей убедительности заставляли говорить по-иностранному, а для зрителя на приглушённое звучание беседы накладывался закадровый перевод. Прочитать такой перевод поручалось обычно тренированному диктору, и в этом деле сложилась традиция произносить переводной текст ровным, почти механическим голосом.

Эту-то традицию и спародировали авторы «Бриллиантовой руки». В некоем средиземноморском городе перед аптекой под вывеской «Apteka Chikanuk» стоят пожилой аптекарь (актёр Григорий Шпигель) и его молодой подручный гангстерского вида (Леонид Каневский). Они говорят на неизвестном наречии (но внимательный читатель узнает в их тарабарщине некоторые слова из европейских языков).

Помощник аптекаря. Интес. Ке ора тель?

Женский голос за кадром (имеет грудной тембр, звучит с нарочито бесстрастной интонацией). Ну где же он?

Аптекарь. Мор бритте! Несо кор.

Голос за кадром. Спокойно. Должен прийти.

Помощник. Пурген ласте – шорт побери?

Голос за кадром. Пароль старый – чёрт побери?

Аптекарь. Шорт побери.

Голос за кадром. Чёрт побери.

Помощник (нервно). Кен зден райт – жастви Михаил Светлов?

Голос за кадром. А он точно с теплохода «Михаил Светлов»?

Аптекарь. (Его речь неразборчива, так как на неё накладывается «перевод».)

Голос за кадром. Нам сообщили так.

Помощник. (Речь неразборчива.)

Голос за кадром. Теплоход через час уйдёт.

Аптекарь (срываясь на нервный крик). Айзе! Лахе швайзе купадон! Из инте тах мах пинто! Вас нумфо нек нем фуралай нет ча-ча-ча, срукаделло фит!

Голос за кадром (ровным тоном). Заткнись.

Помощник (почти в ярости, с гримасами и жестикуляцией). Порко мадонна ди умбесто!

Пер бако кастела ди мембрана схимаринчесарвест итхам дураля!

Голос за кадром (ровным тоном). Простите, погорячился.

В последних двух репликах этого разговора создаётся комический эффект обманутого ожидания. Если до определённого момента внимание зрителя сосредоточено на самом действии, то затем оно переключается на «перевод»: поведение персонажей входит в резкий контраст с тем, что преподносится под видом перевода. Аптекарь и его подручный гневно осыпают друг друга многословными ругательствами, тогда как «переводчик» ограничивается короткими репликами, явно противоречащими сказанному не только по длительности звучания и эмоциональной окраске, но и по ситуативному смыслу.

Позднее мы сталкиваемся с аптекарями ещё раз: они снова вступают в перепалку.

Помощник аптекаря. (Речь неразборчива).

Голос за кадром. Куда ты смотрел, старый осёл?

Аптекарь. (Речь неразборчива).

Голос за кадром. Но тот тоже сказал пароль «Чёрт побери»!

Помощник аптекаря. Шорт побери, шорт побери! Воно сэс кусто взн шлак мордюк!

Аптекарь. То кэс кус мордюк таде шлак!

Продолжается ожесточённая перепалка, на которую накладывается реплика диктора: Дальше следует непереводаемая игра слов с использованием местных идиоматических выражений.

Здесь Гайдай уже по-другому подтрунил над закадровым переводом, заменив его псевдонаучным комментарием. Конечно, подобные ком-

ментарии в реальном кинопереводе не звучали, но то, что перевод был в те времена инструментом сглаживания углов и цензуры, всем было известно.

Фраза диктора стала крылатой. Думаю, что и по сей день благодаря этому фильму далёкие от лингвистики люди полагают, будто «идиоматическое выражение» значит что-то неприличное.

Как нельзя обращаться с переводчиками

Ещё кое-что на интересующую нас тему было и в популярной комедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» (1973). Фраза о переводчиках, прозвучавшая в фильме, тоже стала крылатой. Правда, ею (как и всей сценарной основой) фильм обязан пьесе Михаила Булгакова, откуда она и перекочевала на экран.

Управдом Иван Васильевич Бунша, разительно похожий на Ивана Грозного (артист Юрий Яковлев), вместе с квартирным вором Жоржем Милославским (Леонид Куравлёв) попадает на машине времени в древнюю Русь, меняясь местами с настоящим царём. Буншу принимают за царя, и ему приходится исполнять государевы обязанности, в том числе принимать шведского посла.

Посол. Дер гроссер кёниг дес шведишен кёнигсрейх занде мих, зейнен трейен динер, цу инен, царь и фелики кнезе Иван Василович Усарууса...

Милославский. Интурист, хорошо говорит!

Бунша. А что он говорит, конкретно?

Милославский. А пёс его знает! (Обращаясь к дьяку Федьке.) Феденька, надо бы переводчика!

Дьяк. Был у нас толмач-немчин. Ему переводить, а он лыка не вяжет. Мы его в кипятке и сварили.

Милославский. Нельзя так с переводчиками обращаться!

Здесь я не могу не сделать лирического отступления и не вспомнить ещё один фильм – правда, не советский, а американский. Это фильм «Возвращение джедая» (Return of the Jedi, 1983) режиссёра Дж. Лукаса – одна из серий «Звёздных войн». В нём авторы тоже пошутили на тему о том, как властители обращаются с переводчиками. Джаббе, правителю планеты Татуин, присылают в подарок двух дроидов (роботов). Одного из них, Ситрипио, отправляют на собеседование к роботу-«завхозу».

«Завхоз». А, новые поступления! Ты протокольный робот, да?

Ситрипио. В общем, да.

«Завхоз». Сколькими языками владеешь?

Ситрипио. Я свободно владею более чем шестью миллионами форм коммуникации, и могу легко...

«Завхоз» (*перебивает*). Отлично! А то мы остались без переводчика с тех пор, как хозяин рассердился на последнего и дезинтегрировал его.

Ситрипио (*испуганно*). Дезинтегрировал?

«Завхоз». Эй, охрана! От этого протокольного дроида может быть польза. Приделайте к нему болт-ограничитель и отведите в зал для аудиенций его превосходительства.

Итак, если в прошлом правители приказывали варить провинившихся переводчиков в кипятке, то в будущем (если верить «Звёздным войнам») их будут «дезинтегрировать». Методы разные, а отношение всё то же...

Но вернёмся к приключениям Ивана Васильевича. Выяснив, что переводчика нет, Милославский возвращается к Бунше.

Милославский (*Бунше*). Отвечай что-нибудь – видишь, человек надрывается.

Бунша. Гитлер капут!

В этом эпизоде многие советские зрители смеялись не только над забавным ходом сюжета, но и над собственным плачевным знанием иностранных языков. Прощаясь с послем, Милославский тоже напрягает память и выдаёт весь свой скудный запас иностранных слов:

Милославский. Ну, ауфвидерзеен, гудбай, оревуар! Короче говоря, чао!

Будем надеяться, что те, от кого это зависит, учтут совет Жоржа Милославского о том, как нельзя обращаться с переводчиками, даже несмотря на отсутствие в их работе совершенства, а также несмотря на склонность ряда коллег к зелёному змию.

Но до сих пор мы говорили в основном о том, как поминали переводчиков в комедиях. Конечно, это был поверхностный взгляд на нашу профессию. Неужели никто в нашем кино двадцатого века не показал её с серьёзной стороны? К счастью, это не так. В золотой фонд советского кинематографа входит фильм, где есть не только серьёзные высказывания о переводе, но и главным героем стал талантливый переводчик.

Об этом фильме – в следующей статье.

ТРАГЕДИЯ ТАЛАНТА

Среди лучших произведений советского кинематографа есть фильм, главным героем которого стал переводчик. Это фильм «Осенний марафон» режиссёра Георгия Данелии, вышедший в 1979 году и затем удостоенный ряда отечественных и международных наград. В фильме снялось созвездие замечательных актёров: Галина Волчек, Марина Неёлова, Наталья Гундарева, Евгений Леонов, Николай Крючков и другие. Главную роль – Андрея Павловича Бузыкина – играет Олег Басилашвили.

Конечно, фильм в целом – не о переводческой профессии, а о душевной драме человека, который в свои сорок с чем-то лет вроде бы преуспел в жизни, но никак не может её упорядочить. Он мечется между женой и любовницей, потерял общий язык с дочерью, вынужден лавировать в отношениях с сослуживцами. Бузыкин не способен никому отказать в помощи и из-за этого не успевает сделать собственную работу. Его жизнь превращается в непрерывный марафон, в котором он толком не знает, куда бежит.

«Это они, а я только перевожу»

И всё же в «Осеннем марафоне» есть много интересных и точных зарисовок профессиональной жизни нашего героя. С первых же кадров фильма мы узнаём, что Андрей Павлович занимается художественным и поэтическим переводом. Вот он диктует строки перевода машинистке Алле, своей любовнице (М. Неёлова):

Бузыкин (диктует). «А что природа делает без нас?

Кому тогда блистает снежный наст?

Кого пугает оголтелый гром?

Кого кромешно угнетает туча?

Зачем воде качать пустой паром?

И падать для чего звезде падучей?

Ни для кого, на всякий случай?»

Алла перестаёт печатать и встаёт из-за стола.

Бузыкин (недоумённо) Что? Что?

Алла (подходит к Бузыкину и обнимает его). Как бы я хотела, чтобы у нас был ребёнок!

Бузыкин (испуганно). Зачем?

Алла. Он был бы такой же талантливый, как и ты.

Бузыкин. Талантливый не я. Это они, а я только перевожу.

Из этого диалога неискущённый зритель узнаёт, что Бузыкин талантлив (для некоторых, может быть, вообще является откровением, что в переводе нужен талант). А искущённый зритель понимает это

уже по тем стихотворным строкам, что звучат с экрана. Без сомнения, это настоящая поэзия – и, кстати, на самом деле не перевод, а оригинальные стихи, написанные сценаристом картины Александром Володиным, выдающимся драматургом и поэтом. Надо обладать смелостью, чтобы в художественном произведении прямо назвать собственное сочинение талантливым, пусть и устами одного из героев. Но думаю, что Володин отдавал себе отчёт в достойном качестве своих стихов.

Сделаю небольшое отступление: для меня огромное удовольствие как для читателя или зрителя, когда в книге или фильме утверждается, что герой сочинил (или изобразил, или сделал) нечто талантливое, и ты понимаешь, что предьявляемый образчик его творчества действительно хорош. Одним из ярчайших примеров в этом смысле является для меня пьеса Э. Ростана «Сирано де Бержерак». Там не просто говорится, что Сирано – блестящий сочинитель и остроумец, там это действительно явствует из вложенных в его уста речей и реплик. А ведь сколько есть книг и фильмов, где словесно декларируется талант героя, но само произведение или никак не подтверждает этого, или не поднимается выше огорчительно посредственного уровня.

Но вернёмся к фильму «Осенний марафон». Отмечу, что Бузыкин, при всей своей одарённости, ещё и скромн: талантливы «они» (то есть авторы), заявляет он, «а я только перевожу».

Ещё один тип переводчика

Бузыкин не только переводит сам. Он ещё помогает датчанину Биллу Хансену (эту роль исполнил немецкий журналист Норберт Кухинке) с переводом произведений Достоевского на датский язык. Бузыкин добровольно взвалил на себя эту обязанность, хоть и тратит на неё уйму времени. Причина не только в его слабохарактерности, но и в том, что он искренне хочет, чтобы Достоевский дошёл до датского читателя в неискажённом виде.

Вот Хансен явился к Бузыкину домой, чтобы узнать его замечания о своём переводе.

Бузыкин. Билл, я прочитал. В принципе, всё правильно. Но есть кое-какие неточности. Вот здесь. Насколько я помню, у Достоевского сказано: «За кого ты себя считаешь, фря ты этакая, облизьяна зелёная». У вас правильно – *grøn abe*, обезьяна. А у него же «облизьяна». Сленг.

Билл. Андрей, я думаю, что «облизьяна» – это неправильная печать.

Бузыкин. Нет, это правильная печать.

Фраза про «зелёную облизыяну» даёт нам понять, что Билл Хансен работает над романом «Униженные и оскорблённые».

Мы понимаем, что этот приехавший на время в Россию университетский профессор – переводчик совершенно иного типа, чем Бузыкин. Он не очень хорошо владеет русским языком и вряд ли обладает переводческой смекалкой, раз полагает, что облизыяна – это «неправильная печать» (то есть опечатка). Зато у него, в отличие от Андрея Павловича, вся жизнь чётко распланирована, целенаправленности и усидчивости ему не занимать, и можно не сомневаться, что, запрягши безалаберного Бузыкина в свою организованную работу, Хансен сдаст перевод в назначенный срок. Может, это будет и не слишком выдающийся, но точный и педантично выверенный текст¹.

Политкорректность советских времён

Задержавшись из-за Хансена, Бузыкин торопится в издательство, где должен печататься его собственный перевод. Вот Бузыкин в кабинете завредакцией Веригина (актёр Никита Подгорный).

Веригин. Хорошо, Андрей Палыч. Как всегда хорошо.

Бузыкин. Я рад.

Веригин. А я нет.

Бузыкин. Почему нет?

Веригин. Не пойдёт.

Бузыкин. Почему не пойдёт?

Веригин. Этот Саймон на прошлой неделе с какой-то расистской статьёй выступил. Вся прогрессивная общественность возмущается, протестует. А что ж мы будем его – рекламировать, переводить, а?

Знакомая ситуация советских времён: стоило зарубежному писателю написать что-нибудь крамольное с точки зрения советской пропаганды (пусть даже этого сочинения никто в СССР не читал), как объявлялся негласный запрет на его творчество. Сколько уже заказанных и выполненных переводов погибло из-за подобной ерунды! Западные писатели, сами того не подозревая, иногда портили жизнь советским переводчикам и издателям своими антикоммунистическими выступлениями. Однако в фильме этот нюанс смягчён: говорится о «расистской статье».

Просматривая этот эпизод сегодня, ловишь себя на мысли, что современной западной аудитории эта ситуация не показалась бы странной. Можно вполне представить себе, что и какое-нибудь американ-

¹ Обсуждение того, как переводится *облизыяна* из романа Достоевского на английский язык, см. в рубрике «Ответы и советы» на с. 366.

ское издательство отказалось бы от публикации произведений автора, позволившего себе расистские высказывания.

Но между издателем и Бузыкиным продолжается разговор ещё об одном заказе.

Веригин. Слушай, Андрей Палыч. У тебя «Разбитая луна» в каком состоянии?

Бузыкин. В разбитом.

Веригин. То есть как в разбитом? Постой-постой, у меня тут записано: десятое, Бузыкин, «Разбитая луна». Сегодня у нас какое? Девятое. Завтра у тебя срок.

Бузыкин. Нет, это мне не успеть.

Веригин. Ну, хорошо. Тринадцатого успеешь? Тринадцатого – крайний срок.

Бузыкин. Постараюсь. Надо будет ночью посидеть.

Веригин. Ага, посиди, посиди. Чем по бабам бегать. В нашем-то возрасте.

Можно только посочувствовать переводчику, который хронически не успевает с переводом. Увы, и в новый назначенный ему срок Бузыкин не уложился. Тринадцатого числа он сообщает позвонившему ему редактору, что перевод не готов.

Веригин. Ну, ладно, можете не торопиться. Что-нибудь придумаем взамен. Только вот я не знаю, что теперь со Скофилдом делать. Ведь та же петрушка получится.

Бузыкин. Нет, Георгий Николаич, Скофилд – это моё. Ну, это я... на коленях...

Веригин. Ну ладно, подумаем.

Итак, мы узнаём, что у Бузыкина есть любимый автор, Скофилд, которого он очень хочет переводить и просит не отдавать никому другому. Дальше мы увидим, что из этого получится.

Обучение необучаемых

Андрей Павлович не только переводит, но и преподаёт художественный перевод. В фильме откровенно показано, как трудно научить чему-то людей с посредственными способностями, да ещё имеющих о себе завышенное мнение.

Мы видим Бузыкина в аудитории.

Бузыкин (читает студенческий перевод). «„Ну что ты так грустно и с упреком смотришь на меня, малыш? Думаешь, мне легко было так поступить, парень?“ – сказал он Смиту, а потом бегал от него и убегал». Да, Лифанов. Вы меня извините, но, по-моему, это просто подстрочник, а не перевод.

Автор сценария удачно подчеркнул, как нелепо и искусственно звучат в переводах эти поставленные в конце вопроса обращения: *малыш, парень*. Незадачливые переводчики с английского почему-то не чувствуют, что, во-первых, по-русски так обращаются к человеку редко, а во-вторых, русское обращение чаще стоит не в конце, а в начале или в середине предложения.

Но упрямый студент Лифанов не принимает критики (знаю на личном опыте, как часто приходится с этим сталкиваться – причём, чем менее способен студент, тем больше он обычно спорит).

Лифанов. Андрей Павлович, я ведь новые формы ищу.

Бузькин. Боюсь, что это не поиск, Лифанов, а элементарная небрежность. Вот здесь у вас написано «бегал» и тут же рядом «убегал». Неужели нельзя было придумать что-нибудь ещё? (*Пауза. Обращается ко всем студентам.*) Пожалуйста, прошу вас, придумайте слова, по смыслу близкие к слову *убегать*.

Студенты. Мчаться. Улепётывать. Уноситься. Драпать.

Бузькин. Драпать. Хорошо. А как именно драпать? Ну, вы, Лифанов. Быстро? А ещё?.. Ковалёв?

Ковалев. Во весь опор, на всех парусах, во весь дух.

Бузькин. Белянина?

Белянина. Стремительно.

Бузькин. Ильинская?

Ильинская. Без оглядки.

Бузькин (студентке, которая нетерпеливо тянет руку). Ну, давай, Наташа.

Наташа. Кувырком!

Вот тут я хочу покритиковать сценарий фильма с профессиональной точки зрения. Бузькин поступает правильно, предлагая студентам искать синонимы. Но, увы, одобренный им вариант – *драпать* – не годится для исправления перевода. «Он бегал от него и драпал»? Нет, здесь что-то не стыкуется. Так же как и сочетание *драпать кувырком*. Впрочем, отнесём это на счёт усталости Бузькина, который при слове *кувырком* задумывается, вероятно, о том, что у него в собственной жизни всё идет кувырком.

«Шла бы гидом в Интурист, что ли?»

В фильме есть ещё один колоритный персонаж. Это Варвара, институтская подруга Бузькина и тоже литературная переводчица, но, в отличие от него, не обладающая никакими способностями. Она паразитирует на Бузькине и только благодаря этому держится на плаву. Галина Волчек создаёт в этой роли богатый красками образ, вызывая и отвращение, и жалость к этой нескладной тётке, явно ошибшейся в выборе профессии.

Телефонный звонок Варвары застаёт Бузькина у Аллы.

Варвара. Ты будешь смеяться, у меня опять не приняли. Сказали, не соответствует стилистике. Стою, ничего не могу сообщить. Приезжай, Бузькин, мне очень худо.

Бузькин. Извини, но сейчас никак.

Варвара. Ну, попозже?

Бузькин. И попозже никак.

Варвара. Ну, тогда всё, я просто погибла. (*Кладёт трубку.*)

Бузыкин собрался с Аллой в кино и поэтому в кои-то веки решился отказать Варваре. Но он не может отогнать мысли о ней.

Алла. Не можешь же ты всю жизнь на неё ишачить!

Бузыкин. Нет, вообще-то она неплохая. Нелепая только. Из института её вечно выгоняли... И на что она живёт? Не понимаю... В этом году у неё только один рассказ напечатали. И то с трудом.

Алла. С твоим.

Бузыкин. Шла бы в Интурист, что ли? Гидом.

Гениальная фраза! Ну, зачем человеку заниматься теми видами перевода, к которым у него нет способностей? Пойди, действительно, в гиды или устройся переводить однотипные деловые письма или контракты. Но нет, слишком многие переводчики воспринимают себя неадекватно. Мне была знакома студентка третьего курса, которая считала, что может переводить Ахматову на английский язык. На меньшее она была не согласна.

В советские времена получить заказ издательства на художественный перевод было чрезвычайно трудно. И всё же такие графоманы, как Варвара, тоже печатались – правдами и неправдами. Ну, а сейчас для Варвар полное раздолье, – вряд ли издательство отклонит перевод из-за того, что он «не соответствует стилистике оригинала». Одно утешение – в наши времена за перевод беллетристики платят мало, да и престижным это больше не считается, так что у Варвар стало меньше стимулов переводить романы.

«Может, я бездарная?»

Потерзавшись сомнениями, Бузыкин все же решается помочь старой подруге. Он отправляет Аллу в кино, обещая ей, что лишь ненадолго заскочит к Варваре, переведёт ей несколько фраз, а после сеанса будет ждать Аллу у кинотеатра возле афиши.

В следующем кадре мы видим, как Алла топчется у афиши, напрасно ожидая Бузыкина. А Бузыкин сидит у Варвары дома и, забыв о времени, работает над её переводом.

Варвара. Что, очень плохо, да?

Бузыкин (не отрываясь от работы). Ну, почему?

Варвара. Но ты ж всё повычёркивал!

Бузыкин. Мелочи кое-какие. Например, «коза кричала нечеловеческим голосом». Это я не мог оставить.

Варвара. Ну, а каким?

Бузыкин. Да никаким. Просто кричала.

Варвара (закуривая и тяжело вздыхая). Скажи, Бузыкин, может, я бездарная? А?

Вот это да! Неужели к Варваре приходит осознание собственной профнепригодности? Увы, если и приходит, то ненадолго. Да и Бузыкин по доброте своей не решается сказать подруге правду.

Бузыкин (разубеждающе). Не-ет.

Варвара. А чьи переводы лучше – мои или Шитовой?

Бузыкин (не задумываясь). Конечно, твои.

Варвара. А тогда почему... *(Раздаётся звонок телефона. Варвара снимает трубку и слышит голос Аллы).* А, да. Одну секундочку. *(Уходит с телефоном в другую комнату, понижает голос).* Нет, он ушёл домой. Не за что, родная. *(Кладёт трубку. Наливает в рюмку вина. Громко).* Бузыкин, хочешь рюмашку?

Бузыкин (из кабинета, продолжая работать) Не...

Варвара выпивает налитую рюмку и возвращается в кабинет.

Варвара. А я люблю, когда работаю. Допинг. *(Смотрит на рукопись.)* Бузыкин! Ты что, очумел? Ты что, всё заново начал? Зачем?

Бузыкин. Да не годится это всё.

Варвара. Ну, тебе не годится, а мне годится! Милый, время уж полпервого, а у нас, понимаешь, вагон работы!

Варвара, при всей её кажущейся нескладности, обладает недюжинной хваткой. Она ловко отсекала от Бузыкина, который только и может её спасти, отвлекающие обстоятельства (звонок Аллы). А затем уж и подгоняет Бузыкина: «У нас вагон работы!».

Бузыкин же снова становится жертвой своей любви к литературе и переводу. Он переписывает за Варвару рассказ не потому, что так добр, а потому, что просто не может ограничиться поверхностной правкой и оставить перевод сделанным кое-как. Плохой или даже посредственный перевод противен его природе.

«И хорошо бы они вышли за космонавтов»

Ленинградские мосты разведены, бедный Бузыкин возвращается домой под утро. Спустя несколько часов ему, полусонному, звонит Варвара:

Варвара. Бузыкин, я перепечатала, сейчас всё получилось. Слушай. *(Читает перевод.)* «Горестная жизнь плута. Земля была беспорядочно замусорена, уродлива. Консервные банки, ключья газет, мотки проволоки валялись на ней. Между черными покосившимися столбами были протянуты верёвки. На них висело серое бельё. Старик в белой одежде внимательно вглядывался...».

Снова мы слышим добротный, сочный литературный текст. Талант Бузыкина ещё раз оправдал наши ожидания.

Тут уместно упомянуть, что «Горестная жизнь плута» – это первоначальное название сценария А. Володина. Под плутом имелся в виду Бузыкин, мотающийся между женой и любовницей. Но создатели

фильма подошли к этому персонажу иначе. Поэтому и фильм получил другое название.

Свет на замысел режиссёра и актёра проливает одно из интервью О. Басилашвили. Артист рассказывает, что какое-то время не мог нащупать трактовок образа Бузыкина, не видя в нём плута:

«Мне это было совсем не близко. Я подумал: вот у меня партнёрша, замечательная актриса Неёлова. Мог ли быть у меня с нею роман? Скорее всего – нет. Гундарева... Нет. А что же тогда такое для меня Бузыкин? И я понял: для Бузыкина самое дорогое – письменный стол, книжки. И чтобы никого не было! И сидит он, как Маршак, и получает удовольствие: это – моё... И ничего не надо никому доказывать! И можно делать книгу! И хорошо бы эти женщины вышли за каких-нибудь героев-космонавтов, устроили свои судьбы и оставили его в покое...»².

В этом интервью не случайно сравнение с С.Я. Маршаком, выдающимся мастером перевода. Истинный художественный переводчик, может, и не желает, чтобы его женщины вышли замуж за космонавтов, но у него непременно есть переводимая книга, в которую он влюблён и которой не способен изменить.

Увы, у Бузыкина всё получается наоборот – ни жена, ни любовница никак не оставят его в покое, а вот с любимой книгой приходится распрощаться.

«А полы тебе помыть не надо?»

В институт к Бузыкину является Варвара.

Варвара (столкнувшись с Бузыкиным на лестнице). Слушай, ты знаешь... Я понимаю, это идиотизм, но ты знаешь, что мне сказал Веригин? Он сказал, что мои переводы лучше, чем твои. Ну, это умора.

Бузыкин. Поздравляю

Варвара. Ты знаешь, чего я притащилась?

Бузыкин. Ну?

Варвара. В плане на Скофилда ты стоял?

Бузыкин (оторопело). Да...

Варвара. Ну.. передали мне... Я хочу знать, как ты к этому относишься.

Бузыкин (полузакрыв глаза, предельно сухо). Я очень рад.

Варвара. Я так и знала. Бузыкин, у тебя совесть есть? Первый раз в жизни мне дали сделать что-то серьёзное. (*Бузыкин молча идёт дальше по лестнице.*) Ну, что мне – идти отказываться?

Бузыкин (останавливаясь). От меня-то что тебе надо? Дали – переводы. (*Продолжает подниматься по лестнице.*)

Варвара. Но я не хочу, чтоб ты это считал свинством с моей стороны. (*Нагоняет его и хватает за руку.*) Бузыкин, мне это очень важно!

² «Газета» от 12.02.2004.

Бузькин. Ладно. Это не свинство.

Варвара. Бузькин, а ты уже начал, а? Может, у тебя остались какие-нибудь черновики, бумаги? Может быть, ты отдашь мне их – а, Бузькин?

Бузькин (разгорячившись). А полы тебе помыть не требуется? А то я вымою! Ты свисти!

Вот и получилось, что Бузькин своими руками лишил себя перевода, к которому так стремилась его душа. «Лучшая подруга» не постеснялась урвать у него этот кусок. Да ещё и бесстыдно попыталась присвоить себе начатую Бузькиным работу.

И теперь Андрей Павлович решил быть твёрдым. Мы снова видим его в аудитории. Нагловатый Лифанов (в будущем, вероятно, – вторая Варвара) подходит к нему с зачётной книжкой.

Лифанов. Андрей Палыч, Андрей Палыч, напишите мне зачёт, пожалуйста. А то они мне стипендию не дают. А я сдам. Вот освобожусь немного и сдам.

Бузькин. Хартия переводчиков, товарищ Лифанов, гласит, что перевод в современном мире должен содействовать лучшему взаимопониманию между народами. А вы своим лепетом будете только разобщать!

Слова из цитируемой Бузькиным Хартии переводчиков³ достойны быть выбитыми на гранитных плитах, которые следует установить повсюду, где обучают переводческому делу.

Фильм «Осенний марафон» – это для нас, переводчиков и преподавателей перевода, ещё и знамя борьбы с агрессивной бездарностью. Сегодня такая борьба актуальна, как никогда. Очень хочется сказать: «Они не пройдут!».

Они всё-таки пройдут... Пройдут и пролезут. Но пусть хотя бы не все.

³ Хартия была принята конгрессом Международной федерации письменных переводчиков (FIT, Fédération Internationale des Traducteurs) в 1963 г. Точный текст её преамбулы, на который ссылается Бузькин, таков: «Делая возможным интеллектуальный и материальный обмен между нациями, он [перевод] обогащает их жизнь и способствует лучшему взаимопониманию между людьми».

ТАК ЧТО ЖЕ УПУСТИЛА ПЕРЕВОДЧИЦА В «ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА»?

Перевод очень важен, понимаете? Перевод.
Из фильма С. Копполы «Трудности перевода»

Фильм американского режиссёра Софии Копполы, вышедший в 2003 году, не может не привлечь внимание профессиональных переводчиков хотя бы своим названием – “Lost in Translation”. Это название, как часто бывает в художественных произведениях, неоднозначно. Дословно оно означает ‘потеряно (утрачено) в переводе’. Имеются в виду смысловые потери, случающиеся при переводе с одного языка на другой. Интересно, что похожее название – “Lost in Translation: A Life in a New Language” – носит и довольно известная в Америке книга писательницы Евы Гофман (Eva Hoffman) о пережитых её семьёй, иммигрантами из Польши, языковых, культурных и психологических проблемах адаптации к жизни в США. Выражение стало крылатым.

Однако режиссёр (она же автор сценария и продюсер картины) явно вложила в название и свой смысл. Центральный персонаж фильма – стареющий американский актёр Боб, который приехал в Японию на съёмки ролика с рекламой виски «Сантори». Пик актёрской славы Боба позади, он вынужден принимать коммерческие заказы. Ему ненавистны эти съёмки, но, как настоящий профессионал, Боб работает добросовестно и даже в рекламе создаёт талантливый образ. (Роль Боба блестяще играет Билл Марри¹.) Боб чувствует себя неудобно в непонятной и чуждой ему экзотической стране. Иногда он звонит домой в Штаты жене и детям, но и с ними у него давно утрачен духовный контакт.

В отеле Боб знакомится с молодой американкой Шарлоттой (актриса Скарлетт Йоханссон), которая тоже испытывает одиночество и утрату контакта с близким человеком. Её муж, ради которого она пожертвовала профессиональной карьерой, с головой ушёл в работу и в обществе Шарлотты не нуждается. В каком-то смысле и Боб, и Шарлотта потеряли себя в этой жизни, и такое значение слова lost тоже прочитывается в подтексте названия.

По общему мнению критиков (к которому я присоединяюсь), получился тонкий, лиричный, немного грустный, но не лишённый юмора

¹ В другой, более распространённой, но менее точной транскрипции: Билл Мюррей.

фильм. В отечественном прокате он шёл под названием «Трудности перевода». Русский вариант тоже быстро стал крылатым выражением, хотя двойной смысловой план оригинала в нём, к сожалению, не сохранился. Однако здесь речь пойдёт не о достоинствах и недостатках этого варианта, а о том коротком, но ярком эпизоде разговора через переводчицу, который и дал повод к названию фильма.

Боб на съёмочной площадке. Во фраке и с бабочкой, он сидит в кресле у барной стойки перед бокалом с виски. Гримёрша пудрит ему лицо, в то время как режиссёр (его роль исполняет Ютака Тадокоро) обменивается репликами со своими помощниками.

Затем, обращаясь к Бобу, режиссёр долго и подробно объясняет ему мизансцену. Переводчица – японка лет тридцати (в этой роли снялась Акико Такэсита) – переводит сказанное на английский, но перевод почему-то получается в несколько раз короче:

“He want you to turn, look in camera. Okay?”

Боб в недоумении: “That’s all he said?”

Переводчица (вежливо, но уверенно): “Yes. Turn to camera.”

Наступает пауза. Боб немного растерян, но надеется получить ещё хоть какую-то полезную информацию. Он спрашивает: “Does he want me to turn from the right or turn from the left?”

Переводчица обращается к режиссёру. В её передаче вопрос Боба занимает раз в пять больше времени. Режиссёр отвечает тоже очень длинным периодом, причем раздражённо, на повышенных тонах. В его речи различимы английские слова *tension*, *passionate*, *passion*.

Следует перевод: “Right side. And, uh, with intensity. Okay?”

Боб опять удивлён краткостью перевода: “Is that everything? It seemed like he said quite a bit more than that.”

Но тут снова вмешивается режиссёр, возбуждённо добавляющий новые пространные указания. Опять в его речи можно расслышать английское *tension*. Переводчица кивает в знак понимания. Наконец она обращается к Бобу: “Like an old friend, and – and into the camera.”

Опять пауза. Боб уже смирился со своей участью и обречённо произносит: “Okay.”

Режиссёр говорит ещё что-то и завершает реплику вопросом: “Okay?”

Боб кивает: “Okay.”

Режиссёр даёт громкую команду начать съёмку. Боб входит в образ и преобразуется в кадре. Медленно повернувшись к камере, он про-

износит рекламный слоган: “For relaxing times, make it Suntory time.”

Увы, режиссёр недоволен. Он кричит, требуя остановить съёмку, и раздражается тирадой предложений на десять. Переводчица излагает его речь так: “Could you do it slower, and—”

Режиссёр перебивает её новой репликой по-японски. Переводчица продолжает: “More intensity?”

Словно заклинание, режиссёр произносит, обращаясь к Бобу: “Suntory time!”

Понимая, что кроме слова *intensity*, ему уже ничего не удастся выудить из переводчицы, Боб согласно кивает. Задавать новые вопросы себе дороже.

Съёмки возобновляются, и мы снова наблюдаем наезд камеры, в которую Боб произносит слова рекламного слогана. Режиссёр опять возбужденно требует остановить съёмку. Дальнейшие мучения Боба нам уже не показывают...

В одном из интервью по поводу фильма С. Коппола рассказала, что сцена разговора через переводчицу была навеяна её собственным опытом. Когда София приезжала в Японию на представление своего первого фильма «Девственницы-самоубийцы», выступления тоже переводились последовательно. По словам С. Копполы, её реплики показались ей в переводе гораздо длиннее. Она предположила, что переводчица, увлекаясь, многое добавляла к сказанному от себя.

Работая над постановкой «Трудностей перевода», София сочинила реплики всех персонажей, а затем необходимая часть сценки была переведена на японский язык. На съёмках фильма актёру Биллу Марри не сообщалось, что же конкретно говорят «режиссёр» и «переводчица». Это было сделано специально, чтобы помочь ему лучше почувствовать роль Боба. В том же положении оказались и зрители, поскольку то, что говорится на японском языке, не сопровождается в фильме английскими субтитрами.

Но полагаю, что многим переводчикам, не знающим японского языка, конечно же, интересно узнать, что именно пропало (или было добавлено) в переводе. Поэтому привожу подробную запись изложенного эпизода (в переводе на русский язык²).

² Я признателен кандидату филологических наук, переводчику О.Н. Исасвой за помощь в переводе реплик с японского языка. В статье использованы также материалы газеты «Нью-Йорк таймс» от 21.09.2003.

РЕЖИССЁР (*переводчице по-японски, вполголоса*). Перевод очень важен, понимаете? Перевод.

ПЕРЕВОДЧИЦА (*по-японски*). Да, разумеется. Понимаю.

РЕЖИССЁР (*Бобу*). Мистер Боб-сан! (*Далее по-японски*). Вы вальяжно сидите у себя в кабинете. А на столе перед вами стоит бутылка виски «Сантори». Вам всё понятно, да? С чувством, идущим от души, вы медленно поднимаете глаза, смотрите в камеру и мягко, словно встречая старых друзей, произносите слоган. Как будто вы Богарт в «Касабланке»³, который говорит: «Ваше здоровье, ребята! Пора пить „Сантори“!».

ПЕРЕВОДЧИЦА (*Бобу, на не очень грамотном английском*). Э-э... Он хочет, чтобы вы повернуться, смотреть в камеру. Окей?

БОБ: Это всё, что он сказал?

ПЕРЕВОДЧИЦА: Да. Повернуться к камере.

БОБ: Как он хочет, чтобы я поворачивался, – справа или слева?

ПЕРЕВОДЧИЦА (*режиссёру, по-японски, прибегая к чрезвычайно вежливому стилю речи*): Актёр настроился и приготовился. И он хотел бы узнать следующее: в тот момент, когда начнёт работать камера, вы предпочли бы, чтобы он поворачивался налево, или лучше, чтобы он поворачивался направо? Вот, собственно, что ему хотелось бы выяснить, если можно.

РЕЖИССЁР (*резко, по-японски, но вставляя в свою речь некоторые английские слова*). И так и так годится. Какая, собственно, разница? Боб-сан, у нас ведь не слишком много времени, а? Вам надо поторопиться. Больше напора. Смотрите в камеру. И говорите медленно, с напором. Нам нужен напор. Понимаете?

ПЕРЕВОДЧИЦА (*Бобу, по-английски*). В правую сторону. И, э-э, с интенсивностью.

БОБ: Это всё? Кажется, он сказал гораздо больше.

РЕЖИССЁР (*Бобу, по-японски*). Смысл вашей реплики состоит в том, что это, знаете, не просто виски какое-нибудь. Понимаете? Это как встреча со старыми друзьями. Голос должен быть мягче, бархатней. Говорите нежно. Говорите с напором. Напор важен! Не забывайте об этом.

ПЕРЕВОДЧИЦА (*Бобу, по-английски*). Как старый друг и в камеру

БОБ: О'кей.

РЕЖИССЁР (*Бобу, по-японски*). Вы понимаете? Вы обожаете виски. Пора выпить «Сантори». О'кей?

БОБ: О'кей.

РЕЖИССЁР (*кричит по-японски*). Камера, мотор!

БОБ (*произносит рекламный слоган*). Когда наступает время расслабиться, пусть это будет время «Сантори».

РЕЖИССЁР: Стоп, стоп, стоп, стоп, стоп! (*Снова по-японски Бобу*). Не пытайтесь меня дурачить! Не притворяйтесь, что вы не понимаете. Вы хоть уяснили то, что пытаетесь сделать? «Сантори» – это нечто особое, лучшее. Важно само звучание этого слова. Это дорогостоящий напиток. Это напиток номер один. А теперь попробуем ещё раз, но вы должны

³ Хамфри Богарт (1899–1957), один из популярнейших актёров американского кино. Отличался большим актёрским обаянием даже в амплу отрицательных персонажей. В имевшем огромный успех фильме «Касабланка» (1943, премия «Оскар») режиссёра М. Кертиса создал образ романтического антигероя.

прочувствовать, что это эксклюзив. Хорошо? Это же, знаете, не какая-то там заурядная выпивка.

ПЕРЕВОДЧИЦА (Бобу, по-английски). Не могли бы вы медленнее и...

РЕЖИССЁР (по-японски). Больше воодушевления!

ПЕРЕВОДЧИЦА (Бобу, по-английски). Больше интенсивности.

РЕЖИССЁР (по-английски). Время «Сантори»! (Кричит по-японски). Мотор!

БОБ. Когда наступает время расслабиться, пусть это будет время «Сантори».

РЕЖИССЁР. Стоп, стоп, стоп, стоп, стоп! (По-японски). Боже, я вас умоляю...

Итак, теперь мы знаем, что же конкретно сказали «режиссёр» и «переводчица». Талантливо написанная и сыгранная сценка иллюстрирует ситуацию, когда перевод не в состоянии выполнить свою главную функцию – обеспечить коммуникацию между собеседниками. Художественный вымысел автора фильма оказался пусть гротескной, но меткой зарисовкой действительности.

Взять хотя бы переложение реплики Боба с английского на японский, удлинённое переводчицей в несколько раз, в основном за счёт повторов и парафразов. Это явление, которое я называю «размазнёй», мне доводилось подробно анализировать на реальных примерах⁴.

А вот переводя с японского на английский, переводчица в фильме нещадно сокращает объём сказанного. И такое тоже приходилось наблюдать в жизни, особенно у переводчиков со скудным запасом слов и речевых конструкций. Мудрёные формулировки режиссёра переводчица просто «рубит» под корень, не сохраняя даже те английские слова, которые он изредка вставляет в свою речь (здесь есть, конечно, элемент пародии: в действительности переводчик, скорее всего, повторил бы словечки, уже сказанные оратором на языке перевода.)

Но перевод страдает ещё одним изъяном: даже короткую мысль переводчица не может выразить вразумительно. Чего стоит настойчиво повторяемое ею слово *intensity* ‘интенсивность’! Ведь само по себе, без уточнения, это слово бессмысленно – можно говорить лишь об интенсивности **чего-либо**: какого-то чувства, нюанса, жеста.

Кое-что переводчица лихо добавляет от себя. Например, она уверенно велит Бобу поворачиваться вправо, хотя режиссёр сказал, что ему безразлично направление поворота. (В этом тоже усматривается элемент пародии).

⁴ См. статью «Детская болезнь „размазни“ в устном последовательном переводе» (с. 228). Впрочем, по мнению О.Н. Исасвой, по-японски реплика «переводчицы» звучит довольно естественно потому, что в японской речи существует некий женский стиль, в котором особо вежливые и многословные формулировки вполне ожидаемы.

Хоть и не в оправдание незадачливой переводчице, нужно ещё отметить путаность и противоречивость высказываний «режиссёра». Если бы она смогла перевести их точно, Боб тоже попал бы в сложное положение: как совместить «напор» с «мягкостью и нежностью», которых требует от него режиссёр? С. Коппола отметила в своём интервью, что нарочно вложила в уста «режиссёра» несуразные указания. В этом персонаже она хотела изобразить не слишком талантливую киношника.

И последнее, что хотелось бы отметить в анализируемой сценке, — это психологический рисунок ролей. Исполнено переживаниями лицо Боба, пытающегося сначала что-то понять, а потом впадающего в покорное и тоскливое отчаяние от невозможности пробиться через языковой барьер. Нервничает и злится режиссёр, видимо, проклиная в мыслях этого туповатого американца за неспособность понять элементарные, как кажется режиссёру, вещи. И только переводчица сохраняет неизменное глуповато-доброжелательное выражение лица, по которому видно, что у неё нет никаких сомнений в своей компетентности.

Согласитесь: если это и пародия, то не такая уж далёкая от жизни.

ЕСЛИ МОЖНО ТАК ВЫРАЗИТЬСЯ

ИНОГДА ОНИ ПЕРЕВОДЯТСЯ

В жизни переводчика бывают приятные моменты. Среди таковых я бы отметил маленькие переводческие открытия и находки. Иной раз попадаете тебе слово или выражение, которое столь неординарно или таким множеством ассоциативных нитей связано с родной языковой почвой, что ты думаешь: нет, адекватно передать его на другом языке совершенно невозможно. Листаешь словари, ищешь в Интернете – и либо не находишь ничего, либо находишь нечто столь бледное, дословное или вымученно-описательное, что ещё сильнее убеждаешься в непереводимости интересной идиомы. Ты уже вроде бы смирился с этой мыслью, но проходит время, и неожиданно выясняется, что в иностранном языке у этого оборота всё-таки есть лаконичный и образный аналог, который так и просится в словари и переводы.

Некоторыми из таких находок из области русско-английского и немного англо-русского перевода я хочу поделиться в этой статье.

Ушла на базу

О, сколько ассоциаций связано с текстом этого нехитрого объявления! Оно, правда, относится больше к советскому прошлому, чем к сегодняшним дням, поэтому дам кое-какие пояснения тем читателям, для кого советская эпоха столь же далека и туманна, что и монгольское иго. Такое объявление когда-то можно было видеть на ларьках и палатках, торгующих мороженым, овощами, кондитерскими изделиями, галантереей, цветами или сигаретами. Оно объясняло, почему ларёк закрыт в часы, когда должен был бы работать. Ведь товар в ларьки доставлялся с так называемых торгово-розничных баз, а стало быть, если у продавца есть дела на такой базе (например, получить новую партию), у него есть и уважительная причина для отсутствия на рабочем месте.

Я написал «продавца», но вообще-то в советских палатках торговали не продавцы, а почти исключительно продавщицы, отсюда и глагольная форма *ушла*. («Ушёл на базу» даже как-то не звучит). Почти во всех ларьках такое объявление было заранее нацарапано карандашом или ручкой на куске картона, неровно оторванном от упаковки с мылом или мороженым, и выставлялось за окошком при любом случае, когда продавщице требовалось на какое-то время отлучиться или вообще уйти.

Понятное дело, что поводом отлучки «на базу» было легко злоупотребить. Покупатели, перед носом которых выставлялось такое объявление, кляли советскую торговлю на чём свет стоит, потому что (в отличие от нынешних времён) палатки, торгующие аналогичными товарами, были немногочисленны и находились далеко друг от друга. Так что, если в начале 1960-х годов вы спешили к галатерейному киоску у Сретенского бульвара Москвы, торгующему эластичными носками, только что освоенными советской лёгкой промышленностью, а там вас встречало объявление «Ушла на базу», то шансов купить эту роскошь обихода где-нибудь в том же районе и в тот же день у вас уже не было.

Вот почему продавщицы, выставляющие в ларьках такое объявление, были постоянной мишенью для сатирических стрел в фельетонах, карикатурах, эстрадных скетчах и кинокомедиях (впрочем, не неся от этого никакого ущерба). А само выражение «Ушла на базу» обросло мощными ироническими коннотациями.

Теперь тест русско-английским переводчикам: а как бы вы перевели это выражение на английский язык? Если всерьёз хотите проверить себя, не читайте дальше статью, пока не переведёте.

Лично мне объявление «Ушла на базу» было знакомо с детства, то есть с 1950-х годов. Значительно позднее, уже став переводчиком, я неоднократно думал о том, как бы его можно было перевести на английский, хотя практически такой потребности у меня ни разу не возникало. И слава Богу, что не возникало, потому что – признаюсь – я не мог придумать никакого мало-мальски приемлемого соответствия этой фразе, даже описательного.

Стоит ли добавлять, что этого выражения не было ни в одном русско-английском словаре? И до сих пор нет – за одним исключением, о котором чуть ниже.

И вот, много лет спустя – в самом начале 1990-х годов, когда уже трещал по швам Советский Союз, а вместе с ним загибалась и советская торговля, продавцам которой уже нечего было делать ни в киосках, ни на базах в связи с тотальным дефицитом товаров, – я, прогуливаясь, улочкам Нью-Йорка, неожиданно наткнулся на торговую лавку, где за дверным стеклом виднелся неровный кусок картона, оторванный от упаковки со «сникерсами», на котором корявым почерком было нацарапано: **OUT FOR RESTOCKING.**

Вот оно, «Ушла на базу»! Всё-таки человеческая природа едина что в России, что в Америке. Правда, видел я такое объявление только один раз и склонен полагать, что продавец его написал не от желания бросить рабочее место, а потому что действительно некому было, кроме него, бедолаги, отправиться «на базу» за товаром. Как бы то ни было, я считаю эту фразу своим маленьким, но очень приятным переводческим открытием.

Само собой, составляя «Новый большой русско-английский словарь» (1-е издание – 2004), я не смог отказать себе в удовольствии включить в него эту лексическую находку. А поскольку НБРАС был включён и в словарный комплекс Lingvo (начиная с 12-й версии), где он фигурирует под названием Universal Ru-En, то её можно найти и там.

Сейчас другие времена, и выражение «Ушла на базу», конечно, не так актуально, как прежде. Но кто знает! Старые привычки живучи и, как говорится, «иногда они возвращаются». Недавно, зайдя в один торговый комплекс, я заметил на дверях нескольких лавок бумажки с надписью: «Буду через 15 минут». А это объявление мне тоже знакомо с детства...

Великая сермяжная правда

Отмечая какое-то время назад круглую дату, я решил собрать вместе родных, друзей и коллег. Среди гостей, естественно, было много лингвистов – преподавателей и переводчиков. Однако председательствовал за праздничным столом мой друг, который по образованию и роду деятельности не связан с языком и переводом. Тем не менее он решил поговорить на эту тему и обратился к аудитории с такими словами:

– Дорогие гости, большинство из вас занимаются переводом. Но всё ли можно перевести? Вот скажите мне, к примеру, как перевести на английский выражение «великая сермяжная правда»?

И действительно, таким уж русским духом веет от этой «великой сермяжной правды», что кажется: адекватного эквивалента для неё в других языках нет и быть не может.

Но, как вы, вероятно, догадываетесь, я потому и пишу об этом выражении в этой статье, что такой эквивалент есть! И причём очень близкий семантически. Однако сначала вникнем поглубже в истоки русского оборота.

Словарь «Крылатые слова» [Ашукины 1987] приводит это выражение в варианте «сермяжная правда» и указывает в качестве его источ-

ника 33-ю главу романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок», вышедшем в 1931 г. Там оно действительно есть, однако справка неточная. Впервые данное выражение употреблено не в 33-й, а гораздо раньше – в 13-й главе романа, озаглавленной «Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции». В процессе экзекуции, устроенной Лоханкину соседями по Вороньей слободке за невыключенное в туалете электричество, к нему является Остап Бендер. Соседи прекращают порку и отпускают Лоханкина на беседу с посетителем.

Остап интересуется возможностью снять комнату и спрашивает Васисуалия о соседях. Тот отзывается о них самым благоприятным образом. На это Бендер замечает:

– Но ведь они, кажется, ввели здесь телесные наказания?

– Ах, – сказал Лоханкин проникновенно, – ведь в конце концов кто знает? Может быть, так надо. Может быть, именно в этом **великая сермяжная правда**.

– Сермяжная? – задумчиво повторил Бендер. – Она же посконная, домотканая и кондовая? Так, так. В общем, скажите, из какого класса гимназии вас вытурили за неуспешность? Из шестого?

Из реакции Бендера следует, что Остап слышит такое выражение впервые, но совершенно правильно трактует его смысл, подтверждая своё понимание слова *сермяжная* синонимическим рядом прилагательных – *посконная, домотканая и кондовая*. В дальнейшем мы слышим эту фразу уже в основном из его уст. Всего сочетание *сермяжная правда* встречается в «Золотом телёнке» пять раз, в том числе три раза – с эпитетом *великая*.

Итак, выражение (*великая*) *сермяжная правда* стало крылатым в значении ‘простая и неприкрашенная, но глубокая истина или мудрость’.

Так вот: в английском языке существует практически дословный эквивалент этого выражения – *homespun truth*. Слово *homespun* в функции прилагательного значит в точности то же, что и *сермяжный, домотканый*, а в функции существительного – *сермяга* (‘грубое домотканое полотно’). Переносное значение *homespun* трактуется американскими словарями как ‘plain; unpolished; unsophisticated; simple; rustic’ (‘нехитрый, неприкрашенный, немудрящий, простой, по-деревенски грубоватый’).

Правда, прилагательное *homespun* в этом значении сочетается не только со словом *truth*, но и с другими существительными, такими как *humor, values, virtues*. Однако нас интересует именно сочетание *homespun truth*, и это выражение гораздо старше своего русского аналога.

Оно впервые зафиксировано в английской сатирической балладе на политическую тему, которая была опубликована в форме листовки (broadside) в 30-е годы XIX века. Баллада озаглавлена “The Juste Milieu” с использованием французского выражения, означающего ‘золотая середина, нечто среднее, неопределённо’. Так анонимный автор назвал уклончивый и лукавый язык политиков того времени, которые не хотели давать прямые ответы на актуальные вопросы. Вот начальная строфа баллады:

The juste milieu, the juste milieu,
 From France imported neat and new,
 Is now the rule on Britain's shore,
 And **homespun truth** is prized no more!
 Where once you saw the old true blue,
 You now have got the juste milieu.

Автор этой политической сатиры осуждает тактику *juste milieu* и противопоставляет её понятию *homespun truth*, подразумевая под ним бесхитростную, незавуалированную истину и прямоту.

А что же словари? Соответствие *сермяжная правда* – *homespun truth* в общих русско-английских словарях до недавнего времени отсутствовало, и я, разумеется, включил его в НБРАС [2004], добавив ещё эпитет *великая* (great). По этой причине оно попало и в словарный комплекс Lingvo 12.

Однако лексикографическая пальма первенства в данном случае принадлежит другому источнику, а именно небольшому «Русско-английскому словарю крылатых слов» И.А. Уолш и В.П. Беркова [1971]. Впрочем, этот словарь, хотя и переиздавался, остаётся на периферии внимания переводчиков, так как до сих пор, насколько известно, не переведён в электронный формат.

Английское словосочетание имеет некоторое стилистическое отличие от русского: оно гораздо чаще несёт в себе позитивную оценочность. Однако это не мешает использованию выражения *homespun truth* как эквивалента *сермяжной правды* в переводе, поскольку ирония обычно успешно передаётся сопутствующим контекстом.

Хотя в словаре И.А. Уолш и В.П. Беркова утверждается, что *сермяжная правда* всегда употребляется иронически, эту иронию не следует возводить в абсолют. Существуют оригинальные русские контексты, где это выражение использовано в позитивном смысле. К таковым относится, например, следующий фрагмент из романа А.И. Солженицына «В круге первом» (глава 66):

Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин благодушно называли «хождением в народ» и поисками той самой **великой сермяжной правды**, которую ещё до Нержина тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский, Лев Толстой и, наконец, оболганный Васисуалий Лоханкин.

Поиск по лингвистическим корпусам показал, что в оригинальных англоязычных текстах *homespun truth* обычно встречается без дополнительных эпитетов. Однако если надо перевести *великая сермяжная правда*, ничто не мешает добавить в переводе прилагательное *great*.

Не перестаю удивляться этому замечательному соответствию: *сермяжная правда* – *homespun truth*. Русское и английское выражения возникли из совершенно разного «теста», в разные эпохи и при разных обстоятельствах, вызывающих непохожие ассоциации. Но, несмотря на всё это, они и по своему смыслу, и по этимологии практически совпали. Ну, разве не приятная находка для переводчика?

Любэвь, любэвник

Слова *любэвь* нет в словарях, и вряд ли оно там окажется. Это не слово даже, а его искажённый вариант, и по строго научным лексикографическим критериям он не подходит для включения в обычный словарь.

Вообще намеренная фонетическая модификация слова в целях достижения какого-либо смыслового или стилистического эффекта – очень интересный феномен. Я не исследовал специально лингвистическую литературу на эту тему и, возможно, ошибаюсь, но всё-таки подозреваю, что это явление изучено пока недостаточно хорошо.

А изучать есть что. Вспоминается гениальный дуэт Веры Петровны Марецкой и Ростислава Яновича Плятта в постановке сатирической комедии Бранислава Нушича «Госпожа министерша». (Хотя эта пьеса была поставлена в Московском театре имени Моссовета ещё в 1946 году, фрагменты спектакля были, к счастью, записаны на плёнку, и их до сих пор иногда показывают по телевидению.)

Игра Марецкой и Плятта в этой комедии интересна, кроме прочего, тем, с каким эффектом актёры используют приём фонетической игры. По сюжету, простоватая Живка Попович (героиня Марецкой) неожиданно оказалась важной госпожой, и министерский чиновник Нинкович (герой Плятта) просвещает её о том, как не ударить в грязь лицом в высшем обществе. Он самоуверен и гротескно пересыпает свою речь французскими оборотами.

В этой роли Плятт не только грассирует и гнусавит на французский манер, но и забавно произносит слова *общество* и *любовник*. Звук [o] в этих словах напоминает у него долгий французский [œ]. За неимением соответствующей графемы в русском языке условно обозначим этот звук в цитате буквой э:

[Нинкович:] Уверяю вас, мадам, что дама из высшего эбщества должна играть в бридж, курить и иметь любэвника.

Этой произносительной манере своего «консультанта» пытается подражать героиня Марецкой, потрясённая такими откровениями:

[Живка:] Мать честная! Ладно, бридж и курение – это ещё куда ни шло, но любэвника – это уж вы извините!

Я даже затрудняюсь точно охарактеризовать тот нюанс, который создаёт такая звуковая замена. Могу сказать лишь, что это звучит уморительно смешно.

От слова *любэвник* вернёмся к слову *любэвь*. Это словечко памятно по знаменитому сатирическому очерку Юлиана Тувима об оперетте:

... старую идиотку оперетту надлежит прикончить... – всегда, вечно одно и то же: графы, финшампань, гульба, «любэвь», демонические героини, дуэтик, балетик, кабинетик, очаровательное недоразумение (скажем, отец не узнаёт дочку, поскольку та в новых перчатках; целующаяся пара не замечает входящего в комнату полка тяжёлой артиллерии и т.д.). [Тувим 1975]

Здесь функция фонетического искажения видна абсолютно чётко – это ирония. *Любэвь* – уже не любовь, а издевательская пародия на неё. Этот блистательный русский перевод принадлежит Асару Эппелю.

Мне захотелось проверить, чему же соответствует эта *любэвь* в польском оригинале, первая публикация которого датируется 1924 годом. Ищем авторский текст Тувима и читаем там:

...wszedzie wiecznie to samo: grafy, szampiter, hulba, "miłość", demoniczne bohaterki, duecik, balecik, gabinecik ..

Итак, в оригинале – *miłość* ('любовь'), совершенно нейтральное слово без каких-либо фонетических модификаций. Однако оно поставлено в кавычки, что свидетельствует об иронии автора. Ясно, что А. Эппель добавил букву э от себя ради того же эффекта. Он идеально точно попал в общую авторскую интонацию, и этой находке можно только аплодировать.

Сама мысль о том, что такую фонетическую игру можно как-то передать, скажем, по-английски, долгое время казалась мне нелепой. Однако в начале 2000-х годов я услышал из уст знакомой англичанки

словечко *lurve*. Оказалось, что это не какой-то окказионализм, а весьма популярное слово.

Впервые оно прозвучало в фильме Вуди Аллена «Энни Холл» (1977). Элви Сингер (персонаж Аллена) пытается объяснить Энни Холл (эту роль исполняет Дайана Китон) свои чувства:

ALVY: I know you've only known me a short while.

ANNIE: Well, I certainly ... I think that's very— Yeah, yeah ... (*Laughing*) yeah. Do you love me?

ALVY: I – uh, love is, uh, is too weak a word for what...

ANNIE: Yeah.

ALVY: I ... I love you. (*Over Annie's laughter*) You know I *lurve* you, I – I luff you. I – I have to invent— Of course I love you.

Лично мне кажется, что, искажая *love* на разные лады, Вуди Аллен в этом фильме просто шутит, чтобы преодолеть неловкость, вызванную вопросом собеседницы и необходимостью объясниться ей в любви. Однако после фильма это словечко приобрело популярность и зажило собственной жизнью. В него стали вкладывать разные смыслы. Так, в *Urban Dictionary* – «народном» словаре американского городского жаргона (www.urbandictionary.com) – приводятся следующие, весьма противоречивые его трактовки:

1. A heightened term to suggest more-than-love (эмоционально заряженное слово, обозначающее более сильное чувство, чем *любовь*)
2. A funny word to use when *love* sounds too mushy (шутливое слово, используемое, когда *любовь* звучит слишком напыщенно).

Честно говоря, первое «значение» кажется мне надуманным. Во всяком случае, интернет-поиск не дал ни одного контекста, где *lurve* всерьёз употреблялось бы для обозначения некоего сильного чувства. А вот шутливых, иронических и неодобрительных контекстов – сколько угодно. Многие даже осуждают это слово как принижающее понятие «любовь». Вот мнение одного из противников, взятое мною из дискуссии в Интернете:

Lurve sounds like something that would come out of someone's mouth when they're drunk at the bar and hitting on the girl beside them... "I think I – hiccup – *lurrve* you... Come home with me?" (*Любэвь* звучит как слово из уст пьяного у барной стойки, который пристаёт к сидящей рядом девице: «Кажется, у меня к вам (икает) *любэвь*... Пойдём ко мне домой?»)

Ну что ж, всё это говорит о том, что *lurve* неплохо подходит для передачи русского *любэвь*. А если надо перевести *любэвник*, то, разумеется, это будет *lurver*.

Love handles

И ещё немного о «любви». Слово love вплелось в выражение love handles – так шутливо называют жировые складки, которые формируются у неспортивных людей на боках в области поясицы. Образ, изначально заложенный в эту идиому («любовные рукоятки»), – немного хулиганский, но остроумный. Неизвестный автор этого выражения нашёл, казалось бы, бесполезным телесным складкам функциональное назначение, иронически предлагая использовать их в качестве рукояток или поручней, за которые может ухватиться партнёр(ша) по постели. Так можно обрести дополнительные точки опоры во время бурного акта интимной близости.

Выражение love handles, по данным словаря [RHW 2005], распространилось в Америке к середине 1980-х годов. Почти двадцать лет спустя оно попало и в отечественные англо-русские словари со следующими соответствиями: *жировые отложения по бокам на талии* (Общий англо-русский словарь из комплекса Lingvo), *жировые складки на талии* (словарь Multitran). Авторы последнего словаря снабдили идиому love handles пометами *сленг* и *табу* – вероятно, под впечатлением от её смелой образности, – но на самом деле она никогда не принадлежала к табуированной фразеологии, да и сленгом давно перестала быть. Например, её можно услышать во вполне уважаемых видеокурсах физических упражнений.

Однако разговорность и весёлая образность этой идиомы никуда не делись, и понятно, что приведённые выше описательные русские соответствия слабоваты тем, что лишены этих свойств. В англо-русском словаре разговорной лексики [Глазунов 2000] есть пример перевода выражения love handles в контексте:

I wish I could get rid of these love handles. – Я хотел бы сбросить немного жира.

К сожалению, в этом переводе потеряны не только образность, но и смысл выражения love handles: ведь в оригинале говорящего беспокоит не жир вообще, а именно складки на поясице, которые могут портить неплохую в остальном фигуру.

Итак, для словосочетания love handles русские словари не подсказывают соответствия столь же ёмкого, образного, разговорного и ироничного.

Однако на самом деле выражение, обладающее всеми этими качествами и при этом соответствующее идиоме love handles по предметному значению, существует и в русском языке. Другое дело, что оно

не так распространено и является, не идиомой, а скорее авторской метафорой, из-за чего не может считаться стопроцентным эквивалентом. Однако мне оно однажды очень пригодилось, и я об этом расскажу.

Но сначала небольшое отступление, в котором мне хочется вспомнить самого автора метафоры, о которой пойдёт речь. Им был Алексей Михайлович Михалёв (1944–1994) – киносинхронист, литературный редактор, художественный переводчик с английского и фарси, член Союза писателей СССР. В 70–80-е годы прошлого века голос Алексея стал знаком самым широким кругам населения по закадровому русскому переводу множества иностранных фильмов.

В те годы советские люди стали обзаводиться видеомagneтофонами – кто покупал их в комиссионных магазинах, а кто и привозил из-за границы. Это породило спрос на видеокассеты с фильмами. Официально в магазинах такой товар не продавался. Нашлись нелегальные предприниматели (а легально тогда заниматься этим было нельзя), которые наладили завоз в СССР голливудской продукции, копировали фильмы на кассеты и продавали счастливым владельцам видеомagneтофонов. Однако простым гражданам, не искущённым в иностранных языках, для их просмотра требовался русский перевод, и эту работу упомянутые дельцы заказывали профессиональным синхронистам.

Подавляющее большинство этих заказов выполнялось всего лишь четырьмя переводчиками, в том числе Алексеем Михалёвым. Кинопереводчиков было так мало потому, что для наложения перевода на оригинальную звуковую дорожку фильма требовалась качественная полупрофессиональная звукозаписывающая аппаратура, а ею в те годы обладали немногие. Автору этих строк, например, тоже доводилось тогда выполнять заказы на перевод фильмов, но видеомagneтофона нужного типа у меня не было, и для записи перевода приходилось ездить на квартиру к заказчику. Так как я никогда не переводил с ходу, а сначала смотрел весь фильм, да и в процессе записи нередко останавливался и переделывал надиктованное, это отнимало слишком много времени и создавало неудобства и заказчику, и мне. Поэтому, сделав перевод примерно десятка картин, я отказался от этой работы в пользу обычного синхронного перевода конференций.

А у Михалёва и ещё нескольких синхронистов необходимая аппаратура была дома, так что можно себе представить, какой огромный поток заказов на них обрушился. Некоторые переводчики поставили дело на конвейер: они лихо диктовали свой текст без предварительного

просмотра фильма и без последующих корректировок сделанной записи. Неудивительно, что многие такие «переводы» были, извините, лажей с огромным количеством грубых смысловых ошибок и пропусков, логических несуразностей, буквализмов, корявостей и перевёрнутых имён.

Переводы Алексея выгодно отличались от других в высшей степени ответственным подходом. Будучи превосходным художественным переводчиком, он не мог позволить себе халтуры и в переводе кино. Кстати, помимо этой полуполюгальной работы, он вполне официально сотрудничал с Госкино и Союзом кинематографистов, работая на всех советских кинофестивалях и множестве закрытых кинопросмотров. Я до сих пор удивляюсь тому, как он умудрялся делать так много переводов к фильмам и в то же время не ронять их качество. Класс Михалёва как переводчика был столь высок, что его фамилия – редчайший случай – стала известна киноманам. Сформировалось даже сообщество любителей кино, которые специально выискивают и коллекционируют фильмы с его переводом.

Мы с Алексеем жили рядом. Я познакомился и подружился с ним в 1972 году. То, что у нас оказалась ещё и общая профессия, было случайностью. Лёша в совершенстве владел абсолютно всеми регистрами русской речи – от высокого до ненормативного – и был очень остёр на язык. Это ему особенно пригодилось при переводе американских фильмов с обилием сниженной лексики.

Михалёв не стеснялся – где этого требовал материал – не слишком литературных слов, но никогда не опускался в переводе до матерщины или конструкторов на её основе. Если его коллеги при передаче английских бранных выражений подчас не могли придумать ничего лучшего, чем убогое «мать твою», он виртуозно находил, а иногда и изобретал не грязные, но очень сочные эквиваленты для ругательств оригинала. Например, Михалёву принадлежит авторство соответствия *перепихнуться* для английского вульгаризма f**k, которое он впервые применил в своём переводе фильма «Греческая смоковница».

Алексей Михалёв был автором и того выражения, которым я сейчас поделюсь с читателями. Лёша следил за своей физической формой и как-то показал мне упражнение, предназначенное для того, чтобы избежать образования складок на поясице. «Важно, чтобы на боках, – добавил он, – не вырастали *от ж**ы уши*».

Меня тогда очень позабавила эта смешная метафора, поражающая необычной образной ассоциацией. Больше я ни от кого такого выражения не слышал. А теперь расскажу, как оно мне пригодилось в переводческой практике.

В начале 1990-х годов я поехал в Соединённые Штаты переводчиком с группой чиновников. Руководителем группы был начальник небольшого министерского отдела, назовём его Роман Цюрупа. Этот деятель доставил мне немало неприятных минут. Не буду входить во все детали, упомяну лишь одну: он взял у меня займы пятьдесят долларов «до завтра» и потом никак не хотел их отдавать. Безрезультатно прождав несколько дней, я вынужден был напомнить ему о долге. В ответ Роман с улыбкой похлопал меня по плечу: «Ишь, как переживает за свой полтинник. Да не переживай ты, куда твои денежки не денутся!». Позднее другие члены делегации просветили меня, что я поступил опрометчиво, одолжив Роману деньги: если ему в карман попадала чужая копейка, у неё уже не было ни малейшего шанса вернуться к хозяину. (Сегодня этот скромный министерский чиновник превратился в крупного капиталиста.)

Так что у меня были основания держать зуб на Цюрупу. И в один прекрасный день мне представился случай для мщения. Группа ехала на экскурсию, в которой нашим гидом была Катя, весёлая и раскованная американка чешского происхождения, бойко говорившая по-русски. Когда члены делегации погрузились в микроавтобус, Роман плюхнулся на переднее сиденье рядом с Катей, лицом к остальным. У плотного Романа были очень заметные припухлости на поясице, проступавшие даже через рубашку. Разбитная Катя, недолго думая, ухватила его за эти припухлости и громко объявила: «Ого, какие у вас... мы это называем *love handles!* – а затем добавила, обращаясь уже ко мне: – Как это будет по-русски?»

Вот тут-то мне и пригодился оборот, подаренный Лёшей Михалёвым. Правда, из деликатности я не решился употребить слово на букву *ж*, но сказал громким, хотя и нарочито бесстрастным переводческим голосом:

– Это называется *от мягкого места уши*.

Через долю секунды, в течение которой группа осмысляла услышанное, чиновники дружно, во весь голос заржали, а потом ещё долго не могли успокоиться. Цюрупа покрылся багровыми пятнами и не знал, что сказать. Даже Катя немного оторопела – она, во-первых, не

ожидала такой бурной реакции, а во-вторых, по-моему, не поняла смысла моих слов (всё-таки русский язык не был для неё родным). Я же, сохраняя на лице маску безразличия, внутренне упивался произведённым эффектом и с благодарностью вспоминал Лёшу. Не зря, дорогой Лёша, ты был членом Союза писателей! Твоё меткое словцо оказалось по достоинству оценено аудиторией.

Но это ещё не всё. Цюрупа оказался настолько выбит из колеи утренним инцидентом (ему страшно не нравилось, когда над ним смеются), что весь день ходил как потерянный и допустил большую оплошность. Он попросил меня разменять для него купюру в сто долларов. Я с удовольствием сделал это и отдал ему из двух пятидесяти-долларовых бумажек только одну, за вычетом долга. Багровое до того лицо Цюрупы на этот раз посерело. Так «уши от мягкого места» помогли мне вернуть свои деньги.

Ну, а теперь я дарю это выражение всем желающим. Кто знает, вдруг оно и вам пригодится в переводе!

ПЕРЕВОДИЗМЫ

В этой рубрике собраны некоторые казусы, ошибки и трудности перевода, подмеченные или самим автором сборника, или читателями его сайта. После каждого заголовка приводится цитата или вопрос, далее следует комментарий или ответ Д.И. Ермоловича.

«Евроњьюс» пересмотрел таблицу Менделеева

Из стеклянных трубок можно изготавливать новые лампы дневного света, а также стекловату. Из ламп извлекается палладий, родий, серебро и такой опасный элемент, как **меркурий**, чтобы он случайно не попал в почву или атмосферу.

* * *

Знаменитый лондонский смог, о котором любили порассуждать в начале прошлого века, возвращается... А вот одно из решений – химический препарат, действующий на манер клея. Это соединение состоит из кальция и ацетата **магнезия**.

(Из выпусков научных новостей телеканала «Евроњьюс»)

С русской редакцией телеканала «Евроњьюс» сыграли злую шутку «ложные друзья» переводчиков, а вот с химией её переводчики явно не дружат. Упоминание несуществующих элементов «меркурия» и «магнезия» выдаёт переводной характер материалов, будучи явной транслитерацией английских mercury ‘ртуть’ и magnesium ‘магний’. Никто, конечно, не обязан знать таблицу Менделеева наизусть, но почему всё-таки не заглянуть в неё или в англо-русский словарь?

Занимательное металловедение

Представитель больницы Майк Маджио сообщил, что фрагмент черепа, вырезанный в ходе операции, пришлось заменить **титанической** пластиной, так как была вероятность заражения повреждённого участка.

(Сообщение «Rambler-Новости» со ссылкой на BBCRussian.com)

Эта новость, появившаяся первоначально на сайте BBCRussian.com, конечно, переводилась с английского. К ошибке привела то ли «магия» зловещего слова titanic, то ли просто слабое знание физики переводчиком. Вскоре на BBCRussian.com эту ошибку исправили, но к тому моменту её уже успели перепечатать многие другие сайты, и там она «висела» ещё долго, а где-то, может быть, красуется до сих пор.

«Суперкомитет» – не супер

Специальному комитету Конгресса США не удалось достичь договорённости по распределению сокращения бюджетных трат. В задачу «суперкомитета», состоящего из шести демократов и шести республиканцев, входила подготовка компромиссного плана, позволяющего сократить расходы на 1,2 триллиона долларов в течение следующих десяти лет.

(Сообщение сайта Lenta.ru)

Репортажей и комментариев, подобных приведённому выше, было очень много. Рассказывали о работе «суперкомитета» и по телевидению. Иной раз обыгрывали приставку *супер-*, используя словечки с нею (вроде *супернеудача*, *суперважный* и т.п.).

Слово получилось странное, создающее впечатление о некоем сверхмощном, крупном, наделённом особыми полномочиями органе. Справедливости ради надо сказать, что в политической жизни США и понятие, и термин *supercommittee* стали новацией 2012 года. Правда, это термин неофициальный, полное название комитета – *Joint Select Committee on Deficit Reduction*. Это был совместный комитет из членов Сената и Палаты представителей, решения которого выносились на рассмотрение всего Конгресса. Поскольку обычно комитеты работают на уровне только одной из палат, такой совместный комитет получил у журналистов обозначение *supercommittee*, в котором префикс *super-* просто обозначает административное положение этой группы не в рамках одной палаты, а как бы над обеими палатами.

В таком контексте перевод слова *supercommittee* напрашивается сам собой. Так же, как группа узкого состава в рамках комитета называется *subcommittee* – *подкомитет*, логично назвать комитет, формируемый в более широких рамках, *supercommittee*, – *надкомитетом*.

Некоторые серьёзные источники так и написали. Правда, таковых оказалось намного меньше, чем написавших «суперкомитет». Но отгадно, что хотя бы кто-то задумывается над передачей неологизма, а не бездумно выдаёт уродливую кальку.

Вводит он войска или выводит – всё равно агрессор

Барак Обама раскритиковали за план вывода войск из Афганистана. Сделали это его собственные генералы... «Решение президента оказалось более **агрессивным** и влечёт за собой больше рисков, чем я ранее предполагал», – заявил председатель Комитета начальников штабов вооружённых сил США адмирал Майкл Маллен.

(Сообщение программы «Вести»)

Во время слушаний на этой неделе генерал Петреус, получивший ранее четыре звезды, заявил, что президент выбрал более **агрессивные** темпы, чем было ему рекомендовано.

(Сообщение радиостанции «Голос Америки»)

Есть какое-то смысловое противоречие в том, чтобы называть «агрессивным» план по ускоренному **выводу войск**. В русском языке, согласно словарю С.И. Ожегова, *агрессивный* значит:

1) относящийся к агрессии (незаконному применению вооружённой силы, нарушению территориальной неприкосновенности); 2) наступательно-захватнический (*агрессивная политика; действовать агрессивно*); 3) враждебный и вызывающий (*агрессивный тон*).

Но в сообщениях речь не о наступлении и захвате территории, а, наоборот, о выводе вооружённых сил из оккупированной страны.

Проблема имеет два аспекта. Первый – чисто лингвистический: мы имеем дело с псевдоинтернациональными словами (или «ложными друзьями» переводчика). Значения английского слова *aggressive* и русского *агрессивный* не идентичны. *Aggressive* часто используется в смысле ‘настойчивый, стремительный, энергичный’, нередко в нейтральном и даже положительном ключе. (Например, многие компании провозглашают *an aggressive market policy*, то есть политику активного завоевания рынка.)

Второй аспект вопроса – идеологический. У нас многие СМИ любят ругать американских президентов и подхватывают любую информацию, которую можно представить как критику последних внутри страны. Этим СМИ трудно удержаться от соблазна изобразить дело так, будто своего главнокомандующего публично осуждают высокопоставленные военачальники в США. Утверждение, будто «Обаму раскритиковали его собственные генералы», и правда кажется обоснованным, если всерьёз думать, что те обвинили президента в «агрессивности».

Но давайте, объективности ради, прочтём в оригинале точную цитату из заявления адмирала Маллена:

As I said, I support them. What I can tell you is, the president's decisions are more aggressive and incur more risk than I was originally prepared to accept. More force for more time is, without doubt, the safer course. But that does not necessarily make it the best course. Only the president, in the end, can really determine the acceptable level of risk we must take. I believe he has done so.

Как видим, в этом заявлении адмирал абсолютно лоялен президенту. Он лишь признаёт, что первоначально был сторонником более медленного вывода войск, но даёт понять, что поменял свою позицию. Далее он подчёркивает, что лишь президент в состоянии правильно оценить уровень риска и, видимо, уже это сделал. Маллен заявляет, что поддерживает решения президента (*I support them*).

Так что в заявлениях генералов нет никакой критики, и слово *агрессивный* по отношению к решению президента из их уст неуместно ещё

и по этой причине. В переводе этих заявлений неверно использовать слова с негативной оценочностью. Если точно передавать их мысль по-русски, то решения президента не «агрессивны», а более **энергичны**, а темпы вывода – более **стремительны**, чем ему рекомендовали ранее.

Бравые униформисты Обама

«Администрация США продолжит поддерживать **бравых мужчин и женщин в униформе**, которые жертвовали столь многим. Но это задача не только правительства, это задача всех американцев. Надеюсь, вы вместе со мной поблагодарите солдат и их семьи за доблестную службу», – заявил Барак Обама.

(Из информации телеканала «Россия-24»)

Пример, достойный войти в хрестоматию самых примитивных переводческих ошибок: в выражении из четырёх знаменательных слов оказалось два «ложных друга» переводчика (*бравый, униформа*) и один лексико-синтаксический буквализм (*мужчины и женщины*).

Даже как-то неловко напоминать, что brave значит ‘смелый, отважный’ (*бравый* – это ‘молодцеватый’), а uniform в данном контексте – ‘военная форма’ (русское *униформа* применяется обычно к форменной одежде невоенного характера и теснее всего ассоциируется с одеждой циркового подсобного персонала или гостиничных коридорных).

Наконец, “men and women” – расхожий риторический синоним слова people, свойственный публицистическому стилю, но по-русски мы всё-таки говорим в таких случаях *люди*.

В итоге там, где Обама с пафосом говорит об американских военнослужащих, русский перевод рисует образ этакой весёлой команды униформистов обоего пола.

Лексически и стилистически корректный перевод данного выражения – «отважные люди в военной форме».

Проводникам – выйти из вагонов!

Внимание! Наш поезд отправляется через пять минут. Просьба к пассажирам занять свои места! **Провожаящим** выйти из вагонов!

Attention, please! Our train is to leave in five minutes. Passengers, please take your seats! **Attendants**, please leave the train!

Это объявление на двух языках я услышал по громкой связи в поезде «Сапсан», когда летом 2011 года отправлялся из Москвы в Петербург. Прочитано с неплохим английским произношением, отметил я про себя. Но кто же сделал такой перевод с русского? Ведь attendants

по-английски – ‘обслуживающий персонал’. В поезде это может относиться только к проводникам (вспомним также, что в авиации *flight attendant* – это *бортпроводник*). Получается, что в английской версии объявления прозвучал приказ проводникам покинуть поезд!

Мне стало интересно, откуда мог возникнуть такой перевод. Обращение к электронным словарям не оставило сомнений: в «Мульти-тране» слова *провожающий* нет, но к слову *сопровождающий* первым же вариантом соответствия даётся *attendant*. Видимо, не найдя эквивалента к *провожающему*, переводчик использовал перевод, как он думал, синонима – *сопровождающий*.

Ошибка случилась, во-первых, из-за того, что *провожающий* и *сопровождающий* означают разные вещи, а в ситуации с путешественниками – даже противоположные: если провожающий едет с пассажиром до поезда (или до аэропорта) и там, попрощавшись, покидает его, то сопровождающий находится при нём в течение всей поездки.

Во-вторых, даже и в значении ‘сопровождающий’ слово *attendant* употребляется редко, ну, разве, например, применительно к сиделке, которая едет вместе с нуждающимся в уходе пациентом. (Каковую выгонять из вагона было бы ещё более жестоко, чем проводников.)

В далёком прошлом словом *attendant* обозначали также приближённого какой-нибудь важной особы, который постоянно при этой особе находился. В наши дни, как правильно отмечает словарь АБВУ Linvo, *attendant* – это ‘обслуживающее лицо, служитель’, в отдельных контекстах ‘смотритель’, ‘санитар’ или просто ‘работник’.

Как же быть? Конечно, возможен описательный перевод слова *провожающий* на основе соответствий к глаголу *провожать*: например, *person seeing somebody off* или *person accompanying a passenger to the train*. Но для объявления эти многословные, синтаксически неудобные варианты не очень подходят.

Чтобы перевести объявление более естественно, нужно обратиться к тем формулам, которые привычны в такой ситуации в англоязычной среде. Я думаю, всем (хотя бы по фильмам) должен быть известен такой известный призыв проводников: “All aboard!”. Ему нередко предшествует объявление о завершении посадки: “This is the final boarding announcement for train (номер поезда)” или об отправлении поезда: “This train is about to leave.”

Не столь часто, но можно услышать и требование к тем, кто не является пассажиром, покинуть поезд: “If you are not travelling on this

train, please leave now.” Это и есть оптимальный перевод обращения к провожающим. Ведь здесь важно не то, что они пришли кого-то провожать, а то, что они не едут данным поездом.

Эти замечания были опубликованы на моём сайте, а в начале лета 2012 года, во время очередного путешествия «Сапсаном», я обнаружил, что текст объявления изменился. Теперь оно звучит так: “If you are not travelling, please leave the train,” то есть практически в предложенной мной формулировке.

Тешу себя надеждой, что на тех, кто отвечает за перевод для РЖД, подействовала моя критика. Но, даже если и не моя, всё равно отрадно: грубая ошибка исправлена!

Перл от «перевод-пацанов»

В российский прокат выходит новый фильм с Джеки Чаном – «Каратэ-пацан». Это ремейк известной голливудской картины «Малыш-каратист».

(Информация телеканала «Россия-24»)

Фильмы 2010 и 1984 годов, о которых идёт речь в этой информации, по-английски оба называются The Karate Kid. Почему переводчики решили дать им разные русские названия – загадка. Причём название старого фильма было переведено структурно правильно – «Малыш-каратист»: атрибутивное слово, обозначающее вид спорта (karate), передано существительным-приложением, обозначающим спортсмена (*каратист*). (Ещё один – и, возможно, более удачный – вариант перевода: «Юный каратист»).

Но вот для ремейка прежний перевод был отброшен. Слово *малыш*, видимо, показалось слишком пресным и заменено «сочным» дворовым просторечием – *пацан*. (Притом, что английское kid является нейтральным словом – ну, может быть, с лёгким ласково-разговорным оттенком.)

Не забудем, что, хотя *пацаном* называют и обычного мальчишку-сорванца, в русском языке это слово широко употребляется в блатном жаргоне в значении ‘молодой вор’ или ‘член бандитской группировки’. Применимо ли оно к негритянскому парнишке, которого мудрый наставник-китаец учит истокам мастерства кунфу и вообще воспитывает на основе идеологии монахов горного монастыря Удаи?

Несуразна и та синтаксическая конструкция, в которую оправлено крутое русское словцо: *каратэ-пацан*. Это бессмысленный слепок с атрибутивного англоязычного оборота. Так же нелепо звучало бы,

например, *каратэ-мужик* или *баскетбол-баба*... В русском языке название занятия или рода деятельности не может являться атрибутивным приложением. Я надеюсь, что авторы этого переводного заголовка-полуфабриката пока ещё называют себя переводчиками, а не перевод-пацанами. Хотя, может быть, им больше подошло бы именно такое уродливое прозвище.

Мама, мне срочно нужно в аутлет!

Рекламные щиты и указатели в одном большом московском торговом комплексе приглашают посетителей в «первый аутлет». Я лишь недавно столкнулся с этим словом-варваризмом, возникшим как транскрипция английского outlet.

Кстати, английское outlet в значении ‘торговая точка’ обычно употребляется не само по себе, а с прилагательным (например, retail outlet, factory outlet), потому что в исходном значении значит буквально ‘выход’, ‘выпускное отверстие’. А вот для русского «аутлета» никаких определений оказалось не нужно.

Раньше подобные заведения называли *фабричный магазин* или *магазин-склад*, но «аутлет», понятное дело, звучит куда более интригующе и гламурно. Смущает одно: ведь *аутлет* – полная анаграмма слова *туалет* и, сознательно или подсознательно, ассоциируется с последним. А эта ассоциация – не из самых приятных и стимулирующих. Впрочем, возможно, у кого-то желание зайти в «аутлет» тоже возникает как острая нужда...

Сюита в костюме

Императорский съют для принца Уэльского. Один из самых богатых людей мира Султан Брунея устроил поистине королевский приём своему царственному «коллеге» Принцу Уэльскому Чарльзу во время его однодневного визита. По сообщению британских СМИ, к услугам Чарльза и его супруги Камиллы, герцогине Корнуэльской, был предоставлен шикарный Императорский **Сьют** (Emperor Suite) в гостинице Empire...

(*Сайт prohotel.ru*)

Приведённый пример выбран случайно из множества сообщений и статей, в которых гостиничный номер-люкс именуется *сьютом*. Так наши специалисты по туризму считают нужным читать и писать английское слово suite. Ну, ещё бы, ведь они точно знают, как произносить слово suit ‘костюм’, которое пишется почти так же.

Ошибка застарелая: ещё студентами мы проходили переводческую практику в «Интуристе», и интуристовский гид, наш преподаватель, тоже учил нас рассказывать иностранцам о том, что крупнейшая

в Европе гостиница «Россия» “хэз 2000 *сьютс*” – «имеет две тысячи номеров».

Сегодня одна из новых московских гостиниц включила этот «костюм» даже в своё название.

Забавно, что никто не ассоциирует слово *suite* с его настоящими родственниками в русском языке. Английское слово происходит от французского *suite*, что означает ‘продолжение; следствие; ряд, последовательность’. Из этих смыслов и развились значения, зафиксированные в русских заимствованиях *свита* (‘сопровождение королевской особы или иного важного лица’) и *сюита* (‘музыкальное произведение из нескольких следующих друг за другом частей’).

В английском языке *suite* произносится на французский манер, то есть [swit] (так же, как *sweet*). Оно тоже обозначает некую последовательность предметов. В архитектуре это последовательность комнат, то есть анфилада. Отсюда и значение ‘гостиничный номер из двух или более комнат’ либо ‘номер повышенной комфортности, люкс’.

Ещё одна область, где широко употребляется английское *suite*, – это программное обеспечение. Так именуются комплекты программ, дополняющих друг друга (тоже некая серия). Есть, например, Oracle Business Suite или Adobe Creative Suite. Ну и, конечно, наши компьютерщики не могут это произносить иначе, чем «сьют», а вслед за ними и журналисты.

Компьютерщики и журналисты, конечно, неисправимы. Но переводчикам я советую не поддаваться ошибке. Говорите *номер-люкс*, *номер-апартамент* или *многокомнатный номер*, когда речь идёт о гостиничном номере, и «суит», если произносите название программного пакета.

Нахимичили

Между актёрами либо возникает **химия**, либо не возникает ничего. У нас [с Анастасией Заворотнюк] сразу возникла **химия**.

(Из перевода интервью актёра Венсана Переса на телеканале «Домашний»)

Французского актёра, снимавшегося вместе с А. Заворотнюк в фильме «Код Апокалипсиса», интервьюировали на английском языке (а вы думали, на каком?), и он прибег к английскому выражению “there is chemistry between us”.

Я уже неоднократно слышал по ТВ и в закадровом тексте кинофильмов дословный перевод этого выражения: «между ними **химия**» или (если в оригинале отрицание) «между ними нет **химии**».

Мне кажется, что в русском языке пока что нет таких идиом, а *химия* вызывает другие, в основном отрицательные, ассоциации («тут какая-то химия» означает ‘тут какой-то обман’).

Что же можно предложить вместо «химии»? По-моему, лучше всего сошлось бы простое словечко *симпатия*: «Между нами сразу возникла симпатия». Просто, понятно и симпатично (прошу прощения за тавтологию).

Недавно пересматривал книгу В.Н. Комиссарова [2001. С. 119] и наткнулся в ней на такие строки:

В романе американского писателя А. Хейли «Отель» есть такой эпизод. Владелец отеля спрашивает у своего воспитанника, молодого негра, почему у него плохие отношения с управляющим отелем. И тот ему отвечает: "Maybe there is some chemistry between us doesn't mix". А в переводе читаем: «Бывает, что люди не сходятся характерами». Вот и сравните английскую «химию, которая не смешивается» и русское «несходство характеров».

Рождественская улица – Christmas Street?

St. Petersburg will have all its Christmases at once when officials complete the renaming of 10 "Soviet Streets" – and return them to their pre-revolutionary name "Christmas Street", Interfax reports.

(The Moscow News)

Прочитав эту информацию, не сразу и сообразишь, что под "Christmas Street" имеется в виду *улица Рождественская*. Вообще-то названия улиц не подвергаются смысловому переводу, но почему это сделано в данном случае, понятно: автор заметки хотел поиграть на словах в шутовском зачине: "St. Petersburg will have all its Christmases at once..." Напрашивающийся, хотя и легковесный журналистский ход.

Но если всерьёз раскрывать значение названия улицы, то Christmas здесь никак не подходит. Ведь Рождественские улицы именуются так благодаря Рождественской церкви или собору, которые на них стояли или стоят. А любая Рождественская церковь носит это название в честь одного из событий религиозной истории – Рождества Христова, Рождества Богородицы (часто в этом случае она именуется также Богородице-Рождественская), Рождества Иоанна Предтечи.

В каждом из этих случаев слову *рождество* – то есть ‘рождение’ – соответствует по-английски *nativity* (the Nativity of Christ, the Nativity of the Mother of God, the Nativity of John the Baptist). Так сложилось, что, хотя по-русски и в названии этих событий, и в названии предновогоднего праздника фигурирует слово *Рождество*, на английском языке эти понятия обозначаются по-разному. *Рождество Христово* как событие – это the Nativity of Christ, а праздник – Christmas.

Соответственно, Рождественская церковь – это Nativity Church. И если толковать английский смысл названия *Рождественская улица*, то это, конечно, Nativity Street. Хотя в адресах допустима только практическая транскрипция – Rozhdestvenskaya Ulitsa.

Я остановился на этой неточности потому, что, увы, это частая переводческая ошибка. Пришлось даже один раз услышать, как, переводя лекцию проповедника, коллега передал *Рождество Богородицы* как “Christmas of the Mother of God”...

Арендаторов – на продажу!

Программа по продажам арендаторов в МЕГА. Вам необходим совет о том, как улучшить Вашу коммерческую деятельность? ИКЕА создала специализированную группу, занимающуюся Продажами Арендаторов, которая помогает арендаторам торговых центров МЕГА улучшить показатели.

(Из рекламной листовки)

Как известно, гуманитарные организации и правоохранительные органы усиленно борются с торговлей людьми: женщинами, детьми, подневольными работниками... Оказывается, среди предметов торговли есть и белые воротнички: это арендаторы!

По крайней мере в торговых центрах «МЕГА» целый отдел корпорации ИКЕА – Tenant Sales Programme – во всеуслышание объявляет о том, что занимается продажей арендаторов.

А если говорить серьёзно, то занятием этого отдела должно бы быть содействие арендаторам в увеличении продаж.

«Всемирный торговый центр» – теперь и в Москве...

В Манеже торжественно открывается четвертый Европейский конгресс педиатров, на который съехались более трёх тысяч врачей из 80 стран. Они уже успели встретиться на симпозиуме во **Всемирном торговом центре**, где московские медики назвали этот форум уникальным. Такого масштабного конгресса в истории отечественной педиатрии не было ни в советской, ни в современной России.

(Из выпуска новостей НТВ)

Когда 11 сентября 2001 года печальная участь постигла два нью-йоркских небоскрёба, называемых по-английски World Trade Center (WTC) buildings, ещё можно было как-то понять тот факт, что русские журналисты дружно обозвали их зданиями «Всемирного торгового центра».

Во-первых, они не разобрались в синтаксических связях слов в этом названии и решили, что слово world (‘мир, всемирный, мировой,

международный') относится к слову center ('центр'), а не к слову trade ('торговля'). Вот у них и получилось нечто вроде всемирного магазина. (Подумайте, какой образ возникает у вас в голове, когда вы слышите выражение «торговый центр».)

Во-вторых, им было, видимо, невдомёк, что заведения с точно таким названием существуют во множестве городов мира и входят в Ассоциацию центров международной торговли (WTCA). Это крупные деловые комплексы, предназначение которых состоит в обеспечении компаний мира высокотехнологичными услугами для ведения международной деятельности.

Однако поражает то, что российским журналистам неизвестно правильное название российского же Центра международной торговли (ЦМТ) на Краснопресненской набережной в Москве, на стенах которого это название выложено крупными буквами! Из какого источника они брали материал для выпуска новостей? Вероятно, переводили, как умели, с англоязычного пресс-релиза...

Этот неуловимый пол

Суд Италии осудил на 26 лет американку, убившую студента из Великобритании.
Суд Италии в субботу обвинил 22-летнюю американскую студентку Аманду Нокс в убийстве студента из Британии Мередит Керчер и приговорил её к 26 годам тюремного заключения.

(Информация сайта «Газета.Ru»)

Прочитав эту новость, я задумался: Мередит – это мужчина или женщина? Думаю, что переводчики данной информации, поступившей от агентства Рейтер, тоже испытывали неясные сомнения: недаром они не стали склонять имя и фамилию этого «студента» даже в родительном падеже.

Знакомство с другими источниками подтвердило мои подозрения: Meredith Kercher оказалась-таки студенткой. Но в «Газете.Ru» ей сменили пол, переводя новость с английского. Дело в том, что в шапке исходного сообщения не было одного местоимения мужского или женского рода (he или she):

PERUGIA, Italy (Reuters) – An Italian court convicted American student Amanda Knox, 22, early on Saturday of murdering British **student** Meredith Kercher in a drunken game two years ago.

Слово student, как известно, может относиться как к студенту, так и к студентке. Читать дальше это сообщение (где ближе к концу всё-таки проскакивает местоимение her) переводчик, видимо, не стал. Так и получилось, что студентка Мередит превратилась в «студента».

Суровое детство принца

Чарльз, принц Уэльский... воспитывался при дворе, а затем в привилегированных общественных школах.

(Лентапедия, издание Media Rambler Group)

Старая-старая ошибка, оказывается, жива: английский термин public school ('привилегированное частное учебное заведение для мальчиков в Англии' – Англо-русский словарь Lingvo) некоторые «энциклопедисты» всё ещё переводят как *общественная школа*. Что тут сказать? Только одно: смотрите в словарь и не переводите так!

Синдром автобуса

Отмечу книгу П.Бейнарта «Синдром Икаруса», которая издана под эгидой нью-йоркского Совета по международным отношениям и содержит весьма критический разбор внешнеполитической философии США, определявшей роль Америки в мировой истории прошлого века, в ее триумфах и трагедиях.

(Из выступления министра иностранных дел С.В. Лаврова в МГИМО, 2010 г.)

Никак не думал, что широко известный персонаж греческого мифа окажется камнем преткновения для перевода. В книге П. Бейнарта, о которой упомянуто в выступлении, речь идёт именно об этом персонаже. В этом не оставляет сомнений рецензия на книгу в журнале Newsweek, где говорится:

“In *The Icarus Syndrome*, he [Beinart] argues that the United States repeatedly follows an old Greek script: the mythical story of Icarus, whose wings of feathers and wax allow the boy to fly, until — becoming overconfident and heedless of his father’s warning — he flies too close to the sun, melts his wings, and falls to his death.”

Уж не подвела ли референтов министра, готовивших материалы к его выступлению, регулярная езда на венгерском автобусе «икарус»?

Мне остаётся только процитировать свой «Англо-русский словарь персоналий» [Ермолович 2000; 2012]:

ICARUS... **Икар**, в греч. мифологии сын Дедала. Улетел вместе с ним с о. Крит на самодельных крыльях из перьев, слепленных воском, но поднялся слишком высоко к солнцу. Воск растаял, и Икар упал в море.

Название книги переводится, разумеется, как «Синдром **Икара**».

ТАК НЕ ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ

Достаточно этих «достаточно»!

Вот когда, условно говоря, губернатор задавил человека на трассе, никаких митингов не было. А когда какие-то **достаточно** незначительные люди это делают, то митинги бывают. Ну, там **достаточно** небольшое количество статистики, чтобы вывести из этого какие-то закономерности... Поскольку таких митингов **достаточно** мало, то пока нельзя с достоверностью сказать, что они не задевают интересы по-настоящему власть имущих.

(Программа «Код доступа» на радио «Эхо Москвы»)

Приведённая цитата показательна высокой частотностью слова *достаточно*: оно использовано три раза на протяжении короткого отрезка речи, причём во всех случаях, на мой взгляд, крайне неудачно. Не хочу критиковать здесь конкретно автора передачи: злоупотребление наречием *достаточно* стало повальным поветрием, особенно в устной речи. В чём же, собственно, проблема?

В последние пару десятилетий наречие *достаточно* стали часто употреблять в значении 'весьма, довольно-таки'. Но при этом говорящие забывают, что это наречие сохраняет своё основное значение: 'в необходимом количестве', 'в удовлетворительной степени', 'столько, сколько нужно', 'в той степени, в какой нужно'. Поэтому в корректной речи оно сочетается лишь с положительными характеристиками.

При соединении этого слова с характеристиками, отрицательными по форме или по смыслу, получается противоречие: если сказать «достаточно мало» или «достаточно плохой», то это значит, что говорящий удовлетворён тем, что чего-то (кого-то) мало или кто-то плох (что-то плохо).

Вдумаемся в реплику: «Там **достаточно небольшое** количество статистики, чтобы вывести из этого какие-то закономерности». Получается, что имеющийся объём статистических данных небольшой, и этого говорящему достаточно. Но на самом деле он имеет в виду прямо противоположное, а именно то, что имеющейся статистики **недостаточно** для выводов! Поэтому здесь нужно сказать: «Там **недостаточно** статистики...» или «Там **слишком мало** статистики...».

Убедительно призываю тех, кто не хочет нарушать логику и нормы русского языка, не употреблять наречие *достаточно* с прилагательными или наречиями, имеющими отрицательное значение. Более того, часто это слово вообще лишнее! Так, в приведённой цитате его можно спокойно убрать в первом и третьем случаях, и от этого текст только выиграет:

Когда какие-то незначительные люди это делают, то митинги бывают... Поскольку таких митингов мало, то пока нельзя с достоверностью сказать...

А если вы написали письмо, статью или речь, проверьте, не вкраслось ли туда, куда не нужно, это самое *достаточно* и не стоит ли его удалить. Вы удивитесь, насколько такая операция способна улучшить текст.

Числительные больше не склоняются?

Правительство Израиля одобрило строительство **четырёхста пятьдесят пять единиц жилья**

(Официальный представитель МИД РФ на пресс-конференции)

Неправильное склонение или всякое отсутствие склонения количественных числительных стало бичом не только чиновников, но и политиков, журналистов, даже дикторов. Подобные примеры можно слышать десятками каждый день в передачах телевидения и радио.

Как ни парадоксально, одновременно с этим многие «ораторы» из числа политиков и чиновников любят склонять те части порядковых числительных, которые склоняться не должны. Озвучивание плана осуществить что-либо до *двух тысяч пятнадцатого (восемнадцатого, двадцатого* и т.п.) *года* стало уже рядовым явлением.

И всё же склонение количественных числительных в русском языке никто пока не отменял. А для тех, кто выступает перед микрофоном, их безошибочное склонение должно стать элементарным правилом хорошего тона. Неужели так трудно сказать правильно: *строительство четырёхсот пятидесяти пяти домов?*

Непорядок слов

Многочисленные мечети Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая закрыты сегодня. В административный центр Урумчи были введены войска, которые вместе с полицией патрулируют его улицы. Более **150 уйгуров были убиты в этом районе Китая.**

(Из сообщения телеканала «Евроньюс»)

Более **6 тысяч граждан Латвии** подписались под призывом предоставить русскому языку в республике статус второго государственного **к началу апреля.**

(Из сообщения сайта «Голос России»)

Вагончик, в котором жил цыганский табор, сгорел в **Краснодаре.**

(Из сообщения РИА «Новости»)

Наметилась тревожная тенденция в построении новостных сообщений: игнорируется синтаксическая норма русского языка, согласно которой порядок слов русского предложения должен отражать актуальное членение высказывания. Проще говоря, отправная информация

(тема) должна излагаться в начале, а новая информация (рема) – в конце фразы.

В цитированных же сообщениях всё наоборот: в начало предложения вылезла рема, а тема плетётся в хвосте. Порядок слов похож на английский, что обычно выдаёт некомпетентный перевод: таковым, скорее всего, и является первый из приведённых выше текстов. Корректный перевод выглядел бы так:

Сегодня закрыты многочисленные мечети Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (*или*: Многочисленные мечети Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая **сегодня закрыты**)... В этом районе Китая **были убиты более 150 уйгуров**.

Ещё хуже, что подобное построение предложений стало встречаться и в оригинальных русскоязычных СМИ, о чём говорят другие примеры. Во второй цитате дело осложняется тем, что непродуманный синтаксис предложения привёл к смысловой нелепице. Получается, будто подписавшиеся под призывом хотят, чтобы государственный статус был предоставлен русскому языку к началу апреля. Учитывая, что сама эта информация датирована 5 апреля, получается, что они требуют принятия такого акта задним числом.

Разумеется, всё встанет на свои места, если начать предложение с обстоятельства времени:

К началу апреля более 6 тысяч граждан Латвии подписались под призывом предоставить русскому языку статус второго государственного.

Ещё лучше, на мой взгляд, звучит такой вариант:

«**К началу апреля** под призывом предоставить русскому языку статус второго государственного подписались **более 6 тысяч граждан Латвии**».

Начало заголовка или предложения, открывающего новость, – хорошее место не только для обстоятельства времени, но и для обстоятельства места. Это видно на примере третьего сообщения. Ведь его смысл не в том, где именно сгорел вагончик, а в том, что произошло в Краснодаре. Исправить порядок слов на логически правильный я предоставляю читателю.

Кладём, забиваем, жжём!

Во время предвыборной кампании по всему городу появились плакаты с однотипными надписями:

«Сохраняем для жизни, для людей»;

«Развиваем для жизни, для людей»;

«Создаём для жизни, для людей»

и так далее.

Ни в коей мере не вдаваясь в политическую оценку этих произведений, не могу не дать им оценку лингвистическую.

Ожидается, видимо, что эти лозунги напомнят избирателям о проявляемой о них заботе. Вот только хочется спросить у авторов плаката: что именно вы обещаете сохранять и развивать? Ведь *сохранять* и *развивать* по-русски – переходные глаголы, то есть к ним в грамотной речи (в том числе и в лозунгах) требуются прямые дополнения. Сохранять можно исторические памятники, а можно и беспорядок; развивать можно как экономику, так и коррупцию; создавать можно произведения искусства, а можно подставные компании. Фразы с этими глаголами без дополнений так же бессмысленны, как и тост Шарикова из булгаковского «Собачьего сердца»: «Желаю, чтобы все!».

Уже хотя бы по изложенной – чисто лингвистической – причине обрубки фраз в виде лозунгов вряд ли могут кого-либо впечатлить.

Попутно замечу, что эти обрубки невозможно вразумительно перевести на другие языки, что лишний раз доказывает их бессмысленность.

Оптимальность как беременность

Избрание президента Украины в парламенте – **наиболее оптимальный** вариант для развития страны.

(Заявление на пресс-конференции Киевского центра политических исследований и конфликтологии)

Наиболее оптимальный вариант разрешения молдавско-приднестровского конфликта – это создание союзного государства.

(Из сообщения ИА REGNUM)

Нынешняя ставка подоходного налога – это **самый оптимальный** вариант на многие годы вперёд.

(Из интервью А. Кудрина «Российской газете»)

Интернет-поиск контекстов для выражения *самый оптимальный* дал около 300 000 точных соответствий, а для выражения *наиболее оптимальный* – около 229 000. Тревожные цифры. Употребляя эти выражения, люди, видимо, не понимают, что *оптимальность*, как и *беременность*, или наличествует, или отсутствует. Так же как нельзя быть «самой беременной» или «наиболее беременной», нельзя и говорить о «наиболее оптимальном» варианте. А вместо *менее оптимальный* надо говорить *неоптимальный*. Ведь *оптимальный* – уже значит ‘наиболее благоприятный’ (словарь С.И. Ожегова). Слова *более*, *менее*, *наиболее*, *самый* – показатели сравнительной или превосходной

степени – сочетаются в этом значении с такими прилагательными, как *удачный, подходящий, приемлемый* и т.п.

Но необязательно искать синонимы! Говорите просто: *оптимальный вариант*, и ваша мысль будет выражена наиболее... эффективно!

Сегодня включим, завтра позвоним

«Единая Россия» **включит** свыше 150 беспартийных депутатов, представленных Общероссийским народным фронтом.

(Ведущий программы «Вести» на телеканале «Россия»)

Я уже смирился с тем, что «включим, включено, подключено» говорят электрики, радиотехники, некоторые компьютерщики и сотрудники телекоммуникационных компаний. Но всё-таки не ожидал, что это ненормативное произношение допустят и дикторы – ведущие одной из важнейших новостных программ крупнейшего центрального телеканала.

Сообщаю на всякий случай, что литературный русский язык допускает только один вариант ударения в формах слова *включить* и однокоренных с ним – на окончании, то есть *включим, включишь, подключено*).

Но не успел пройти первый шок, как на экране появилось высокое должностное лицо. «Мы заявили на одной из наших встреч, – сказал он, – что включим в наши списки не менее 150 беспартийных кандидатов, представленных Народным фронтом». Угадайте с одного раза: на каком слогe он поставил ударение в слове *включим*?

Левая, правая где сторона?

– Вопрос: вот когда подпись под документом ставят политики, дипломаты двух сторон, то «обе **стороны** подписали этот документ» или «обе **стороны**»?

– Мы говорим всегда «обе **стороны**», в данном случае я ссылаюсь на «Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Аванесова... значит, «обе договаривающиеся **стороны**» и «под документом ставят подпись **стороны**», причём это там специально оговаривается. Всё остальное... ты можешь говорить: «Они пошли на две **стороны**». Вот здесь ты можешь выбирать ударение, а вот в случае с договаривающимися сторонами ты говоришь «обе договаривающиеся **стороны**», «обе **стороны** согласились»... Скорее, это термин, или, может быть, назовём это с натяжкой профессиональным жаргоном, таким дипломатическим...

– Судебным, возможно, юридическим...

(Из передачи «Говорим по-русски» на радио «Эхо Москвы»)

Тут ведущая передачи смешала выражения «обе договаривающиеся стороны» и «под документом ставят подпись стороны». На самом деле это разные формы слова *сторона*.

В предложении «ставят подпись **стороны**» использован именительный падеж множественного числа, и в нём ударение действительно стоит на первом слоге. А вот в сочетании «обе стороны» дело обстоит иначе. Ведь *оба, обе* – это числительное, по грамматическим свойствам аналогичное числительным *два, три, четыре*. После всех этих числительных употребляется не множественное число, а родительный падеж единственного числа, так же как в сочетаниях «оба (два, три, четыре) стола», «оба министра». У слова *сторона* родительный падеж – *стороны*, поэтому сказать «обе **стороны**» абсолютно правильно.

Другое дело, что вариант *стороны* тоже допустим в некоторых выражениях. Грамматический словарь А.А. Зализняка [1985] специально их отмечает: это *в обе стороны* и *на все четыре стороны*. Ударение в слове *стороны* в этих выражениях можно ставить как на первом, так и на последнем слоге.

Кстати, несостоятельна ссылка на орфоэпический словарь Р.И. Аванесова, где якобы «специально оговаривается» формула «обе договаривающиеся *стороны*». У Аванесова всё как раз наоборот и ничего подобного не оговаривается! Привожу словарную статью из издания 1988 года (а более позднего не было, кроме стереотипных):

сторонá, -ы, *вин.* сторо́ну, *мн.* сторо́ны, сторо́н, сторо́на́м \diamond по обе сторо́ны и по обе сторо́ны; на все четы́ре сторо́ны и на все четы́ре сторо́ны; на́ сторону (отда́ть, ходи́ть) [Аванесов 1988. С. 583]

Итак, у Аванесова как раз приведены варианты: *по обе сторо́ны* и *по обе сторо́ны*. Никаких других указаний про сочетание *обе стороны* там нет и в помине.

Ошибочно заявление о том, что *обе сторо́ны* – это якобы профессиональный дипломатический и судебный жаргон. Но даже если бы это и в самом деле было так, то мы с вами ни в коем случае не обязаны были бы следовать этому жаргону в литературной речи, к которой, как известно, жаргон не относится (так же как судебно-пенитенциарный жаргонизм *осужденный* никак не может отменить литературно-нормативное *осуждённый*).

Итак, правильно говорить: «обе **стороны́**» (родительный падеж единственного числа), но «высокие договаривающиеся **стороны**» (без слова *обе* это именительный падеж множественного числа).

Не тревожьте Брежнева!

- Да, помнишь слово *развитой*, да? *Развитые* страны...
- Да, замечательные примеры были, да: *развитой мальчик*, *развитой социализм* – было только два примера такого вот, собственно говоря, написания.
- Я могу только предполагать, что когда-то кто-то из высоких чинов это сказал типа Леонида Ильича Брежнева...
- Именно так оно и было!
- *Развитой* – и всё, и после этого это попало в словари.

(Из передачи «Говорим по-русски» на радио «Эхо Москвы»)

Ну, уж Леонид Ильич тут совершенно ни при чём!

Слово *развитой* было нормативным задолго до того, как Л.И. Брежнев вышел на политическую арену и вообще начал свою карьеру. Малый академический словарь [МАС 1984] приводит на слово *развитой* примеры из произведений Льва Толстого, трудов Михаила Калинина и Леонида Леонова.

Есть это слово и в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (т. III, 1939 год), где всё предельно ясно: *развитой* – прилагательное, *развитый* – причастие, да притом с ударением на букве *и*. (Существуют и другие пары прилагательное – причастие, аналогичные этой: *занятой* – *занятый*, *обжитой* – *обжитый*).

А прилагательное *разви́тый* словари как раз не жалуют. Если верить авторитетным словарям (а «учёные» дамы с «Эха Москвы» любят в них смотреть, что ж не заглянули на этот раз?), то в качестве прилагательного форма *разви́тый* не является нормативным словом русского языка.

Между прочим, по той же модели, что и *разви́той*, образовано прилагательное *вита́й*, хорошо знакомое инженерам (особенно в сочетании *вита́я пара* – это вид кабеля). Или его тоже Брежнев придумал?

Вообще к чести отечественных лингвистов и лексикографов следует сказать, что никогда ни в один солидный словарь не было включено ни одно некорректное слово или словоформа только потому, что их употребил какой-то высокий чиновник или политический деятель. Словари всегда пополнялись новыми словами исключительно на основе научных критериев, с использованием прежде всего литературных источников. Так что домыслы радиоведущих в какой-то мере даже обижают наших русистов.

И неверно, что *развитой* употребляется только со словами *мальчик* и *социализм*. С этим словом возможно множество сочетаний, как опять

же явствует из словарей: *развитыми* могут быть *мускулы, личность, ребёнок, промышленность, инфраструктура, страна*. Да и просто любой человек может быть *развитым* или *неразвитым*. Это уж как повезёт.

Пользуют врачи, используют рвачи

Охраной лесов должны заниматься, во-первых, те, кто там живёт, а во-вторых, те, кто их **пользует**.

(Из заявления на пресс-конференции в МЧС)

Я желаю всяческого успеха министерству по чрезвычайным ситуациям в его деятельности и вовсе не хотел бы его критиковать. Цитирую заявление одного из руководителей ведомства лишь потому, что из его уст прозвучала распространённая в наши дни лексическая ошибка.

Странным образом в последнее десятилетие слово *пользовать* – казалось бы, вышедшее из употребления – снова стало популярным. Но употребляют его, не понимая смысла: ведь *пользовать* значит ‘лечить’, и других значений у него нет (проверьте по любому словарю). Тем, кто читает или помнит русскую классику, это должно быть известно, но таких людей, по всей видимости, всё меньше.

В «обновлении» значения этого слова нет никакой необходимости: ведь для выражения данного смысла есть слова *использовать* (что-либо) и *пользоваться* (чем-либо). Поэтому употребление в этом значении слова *пользовать* есть не что иное, как речевая «грязь», идущая от незнания и небрежности. Как памятку для тех, кто хочет говорить правильно, я сочинил коротенькое двустишие, которое вынес в заголовок этой заметки.

Наём под заём, без займа нет найма

Минрегион предлагает давать жильё взамен аварийного только в найм. Минрегион России подготовил изменения в закон «О Фонде ЖКХ», <в котором> предлагается отказаться от практики переселения собственников в жилые помещения, предоставляемые им в собственность за счёт средств фонда, ограничив для них способы переселения – социальный либо коммерческий **найм**.

(«РИА Новости»)

Возврат займа гарантирован, потому что пенсия обязательно придёт через два дня. Через ту же почту, через которую бабушка получала **займ**. И способа получить пенсию, не заплатив **займ**, у бабушки нет.

(Радио «ЭХО Москвы»)

Нормативными для русского языка являются слова *заём* и *наём*, у которых буква *ё* в именительном и винительном падежах чередуется с *й* в остальных падежах. Для тех, кому трудно запомнить правильные формы этих слов, я сочинил мнемотехнический стишок:

Под **заём** мы оплатим **наём**,
а без **займа** не будет и **найма**!

Йогуртовый бунт

Пикет против изменений в правилах русского языка прошёл в Ульяновске. Члены клуба гражданского образования выступили против употребления слов *йогурт*, *дóговор*, а также *кофе* в среднем роде.

Пикет прошёл у здания министерства образования области. В нём приняли участие около десятка членов клуба с плакатами. По мнению собравшихся, новые правила возможно были введены из-за того, что кто-то из чиновников неверно употребил некоторые слова, и под него переделали произносительные нормы. Члены клуба начали сбор подписей за отмену новых правил.

Напомним, жителей Ульяновска возмутил приказ министерства образования и науки, по которому были введены новые правила.

(Сообщение радиостанции «Эхо Москвы»)

Я думал, бессмысленные страсти из-за министерского приказа уже перекипели и затихли. Но кто-то продолжает муссировать проблему, которой на самом деле нет, представляя чуть ли не как массовую акцию протеста пикет горстки малокомпетентных людей, не желающих толком разобраться в вопросе. То, что такие люди всегда найдутся, ясно, но почему журналисты не утруждают себя ответственным подходом к освещаемой теме?

Итак, из-за чего сыр-бор?

Начнём с приказа, о котором идёт речь. Это приказ №195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка...».

А в нём – 4 словаря, назову их:

1. Орфографический словарь русского языка. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008.
2. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Зализняк А.А. - М.: АСТ-ПРЕСС, 2008.
3. Словарь ударений русского языка. Резниченко И.Л. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Телия В.Н. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008.

Хотя все эти словари и датированы 2008 годом, всё это старые, много раз издававшиеся словари. И составлены они уважаемыми,

высококвалифицированными филологами. Новых норм эти словари не вводят!

Из-за чего же волнуются борцы с министерством образования? Разберём по порядку. Так, им не нравится ударение в слове *йогурт*. Друзья мои, да ведь это слово существует в русском языке с 30-х годов XX века и вошло в него именно с таким ударением! Оно зафиксировано (правда, в формах *югурт* и *ягурт*) ещё в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, вышедшем в 1935–1940 годах! В форме *йогурт* оно вошло в Орфографический словарь 1974 года и Орфоэпический словарь 1983 года. Оба эти словаря были выпущены Академией наук СССР.

Многие люди старшего поколения знают, что в прошлом это был напиток тюркских народов, и по-русски такое ударение соответствовало произношению в тюркских языках. Лишь в 1990-е годы, когда к нам стали завозить этот продукт из западноевропейских стран, это слово начали произносить на английский манер с ударением на первом слоге.

Так что новой нормы министерство в прошлом году не вводило, оно лишь подтвердило старую норму, которую никто не отменял! При этом никто никому не мешает говорить *йогурт*, эта новая норма отражена в современных словарях, например [БТСРЯ 2000; НБРАС 2004].

Теперь о слове *кофе* в среднем роде. Во-первых, такое его употребление придумало не министерство, так это слово используют очень многие люди. И причины этого понятны: ведь в русском языке существительные на *-о* и на *-е* относятся к среднему роду, так что русская речь стихийно пытается избавиться от единственного исключения.

Эту реальность «Грамматический словарь» А.А. Зализняка зафиксировал ещё в 1975 году! (Где вы были тогда, протестующие?) Но самое главное, что такое употребление было отмечено вовсе не в качестве замены традиционному употреблению *кофе* в мужском роде, а лишь как допустимый дополнительный вариант, соответствующий и реальной речи, и языковой системе.

Ну, и про *договор*. Это ударение (опять-таки как дополнительный, причём разговорный или просторечный, вариант) словари указывают тоже аж с 30-х годов прошлого века (смотри, например, [Ушаков 1934–1940]), а наши ревнители русского языка спохватились спустя 80 лет!

Я тоже предпочитаю говорить *догово́р*, но не понимаю, как можно всерьёз повторять несуразности о том, будто «произносительные нормы переделали под кого-то из чиновников»...

Резюмирую свои мысли, чтобы их не извратили:

1. Министерство никаких новых правил не вводило, оно лишь приняло некий рекоммендательный список из давно известных словарей.

2. В этих словарях зафиксированы, кроме прочего, разговорные и устаревающие нормы, существовавшие много лет! Они там есть, потому что словарь отражает развитие языка на протяжении длительного периода.

3. Никакой исключительностью эти справочники не обладают, нормы русского языка постоянно колеблются и допускают варианты. Эту динамику адекватно отражает только совокупность словарей. Одни вещи показаны лучше в одном словаре, другие – в другом. Так было всегда и везде, ничего нового не произошло.

4. Очень плохо, когда любой троечник, который уж забыл, когда последний раз смотрел в словарь, мнит себя знатоком русского языка. А журналистам лучше не муссировать некомпетентные протесты, повторяя измышления про «переделку норм», а консультироваться со специалистами, просвещать народ и просвещаться самим в языковых вопросах.

Предоставьте филологам заниматься делом, которое они как профессионалы знают лучше вас.

Рекламный предлог

Щетинки с ионами серебра сдерживают рост бактерий **до трёх месяцев**.

(Из телевизионной рекламы зубных щёток)

Duracell Turbo работает **до 40% дольше**, чем обычные щелочные батарейки.

(Из телевизионной рекламы батареек)

Взгляд **до 12 раз более выразительный**.

(Из телевизионной рекламы туши для ресниц)

Услышишь эту рекламу и не можешь отделаться от ощущения неестественности. Спустя несколько секунд понимаешь: всё дело в предлоге *до*. Ведь как мы обычно говорим о длительности каких-либо событий или об изменении некоего параметра? Мы чаще всего используем предлог *на* (например: «Подача электроэнергии прекратилась *на* два часа»; «Он задержался там *на* три месяца»; «Италия приостановила действие шенгенских виз *на* период саммита в Аквиле»; «Уровень воды понизился *на* метр»). А если речь идёт о кратных изменениях, употребляется выражение *в несколько (во столько-то) раз*.

Но рекламодатели боятся этого предлога, так как он звучит слишком определённо. Сущей находкой для них оказался русский предлог *до*. Если объявить скидки *на 30 процентов*, придётся именно так и сбавить цену на товар, а вот формулировка *до 30 процентов* никого ни к чему не обязывает: могу скинуть на 30%, а могу и на 1% – в любом случае будет *до*, то есть или в таком размере, или меньше.

Вот поэтому мы и слышим, и видим постоянно в рекламе: «морщины сокращаются до 30 процентов», «защита от пота до 24 часов», «до двух раз меньше калорий». Всё это не по-русски, а иногда и извращает смысл. Ведь, строго говоря, «морщины сокращаются до 30 процентов» означает, что размер морщин равен 30 процентам от прежнего (а хотят сказать, что они сокращаются на 30% или меньше).

«Сдерживать рост бактерий до 3 месяцев» на самом деле значит ‘ограничивать рост бактерий тремя месяцами’, то есть в течение трёх месяцев бактерии растут, а потом прекращают.

Так как же правильно? В предложении должны наличествовать оба предлога – и *до*, и *на* вместе со словами *срок*, *период*, *величина* и т.п.:

Щетинки... сдерживают рост бактерий **на срок до трёх месяцев**.

Duracell Turbo работает дольше, чем обычные щелочные батарейки, **на период до 40%**.

Размеры пенсии повышаются **на величину до 80%** от базовой.

В других случаях предложение необходимо перестроить. Так, неправильно сказать: «Лампочки снижают расход электроэнергии до 80%» (если имеется в виду: ‘на 80% или менее’), но можно сказать: «Благодаря таким лампочкам экономия энергопотребления **достигает** (или: **доходит до**) 80%».

А как же быть с фразочками вроде «Взгляд до 12 раз более выразительный»? Прежде всего не могу не отметить не только безграмотность, но и бессмысленность именно этой формулы. Кто, когда и чем измерял выразительность взгляда, чтобы приводить такие цифры? Расчёт, по-моему, на абсолютных неучей, которых легко ослепить псевдонаучными утверждениями.

Но для построения осмысленных сообщений, где надо сообщить об увеличении (уменьшении) количества в какое-то или меньшее число раз, я вижу один путь: использование наряду с предлогом *в* слова *максимально*, например:

Ваши накопления увеличатся **максимально в 3 раза**.

Количество болезнетворных микроорганизмов сокращается **максимально в 10 раз**.

Корпорация монстров

Добро пожаловать в клуб **монстров!** Здесь свои законы. Первый закон **монстров:** Не плати за минуту разговора со своими больше 5 копеек. Второй закон **монстров:** Не плати за СМС своим больше 5 копеек.

(Из ролика телекоммуникационной компании, рекламирующего тариф «Монстр общения»)

Перед нами – два **монстра** советской эстрады: Лев Лещенко и Вячеслав Добрынин!

(Из реплики телеведущего)

Посмотришь на молодых людей из рекламного телеролика и ни за что не назовёшь их монстрами. Вполне себе симпатичные ребята. Конечно, пальма первенства в странном употреблении слова *монстр* принадлежит отнюдь не этому рекламодателю. Я уже ряд лет отмечаю про себя ту метаморфозу, которую претерпело значение этого слова в речи некоторых людей.

Вот и телеведущий прямо в лицо назвал двух артистов «монстрами» эстрады. И если бы он один! Одна известная актриса, писательница (!) и режиссёр, рассказывая по телевидению о таких знаменитых своих старших коллегах по актёрскому цеху, как Нонна Мордюкова, Лидия Смирнова и другие, с искренним восхищением назвала их как-то «монстрами советского кино». А один раз, когда я выступал на заседании Клуба переводчиков, кто-то из задавших вопрос назвал и меня «монстром перевода». Я бы обиделся, если бы прежде уже не сталкивался с этой семантической аберрацией.

Нет, как хотите, но *монстр* – это ‘чудовище, урод’ (словарь С.И. Ожегова). Слово определённо негативного ряда. Телефонная компания, введя тарифный план под названием «монстр общения», имела в виду, конечно, «гигант общения»! Ну, и телеведущим лучше называть любимых артистов как-нибудь иначе (к примеру, *звёздами* или *мегазвёздами*), а не записывать их в чудовища или уроды...

Тяжёлая нынче времечка

Прилавки супермаркетов не перестают терзать моё зрение, а теле-реклама – мой слух, предлагая подсолнечное масло под названием «Золотая семечка».

Какого грамотея осенила идея такого бренда? Нет, пусть ни у кого не будет сомнений в том, что это не бренд, а бред. И *семя*, и *семечко* – слова среднего, а не женского рода!

От редактора-составителя

Этот раздел составлен из ответов Д.И. Ермоловича на вопросы, заданные читателями его персонального сайта¹. Эти вопросы охватывают разнообразные лингвистические темы – от практических трудностей перевода до проблем культуры русской речи. Обратная связь с переводчиками, студентами, преподавателями ценна тем, что помогает обратить внимание на те тонкости языка и перевода, которые недостаточно подробно разработаны в учебниках и пособиях. Это даёт возможность обсудить вопрос с широкой аудиторией, а иногда исследовать некоторую неочевидную тему, чтобы сделанными выводами могли воспользоваться коллеги.

Чем руководствоваться в случае спорной транскрипции?

В настоящее время издано немало книг – руководств по практической транскрипции имён собственных. Но что делать, если их рекомендации не совпадают? Например, английская фамилия Sloane по одним источникам – *Слон*, по другим – *Слоун*.

В советское время существовали так называемые «нормативные» издания, обязательные для всех редакторов. Например, «Инструкции ГУГК», в большинстве случаев снимающие все вопросы. Какими изданиями должен руководствоваться редактор сегодня при возникновении спорных ситуаций? В частности, по инструкции ГУГК при переводе с английского получается именно «Слон».

Виктор (Краснознаменск)

Вы правы, в советское время существовало немало документов или справочников, имеющих нормативную силу. Правда, сфера действия тех же инструкций ГУГК даже в советское время была ограничена, и они подчас противоречили другим справочникам (например, передача Sloane – *Слон* была бы неприемлема в материалах агентства ТАСС).

Сейчас ситуация ухудшилась из-за того, что отдельные средства массовой информации и организации не считают себя обязанными придерживаться каких-то нормативов либо составляют их себе сами. На государственном уровне вопросы практической транскрипции имён собственных остаются неурегулированными.

Однако имеет место и некоторый процесс саморегулирования. Так, на сайте Национальной лиги переводчиков² можно найти составленный специальной рабочей группой НЛП документ «Письменный

¹ <http://yermolovich.ru>

² <http://www.russian-translators.ru>

перевод. Рекомендации переводчику и заказчику», в котором есть и раздел по передаче имён собственных.

В этих рекомендациях есть ссылка на мою книгу [Ермолович 2005], имеющую рекомендательный гриф методического объединения Министерства образования и науки РФ. Её же взял за основу своей работы государственный «Всероссийский центр переводов». По просьбе Центра я составил более краткий документ с практическими рекомендациями [Ермолович 2009]. Таковы если и не нормативные инструкции, то, по крайней мере, те рекомендации, которые получили общественную поддержку.

Как передавать наименования компаний?

Какие приёмы Вы бы рекомендовали при передаче наименований компаний с русского на английский? Например, как лучше передать наименование ОАО «Ресторанная компания»? Заказчик требует писать: ОАО Restaurant Company. Так правильно?

Лариса (Москва)

Передача названий компаний – сложный вопрос, и рекомендации здесь не могут быть однозначными для всех случаев. Но вот основные правила, от которых можно отталкиваться:

1) Если название отражает реальную деятельность компании и привязано к топониму (названию города или региона, где эта компания действует), лучше использовать кальку. Так, переводим *Рязанский нефтеперерабатывающий комбинат* – Ryazan Oil Refinery, потому что это действительно комбинат, который занимается переработкой нефти и находится в Рязани. *Московский шарикоподшипниковый завод* – это Moscow Ballbearing Plant, по аналогичной причине. Поэтому и *ОАО Сибирская нефтяная компания* – это ОАО Siberian Oil Company, а не *Sibirskaya Neftyanaya Kompaniya ОАО. На англоязычных страницах самой компании приводится именно калькированный вариант.

Кстати, это очень важно: что бы ни рекомендовали справочники, компания имеет право назвать себя по-английски так, **как она сама этого хочет**. Англоязычный вариант названия разрешено фиксировать в уставных документах, которые после регистрации приобретают юридическую силу. Поэтому при передаче названия компании первым делом следует выяснить, есть ли у него официально утверждённый англоязычный вариант.

2) Если название компании имеет не описательный, а экспрессивно-образный характер или не мотивировано, тогда применяется практическая транскрипция (транслитерация), например:

группа «Детский мир» – Detsky Mir Group,
 фабрика «Большевичка» – Bolshevichka Factory,
 ракетно-космическая корпорация «Энергия» – Energia Rocket and Space Corporation.

Сравните: *Московский шарикоподшипниковый завод* – это Moscow Ballbearing Plant; но *Московский завод «Шарикоподшипник»* – Moscow Sharikopodshipnik Plant.

Категориальные слова (*корпорация, компания, группа, научно-производственное объединение* и т.п.) калькируются, а не транслитерируются. В названии не должно быть слов kompaniya, obyedineniye и т.п.

3) Названия, состоящие из аббревиатур и сложносокращённых слов, транслитерируются, например: *ОАО Сибнефть-Ноябрьскнефтегаз-геофизика* – ОАО Sibneft-Noyabrskneftegazgeofizika, *АО НК Лукойл* – АО NK Lukoil.

На конкретный вопрос, как переводить *ОАО «Ресторанная компания»*, предлагаю следующий алгоритм:

а) Проверить, есть ли в уставе этой компании англоязычный вариант названия. Вы написали, что заказчик требует писать ОАО Restaurant Company. Можно согласиться с рекомендацией заказчика, особенно если этот заказчик – сама «Ресторанная компания». Кроме того, этот вариант согласуется с правилом №1.

б) Но если компания не закрепила юридически англоязычного варианта для своего наименования и при этом занимается не исключительно управлением ресторанами, а и другим бизнесом (например, туризмом), то тогда название частично утратило мотивацию. В этом случае лучше транслитерировать: ОАО Restorannaya Company.

Что правильно: ООО Romashka или Romashka LLC?

У меня возникают трудности при переводе свидетельства о государственной регистрации юридического лица, где даются одновременно полное и краткое наименование юридического лица с указанием организационно-правовой формы: *Общество с ограниченной ответственностью «Ромашка»* и *ООО «Ромашка»*.

Следуя Вашим указаниям, первое перевожу так: Romashka Limited Liability Company, а второе как ООО Romashka. Получается разночтение в переводе, ведь ООО ничем не напоминает LLC. И нужно ли давать в скобках перевод с эквивалентной аббревиатурой (Romashka Ltd. / Romashka LLC)? Я обычно так и делаю, но правильно ли это?

Роза (Казань)

Вы пишете, что между Romashka Limited Liability Company и ООО Romashka получается разночтение. Это не совсем так. Ведь второе – не сокращение от первого. То и другое – это соответственно переводы

русских полного и сокращённого вариантов. Но сами эти переводы не обязаны составлять пару «полное название – его сокращение». Точно так же на английском NATO есть сокращение от North Atlantic Treaty Organization, но русское НАТО никак не является аббревиатурой от *Североатлантический альянс*. Это нормально, так что в дополнительных вариантах типа Romashka Ltd. или Romashka LLC нет необходимости.

Нужны ли заглавные буквы в названии из нескольких слов?

Названия многих ресторанов, кафе, гостиниц, клубов и т.д. состоят из двух или нескольких слов (например, отель Tribeca Grand, кафе Jump Java). Нужно ли сохранять заглавные буквы, транскрибируя такое название в переводе? И если название переводится (например, кафе World of Waffles), тогда с заглавной буквы будет только первое слово?

Наталья (Москва)

Если название транскрибируется, то прописную букву в тех словах, где она есть, нужно сохранять. Здесь принцип такой же, как и при передаче названий компаний.

Название компании – её отличительный уникальный знак, и если он передаётся не калькированием, а по принципу формального подобия (т.е. практической транскрипции, включающей элементы транслитерации), то и прописные буквы должны быть признаны частью его уникальной формы. Стало быть, их нужно ставить там же, где они стоят в оригинале (например, River View restaurant – *ресторан «Ривер Вью»*).

А вот в кальках прописная буква для нарицательных слов не нужна (World of Waffles – *«Мир вафель»*). Напомню, что к калькированию прибегают тогда, когда важна не внешняя, а внутренняя форма (понятная или образная основа): в частности, в художественном переводе, а также при передаче наименований не фирм, а учреждений и организаций (например, International Development Agency – *Агентство международного развития*).

В советских руководствах по стилистике встречается предписание о переделке прописных букв в строчные при передаче названий иностранных компаний (аналогично тому, как именовались предприятия в СССР). В наши дни это требование изжило себя, тем более что появились и отечественные предприятия, в названиях которых не только первое слово пишется с заглавной буквы, например: *«Крокус Экспо»* (торгово-выставочный центр), *«Второй Меховой»* (магазин), *«Манхэттен Гриль»* (ресторан).

Как передавать имя патриарха?

В Вашей книге [Ермолович 2001] Вы пишете: «имена монархов и религиозных деятелей передаются, как правило, по методу транспозиции. Другими словами, король James должен по-русски именоваться не *Джеймсом*, а *Иаковом*, король John Lackland – не *Джоном*, а *Иоанном Безземельным*... Похожая проблема возникает и при передаче на английский имён русских святых и деятелей церкви... Мы рекомендуем и здесь... использовать варианты имён, восходящие к именам-прототипам (библейским, латинским или греческим). Исходя из этого, патриарх *Алексий* по-английски – Alexius, *Св. Сергий Радонежский* – St. Sergius of Radonezh и т.д.».

Первый вопрос. Вы уверены, что именно *Иаков*, а не *Яков*? В БСЭ, например, и в других справочниках – *Яков I*. Соответственно, King James Version – обычно *Библия короля Якова*, а не *Иакова*, как у Вас.

Второе. Поскольку в силу очевидных исторических причин греческий язык гораздо ближе православной церкви, чем латынь, не кажется ли Вам, что и окончания нужно брать не латинские, а греческие – Alexios, Sergios?

Третье. Как бы Вы рекомендовали передавать имя нынешнего патриарха – Kirillos, Cyril или всё-таки Kirill (если забыть на секунду, что Kirill уже закрепилось?)

Владимир (Москва)

Отвечаю на первый вопрос: существует два написания английского монархического имени James – *Иаков* и *Яков*. В словаре персоналий [Ермолович 2000; 2012] я привожу оба варианта.

В дореволюционных источниках (например, словаре Брокгауза и Ефрона) в статьях об исторических и библейских персонажах это имя пишется с «*i* десятиричного» – *Иаков*. В результате реформы орфографии буква *i* была заменена на *и*, что даёт *Иаков*.

Да, в БСЭ *Яков*. Но и в советской, и в постсоветской литературе часто используется вариант *Иаков*. Например, в каноническом русском переводе Р. Гальпериной романа С. Цвейга «Мария Стюарт» (который вышел в издательстве «Правда» в 1963 году и переиздается до сих пор) тот самый монарх, чьим именем названа King James Bible, именуется *Иаков I*. В «Википедии» даётся: *Яков (Иаков)*, в родственном проекте «Викизнание» – *Иаков*.

В своём словаре религиозной лексики [Ермолович 2004] я оставил только вариант *Иаков*. Мне кажется логичным, что если мы называем английских королей по имени John *Иоаннами*, а не *Иванами* или *Янами*, то тогда и James – скорее *Иаков*, чем *Яков*. (Я уже не говорю о том, что в библейском контексте может быть только *Иаков*.)

А так – дело вкуса. И за тем, и за другим вариантом стоит достаточно мощная традиция. Всё же вариант *Иаков* представляется более обоснованным и последовательным.

Во втором вопросе высказана интересная мысль. Да, греческий язык ближе православной церкви. Но мы ведём речь о написании имён по-английски, а в английский язык греческие имена входили в основном через посредство латыни. Поэтому в практике перевода закрепилась транспозиция на основе латинских вариантов.

Приведу в пример весьма авторитетное издание советского времени, когда все сочинения и переводы проходили тщательную, глубоко эшелонированную редактуру, вычищавшую ошибки и погрешности [DBN 1989]. Хотя это был перевод политиздатовского «Атеистического словаря», стиль и содержание этой книги получили высокую оценку за рубежом (я слышал её из уст сотрудника Всемирного совета церквей). Так вот, в этом словаре мы находим следующие соответствия для имён русских религиозных деятелей: *Фотий* (он же *Филипп*, основатель так наз. Филипповского согласия, XVIII век) – Photius, *Феодосий Косой* (еретик XVI века) – Theodosius Kosoi (the Squint-Eyed), *Сергий* (патриарх, 1867–1944) – Sergius и т.д.

Во многом опираясь на авторитет этого издания, я составлял и свой словарь. Тот же принцип использован в другом словаре религиозной лексики [Азаров 2002] (хотя не могу не отметить, что имя *Алексий* там в ряде случаев ошибочно передано как Alexis, чему соответствует не *Алексий*, а *Алексид*).

Объективности ради должен сказать, что есть англоязычные издания, в которых имена русских церковных деятелей переданы не по принципу транспозиции, а практической транскрипцией (*Сергий* – Sergy, *Алексий* – Alexy, *Фотий* – Foty).

Я рекомендую всё-таки вариант с добавлением латинского окончания. Церковь – один из самых консервативных институтов, где особое значение придаётся традиции. Духовные лица получают имена святых, своих небесных покровителей. Могут ли по-разному именоваться *Феодосий Великий*, греческий монах V века, *Феодосий Печерский*, настоятель Киево-Печерской Лавры XI века, и современный архиерей по имени *Феодосий*? По-моему, нет.

Исходя из сказанного, ответу на третий вопрос: вспомним, что до патриарха Кирилла были святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, целая плеяда патриархов константинопольских по имени *Кирилл*, преподобный *Кирилл* Белозерский (основатель Кирилло-Белозерского монастыря, XIV век). Все они по-английски именуется *Cyril*. По-моему, именовать нашего патриарха иным образом на английском

языке значит разрушить единство этого имени, а тем самым и целостность церковной традиции.

Вот какую информацию опубликовало агентство ИТАР-ТАСС в день тезоименитства патриарха Кирилла:

The President congratulated Patriarch of Moscow and all Russia *Kirill* on his name day on Sunday. The patriarch celebrates his name day alongside commemoration of St. *Cyril* and Methodius, Byzantine Greek brothers born in Thessaloniki in the 9th century.

Не правда ли, данное сообщение производит странное впечатление? Именины патриарха как бы сами по себе, а «наряду» с ними вспоминают византийских братьев. Транспозиция же позволяет избежать разнобоя имён:

Patriarch *Cyrl's* name day commemorates Sts. *Cyril* and Methodius, the Byzantine brothers and missionaries who christianized the Slavs.

Как переводить Приобье, Забайкалье, Приполярье?

Являются ли топонимами такие названия, как *Среднее Приобье*, *Забайкалье*, *Приполярье* и т.д.? Какие приёмы перевода применяются для их передачи на английский язык?

Ольга (Тюмень)

Да, названия с окончанием *-ье* и префиксами *при-*, *за-*, *пред-*, *под-* – законные топонимы, т.к. каждое из них обозначает некую территорию. Как их переводить – во многом зависит от префикса.

Названия с приставкой *за-* часто переводятся с помощью префикса *trans-* и окончания *-ia*, например: *Закавказье* – Transcaucasia, *Забайкалье* – Transbaikalia, *Закарпатье* – Trans-Carpathia, *Зауралье* – Trans-Uralia (слитное написание приставки в первых двух примерах сложилось исторически, обычно после *trans-* нужен дефис). Не всегда, правда, в эту модель получается вписать окончание, и тогда даётся описательный перевод: *Заволжье* – the Trans-Volga area.

Осторожнее с *Задоньем* – это не ‘территория за Доном’, как можно подумать, а вариант названия Задонского района Липецкой области, то есть Zadonsky District, или, если угодно, Zadonye. Также и *Замоскворечье* – Zamoskvorechye (District).

Заполярьем обозначаются территории за Северным полярным кругом. Тут годится лишь описательный перевод: areas beyond the Arctic Circle. Впрочем, пусть это никого не смущает: подобные соответствия встречаются и в англо-русском переводе. Например, популярное в англоязычной географии выражение Sub-Saharan Africa переводится как *страны Африки к югу от Сахары*.

От Заполярья перейдём к *Приполярью*. Когда этот термин означает ‘территории, близкие к Северному полярному кругу’, переводим the Arctic Circle areas. Если имеется в виду ‘приполярная территория’, тогда это the polar area или (более научный термин) the circumpolar area. А если – ‘территория, ограниченная Северным полярным кругом’, то это the Arctic.

Среди прочих названий с приставкой *при-* отметим *Приднестровье*, переводимое как Transdnestria (читается [trænz'ni:striə]). В остальных случаях названия с префиксами *при-, по-, под-* переводятся по модели “the + исходный топоним + area/region/zone”, например: *Причерноморье* – the Black Sea region, *Подмосковье* – the Moscow area, *Поволжье* – the Volga region. Если речь идёт о территории, прилегающей к реке, мало известной читателю, можно добавить слово river: *Приамурье* – the Amur River area / region, *Приобье* – the Ob River area. Если имеется в виду бассейн реки, то вместо area/region пишем basin: the Ob River basin.

Термины *Верхнее, Среднее, Нижнее* (*Поволжье, Приамурье, Приобье* и т.д.) переводятся по модели (соответственно) the Upper / Middle / Lower + river name + region / area. Для *Среднего* есть вариант: Mid-, например the Mid-Volga region.

Названия местностей, образованные от других топонимов, следует отличать от названий, образованных от нарицательных слов. Последние обычно передаются практической транскрипцией или имеют исторически сложившиеся эквиваленты, например *Полесье* – Polesia, *Поморье* – Pomoгуе, *Залесье* – Zalesуе, *Приморье* – Primoгуе (населённый пункт, а если имеется в виду Приморский край, то это – Maritime Territory, или Primorsky Krai).

О топонимах с префиксом *пред-*. Чаше других встречается *Предуралье* (территория, прилегающая к западному склону Урала и охватывающая Пермский край, Башкортостан, Удмуртию и Оренбургскую область). Это название приходится переводить описательно с использованием слова piedmont ['pi:dmant]: the western piedmont of the Ural Mountains, the piedmont of the western Urals. Это слово, французское по происхождению, значит ‘подножие горы’, ‘предгорье’. В английском языке оно применяется (в написании с прописной буквы) по отношению к региону Пьемонте в Италии, предгорьям Аппалачских гор в США и вообще к любой территории, прилегающей к горному массиву или хребту.

Как писать названия моделей автомобилей?

Я перевожу художественный текст, в котором часто встречаются названия автомобилей. Как они должны писаться в русском переводе – с большой буквы? Нужны ли кавычки? Допустим, Honda Civic в переводе будет *Хонда Цивик*? В Интернете даже на официальных сайтах разнбой, а в книгах я примеров не нашла.

Наталья (Москва)

За примером обратимся к классике – вспомним слова Остапа Бендера из «Золотого телёнка» И. Ильфа и Е. Петрова:

Машина, как военный корабль, должна иметь собственное имя. Ваш «лорендитрих» отличается замечательной скоростью и благородной красотой линий. Посему предлагаю присвоить машине название – «Антилопа-Гну».

В этом пассаже «Антилопа-Гну» пишется с прописных букв, потому что это имя собственное, присвоенное Великим Комбинатором отдельному автомобилю. А вот название автомобиля по его товарному знаку – «лорендитрих» – даётся со строчной буквы. В обоих случаях используются кавычки.

Так, собственно, и было принято в ту эпоху, когда все публикации подвергались тщательной правке редакторами-стилистами. Как зарубежные, так и отечественные марки автомобилей неизменно писались со строчной буквы и в кавычках: «москвич», «победа», «волга», «жигули», «вольво», «мерседес».

Несмотря на сегодняшнюю вольницу в обращении с русской орфографией, я пока не вижу оснований для отказа от прежних норм и рекомендую передавать Honda Civic как «хонда сивик».

Попутно об орфографии названий некоторых азиатских автомобилей: Suzuki – правильно «судзуки» (не «сузуки»), Toyota – «тоёта» (а не «тойота»), Mitsubishi – «мицубиси» (а не «мицубиши»), Hyundai – «хёндэ» (а не «хьюндай»).

Почему «тоёта»?

Встретил Вашу рекомендацию писать марку автомобиля не как «Тойота» (как пишу я сам в тех нечастых случаях, когда пользуюсь для этого кириллицей), а как «тоёта». Чем обусловлена такая рекомендация?

Максим (Москва)

В названии автомобиля «тоёта» соответствие *yo = ё* вытекает из системы транскрипции японских имён и названий, разработанной ещё во времена СССР японистом Е.Д. Поливановым и принятой как стандарт не только в нашей стране, но и в Японии.

Система Поливанова предназначена для того, чтобы переводить с японского. Но название этого автомобиля, как и многих других, сегодня переводится на русский уже не с японского, а с английского! Вокруг нас ездят автомобили, не иероглифически поименованные, а имеющие понятные всем марки: Suzuki, Nissan, Honda. Следовательно, к ним сегодня применяется уже не транскрипция с японского, а транслитерация с английского.

Максим (Москва)

Должен отметить неточность в этих рассуждениях. Из них вытекает, что Toyota, Suzuki, Nissan, Honda – это якобы написания на английском языке. Ничего подобного: это написания японских названий по системе романизации Хепберна, или Shūsei Hebon-shiki Rōmaji (ромадзи), – общепринятым в мире правилам передачи японских слогов на всех языках, пользующихся латинским алфавитом.

Если угодно, это просто альтернативная графика для японских имён. От этого они не перестают быть японскими именами, точно так же, как Lada в латинской передаче не перестаёт быть русским словом (которое должно передаваться на языки, пользующиеся иной графикой, по правилам транскрипции с русского, а не с английского языка).

Система Хепберна хороша тем, что строго, по принципу взаимно однозначного соответствия, представляет слоговой состав японского языка. Тем же свойством обладает и система Поливанова. Поэтому между этими системами тоже можно установить взаимно однозначное соответствие. И это позволяет переводчикам при передаче японских имён, встретившихся им в английском (французском, немецком и т.д.) тексте, не изучать исходные иероглифы, а прибегнуть к таблице соответствий между этими двумя системами. (Эта таблица приведена и в моей книге [Ермолович 2005]).

Я с сожалением отмечаю, что плохо подготовленные журналисты, переводчики и другие пишущие люди занимаются самодеятельностью, пытаясь применить правила транскрипции с английского языка к японским именам, написанным на ромадзи. Ещё огорчительнее, когда некоторые лингвисты оправдывают такие попытки. Это способно привести ситуацию к ещё большему хаосу. Давайте вспомним, что велосипед уже изобретён!

Как передавать кириллицу в регистрационном номере?

Как правильно передать с русского языка на английский регистрационный номер Свидетельства о государственной регистрации предприятия? Номер такой: 123456-АГ. Передавать ли русские буквы АГ латинскими AG или оставить в тексте перевода номер без изменений, то есть Registration No. 123456-АГ?

Ларуса (Москва)

При переводе документов, содержащих русские сокращения в номерах, названиях моделей и т.п., русские буквы обычно транслитерируют (например, ПЯ – PYa, ЦС – TsS, ЮЯ – YuYa). Хотя мне встречались и документы, в которых такие аббревиатуры оставляли по-русски. Но я думаю, что для практических целей лучше всё-таки транслитерировать. Ведь иностранным заказчикам, возможно, придётся включать эту аббревиатуру в свои письма, контракты и другие документы, а если у них нет русской клавиатуры или они вообще не владеют русским языком, эти буквы будут для них как китайская грамота.

Точки над ё

В Ваших текстах встречаю редкую букву ё. На сегодня принято употребление буквы ё в книгах для детей, в учебниках, в тех случаях, когда возможно неправильное прочтение слова, в именах собственных. В остальных случаях употребление ё факультативно. А Вы почему её употребляете?

(Сергей, Днепрпетровск)

Я являюсь сторонником последовательного использования буквы ё. Согласно действующим «Правилам русской орфографии и пунктуации», «по желанию автора или редактора любая книга может быть напечатана последовательно с буквой ё».

При выборочной простановке буквы ё слишком часто возникает возможность неправильного прочтения слов. Постоянно происходит путаница с местоимениями *все* и *всё*, глагольными формами *признаемся* и *признаёмся*, *посаженный* и *посажённый*, *совершенный* и *совершённый*.

Легко, конечно, сказать, что букву ё следует писать в тех случаях, когда возможно неправильное прочтение слова. А придёт ли, например, в голову автору фразы «Доберемся до реки, там и **передохнем**», что при отсутствии двух точек над ё эту фразу можно прочитать с удалением на *о* в последнем слове?

Смысл фразы «Девушка наложила на лицо так много грима, что родная мать не **узнает** ее при встрече» кардинально меняется в зависимости от того, имел ли автор в виду форму *узнáет* (тогда встреча с матерью – лишь образное допущение) или форму *узнаёт* (в этом случае встреча реально имеет место). Может ли читатель быть уверен, что автор не использовал букву ё сознательно, имея в виду первый вариант прочтения? Или он просто не учёл возможную двусмысленность, а имел в виду второй вариант?

В России если что-то факультативно, то есть необязательно, то в реальной практике никогда не делается даже в нужных случаях. Казалось бы, правила требуют простановки двух точек над *ё* в именах собственных. Но многие ли знают по написанию в книгах, что в «Анне Карениной» Льва Толстого действует герой по фамилии *Лёвин*, а не *Левин*?

Одному моему знакомому из Риги нужно было попасть в Москве на *Савёловский* вокзал. В метро он стал спрашивать у москвичей, как проехать на станцию «Савёловская». Несколько человек его просто не поняли. «Естественно, – сказал я ему, – ты же неправильно произносил название». «Почему неправильно? – резонно ответил приятель. – Ведь двух точек над *ё* на схеме метро не было! Откуда же мне, не москвичу, было знать, что на самом деле это название читается иначе?». (Правда, на нынешних схемах метро две точки над *ё*, кажется, поставили.)

Если написать *летняя куртка*, не поставив двух точек в слове *лётная*, глаз обязательно «зацепится» за это написание, так как может не сразу отличить его от сочетания *летняя куртка*.

Нерегулярность простановки буквы *ё* приводит и к тому, что иногда звук, ею обозначаемый, возникает там, где его не должно быть! Так, весьма распространилось неверное произношение слов *афера*, *опека*, *гренадер* (как если бы в этих словах писалась *ё*). Неправильно произносят фамилию знаменитого шахматиста *Алехин* как «Алёхин».

Ни одного здравого довода в пользу изгнания буквы *ё* из русского правописания я не встречал. Утверждают, например, что простановка двух точек над *ё* нарушает непрерывность письма. Но, во-первых, непрерывность письма нарушают и многие другие буквы, например *й*, *к*, *х*, *э* или заглавные *А*, *Б*, *Ф* и так далее. А во-вторых, какая непрерывность письма имеет значение в XXI веке, когда уже почти любой текст, включая частную переписку, вводится с клавиатуры компьютера или мобильного телефона?

Ну и, наконец, буква *ё* была внедрена в русское письмо на совершенно чётком научном основании: русская орфография построена по фонстическому принципу, а в такой системе разные звуки должны отображаться разными буквами.

В своих публикациях я стараюсь последовательно использовать букву *ё* (увы, не все издательства готовы поддержать этот принцип, ссылаясь на технические причины). Без буквы *ё*, на мой взгляд, русский текст многое теряет. Вот почему я горой за неё!

«Офлайн» и «кликнуть» – это русские слова?

Являются ли *офлайн*, *кликнуть* и тому подобные слова принятыми русскими словами? Правильно ли переводить *offline* и *click* таким вот образом – как это переводят практически везде в Интернете?

Даниил (США)

Это очень актуальный вопрос. В информационных технологиях стали активно употребляться русские транскрипты английских слов вроде упомянутых; могу добавить ещё для примера такие словечки, как *засейвить* (*save*), *отрендерить* (*render*), *залогиниться* (*log in*), *болдй* (*bold letters*), *коннектить* (*connect*), *фича* (*feature*).

Такие слова являются компьютерным сленгом. Наряду с каждым из них есть «правильное» терминологическое соответствие. Судьба каждого такого словечка непредсказуема: одни так и остаются жаргонизмами (*баг*, *фикс*, *тулзы*, *превьюить*), другие повышают свой статус до разговорных (например, *ангрейд*, *слот*, *файервол*, *флэшка*) или даже проникают в «официальную» терминологию, как это случилось с самим словом *компьютер*, вытеснившим термин *ЭВМ*, или словами *плагин*, *браузер*, *мультимедиа*.

Всё же в большинстве случаев серьёзные переводчики (а также солидные компании, издательства, технические журналы) стремятся использовать корректную терминологию, по возможности с русскими корнями. Например, Microsoft в своих локализованных справках и программах избегает жаргонизмов. Если говорить конкретно о словах, которые Вы назвали, то лучше не «кликать» мышкой, а *нажать* клавишу мышки, а вместо «офлайновый» предпочтительнее писать *автономный* или *совершаемый в автономном режиме*.

Парадоксально, но слово *онлайновый*, кажется, приобретает права гражданства в русском языке: уже корректно говорить об онлайн-словарях, онлайн-консультациях и так далее. Видимо, дело в том, что прежний эквивалент слова *online* – *совершаемый в подключённом режиме* – слишком громоздок и неудобен во многих сочетаниях.

Общий принцип, как я считаю, таков: со сленговыми варваризмами в письменном переводе нужно бороться, если есть хороший и удобный в употреблении «старый» и более «русский» термин. (Лично я никогда не употребляю выражение *кликать мышью*.) Но нужно и следить за словоупотреблением профессионалов. Если солидные (подчёркиваю, солидные!) источники тоже начинают употреблять слова, перенесённые из английского, – ну что ж, значит, профессиональный язык изменился, и нам, переводчикам, остаётся только идти в ногу со временем.

Мы встретились в «Макдоналдс»?

Как обращаться с именами собственными, имеющими в своём названии притяжательный падеж английского языка ('s). Например: мы встретились в «*Макдоналдс*»; выставить лот к продаже на «*Сотбис*». Нужно ли обозначать апостроф? Например: «Весело и вкусно в „Макдоналдс“»?

Кирилл (Минск)

Начнём с общих правил использования апострофа. В русском языке этот знак традиционно используется в двух случаях:

а) в иностранных именах собственных после начальных элементов, восходящих к предлогам (*д'Артаньян, О'Хара, Кортина д'Ампеццо*);

б) для отделения русских окончаний от слова, воспроизводимого на латинице, чтобы его можно было склонять (например, *реклама Panasonic 'a и Nemiroff 'a*). Такой способ включения иностранных названий в русскую речь я называю гибридным методом заимствования, когда имя или название сохраняется в оригинальном написании, но его адаптация к синтаксису русского языка требует добавления словоизменятельного форманта.

Что касается апострофа перед конечным *s* в названиях, восходящих к английскому притяжательному падежу, то в серьёзных источниках он всегда опускался. Возьмём, например, лингвострановедческий словарь «Великобритания» [Рум и др. 1978]: в нём апострофы притяжательного падежа в русских соответствиях отсутствуют, например: *Christ's Hospital – Крайстс-Хоспитал, Smith's – Смитс* (название сети книжных магазинов), *Christie's – Кристиз*. Интересующий нас аукционный дом *Sotheby's* имеет там, правда, следующее соответствие: *Садебиз*. Это, в общем-то, правильно, но, увы, уже пришло в противоречие с более или менее устоявшимся *Сотбис*. В любом случае апостроф не нужен. Кстати, и компания *McDonald's* на российском рынке приняла для себя логотип без апострофа: «*Макдоналдс*».

Что касается склонения этих названий, то природе русского языка противоречит несклоняемость слов, встраиваемых в падежные конструкции (что нам активно почему-то навязывает реклама, вроде фразочек: *пейте «кока-кола», гарантировано «пантин»*). Фирменные названия, оканчивающиеся на *-с* или *-з*, приобретают грамматическое значение мужского рода и в косвенных падежах должны иметь формы склонения. Поэтому абсолютно правильно говорить и писать: *посидели в «Макдоналдсе», вышла из «Мейсиза», приобрели на «Сотбисе»*.

Другое дело, что вообще падежное склонение названий организаций и компаний больше характерно для разговорного стиля (*работаю в ТАССе, контракты «Газпрома», разработано «Шеллом»*). В официальном стиле избегают этого, чтобы не создавалось впечатления, будто название искажается. Для этого нужно всего лишь добавлять в косвенных падежах (кроме винительного) родовое слово, то есть *компания, фирма, предприятие* и т.д. Например: «к продаже на аукционе „Сотбис“ выставлен новый лот», «открытие сетью „Макдоналдс“ ещё двух ресторанов». При наличии родового слова имя собственное, заключённое в кавычки, не склоняется, а используется в именительном падеже.

«Дом, милый дом!»

Очень часто в англоязычных фильмах мы слышим фразу “Home, sweet home”. К счастью, миновали те времена, когда в самодеятельных переводах видеофильмов звучало: «Дом, сладкий дом!» Но и вариант «Дом, милый дом!» немногим лучше «сладкого». Разве мы, вернувшись домой из поездки, так говорим? Скорее скажем: «В гостях хорошо, а дома лучше!», «Здравствуй, дом родной!», «Как хорошо вернуться домой!» или даже просто «Наконец я дома!». Как Вы думаете, не уместнее было бы использовать подобные привычные фразы при переводе, или «дом, милый дом!» уже вошёл в русский язык устойчивым сочетанием?

Ольга (Московская область)

Согласен в том, что выражение «дом, милый дом!» в устах русскоговорящего человека звучит неестественно. К тем привычным фразам, которые Вы перечислили, я бы добавил ещё «Вот мы и дома!».

Однако, если говорить о переводах (и, в частности, переводах фильмов и телесериалов, где эта фраза звучит особенно часто), нужно учитывать вот какой фактор. “Home, Sweet Home” – это название песни на стихи Джона Хауарда Пейна (John Howard Payne), звучащей в его опере “Clari”, которая была написана в 1823 году. Привожу здесь её первый куплет:

‘Mid pleasures and palaces though we may roam,
Be it ever so humble, there’s no place like home;
A charm from the sky seems to hallow us there,
Which, seek through the world, is ne’er met with elsewhere.
Home, **home, sweet, sweet home!**
There’s no place like home, oh, there’s no place like home!

Как видим, из песни Дж. Пейна в английский язык вошло не только выражение “home, sweet home”, но и фраза “there’s no place like home”, которая стала пословицей.

По утверждению ряда источников, песня “Home, sweet home” до сих пор является одной из самых популярных и любимых в Америке. Так что, когда говорится эта фраза, её в некоторых случаях можно рассматривать как цитату.

Поэтому на вопрос я отвечаю так: нет, я не считаю, что «дом, милый дом» уже вошло в русский язык. Если контекст не наводит на мысль о том, что герой цитирует песню, то лучше использовать в переводе выражения, привычные для русского уха. Если всё же эти слова воспринимаются как цитата (допустим, герой их напевает), тогда можно и оставить «дом, милый дом» – в надежде, что читатель или зритель поймёт, что это «у них» такая любимая присказка из стишка или песенки.

Можно ли их называть «латинос»?

Мне приходится редактировать книгу, в которой при описании результатов голосования на выборах различных расовых и этнических групп используется слово *латинос*. На моё предложение писать *латиноамериканцы* автор отвечает, что в Штатах латиноамериканцами называют жителей Мексики и других стран, а испаноязычных жителей США именуют именно *латинос*. Насколько это возможно и допустимо?

Наталья (Москва)

Вы подняли интересный и сложный вопрос. Налицо лексическая лакуна со значением ‘гражданин США латиноамериканского происхождения’. По-русски можно было бы использовать такое словосочетание один-два раза на протяжении текста, но для многократного употребления оно не подходит. Слово *испаноязычные* тоже не вполне подходит, потому что среди *Latinos* есть и те, для кого основным языком общения является английский. Поэтому приходится согласиться с Вашим автором в том, что наиболее приемлемый вариант – ввести в русский текст транслитерацию *латинос*.

Здесь, может быть, уместно провести параллель с тем, как в русской журналистике (ещё в советские годы) передавали понятие *chicanos* (американец мексиканского происхождения), – *чиканос*. Даже строгая и политкорректная советская редакция считала этот вариант вполне допустимым.

Надо ещё отметить, что в русской речи употребляется пренебрежительное словечко-сленгизм *латино́с*. Чтобы избежать ассоциации с ним, в переводе имеет, пожалуй, смысл хотя бы при первом употреблении обозначить ударение – *лати́нос*. Кроме того, я бы везде ставил это слово в кавычки.

Согласовывать ли в падеже перевод в скобках?

По требованию заказчика я должен сохранять в переводе английские термины, а в скобках приводить перевод. Возникает вопрос, следует ли согласовывать с предложением по падежам текст в скобках. Например, как здесь:

«В результате промежутки между эхо-сигналами увеличиваются, вследствие чего повышается контраст изображений при использовании тех же значений частоты, FOV (**поле зрения**) и полосы пропускания».

Как правильно: «(поле зрения)» или «(поля зрения)»?

Олег (Киев)

Я бы предпочёл перевод в согласованном падеже – так получателю легче прочитать и понять текст. Думаю, что такой подход подкрепляет и аналогия с грамматическим согласованием, которое применяется в научно-популярных текстах при разъяснении в скобках малоизвестного термина, например:

Он управлял Иудеей, подчиняясь непосредственно римскому императору Клавдию, и носил титул тетрарха (четверовластника) Галилеи.

(Из книги Е. Уайт «История спасения»)

Как переводить с «олбанского»?

Передо мной встала проблема: каким образом передавать на английский язык словечки из так называемого «олбанского»? Например, *энторнет* (Интернет)?

Елена (Владивосток)

«Олбанский язык» – это разновидность сленга, поэтому к нему применимы общие правила передачи сленга. Необходимо создать, по возможности, текст аналогичного стилистического регистра. Рекомендуется при этом использовать приём компенсации (компенсация означает, что не всякое сленговое слово может быть переведено таким же сленгизмом, но эта потеря может компенсироваться в другом отрезке предложения или текста).

Конечно, русский «олбанский язык» специфичен. Он заключается преимущественно в нарочитом искажении нормативной орфографии русских слов (*превед, красавчег, афтар жжжот*). Если искать аналоги в английском языке, то там существует несколько разновидностей сетевого жаргона (*web speak*). Есть, во-первых, компьютерно-сетевой и хакерский сленг, который, впрочем, не является подобием «олбанского языка», а относится преимущественно к специфическим понятиям из области программирования и работы с компьютером.

Большинство других видов сетевого сленга связаны с заменой букв на цифры и использованием сокращений. Некоторые из последних, между прочим, удачно «ложатся» на фразочки из олбанского «языка»: например, *ржунимагу* почти точно передаётся аббревиатурой LMAO (“laughing my ass off”).

Однако и в английском встречаются такие примеры намеренного отступления от норм грамматики и правописания, которые очень напоминают «олбанский язык». Например, на так называемом LOLspeak вместо “Can I have a cheeseburger?” напишут: “I can haz cheezburger?”.

Используются ещё blurds — искажённые и неправильно написанные слова, например: I’m shpeshial (сравни на олбанском: «А я такой асобинный, я нитакое каг фсе»).

Ну, а что касается упомянутого Вами *энторнета*, то прямого соответствия для этого слова в английском, кажется, нет, но иногда в сети можно встретить сочетания “da internet”, имитирующее произношение артикля the некоторыми афро-американцами и выходцами из Карибского региона. Так, если надо перевести фразочку: «Шо за энторнет-сленг тут фсе упатрибляют?», можно предложить вариант: “Whats all da internet slang everyl uses here?”.

Всё это никоим образом не подразумевает моего сколько-нибудь одобрительного отношения к использованию «олбанского языка». Напротив, он мне категорически не нравится, а вышенаписанное относится к тем случаям, когда в силу каких-либо профессиональных задач (например, при переводе рассказа о жизни и сетевом общении подростков) переводчику необходимо создать адекватную речевую характеристику персонажей.

Как быть с woman-doctor?

Мой вопрос – о правомерности задания, предложенного школьникам на олимпиаде по английскому языку: поставить сложное слово woman-doctor во множественное число.

В современном корпусе английского языка слова woman-doctor не оказалось вообще! Скажите, пожалуйста, встречалось ли Вам такое понятие, как woman-doctor, учитывая, что в современном английском языке женщин уже называют actor, а не actress? И уместно ли такое задание на олимпиаде? Если да, то как бы Вы решили предложенную грамматическую задачу?

Елена (Москва)

Выражение woman doctor (я предпочитаю писать его без дефиса – так, как принято в США) мне встречалось, и оно правомерно. Здесь надо разделить два аспекта вопроса: грамматический и аспект политкорректности.

Сначала о грамматике. Сочетания с атрибутивным словом *woman* во множественном числе изменяются в обеих частях: *woman doctor* – *women doctors*, *woman journalist* – *women journalists*. Такие выражения вполне употребительны. Вы не указали, к какому именно корпусу обращались, но Корпус современного американского английского (*Corpus of Contemporary American English*) даёт 78 контекстов с *woman doctor* и *women doctors*, датированных 1990–2012 годами.

Теперь о политкорректности. В наши дни не приветствуются «сексистские» наименования профессий, занятий и должностей, различающиеся по форме при отнесении к лицам разного пола (*anchorman* – *anchorwoman*, *steward* – *stewardess*), как если бы это были разные профессии, в которых мужчины и женщины проявляют себя неодинаково. Вместо них употребляются так называемые гендерно-нейтральные слова (*anchor*, *flight attendant* и т.п.) Однако слово *doctor*, не имеющее родовых вариантов, как раз и является таким нейтральным словом.

Что же касается определений *woman*, *female*, а также *male*, то их добавление вполне политкорректно, так же как и просто указание на мужчину или женщину словами *man* и *woman*. Более того, слово *woman* особенно уместно, когда хотят подчеркнуть достижения женщин в той или иной профессии.

Так что задание на олимпиаде мне кажется корректным.

Преподавательница – это сексизм?

Меня моя преподаватель по английскому языку давно приучила рассматривать фильмы ещё и как материал для изучения языка. Кстати, я правильно здесь употребляю это слово – *преподаватель*? Ведь, наверное, нельзя сказать *преподавательница* или *учительница*, дабы избежать употребления сексизмов?

Екатерина (Милан)

Здесь культурно-языковая проблема, актуальная в странах Запада, не совсем точно спроецирована на русскую речевую практику. В русском языке нет проблемы «сексизма», связанной с использованием форм женского рода при обозначении профессий. Однако некоторые женские формы звучат более разговорно, чем мужские (например, *преподавательница*, *художница*, *лаборантка*), а некоторые – иронично, пренебрежительно, даже грубовато (*кассириша*, *директриса*, *дворничиха*). Впрочем, многие женские формы лишены явной разговорности – например, *сотрудница*, *учительница*, *поэтесса*, *официантка*.

В официальном и возвышенном стилях обычно употребляются мужские формы («Позвольте представить нашего нового *лаборанта*

Наталью», «*поэт* Марина Цветаева», «получила квалификацию *повара*»). Но некоторые женские формы ни в каких контекстах не могут быть заменены на мужские (*актриса, ткачиха, спортсменка, уборщица*).

Ещё одна проблема заключается в том, что мужские формы названий профессий не всегда удачно согласуются с определением и сказуемым. Фразы вроде «Вошла молодая врач», «Наш директор приказала», «Финский министр нанесла визит» звучат с определённым напряжением. Многие лингвисты считают их ненормативными, но беда в том, что строго нормативное согласование – «Вошёл молодой врач», «Наш директор приказал», «Финский министр нанёс визит» – является, как говорят специалисты, асемантическим, то есть создающим неверное впечатление о субъекте описываемой ситуации, если этот субъект на самом деле женщина.

Нельзя дать однозначную рекомендацию о том, как избегать таких асемантических высказываний. В ряде случаев помогает добавление приложения – существительного женского рода, например: «вошла молодая *женщина-врач*», «известный композитор *Губайдуллина* дала интервью». В других случаях можно использовать более разговорную женскую форму названия профессии. В частности, в вашем письме, не являющемся каким-то официальным документом, я не вижу причин избегать слова *преподавательница* и тем более слова *учительница* – они никак не оскорбят этого человека.

А вот говорить и писать «*моя преподаватель*» я не рекомендовал бы. В этой связи вспоминается реплика студента и ловеласа Костика из телевизионной комедии «Покровские ворота» режиссёра Михаила Козакова. Провожая после интимного свидания новую пассию, молодой человек сталкивается в коридоре коммунальной квартиры с медсестрой Людочкой, которая наивно спрашивает его про прежнюю подругу: «Костик, а где Светлана?». Знакомая Костика настораживается: «Какая Светлана?». Костик отвечает: «А... *одна доцент*. Я после вам расскажу, после».

Синтаксическая напряжённость такого сочетания – «одна доцент» – подчёркивает ту неловкую ситуацию, в которой оказался Костик, и вместе с блистательной игрой актёров создаёт в этом эпизоде яркий комический эффект.

Планета зелёных облизьян

Как бы Вы перевели (пусть не на датский, а на английский) «фря ты этакая, облизьяна зелёная»? Во что превратятся пренебрежительная «фря» и «облезлая зелёная обезьяна»? И почему, кстати, «зелёная»? Заплесневевшая?

Сергей (Днепропетровск)

Нет необходимости заново пытаться переводить эту реплику Анны Трифионовны из романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые» (часть II, глава IV). Её давно перевела Констанс Гарнетт: “What do you take yourself for, you saucy slut, you green monkey?”.

Я не считаю большой потерей, что в этом переводе нет полного аналога слову-гибриду *облизьяна*, а есть лишь перевод «обезьяны». И без того назвать человека обезьяной – большое оскорбление. Кроме того, думаю, что в XIX веке в устах нетрезвой жительницы городских низов эта *облизьяна* была вовсе не игрой слов. Скорее, это простое искажение, связанное с характерной для просторечия «народной» этимологией, – такое же, как *мухляж* вместо *муляж* или *гульвар* вместо *бульвар*. Ведь в те времена простые люди нечасто могли видеть обезьян, разве что в каком-нибудь передвижном зверинце.

То, почему «облизьяна» зелёная, объясняется просто. Существует такой вид обезьян, как зелёная мартышка (*chlorocebus sabaeus*). Её могла когда-то видеть в зверинце Анна Трифионовна, вместе с надписью на клетке. Вот и запомнила она это животное, в меру своих интеллектуальных способностей, под именем «зелёной облизьяны». А при удобном случае употребила это название как ругательство.

Учёная степень, учёное звание в официальных документах

Как следует переводить на английский язык учёную степень и учёное звание в официальных документах (например, в договоре): *профессор*, *доцент*, *кандидат*, *доктор наук* и т.д. (учитывая различия в обозначениях у нас в стране и за рубежом), а также должности работников вузов, например, *доцент*, *профессор*, *ректор*?

Елена (Екатеринбург)

Перевод российских (и советских) учёных степеней и званий – это, действительно, сложный вопрос. Как и в случае со многими другими реалиями, здесь есть три пути: транслитерация, калька и функциональный аналог.

Транслитерация курсивом (например, *Kandidat Nauk*) годится разве что для узкоспециальных текстов со страноведческим уклоном, предназначенных для экспертов по России и СССР. Для большинства случаев этот метод не годится.

Калька даёт нам такие результаты: *кандидат наук* – Candidate of Sciences, *доктор наук* – Doctor of Sciences. Честно говоря, для обычных информационных текстов мне этот метод кажется даже худшим, чем транслитерация, так как он только запутывает неискущённых в наших реалиях читателей (*candidate* воспринимается как некая промежуточная, неутверждённая степень, а *doctor* – как аналог западного доктора, что не соответствует действительности). С другой стороны, в строгом юридическом тексте (договор, справка и др.) эти варианты могут быть уместны, так как из них однозначно выводится оригинальное название степени на русском языке.

Функциональный аналог для *кандидата* – это Doctor (Dr.) перед фамилией или Ph.D. после неё, а для нашего *доктора* аналога нет, но приемлема описательная формула Doctor of Advanced Studies. После фамилии (через запятую) возможна также формула holder of an Advanced Doctorate. Если нужно добавить, каких наук, то добавляется сочетание с предлогом *in*, например, Doctor of Advanced Studies in Physics (Linguistics, Economics и так далее). Если нужно поставить титул обязательно перед фамилией, то это будет тоже Dr. – ничего лучшего пока порекомендовать не могу.

Профессор приходится переводить Professor, хотя все мы знаем, что у нас профессор – это высокая должность, а «у них» так может называть себя почти любой преподаватель. Но ничего не поделаешь.

С *доцентом* легко: это всегда Associate Professor, сокращённо Assoc. Prof. (только не сокращайте до Ass. Prof., что значит Assistant Professor – ассистент, или младший преподаватель).

Ну, и про *ректора* (а заодно и *проректора*). Варианты rector и deputy rector приемлемы (словарь Random House Webster числит за словом rector значение ‘the head of certain universities, colleges, and schools’), но не забывайте, что у этого слова есть сильные церковные ассоциации (так именуются определённые должности у католиков, протестантов и в англиканской церкви). Поэтому мне кажутся предпочтительными переводы chancellor и vice-chancellor либо president (of a university) и vice-president. Словом chancellor именуется главы в основном американских университетов и вузов, поэтому оно более уместно, если придерживаться американского варианта английского языка в переводе.

От редактора-составителя

Статьи и заметки Виктора Карболкина печатались под рубрикой "Cum grano salis" («С крупницей соли») в журнале «Мосты». Читая их, невольно представляешь себе молодого переводчика, вчерашнего студента, весело проводящего время за необременительной работой. Для меня было откровением, что за этим шутливым образом скрывается не кто иной, как умудрённый опытом педагог и учёный, доктор филологических наук, профессор Дмитрий Иванович Ермолович.

В этом сборнике сочинения Виктора Карболкина впервые представлены вместе с трудами его «литературного отца», и у читателя есть возможность с улыбкой взглянуть на некоторые вполне серьёзные переводческие проблемы глазами его alter ego.

Об авторе

КАРБОЛКИН Виктор Дмитриевич. Переводчик-универсал. Переводит главным образом бумагу, продукты питания, старушек через улицу. Успешно обеспечивает себе жизнь переводами (от родителей-пенсионеров из деревни). Высшее образование получил, минуя этап среднего. Кандидат гендерных, политических, исторических, футурологических наук (нужное подчеркнуть). В своё время попал во МГЛУ; до настоящего времени МГЛА не рассеялась.

БОРЬБА С СЕПУЛЬКОЙ

Любите ли вы Станислава Лема – так, как люблю его я? Если да, значит, вам не надо объяснять, что такое сепулька. Если нет, рассказываю.

Великий звёздный путешественник Ийон Тихий однажды решил совершить полёт на планету Энтеропия в созвездии Тельца. Предварительно он обратился к «Космической энциклопедии», чтобы навести справки об этой планете, и прочёл там упоминание о сепульках. Это слово его озадачило, и он вынужден был обратиться к статье «сепульки». Вот какие сведения нашёл Ийон Тихий:

«СЕПУЛЬКИ – важный элемент цивилизации ардритов (см.) с планеты Энтеропия (см.). См. СЕПУЛЬКАРИИ».

Последовав совету «смотри», Ийон прочел:

«СЕПУЛЬКАРИИ – устройства для сепуления (см.)».

Ийон поискал «Сспуление», там значилось:

«СЕПУЛЕНИЕ – занятие ардритов (см.) с планеты Энтеропия (см.). См. СЕПУЛЬКИ».

Круг замкнулся, больше искать было негде.

Ийону Тихому можно посочувствовать, но его растерянность не идёт ни в какое сравнение со страданиями переводчика (особенно устного), которому попадётся подобная «сепулька». Я постоянно оказываюсь в положении такого страждущего, о чём и хочу здесь поведать.

Станислав Лем как в воду смотрел, предугадав в «Звёздных дневниках Ийона Тихого» патологическую склонность современного «хайтека» к массовому изобретению слов-«сепулек». При этом каждая корпорация изощряется как может, совершенно не сообразуясь ни со словарями, ни с терминологией других компаний той же отрасли.

Лексическое творение, о котором я расскажу, принадлежит одной из крупных телекоммуникационных компаний. Не стану называть её по имени, но намекну, что название этой компании созвучно русскому просторечному (и даже несколько вульгарному) синониму слова «грудь». Так вот, сегодня – то есть в день, когда я пишу эти строки, – мне пришлось поработать синхронистом на одном из форумов этой компании. Я переводил (вместе с коллегой, конечно) длинную презентацию зарубежного специалиста о новой продукции фирмы.

Презентацию мне дали заранее, и я, будучи синхронистом добросовестным, решил её предварительно проработать. Ведь редко какой технический доклад можно перевести кавалерийским наскоком. Главная трудность – сокращения и терминологические изыски, которые у современных компаний считаются хорошим тоном. Они сочиняют новые термины или придают неожиданные значения известным словам, по моему, в гораздо больших масштабах, чем внедряют собственно технические новации. Так вот, читаю я презентацию, и в ней выскакивает своя «сепулька» – слово *fabric*. Первый раз – в заголовке слайда:

"Server Fabric Switch Applications, Markets."

Так, выделяем главный объект: *server fabric switch*. Понятно, что это некий вид коммутатора. Коммутатор, судя по слайду, необходим для кластеризации серверов, то есть для их более кучного, так сказать, использования. Что же тогда имеется в виду под *server fabric*? Как понимать эту серверную «ткань»? Специализированные компьютерные словари такого слова не числят. А калька по общелексическому значению (*fabric* – *ткань*) здесь никак не годится.

Ладно, смотрим дальше. На одном из следующих слайдов говорится о некоей технологии, назначение которой формулируется так:

Replace the PCI bus inside the server and become the unified **fabric** for IO outside the server.

Ага, здесь **fabric** уже не в атрибутивной, а в полноценной субстантивной роли. Попробуем перевести в первой прикидке:

Заменить шину PCI внутри сервера и стать единой (тканью?) ввода-вывода для его внешних связей.

Теперь можно сделать вывод, что **fabric** – это усовершенствованный аналог компьютерной шины, то есть некоей галереи для ввода и вывода данных. Но почему всё-таки **fabric**? И как это соотносится со значением **fabric** в первом примере?

Дальше это слово встретилось в следующих контекстах:

Infiniband provides single **fabric** for storage, network and IPC traffic.

Applications can reduce latency by leveraging remote memory access in the Infiniband **fabric**.

Our server **fabric** switching architecture consists of a series of building blocks.

Нет, всё же ни один из контекстов презентации не конкретизирует, что такое **fabric**, и не даёт хоть какой-то подсказки для перевода на русский язык.

Ладно, обратимся к первоисточнику – сайту упомянутой выше компании. Автора, как говорится, на сцену! Заказываем на этом сайте поиск материалов со словом **fabric** и получаем новые контексты:

Intelligent **Fabric** Applications

Server **Fabric** Virtualization

Multilayer **Fabric** Switches

Switch **Fabric** Module

Fabric-enabled Module...

Интересно то, что наряду с **Fabric Switch** мы здесь встречаем и **Switch Fabric**... Ага, имеется не только «дверная ручка», но ещё и «ручная дверь»...

Отмечу ещё термин **fabric-enabled module**. Давно ли я читал, как страдают переводчики, работающие в органах ЕС, от тамошнего бюрократического жаргона вроде **enablement**? Похоже, технократы заодно с бюрократами.

Решил я углубиться в статью на тему “Intelligent **Fabric Applications**”.
Читаю:

Intelligent Fabric Applications is an all-encompassing term referring to centralized storage features that take into consideration the value of data over time, how quickly and at what cost certain data must be made available for end-user requests, and how long data must be retained before being deleted.

Пробуем перевести эту дефиницию:

«Интеллектуальные (тканевые?) приложения – широкий термин, обозначающий функции централизованного хранения данных с учётом изменения их значимости на протяжении периода времени, скорости и затратности предоставления данных по запросам конечных пользователей, а также предписанного срока сохранения данных до их уничтожения».

В общем, сепульки – важный элемент цивилизации ардритов. Толкование термина, содержащего fabric, не содержит ни малейшего намёка на то, с какой вообще стати сюда внедрилось это слово.

А что, если предпринять вылазку на русскоязычный сайт фирмы? Взять, так сказать, «языка». Схема разведоперации такая. Берём с англоязычного сайта название одного из устройств, включающее слово fabric. Ну, вот хотя бы это: MDS 9100 Multilayer Intelligent Fabric Switch. А теперь на русскоязычном сайте закажем поиск русских текстов с данным названием. Ну что ж, вылазка вроде бы удачная – «язык» пойман:

Компания объявила новую модель **многоуровневого интеллектуального коммутатора MDS 9100 Multilayer Intelligent Fabric Switch**.

Что ж это такое? «Язык» отказался давать сведения. В русском названии устройства переведены компоненты: multilayer – *многоуровневый*, intelligent – *интеллектуальный*, switch – *коммутатор*... А где же fabric? Перевод отсутствует! Его не смогли обеспечить даже люди, работающие в самой компании-производителе.

Просмотр других контекстов на сайте «родной» фирмы даёт аналогичные результаты.

Вот и получается, что fabric в терминологическом творчестве телекоммуникационной корпорации – это настоящая сепулька! Сама компания свой термин на русский язык не переводит. А от нас, видимо, этого ждёт.

Ладно, расширим поиск и «погуглим» в Рунете. Заказываю одновременный поиск слов fabric и коммутатор. Смотрю результаты.

На сайте одного из подразделений Hewlett Packard лицезрею то, чего всё-таки не ожидал. Видимо, по наивности. Читаем:

Новые предложения включают первую в отрасли коммутатор-**фабрику** с поддержкой технологии Interconnect Fabric (ICF).

Какая прелесть! Fabric превратилось в «фабрику»! Нет, извините, дорогие хьюлет-паккардовцы, хоть вас и уважаемая компания кормит, но на это я никогда не пойду! Всё-таки учили меня отличать подлинных друзей от ложных друзей переводчика.

Кое-кто не мудрствует лукаво и внедряет английское слово fabric прямо в русский текст:

Всякий раз, когда в fabric-сеть добавляется новый коммутатор...

Это 8-портовый коммутатор, поддерживающий топологию "fabric".

В то время, как аппаратные средства физически соединяют fabric...

Администратор сети создаёт внутри fabric зоны...

Эти примеры взяты с разных сайтов. Удобно, конечно, но это какой-то полуфабрикат вместо перевода: что могу, переведу, а что не могу, оставлю как есть. Так меня тоже не учили.

Что ещё имеется в Рунете?

switching fabric – узел коммутации...

Группа связанных коммутаторов носит название **Fibre Channel Fabric**...

Теплее, теплее... Из последнего примера можно вывести не такое уж плохое соответствие: fabric switches – *связанные коммутаторы*. Но вот переводить fabric словом *группа* всё же не хочется: группа – это слишком общее, расплывчатое понятие.

Один из компьютерных интернет-магазинов предлагает вариант:

Общей функциональной особенностью всей серии является **коммутирующая решётка (fabric)**.

Это уже очень неплохо! Впрочем, как тогда переводить fabric switch – *решётчатый коммутатор*? Звучит не здорово.

Что там у нас ещё? На сайте компании IBM забрезжил свет:

Матричный коммутатор MDS 9216 Fabric Switch.

Это уже не режет слуха. Стараюсь вникнуть в логику переводчиков. Видимо, они исходили из того, что fabric представляет структуру ткани, в которой переплелись продольные и поперечные нити. Этакую сетку. Но *сеть* – слово, и так слишком часто используемое в технологиях связи как соответствие для английских слов net, network и web. Поэтому данный русский термин уже «занят». А вот *матрица* (хотя и у этого слова есть регулярные эквиваленты – matrix, реже grid) используется реже. Это очень неплохое решение, тем более что от данного существительного легко образуется и прилагательное (*матричный*).

Да вот, и компания 3Com мыслит в тех же терминах. Нахожу у неё на сайте:

Коммутатор обладает функциональной совместимостью с распределенной коммутационной **матрицей XRN (XRN Distributed Fabric)**.

Ну что ж, остаётся подставить новонайденный эквивалент в сочетания, озадачившие меня в самом начале. Пробуем:

server fabric – серверная матрица

server fabric switch – серверный матричный коммутатор

server fabric switching architecture – архитектура серверной матричной коммутации

intelligent fabric applications – интеллектуальные приложения для коммутационной матрицы

switch fabric module – модуль коммутационной матрицы

fabric-enabled module – модуль с возможностью включения в коммутационную матрицу

Получается! И даже не так плохо звучит.

Уф! Кажется, на этом борьбу с сепулькой можно было считать законченной. Сколько я с ней сражался? Да целый вечер. Но я её победил, потому что был хорошо вооружён.

Ийону Тихому не повезло в том, что у него в распоряжении была лишь одна энциклопедия. В его времена Интернета не было... Простите, не будет. Ведь он же из будущего. Правда, не нашего будущего, а, скорее всего, альтернативного.

Но сепульки существуют и там, и тут. Хорошо всё-таки, что сегодня сепулька только одна попалась. Это редкая удача. Обычно их больше.

Послесловие. *А на самом деле всё было совершенно не так. По своей безалаберности Виктор Карболкин никакой подготовкой к переводу не занимался, а презентацию начал смотреть за двадцать минут до начала работы уже в кабине. Его партнёр Серафим Подопригора, напротив, почти всю ночь изучал презентацию и пытался выяснить значение, заложенное авторами в слово fabric. Из-за этого он чуть не проспал и слегка опоздал к началу. Впрочем, несмотря на свою повышенную добросовестность, он оказался в том же положении, что и Виктор, ибо ограничился ресурсами компании-производителя и ничего там путного не нашёл.*

Посоветовавшись, коллеги решили следовать примеру упомянутой компании, то есть всеми силами избегать передачи слова fabric на русский язык. Однако полностью увернуться от этого ни тому, ни другому не удалось, и, когда не было другого выхода, оба говорили первое, что приходило им в голову. Все порождённые ими соответствия никуда не годились, но одни были просто смысловыми пустышками («схема», «структура»), а другие знаменовали собой полную капитуляцию перед ложными друзьями переводчика.

Уже придя домой после работы, Виктор Карболкин постфактум проделал тот путь поиска, который он описал в этой статье как образец подготовки к синхрону.

Информация любезно предоставлена конкурентами-злопыхателями.

ЧЕМ ПИТАЮТСЯ ЧЕРВИ

В Интернете есть много сайтов, рассказывающих, какие исторические события имели место в тот или иной день года. Некоторые прощещают своих посетителей о следующем:

Федеральный экспертный канал CVNews.Ru: 28 января 1521 г. **Диета Червей** (Diet of Worms) отлучила от церкви немецкого церковного реформатора Мартина Лютера.

Сайт «Времена: История цивилизации день за днем»: 28 января 1521 г. Началась так называемая «**Диета Червей**» (Diet of Worms), в которой римско-католическая церковь объявила протестантского реформатора Мартина Лютера бандитом.

(<http://www.kharchenko.com/date/jan/28.php>)

Обратившись к службам поиска, каждый может убедиться, что Интернет просто переполнен информацией о «Диете Червей», причём каждый раз это выражение сопровождается в скобках его английским (почему английским?) эквивалентом – Diet of Worms. Никаких других пояснений нет.

Читателю предлагается ответить на вопросы: кто и почему сел на упомянутую диету? Состояла ли эта диета из червей или голодали сами черви? И нужно ли было так истязать свой организм, чтобы объявить Лютера бандитом? Кто не может ответить на эту загадку самостоятельно, читайте ответ ниже.

Перевод с червоточинкой

«Диета червей» возникла из-за того, как обошлись современные русские переводчики с английским переводом немецкого выражения *der Reichstag zu Worms – Diet of Worms*. Слово *diet* распадается в английском языке на два омонима: один из них значит ‘диета’, а другой имеет значение ‘парламентское или сословное собрание’.

Наши «мастера перевода», разумеется, использовали первое значение, даже черви их не смутили. Диеты ведь разные бывают, о них каждое утро рассказывают в телепроектах типа «Худейте с нами, худейте, как мы, худейте лучше нас». Худеющие переводчики не стали утруждаться даже заглядыванием в словарь, не то что обращением к немецким первоисточникам (для этого же надо ещё и по-немецки что-то понимать) или к русской исторической литературе.

А в «червей» у этих переводчиков превратился немецкий город Вормс. Ведь на самом деле в 1521 году началось не коллективное поедание червей, а собрание в Вормсе государственной элиты –

сословного собрания «Священной Римской империи» (напомню: это была не античная Римская империя, а так назывался конгломерат государств под формальным главенством германского короля). В русской исторической традиции принято именовать его *Вормским сеймом*. Вот одно из корректных описаний этого события:

«В 1520 году папа римский отлучил Лютера от церкви. А он всенародно сжег папскую буллу и в 1521 году явился на **Вормский сейм**, где, по настоянию папы, государственные чиновники Германии собрались для обсуждения вопроса о ереси Лютера. Друзья предостерегали Мартина, что исход сейма может быть для него трагичным... „Хотя бы на сейме, – заявил Лютер, – было столько дьяволов, как черепиц на этой крыше, то и тогда я должен явиться туда“».

Е.Н. Пушков. Кальвинизм в свете слова Божьего (<http://ehb.narod.ru/index.html>)

Всё это я написал прежде всего для того, чтобы кто-нибудь, не дай Бог, не сел на «диету червей». Могут быть проблемы с пищеварением!

МАРШАЛЫ БЕЗ ЛАМПАСОВ

Ну и странные же люди эти англичане и американцы! Употребляют слова совершенно не к месту. Спасибо, наши славные журналисты регулярно это замечают и подчёркивают в своих публикациях.

Вот, к примеру, рецензия на фильм из телепрограммы:

«Клерки». Вопреки **солидному офисному названию** речь здесь идёт о недавних выпускниках колледжа, которые прозябают за прилавками магазинчиков в американском пригороде и коротают время, перебивая кости знакомым или издеваясь над клиентами.

(«Известия», программа телепередач)

Разделяю негодование автора рецензии. Что такое, в самом деле: назвали фильм солидным офисным словом **«Клерки»**, обманули, можно сказать, публику, а потом показывают глупости про каких-то продавцов!

А ещё, между прочим, в Америке есть *маршалы*. И не какие-нибудь, а *воздушные*. Но тоже странные типы эти маршалы: вопреки громкому званию они не носят лампасов, вышитых звёзд и всяких других регалий, которые мы ассоциируем с высшими военными чинами. Да и занимаются несолидными делами. Вместо того чтобы с важным видом, выпятив пузо вперёд, принимать военные парады, они в аэропортах бегают за какими-то хулиганами:

Сотрудники службы безопасности воздушного сообщения США (в Америке их называют **«воздушными маршалами»**) расстреляли подозрительного пассажира, который угрожал взорвать бомбу, якобы находившуюся в его рюкзаке.

(«Известия»)

Девушки, мечтающие о браке с солидным американцем! Не думайте, что, выйдя замуж в Штатах за *маршала* или на худой конец за *клерка*, вы забудете о материальных проблемах! Увы, за этими красивыми словами скрываются простые *охранники* и *продавцы*!

Поймите, девушки, что наши журналисты никогда не смотрят в словарь дальше первого значения слова и не догадываются, что *marshal* — это чаще всего ‘пристав, сотрудник правоохранительных органов’, а *clerk* — обычно именно ‘продавец’.

А вы, журналисты, зарубите себе на носу: когда вы переводите какое-то слово по созвучию с русским, не удивляйтесь, что в Америке «почему-то» называют этим словом совершенно не похожее понятие. Эй, журналисты, вы слышите?

Журналисты: Слышим, слышим. Теперь ясно. Вот только мы одного не поймём: почему в Америке маршалы без лампасов?

ЖАНРОМ ПО ГЕНДЕРУ

Давным-давно, до девяностых годов прошлого века, никакого, извините за выражение, *гендера* у нас не было. А что было вместо него? Ничего не было. В досоветские времена был *женский вопрос*, а ещё раньше – *бабья доля*. Советская власть названный вопрос успешно ликвидировала, а все доли забрала себе. Различия между полами она, правда, ликвидировать не смогла, и решила не обращать на них внимания. Поэтому *половой вопрос* у нас поднимали только с мыслью о том, стоит ли старый пол циклевать или лучше настелить новый.

Но самое интересное, что и «у них там» гендера до недавнего времени тоже не было. Слово *gender* по-английски означало только ‘грамматический род’. Французское *genre* употреблялось либо как грамматический термин, либо в значениях ‘род; способ; жанр’.

Взять хотя бы «Британнику». В её электронной версии 2003 года слово *gender* выдаётся по поиску только в статьях по грамматике, а никак не в социально-половом значении. Спасибо тебе, «Британника», за то, что своей устарелостью ты помогла мне оправдать моё прошлое невежество.

Переводчики не любят рассказывать о своих ляпах, но я, так и быть, выйду на площадь, поклонюсь на четыре стороны и покажусь коленопреклонённо перед честным народом: грешен, люди добрые! Переврал я этот *gender*, прости Господи, когда в первый раз столкнулся с его новым значением.

В начале девяностых годов позвали меня поработать переводчиком к одной учёной американской даме, приехавшей в Москву. А она, представляясь какому-то нашему чиновнику, заявила, что является экспертом по “*gender issues*”. Я чётко услышал этот *gender*, но сказать, что дама – эксперт по вопросам *грамматического рода*, в английском языке отсутствующего (а других языков эта дама не знала), было бы как-то несуразно. Что-то говорить надо было, а *gender* созвучно с *general*, вот я и «перевёл»: «эксперт по общим вопросам». Думаю: если придержусь, сделаю вид, что плохо расслышал. Клиенты скушали, а из рассказов дамы скоро стало ясно, за что она у себя в Америке докторскую степень получила, – там уж я выкрутился. Но всё равно потом ночью плохо спал, ворочался с боку на бок, переживал свою темноту.

А ещё какое-то время спустя уже целая группа американских дам взялась просвещать русских женщин по поводу гендерных вопросов,

о которых те, бедные, раньше и не догадывались. Устроили конференцию с синхронном. Предварительно главная дама спросила меня пронзительным назальным голосом: «А вы-то сами знаете, что такое gender issue? Только не вздумайте переводить как „женский вопрос“!».

На сей раз я уже был подкован и знал, что, когда собирается много женщин, чтобы поговорить про gender, то они, конечно, не столько за себя радеют, сколько за мужчин, этих шовинистических свинтусов (male chauvinist pigs), которых нужно воспитывать в правильном духе. Вот только с русским эквивалентом всё равно были сложности: ни *пол*, ни *род* в большинстве сочетаний не звучат. Вместе с другими переводчиками мы поломали голову, но ничего лучше не придумали, чем длинные описательные обороты вроде «*проблемы равенства мужчин и женщин*» с контекстуальными вариациями. Так и пропереводили всю конференцию, мучаясь над тем, как бы поудачнее вернуть в каждый контекст далёкие от лаконизма фигуры речи.

И тут я хочу воспеть хвалу тем, кто меньше думает и голову не ломает! Нашлись такие чудесные люди, кто придумал это замечательное русское слово *гендер*! А что? Примерно в те же годы вошли в нашу жизнь другие похожие слова – *блендер* (это который женщинам в подарок покупают, чтобы напомнить, что их место – на кухне) и *тендер* (не паровозный, а тот, в котором на один контракт претендует несколько фирм, несмотря на то что заранее знают, что контракт достанется жене градоначальника). И *гендер* не хуже, а даже лучше: от него не такое уж и безобразное прилагательное образуется – *гендерный*.

В общем, слово потихонечку устаканилось. Сколько головной боли оно сняло с русских переводчиков! Зато у наших франкоязычных коллег забот с английским gender хоть отбавляй.

Поначалу казалось, что и им помощь пришла. Дело в том, что французские феминистки созвали в феврале 2000 года крупную конференцию. На ней многие участницы не стали осложнять себе жизнь и уложили французский термин для обозначения грамматического рода на то же прокрустово ложе, куда американки когда-то уложили свой. И на этом ложе учинили над ним, простите, групповое насилие. Другими словами, использовали слово *genre* в значении английского *gender*.

Франкоговорящие мужчины, услышав это нововведение, удивились: как же так, твердят о равенстве прав обоих полов, а согласовать с противоположным полом свои нововведения в язык не удосужились. И решили действовать через лингвистов.

После конференции в Люксембурге некоторые правительства обратились к Межправительственному агентству по франкофонии (Agence intergouvernementale de la francophonie) с просьбой упорядочить терминологию. Агентство заказало исследование и установило, что слово *genre* уже широко используется в значении английского *gender* и в СМИ, и даже в официальных документах. В конце 2002 года эксперты вынесли заключение, что такая практика есть нарушение норм французского языка. Употребление, по образцу английского *gender*, существительного *genre*, прилагательного *générique* и производных от них было признано неприемлемым.

Но увы, единой замены этому термину агентство не предложило, а рекомендовало переводчикам отталкиваться от словосочетаний *hommes et femmes*, *hommes ou femmes*, *hommes-femmes*, *masculin et féminin* и т.п., а кое-где от слова *sexe* и его производных. Были даже приведены примеры того, как переводить некоторые английские выражения:

gender equality – *égalité entre hommes et femmes*

gender awareness – *prise en compte des spécificités des hommes et des femmes*

gender bias – *sexism; préjugés sexistes*

gender disparities – *discriminations fondées sur le sexe, disparités entre les sexes*

Часть французских переводчиков, вдохновлённая рекомендацией отталкиваться от слова *sexe*, вышла на публику с новым соответствием для пресловутого *gender* – словом *sexospécificité* (что-то вроде «поло-специфики»). Неологизм подхватили международные организации. Однако данная стихийная инициатива была оперативно пресечена.

Французская Генеральная комиссия по терминологии и неологизмам (*la Commission générale de terminologie et de néologie*) в 2004 году осудила применение этого слова, особенно в работе госорганов.

Так что во французском языке официально одобренного единообразного соответствия английскому *gender* как не было, так и нет. Франкоязычным переводчикам предложено изощряться на поле описательного перевода, и они осуждены мучиться дальше.

Меня охватывают двойственные чувства. С одной стороны, я от всей души сочувствую тем, кто борется с засорением и русского, и французского языков кальками с английского. Но, с другой стороны, надо же как-то упорядочивать терминологию. Вон уже соседи-испанцы сдались и присвоили соответствующее значение слову *género*. Так что чует моё сердце, и французам глухая оборона от *гендера* не поможет.

И как мы сдались *гендеру*, так и они, скорее всего, рано или поздно сдадутся *жанру*. Впрочем, поживём – увидим.

Орфографические пояснения

В настоящем сборнике последовательно используется буква *ё* во всех словах, где она встречается, без замены на *е*.

Сложносокращённое слово *инъяз* даётся в написании с твёрдым знаком, в соответствии со справочником: Словарь новых слов русского языка. Середина 50-х – середина 80-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб, 1995, где это слово дано в трёх орфографических вариантах: *инъяз*, *иняз* и *ин-яз*. Предпочтительность первого из этих вариантов обоснована председателем Орфографической комиссии РАН В.В. Лопатиным в статье «Русская орфография: задачи корректировки» («Новый Мир», 2001, №5).

Сведения о статьях

Ниже приводятся справочные сведения о работах, вошедших в сборник, в том числе примечания и пояснения, относящиеся к статье в целом. Статьи и материалы указаны в алфавитном порядке названий. Для статей, публиковавшихся ранее, указан источник первой публикации; все такие статьи были отредактированы и – там, где автор счёл необходимым, – дополнены и обновлены для настоящего сборника, поэтому в них возможны текстуальные расхождения с первой публикацией.

Аргументы про документы. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №4 (24). – М.: Р.Валент, 2009. – С. 70–71.

Борьба с сепулькой. Статья впервые опубликована под псевдонимом Виктор Карболкин в журнале «Мосты» №4 (8). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 70–74.

В гостях у лучшего друга переводчиков всех времён и народов. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №2. – М.: «Р.Валент», 2004. – С. 76–87.

Вопросы профессионалу. Впервые опубликовано под названием «Восемь вопросов профессионалу» в журнале «Мосты» №1(9). – М.: Р.Валент, 2006. – С. 11–17.

Детская болезнь «размазни» в последовательном переводе. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №1 (5). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 47–58.

Жанром по гендеру. Статья впервые опубликована под псевдонимом Виктор Карболкин в журнале «Мосты», №3 (7). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 84–85.

Иногда они переводятся. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №3 (15). – М.: Р.Валент, 2007. – С. 71–79.

К вопросу о «полуантропонимах». Статья впервые опубликована под названием «Ономастическая метафора в номинативно-референциальном аспекте (к вопросу о „полуантропонимах“») в сборнике «Вестник МГЛУ», вып. 521. Сер. «Лингвистика» – М.: Рема, 2007. – С. 96–105.

- Контекстуальный перевод и двуязычная лексикография.** Статья впервые опубликована в Сборнике научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 295. – М., 1987. С. 75–81.
- «Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...** Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №4 (16). – М.: Р.Валент, 2007. – С. 33–41.
- Маршалы без лампасов.** Заметка впервые опубликована под псевдонимом Виктор Карболкин в журнале «Мосты», №4 (8). – М.: Р.Валент, 2005.
- Мой адрес – не «хаус» и не «стрит».** Соавтор – канд. филол. наук Бродский Михаил Юрьевич, г. Екатеринбург. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №1 (9). – М.: Р.Валент, 2006. – С. 69–75.
- Наш перевод, вперёд лети! В лакуне остановка.** Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №1 (21). – М.: Р.Валент, 2009. – С. 48–67.
- Непереводимость как плавательный пузырь.** Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №3. – М.: «Р.Валент», 2004. – С. 38–42.
- Несобственные имена.** Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №4. – М.: Р.Валент, 2004. – С. 37–42.
- Носители совершенства.** Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №3 (7). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 73–78. (Перевод и переводчики в советском кино: образы и сентенции. Статья первая)
- О «Лонгмане» бедном замолвите слово.** Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №2 (22). М.: Р.Валент, 2009. – С. 46–56.
- О пользе транслитерации.** Статья впервые опубликована в сборнике «Тетради переводчика», вып. 25. – М.: МГЛУ, 2005. – С. 19–32.
- О практике редактирования в подготовке переводчиков.** Статья впервые опубликована в сборнике «Тетради переводчика», вып. 22. – М.: «Высшая школа», 1987.
- Ответы и советы.** Рубрика составлена по письмам Д.И. Ермоловичу от читателей его сайта и его ответам на них. В печати публикуется впервые.
- Переводим на два языка одновременно.** Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №3 (23). – М.: Р.Валент, 2009. – С. 24–45. В настоящем сборнике публикуется со значительными сокращениями. В текст статьи включена (в сокращении) также заметка «„Дорогу осилит идущий“ – помогут ли «„Веды“ с переводом?», напечатанная в том же номере журнала в качестве врезки на с. 45.
- Переводоведческие взгляды Юджина Найды.** Статья впервые опубликована в Сборнике научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 330. – М., 1989.
- Переводчик в сфере профессиональной коммуникации – что это такое?** Статья впервые опубликована в сборнике «Тетради переводчика», вып. 26. – М.: «Рема», 2007. – С. 194–198.
- Переводчик в эпицентре мировой катастрофы.** Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №2 (6). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 81–91. Все цитаты из биографической книги П. Шмидта приводятся по изданию [Шмидт 2001]. В отдельных случаях в них внесена незначительная орфографическая и пунктуационная правка. Автор признателен студенту МГЛУ Александру Жукову за помощь в подборе материала. Некоторые читатели статьи попросили автора пояснить использование в сё заглавии слова *эпицентр*, которое журналисты подчас некорректно употребляют в значении 'центр': не вкрался ли и сюда этот ошибочный штамп? Действительно, такая ошибка встречается часто, однако это не значит, что слово *эпицентр* вообще

нельзя употребить в переносном смысле. И в данном случае для такого употребления есть следующие основания: положение П. Шмидта, переводчика первых лиц воюющего государства, можно образно уподобить некоей точке, на которую спроецировалась военная катастрофа, – то есть её эпицентру. Истинный же центр этой войны находился, разумеется, в ином месте, а именно на полях сражений.

Приключения кофточки. Статья публикуется впервые в настоящем сборнике.

Принципы предпереводного анализа текста на занятиях по переводу с русского языка на иностранный. Статья впервые опубликована под названием «Принципы предпереводческого анализа текста на занятиях по переводу с русского языка на иностранный» в сборнике докладов Второй международной научно-практической конференции «Проблемы обучения переводу в языковом вузе» 17–18 апреля 2003 г. – М.: МГЛУ, 2003. – С. 43–46. В исходной версии статьи (в том числе в её названии) использовался термин *предпереводческий анализ текста*, употребляемый во многих трудах по теории перевода. Однако в последнее время этот термин был подвергнут критике на том основании, что слово *переводческий* значит ‘относящийся к переводчику’ или ‘совершаемый переводчиком’. Можно говорить о *переводческом анализе*, но в значении ‘предшествующий переводу’ более корректным следует признать выражение *предпереводной анализ*. Этот последний термин и было решено последовательно применить в новой редакции статьи.

Синхронный перевод с ангольского. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты», №1 (5). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 80–83. Отрывок из романа Дарьи Донцовой напечатан с разрешения издательства «Эксмо» по изданию: Донцова Д.А. Гарпия с пропеллером. – М.: «Эксмо», 2003. – С. 44–47.

Сказочное пособие по устному переводу. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №4. – М.: «Р.Валент», 2004. – С. 77–81.

Слепая вавилонская рыбка. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №2 (30). – М.: Р.Валент, 2011. – С. 56–71.

Словарь в обучении переводу. Статья впервые опубликована в «Сборнике научных трудов МГПИИЯ им М. Тореза», вып. 319. М., 1988.

Так что же упустила переводчица в «Трудностях перевода». Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №2 (6). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 60–64.

Трагедия таланта. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №4 (8). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 63–69. (Перевод и переводчики в советском кино: образы и тенденции. Статья вторая.)

Хоть довинчивай. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №3 (11). – С. 66–72; №4 (12). – С. 64–69. – М.: Р.Валент, 2006.

Чем питаются черви. Заметка впервые опубликована под псевдонимом Виктор Карболкин в журнале «Мосты», №1 (5). – М.: Р.Валент, 2005.

Что можно сделать из конфетки. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №3 (19). – М.: Р.Валент, 2008. – С. 60–70.

Шишкин против Siskin'a. Статья впервые опубликована в журнале «Мосты» №2 (14). – М.: Р.Валент, 2007. – С. 40–49. Автор статьи признателен д-ру филол. наук, начальнику управления Конституционного суда РФ Е.Г. Пырикову за любезно предоставленные документы с текстами решений Европейского суда.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adams, D. *The Hitchhiker's Guide to the Galaxy*. – L. & Sydney: Pan Books, 1981.
- BBI: Benson M., Benson, E. and Ilson, R.F. *The Combinatory Dictionary of English*. – 3rd ed. rev. by R. Ilson. – John Benjamins, 2010. – 462 pp.
- COALD: *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* by Hornby A.S, Cowie A.P. – Oxford Univ. Press., 1982. – 1796 p.
- COD: *Concise Oxford English Dictionary*. – Oxford Univ. Press. 12th ed. – 2011. – 1728 pp.; эл. доступ: <http://www.wordreference.com/definition/>
- Cruden, A. *Cruden's Complete Concordance*. – Zondervan, 1967. – 816 pp.
- DBN: *A Dictionary for Believers and Nonbelievers / Transl by Catherine Judelson*. – M.: Progress, 1989.
- Garreau, J. *Tongue in Cheek* // *Washington Post*, 24.05.2009.
- IMF Glossary (English / French / Russian). – Washington, D.C.: IMF, 1998; 2nd ed. – 2010.
- LDEI: *Longman Dictionary of English Idioms*. – Addison-Wesley, 1990. – 408 pp.
- LDOCE: *Longman Dictionary of Contemporary English*. 2nd ed., Longman Group Ltd., 1978. – 1303 p.; 4th ed., Pearson Education Ltd., 2003–2005. 1950 pp.; 5th ed., Pearson Education Ltd., 2008–2011. – 2082 pp.; эл. доступ: <http://www.ldoconline.com>
- LDPV: *Longman Dictionary of Phrasal Verbs*. – Harlow & L.: Longman Group Ltd., 1985. 734 p.
- Malblanc A. *Stylistique comparee du français et de l'allemand*. – Paris, 1961.
- New Century Dictionary of the English Language, The*. / Ed. by H.G. Emery and K.G. Brewster. – N.Y.: Appleton–Century–Crofts, Inc., 1956. – In 2 vol. – 2832 pp.
- Nida, E. *Toward a Science of Translating*. – Leiden: E.J. Brill, 1964.
- Nida, E. *Language Structure and Translation*. – Stanford Univ. Press, 1975. 195 p.
- Nida, E.A., Taber, C.R. *The theory and Practice of Translation*. – Leiden: E.J. Brill, 1974. – 218 p
- Nida, F.A., Reyburn, W.D.. *Meaning Across Cultures*. N.Y.: Orbis, 1981. – 90 p.
- Palazchenko, P. *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoirs of a Soviet Interpreter*. – Penn Stat Press, 1997. – 394 pp.
- RHW: *The Random House Webster's Unabridged Dictionary*. – N.Y.: Random House, 2005. – 2256 pp.
- Roget, P.M.: *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases* by George Davidson. – Penguin Books, 2004. – 824 pp.; эл. доступ: <http://thesaurus.com/roget/>
- Vinay J.-P., Darbelnet J. *Comparative Stylistics of French and English*. / Trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. – Amsterdam/Philadelphia, 1995.
- Vinay J.-P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. – Paris, 1958
- Webster's Third New International Dictionary of the English Language*. – Springfield, Mass., 2000. – 2783 pp.
- WNCD: *Webster's New Collegiate Dictionary*. – Springfield, Mass., 2003. – 1623 pp.
- WNDS: *Webster's New Dictionary of Synonyms*. Springfield, Mass., 1984. – 909 p.
- Аванесов Р.И. *Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы*. – М.: Рус. язык, 1988.
- Адамс Д. *Путеводитель по Галактике для путешествующих автостопом (отрывок из романа)* // Журнал «Англия», 1981, №1.
- Азаров А.А. *Русско-английский словарь религиозной лексики*. – М.: Руссо, 2002.

- Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика». // Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». – М.: Сов. энци., 1969.
- Апресян Ю.Д., Медникова Э.М. и др. Новый Большой англо-русский словарь. В 3 тт. – М.: Рус. язык, 1993–1994.
- Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. – Л., 1984. С. 3–11.
- Апукин Н.С., Апукина М.Г. Крылатые слова. – Изд. 4-е. М., Худ. лит., 1987.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975.
- Блох М.Я., Семёнова Т.Н. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. – М.: Готика, 2001.
- Борисова Л.И. «Ложные друзья переводчика». Общенаучная лексика. Английский язык. – М.: НВИ-Тезаурус, 2002.
- Брандес М.П. Стиль и перевод. – М.: Высшая школа, 1988.
- Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. – М., 2007.
- БТСРЯ: Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000.
- Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. – Благовещенск, 2003.
- Быкова Г.В., Пыласва О.Б. Словарь «несуществующих слов»: фантастика или реальность? // Лакуны в языке и речи. Благовещенск, 2003. – С. 20–27.
- Быкова Г.В., Фраер В.Л., Стернин И.А. Лакуны русского языка: опыт словаря. Том 1. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006.
- Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1976; 2-е изд., 1980; 3-е изд., 2006. В настоящей статье ссылки на эту работу даются по 3-му изданию.
- Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М.: Русский язык, 1975.
- БАРС: Большой англо-русский словарь. Под ред. И.Р. Гальперина. – В 2 тт. – М.: Русский язык, 1972.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. – М., 2004.
- Гарро Дж. Язык твой друг мой // «Мосты» №4 (24), 2009.
- Глазачёва Н.Л. Лакуны и теория межкультурной коммуникации. // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2003.
- Глазунов, С.А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики. – М.: Рус. язык, 2000.
- Ермолович Д.И. Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возвышенной лексики. – М.: Р. Валент, 2004.
- Ермолович Д.И. Англо-русский словарь персоналий. Изд. 3-е. – М.: Русский язык, 2000.
- Ермолович Д.И. Иллюстрированный англо-русский словарь персоналий. Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Р. Валент, 2012. – 350 с.
- Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001.
- Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р. Валент, 2005.
- Ермолович Д.И. Методика межъязыковой передачи имён собственных. – М.: ВЦП, 2009. – 88 с.

- Ермолович Д.И. Открывая Мюллера; Мюллер В.К. Основные принципы и методы составления англо-русского словаря / Подг. к печати и научн. ред. Д.И. Ермоловича. – М.: Р.Валент, 2011. – 67 с.
- Ермолович Д.И. Случайное и регулярное в контекстуальном антропонимическом переносе. // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 300. – М., 1987. – С. 23–35.
- Ермолович Д.И. Функционально-семантическая основа индивидуализирующих знаков (на материале английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. язык, 2000.
- Живолядов А.А. Реализация поэтической функции английских имён собственных личных. – М.: Прометей, 1998.
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. – М.: Рус. язык, 1985.
- Ильин Ю. Статистический машинный перевод: дайте точку опоры! – www.membrana.ru/particle/2662. – 31.07.2003.
- Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой телёнок. – Одесса: Одесское обл. изд., 1958.
- Киви Б. Книга о странном. – М.: Бестселлер, 2003.
- Книжник И. Взгляд и нечто // «Мосты» №4 (24), 2009.
- Комиссаров В.Н. «Ложные друзья» переводчика в структуре английского высказывания (к постановке проблемы) // «Мосты» №2 (6). – М.: Р.Валент, 2005. – С. 15–17.
- Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М.: Междунар. отношения, 1975.
- Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2001; 2-е изд., испр. М.: Р.Валент, 2011.
- Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. – М.: Рема, 1997.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М., 1990.
- Латышев Л.К., Семёнов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М., 2003.
- Марков М. Ошибка физиолога Нью // Наука и жизнь, 1985, №9.
- Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982.
- Марчук Ю.Н. Методы моделирования перевода. – М.: Наука, 1985.
- МАС: Словарь русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т., 2-е изд. – М.: Рус. язык, 1981–1984.
- Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М., 2000.
- Миньяр-Белоручев Р.К. Курс устного перевода (французский язык). – М.: Московский лицей, 1998.
- Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996.
- Моисеенко Г.Е. Опыт практического использования системы Deja vu X Workgroup в режиме рабочей группы и удалённого доступа переводчиков и редакторов. // «Мосты» №3 (2009).
- Муравьёв В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). – Владимир, 1975.
- Мюллер В.К. Большой англо-русский и русско-английский словарь». М.: ООО «Альпина», ООО «Издательство Эксмо», 2008.
- Набоков В.В. Избранное. – М.: Радуга, 1990.

- Найда Ю.А. К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 114–136.
- Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. – М.: Прогресс, 1983. – С. 61–74.
- НБРАС: Ермолович Д.И., Красавина Т.М. Новый большой русско-английский словарь / Под рук. Д.И. Ермоловича. – М.: Рус. язык–Медиа, 2004; Изд. 3-е, доп., 2008. – 1100 с.
- Орёл М.А. Стоп, машина! // «Мосты» №4 (24), 2009.
- Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. М.–Ижевск, 2005.
- Петрова О.В. Дайте переводчику словарь! // Мосты, №2 (22). – М.: Р.Валент, 2009. – С. 39–45. (а)
- Петрова О.В. Спасибо за поддержку, или Немножко о формальной логике // Мосты, №4 (24). – М.: Р.Валент, 2009. (b)
- Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. – М.: Высшая школа, 1964.
- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Междунар. отношения, 1974; 2-е изд., с прим. и доп. Д.И. Ермоловича. – М.: Р. Валент, 2004. В настоящем сборнике ссылки на эту работу даются по 2-му изданию.
- Рецкер Я.И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. – М., 1978.
- Рум А.Р.У., Колесников Л.В., Пасечник, Г.А. и др. Великобритания. Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. язык, 1978.
- Семёнова Т.Н. Антропонимическая индивидуализация: когнитивно-прагматические аспекты. – М.: Готика, 2001.
- Смирницкий А.И. Русско-английский словарь. 13-е изд. – М.: Рус. язык, 1985.
- Смоленский В. «Супи» или «суси»: отповедь шепелявящим. – Мосты, №2. – М.: Р. Валент, 2004; www.susi.ru/SusiOrSushi.html, www.susi.ru/SiOrShi3.html
- Сорокин Ю.А. Лакуны: ещё один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2003.
- Стернин И.А. Концепт и значение. – http://sternin.adeptis.ru/articles2_rus, 2007.
- Топер В.М. Из архива редактора // Мастерство перевода. 1966. – М., 1968.
- Тувим Ю. Несколько слов касательно оперетты / Пер. с польского А. Эппеля // Иностранная литература, 1975, №1.
- Уолш И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. – М.: Рус. язык, 1971.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. – М.: Сов. энци., 1934–1940.
- Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – Изд. 4-е. – М., 1983.
- Фёдоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и экономический словарь. – СПб.: Лимбус-Пресс, 1999.
- Флорин С. Муки переводческие. – М.: Высшая школа, 1983.
- Цвиллинг М.Я. Нет повести запутанней в природе, чем повесть о машинном переводе // «Мосты» №4 (24), 2009.
- Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. – М.: Междунар. отношения, 1978.
- Швейцер А.Д. Глазами переводчика. – М.: Стелла, 1996.
- Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973.
- Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.
- Шмидт П. Переводчик Гитлера. / Пер. с англ. Шестопаля Т.В. – Смоленск: Русич, 2001.
- Щерба Л.В. Предисловие ко 2-му изд. // Русско-французский словарь. – М.: Сов. энци., 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П.Р. Палажченко. К читателю этой книги</i>	3
Вопросы профессионалу	6

ОНОМАСТИКА

О пользе транслитерации.....	16
Шишкин против Siskins'a	28
Несобственные имена	42
Мой адрес – не «хаус» и не «стрит»	49
К вопросу о «полуантропонимах»	59

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Контекстуальный перевод и двуязычная лексикография.....	67
О «Лонгмане» бедном замолвите слово	73
Аргументы про документы.....	88
Приключения кофточки	90

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Слепая вавилонская рыбка	103
Наш перевод, вперёд лети! В лакуне остановка.....	127
«Ложный друг» оказался вдруг и не друг, и не враг, а так.....	156
Переводоведческие взгляды Юджина Найды.....	167
Непереводимость как плавательный пузырь	173

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ

Переводчик в сфере профессиональной коммуникации – что это такое?	177
Принципы предпереводного анализа текста на занятиях по переводу с русского языка на иностранный	182
О практике редактирования в подготовке переводчиков	186
Словарь в обучении переводу	192
Переводим на два языка одновременно	195

КРИТИКА ПЕРЕВОДОВ

Что можно сделать из конфетки	207
Хоть довинчивай	223

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД

Детская болезнь «размазни» в последовательном переводе	240
Сказочное пособие по устному переводу.....	257
Синхронный перевод с ангольского	262

ИЗ ЖИЗНИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Переводчик в эпицентре мировой катастрофы.....	268
В гостях у лучшего друга переводчиков всех времён и народов	282

ПЕРЕВОД В КИНОЗЕРКАЛЕ

Носители совершенства	296
Трагедия таланта.....	304
Так что же упустила переводчица в «трудностях перевода»?.....	313

ЕСЛИ МОЖНО ТАК ВЫРАЗИТЬСЯ

Иногда они переводятся.....	319
Переводизмы	332
Так не говорят по-русски	344

ОТВЕТЫ И СОВЕТЫ

357

СОЧИНЕНИЯ ВИКТОРА КАРБОЛКИНА

Борьба с сепулькой	379
Чем питаются черви	385
Маршалы без лампасов.....	387
Жанром по гендеру.....	388
<i>Справочные сведения</i>	391
<i>Библиография</i>	394

Дмитрий Иванович Ермолович

Словесная механика

Избранное о языке, переводе и культуре речи

Вступительная статья

Павла Руслановича Палажченко

Ответственный редактор В.Р. Колесниченко

Редактор Н.Г. Богомолова

Корректор А.А. Смирнова

Компьютерная вёрстка Д.И. Ермоловича

Подписано в печать 18.10.2012 г. Формат 60x90 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 25,0 п.л. Тираж 500 экз.

Заказ № К-9563.

ООО «Р.Валент». 125009, Москва, Брюсов пер., д. 8-10, стр. 1, под. 3.

Тел.: (495) 692 39 70, 979 63 91

www.rvalent.ru rvalent@yandex.ru

Отпечатано в ГУП Чувашской Республики «ИПК «Чувашия»

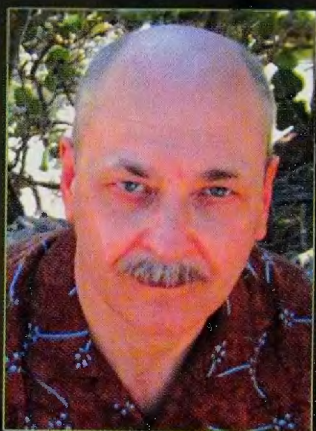
Мининформполитики Чувашии,

428019, Чувашская Республика, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

Адрес электронной почты Д.И. Ермоловича:

proper_names@yahoo.com

Персональный сайт: <http://yermolovich.ru>

Дмитрий Иванович Ермолович

лингвист, лексикограф, теоретик перевода и практикующий переводчик-синхронист.

Доктор филологических наук, профессор Московского лингвистического университета.

Автор большого числа научных и научно-популярных трудов по переводоведению, ономастике и другим разделам лингвистики, ряда учебных пособий по переводу и словарей.

Один из основателей и член редколлегии профессионального журнала переводчиков «Мосты», выходящего с 2004 г.

Основной автор и главный редактор фундаментального «Нового Большого русско-английского словаря» (2004—2008), а также автор «Иллюстрированного англо-русского словаря персоналий» (2012) и целого ряда других словарей, в том числе словаря Russian Practical Dictionary (Russian-English/English-Russian), изданного в 2011 г. в США.

П.Р. Палахченко:

«Д.И. Ермолович – один из тех, кто определяет лицо профессии. Будучи практиком, он – выдающийся теоретик перевода, лингвист, лексикограф. Это сочетание – при высочайшем уровне достижений в каждой области – представляется мне уникальным».

ISBN 978-5-93439-430-2

9 785934 394302